

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

*History,
Arheology
and Ethnography
of the Caucasus*

**Т. 17
№ 3. 2021**

**Издание
Института
истории, археологии
и этнографии
Дагестанского
федерального
исследовательского
центра
РАН**

ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

HISTORY, ARCHEOLOGY
AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Т. 17
№ 3. 2021

Махачкала, 2021

Учредитель: ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
Издается по решению Ученого совета Института истории, археологии и этнографии ДИЦ РАН с 2005 г.
(ранее Вестник Института истории, археологии и этнографии. Свид. о рег. ПИ № ФС77-49956).
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72534 от 28 марта 2018 г.
Периодичность: 4 выпуска в год.

Главный редактор

Амирханов Хизри Амирханович,
Институт археологии РАН, Россия

Первый заместитель главного редактора

Далгат Эльмира Муртузалиевна,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Заместитель главного редактора

Мусаева Майсарат Камиловна,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Редакционный совет

Аликберов Аликбер Калабекович, Институт востоковедения РАН, Россия
Булатов Башир Булатович, Дагестанский государственный университет, Россия
Деревянко Анатолий Пантелевич, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Россия
Каймаразов Гани Шихвалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН, Россия
Кемпер Михаэль, Университет Амстердама, Нидерланды
Мацузато Кимитака, Токийский университет, Япония
Мусеибли Наджаф Алескер оглу, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук
Азербайджана, Азербайджан
Мустафаев Шаин Меджид оглы, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной
академии наук Азербайджана, Азербайджан
Наумкин Виталий Вячеславович, Институт востоковедения РАН, Россия
Рейнольдс Майкл, Принстонский университет, США
Ченсинер Роберт, Оксфордский университет, Великобритания

Редакционная коллегия

Абдулмажидов Рамазан Султанович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН, Россия
Абдулвахабова Бирлант Борз-Алиевна, Чеченский государственный университет, Россия
Adamczewski Przemyslaw, the Institute of Political Studies of the Polish Academy of Sciences, Польша
Alizadeh Karim S, Государственный Университет Гранд-Велли, Мичиган, США
Аникеева Татьяна Александровна, Институт востоковедения РАН, Россия
Анчабадзе Юрий Дмитриевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Аракелова Виктория Александровна, Российско-Армянский (Славянский) Университет, Армения
Бабаджанов Бахтияр Мираимович, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии Наук
Республики Узбекистан, Узбекистан
Барамидзе Цира Ревазовна, Институт кавказоведения Тбилисского государственного университета, Грузия
Бобровников Владимир Олегович, Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия
Бустанов Альфрид Кашафович, Амстердамский университет, Нидерланды
Гаджиев Муртазали Серажутдинович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН, Россия
Гванцеладзе Теймураз Ионович, Сухумский государственный университет, Грузия
Гелашвили Нана Георгиевна, Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили

Досымбаева Айман Медеубаевна, Таразский государственный университет им. М.Х. Дулати, Казахстан
Зиливинская Эмма Давидовна, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Россия
Капустский Михаил Михайлович, French National Centre for Scientific Research, Франция
Капустина Екатерина Леонидовна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия
Квициани Джони Джокиевич, Тбилисский государственный университет, Грузия
Кудаева Светлана Григорьевна, Майкопский государственный технологический университет, Россия
Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Максимчик Андрей Николаевич, Белорусский государственный университет, Белоруссия
Малашев Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, Россия
Марзоев Ислам-бек Темурканович, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН, Россия
Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, Россия
Муминов Аширбек Курбанович, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
Obrusanzky Borbala, Karoli Gaspar University, Венгрия
Осмаев Аббаз Догиевич, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Россия
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Германия
Rodrigue Barry H, Международный Университет Симбиоза, Индия
Сулейманова Севда Алиевна, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Табатабайи Сейед Хусейн, Восточноевропейский департамент Организации культурных и исламских связей Исламской Республики Иран, Иран
Таймазов Артур Исрапилович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Текуева Мадина Анатольевна, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Россия
Тетуев Алим Инзрелович, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Россия
Шихалиев Шамиль Шихалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Эрлих Владимир Роальдович, Государственный музей Востока, Россия
Ярлыкапов Ахмет Аминович, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ, Россия

Исполнительный директор

Мусаев Махач Абдулаевич
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Ответственный секретарь

Капанова Лейла Шамильевна
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Переводчик

Сефербеков Магомедхабиб Русланович
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

На обложке изображен элемент народного орнамента Дагестана
Ответственность за высказывания, точность цитат, фактов, названий и имен несут авторы
Мнение редакции может не всегда совпадать с точкой зрения авторов
При использовании материалов журнала ссылка обязательна

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021
© Все авторы, Т. 17. №3. 2021

Founder: Daghestan Federal Research Centre of RAS
Issued by decision of the Academic Council
of the Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC RAS since 2005
(formerly as Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. Reg. cert. PI N^o FS77-49956)
The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media (ROSKOMNADZOR)
Registration certificate PI N^o FS77-72534 of March 28, 2018
Periodicity: 4 issues per year

Editor-in-Chief

Khizri A. Amirkhanov

The Institute of Archeology of RAS

Vice Editor-in-Chief

Elmira M. Dalgat

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Deputy Editor-in-Chief

Maysarat K. Musaeva

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Editorial council

Alikber K. Alikberov, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation

Bashir B. Bulatov, Daghestan State University, Russian Federation

Anatoliy P. Derevyanko, The Institute of archaeology and ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation

Gani S. Kaymarazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Michael Kemper, University of Amsterdam, Netherlands, Netherlands

Kimitaka Matsuzato, University of Tokyo, Graduate Schools for Law and Politics, Japan

Nadzhaf A. Museibli, Azerbaijan National Academy of Science, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan

Shain M. Mustafaeov, Z. Bunyatov Institute of Oriental Studies Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan

Vitaliy V. Naumkin, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation

Michael A. Reynolds, The Princeton University, United States

Robert Chenciner, University of Oxford, United Kingdom

Editorial board

Ramazan S. Abdulmazhidov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Birlant B. Abdulvakhobova, Chechen State University, Russian Federation

Karim S. Alizadeh, Grand Valley State University, Michigan, United States

Przemyslaw Adamczewski, the Institute of Political Studies of the Polish Academy of Sciences, Poland

Tat'yana A. Anikeeva, Institute of Oriental studies, Russian Federation

Yuriy D. Anchabadze, The N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation

Viktoriya A. Arakelova, Russian – Armenian University, Armenia

Bakhtiyar M. Babadjanov, The Institute of Eastern studies of Academy of Science of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan

Tsira R. Baramidze, Institute of Caucasiology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia

Vladimir O. Bobrovnikov, The Institute of Eastern studies of RAS, Higher School of Economics, National Research University Saint Peterburg, Russian Federation

Alfrid K. Bustanov, University of Amsterdam, Netherland

Murtazali S. Gadzhiev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Teimuraz I. Gvantseladze, Sukhumi State University, Georgia

Nana G. Gelashvili, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia

Aiman M. Dossymbayeva, M.Kh. Dulaty Taraz State University, Kazakhstan

Emma D. Zilivinskaya, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation
Michel M. Kazanski, French National Centre for Scientific Research, France
Ekaterina L. Kapustina, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, Russian Federation
Jony J. Kvitsiany, Institute of Caucasology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Svetlana G. Kudaeva, Maikop State Technological University, Russian Federation
Magomedkhan M. Magomedkhanov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Andrey N. Maksimchik, Belarusian state University, Belarus
Vladimir Y. Malashev, The Institute of Archeology Russian Academy of Science, Russian Federation
Islam-bek T. Marzoev, V.I. Abaev North Osetian Institute of Humanitarian and Social Research of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Anna V. Mastykova, The Institute of Archeology RAS, Russian Federation
Ashirbek K. Muminov, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
Borbala Obrusanszky, Karoli Gaspar University, Hungary
Abbaz D. Osmaev, The H.I. Ibrahimov Complex Scientific Research Institute of RAS, Russian Federation
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Rodrigue Barry H, Symbiosis International University, India
Sevda A. Suleymanova, Bunyatov Z. Institute of Oriental Studies of the Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Seyed Hussein Tabatabayi, Eastern European Department Of the organization of cultural and Islamic relations of the Islamic Republic of Iran, Iran
Artur I. Taymazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Madina A. Tekueva, H.M. Berbekov the Kabardino-Balkaria State University, Russian Federation
Alim I. Tetuev, Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Shamil' S. Shikhaliev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Vladimir R. Erlikh, State Museum of Oriental Art, Russian Federation
Akhmet A. Yarlykapov, MGIMO University, Russian Federation

Managing Director

Makhach A. Musaev
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Responsible Secretary

Leyla S. Kaplanova
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Translator

Magomedkhabib R. Seferbekov
The Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The cover image depicts an element from Daghestan's folk art tradition
Responsibility for statements, accuracy of citations, titles and names rests with the authors
The opinion of publishing authors may not always coincide with the opinion of the editorial staff
If using materials from this journal, an electronic link is required

В этом номере:

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

<i>Шехмагомедов М.Г.</i>	КРИТИКА ЛЖЕШЕЙХСТВА В ДАГЕСТАНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧ. XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ СОЧИНЕНИЯ ХАСАНА-ХИЛМИ АЛ-КАХИ «ДУРРА АЛ-БАЙДА’ ФИ РАДДИ-Л-БАДА’ ВА-Л-АХВА’»)	558
<i>Абдулмажидов Р.С., Алибеков Х.Г.</i>	ПОЛЕМИКА ДАГЕСТАНСКИХ БОГОСЛОВОВ О ПРАВИЛАХ СОВЕРШЕНИЯ МОЛИТВЫ ТАРАВИХ В КОНЦЕ XIX – НАЧ. XX ВВ.	568
<i>Магарамов Ш.А.</i>	ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРСИДСКОГО ПОХОДА ПЕТРА ВЕЛИКОГО 1722-1723 гг. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЙ (К 300-ЛЕТИЮ ПОХОДА)	581
<i>Кайтуков Г.Б.</i>	ОРГАНИЗАТОРСКАЯ РАБОТА ВОЕННЫХ ОТДЕЛОВ ПАРТИЙНЫХ КОМИТЕТОВ ВКП (Б) СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)	606
<i>Хубулова С.А.</i>	ТРАНСФОРМАЦИЯ «ДЕТСКОГО МИРА» В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ ЧАСТИ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР	623

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Амирханов Х.А.</i>	ФОРМИРОВАНИЕ, ТАФНОМИЯ И ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО СЛОЯ ЧОХСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ: ВЗГЛЯД ПОЛВЕКА СПУСТЯ	638
<i>Фараджева М.Н.</i>	О ДАТИРОВКЕ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ГОБУСТАНА (АЗЕРБАЙДЖАН)	658
<i>Гаджиев М.С.</i>	ПОДЗЕМНОЕ КРЕСТООБРАЗНОЕ СООРУЖЕНИЕ В ЦИТАДЕЛИ ДЕРБЕНТА: ЦЕРКОВЬ ЛИ? PRO ET CONTRA	684

ЭТНОГРАФИЯ

<i>Гуляева Е.Ю.</i>	НЕИЗВЕСТНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАВКАЗА: ЛЮДМИЛА ФИЛИППОВНА ВИНОГРАДОВА (1904–1985)	721
<i>Андреева Ю.О.</i>	РЕЛИГИОЗНОЕ СООБЩЕСТВО МОЛОКАН В СОВРЕМЕННОЙ АРМЕНИИ	735

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Мхитарян Г.Ж.</i>	РЕЦЕНЗИЯ: ХАПИЗОВ Ш.М., ШЕХМАГОМЕДОВ М.Г., ИБРАГИМ-ХАДЖИ ИЗ УРАДЫ (1701-1770) И ЕГО ЭПОХА: ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И ЖИЗНИ. МАХАЧКАЛА, 2021. ISBN 978-5-6045929-0-8	751
----------------------	--	-----

Contents:

MATERIALS AND RESEARCHES

HISTORY

<i>Shekhmagomedov M.G.</i>	“FALSE SHEIKH” CRITIQUE IN DAGESTAN IN THE END OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF THE WORK OF HASAN-HILMI AL-KAKHI “DURRA AL-BAYDA’ FI RADDI-L-BADA’ WA-L-AHWA”)	558
<i>R.S. Abdulmazhidov, H.G. Alibekov</i>	THE DISPUTE OF DAGESTAN THEOLOGIANS OVER THE RULES OF PERFORMING THE TARAWIH PRAYER IN THE LATE 19 – EARLY 20TH CENTURIES	568
<i>Sh.A. Magaramov</i>	HISTORIOGRAPHY OF THE PERSIAN CAMPAIGN OF PETER THE GREAT 1722-1723 AND ITS RESULTS (TO THE 300TH ANNIVERSARY)	581
<i>Georgiy B. Kaitukov</i>	ORGANIZATIONAL WORK OF THE MILITARY DEPARTMENTS OF THE PARTY COMMITTEES OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY OF THE NORTH OSSETIAN ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR	606
<i>Svetlana A. Hubulova</i>	TRANSFORMATION OF THE “CHILDREN’S WORLD” DURING THE OCCUPATION OF PART OF THE NORTH OSSETIAN ASSR	623

ARCHEOLOGY

<i>Hizri A. Amirkhanov</i>	FORMATION, TAPHONOMY AND DATING OF THE NEOLITHIC LAYER OF THE CHOKH SETTLEMENT: DATA REVISION	638
<i>Malakhat N. Farajova</i>	ABOUT DATING OF PETROGLYPHS OF GOBUSTAN (AZERBAIJAN)	658
<i>Murtazali S. Gadjeiev</i>	UNDERGROUND CRUCIFORM STRUCTURE IN DERBENT CITADEL: IS THE CHURCH? PRO ET CONTRA	684

ETHNOGRAPHY

<i>Evgenia Yu. Guliaeva</i>	UNKNOWN RESEARCHER OF THE CAUCASUS: LYUDMILA FILIPPOVNA VINOGRADOVA (1904-1985)	721
<i>Julia O. Andreeva</i>	RELIGIOUS COMMUNITY OF THE MOLOKANS IN CONTEMPORARY ARMENIA	735

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

<i>Goar Zh. Mhitaryan</i>	REVIEW: KHAPIZOV SH.M., SHEKHMAGOMEDOV M.G. IBRAHIM-HAJI FROM URADA (1701-1770) AND HIS ERA: STUDIES ON HISTORY AND LIFE. MAKHACHKALA, 2021. ISBN 978-5-6045929-0-8	751
---------------------------	---	-----

ИСТОРИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173558-567>

Шехмагомедов Магомед Гаджиевич

научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

shehmagomedov.magomed@yandex.ru

КРИТИКА ЛЖЕШЕЙХСТВА В ДАГЕСТАНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧ. XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ СОЧИНЕНИЯ ХАСАНА-ХИЛМИ АЛ-КАХИ «ДУРРА АЛ-БАЙДА' ФИ РАДДИ-Л-БАДА' ВА-Л-АХВА'»)

Аннотация: В статье на основе краткого источниковедческого анализа арабоязычного сочинения известного дагестанского суфийского шейха Хасана-хилми ал-Кахи «*Дурра ал-байда' фи радди-л-бада' ва-л-ахва'*» («Ослепительная жемчужина в опровержение новшеств и прихотей») раскрывается суть внутрисуфийской полемики, происходившей в Дагестане между представителями различных суфийских братств в конце XIX – первой трети XX в. Эта полемика выражалась во взаимной критике и обвинении некоторых суфийских деятелей в «лжешейхстве». Инициаторами полемики чаще всего выступали представители Махмудийской ветви накшбандийского братства, а их оппонентами были представители Халидийской ветви, которая на тот период была представлена наибольшим числом последователей. Одним из самых активных участников внутрисуфийской полемики стал накшбандийский шейх Хасан-хилми ал-Кахи. В сочинении «*Дурра ал-байда' фи радди-л-бада' ва-л-ахва'*» ал-Кахи впервые выступил с резкой критикой в адрес некоторых дагестанских суфиев, которые, по его мнению, не имея соответствующей инвеституры, неправомерно занимаются наставнической деятельностью и тем самым дискредитируют суфийское учение. Там же ал-Кахи впервые предпринял попытку классифицировать «дагестанских лжешейхов». Этой проблеме он посвятил еще несколько своих более поздних произведений, в которых обобщил и дополнил свои идеи, при этом его позиции по некоторым вопросам и сама риторика довольно сильно меняются. Критика ал-Кахи вызвала ответную реакцию со стороны его оппонентов. Указанная проблема также нашла отражение в арабоязычных полемических сочинениях других дагестанских суфийских авторов того периода. Исследование данного вопроса является важной частью изучения истории распространения и развития суфизма в Дагестане.

Ключевые слова: суфизм; накшбандийа; ал-Кахи; критика; лжешейхство; полемика; Дагестан.

HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173558-567>

Magomed G. Shekhmagomedov

Researcher

Institute of History, Archeology and Ethnography

Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

shehmagomedov.magomed@yandex.ru

“FALSE SHEIKH” CRITIQUE IN DAGESTAN IN THE END OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF THE WORK OF HASAN-HILMI AL-KAKHI “DURRA AL-BAYDA’ FI RADDI-L-BADA’ WA-L-AHWA”)

Abstract. Based on a brief source analysis of an Arabic-language work of a prominent Dagestan Sufi sheikh Hasan-Hilmi al-Kakhi “Durra al-bayda’ fi raddi-l-bada’ wa-l-ahwa” (A shining pearl for refutation of innovations and whims), the article reveals the essence of an inter-Sufi dispute between the followers of different Sufi brotherhoods, which took place in Dagestan in the end of the 19th – early 20th centuries. This dispute was expressed in mutual criticism and accusations of some Sufi figures of being “false sheiks”. The polemics were mainly initiated by the representatives of the Mahmudiyya branch of the Naqshbandi brotherhood; their opponents were the representatives of the Khalidiyya branch, which at that time amounted the largest number of followers. One of the most active participants in the inter-Sufi polemics was the Naqshbandi sheikh Hasan-Hilmi al-Kakhi. In his work “Durra al-bayda’ fi raddi-l-bada’ wa-l-ahwa” al-Kakhi strongly criticizes some Dagestani Sufis, who, in his opinion, illegally engage in mentoring activity without the appropriate investiture, and thereby discredit the Sufi teaching. In the same work, al-Kakhi first attempted to classify the “Dagestani false sheikhs.” He devoted several more of his later works to this issue, in which he generalized and supplemented his ideas, while his positions on some issues and the rhetoric itself changed greatly. Al-Kakhi’s criticism provoked a backlash from his opponents. This problem was also reflected in the Arabic-language polemical works of other Dagestan Sufi contemporaries. The study of this issue is an important part in revealing the history of the spread and development of Sufism in Dagestan.

Keywords: Sufism; Naqshbandiyya; al-Kakhi; criticism; false sheikhs; polemics; Dagestan.

Период, начиная с 20-х гг. XIX в. до первой трети XX в., ознаменовался бурным развитием суфизма на территории Северного Кавказа, в частности в Дагестане, где различные суфийские братства последовательно наращивали свое влияние. На начальном этапе народно-освободительное движение горцев Северного Кавказа проходило под флагом мюридизма, и одним из его идейных вдохновителей и тарикатским наставником первого имама Дагестана и Чечни Газимухаммада ал-Гимрави (ум. 1832) был известный накшбандийский шейх Мухаммад ал-Йараги (ум. 1838). Однако еще в самом начале указанного периода наметилось противостояние между представителями различных суфийских ветвей, которое зачастую проявлялось в виде богословской полемики, находившей свое отражение в трудах суфийских авторов. Многие из этих внутрисуфийских источников были выявлены сравнительно недавно, и на сегодняшний день лишь малая часть из них изучена. Большинство этих ценных источников до сих пор не становилось объектом специального исследования, хотя важность их для освящения обозначенной проблематики трудно переоценить.

Внутрисуфийское противостояние заключалось во взаимных претензиях между представителями различных суфийских братств, когда одни оспаривали право других вести наставническую деятельность. По мнению некоторых специалистов, истоки полемики и взаимной критики между дагестанскими суфиями берут свое начало в первой половине XX в. [1; 2], или же вообще наметились лишь в советский период [3]. Однако, на наш взгляд, эта проблема была актуальна в местной суфийской среде еще с первой половины XIX в. Так, между известным суфийским шейхом, наставником и тестем имама Шамиля Джамалуддином ал-Газигумуки (ум. 1866) и другим религиозным деятелем и суфием Ташав-хаджи ал-Индири (ум. 1845–1846) произошел известный конфликт. Причиной тому, согласно посланию (*рисала*) под названием «Многочисленные вопросы из отдаленных мест», адресованного Ташав-хаджи шейху Джамалуддину ал-Газигумуки, стала борьба за сферу влияния. Когда он захотел направить одного из своих преемников для наставления мюридов в регион, где этим уже занимался Ташав-хаджи, последний решительно выступил против, утверждая, что шейх Мухаммад ал-Йараги выдал ему «абсолютное разрешение» (араб. *иджаза мутлака*) на воспитание мюридов вплоть до крепости Анапа [4, с. 63].

В дальнейшем, по мере распространения суфийских сетей на территории Дагестана, идеологические расхождения между представителями различных суфийских братств, конкурировавших друг с другом за сферу влияния стали лишь усугубляться. Богословская полемика в основном происходила между представителями ветви Накшбандийа-Халидийа, которая занимала лидирующее положение в Дагестане по числу своих последователей с 60-х гг. XIX в., и представителями другой накшбандийской ветви Халидийа-Махмудийа, которая начала распространяться на территории Дагестана чуть позднее, через преемников известного суфийского шейха Махмуда ал-Алмали¹ (1810–1877).

1 Из селения Алмалы, ныне в составе Кахского района Республики Азербайджан.

Соперничество между двумя ветвями братства началось, когда шейх Махмуд ал-Алмали попытался найти себе учеников в авароязычных районах Центрального и Северного Дагестана. Тогда ему действительно удалось привлечь к себе некоторых суфиев, изначально принадлежавших к дагестанской ветви Халидийа, восходящей через Абдуррахмана ас-Сугури к Джамалуддину ал-Газигумуки [5, с. 28]. Пик этого противоборства приходится на период от самого конца XIX в. до 30-х гг. XX вв. Именно этим периодом датируется большинство полемических трудов дагестанских суфиев [6, с. 24]. Причем инициаторами критики чаще всего выступали именно приверженцы ветви Махмудийа. Например, на обвинения в «лжешейхстве» накшбандийским шейхом Шуайбом ал-Багини² (ум. 1911) другого известного дагестанского суфия и мухаджира Шарапуддина ал-Кикунни³ (ум. 1936) его последователь Мухаммад ал-Хабши⁴ написал небольшое послание под названием «*Макалат ал-валийи ал-Хабши Мухаммад б. Ахмад ли масаили ал-'ариф Шуа'иб афанди ал-Багини*» («*Высказывания вали Мухаммада сына Ахмада ал-Хабши на вопросы ариффа Шуайба-эфенди ал-Багини*») [1, с. 174].

Именно Шуайб ал-Багини был одним из первых, кто обрушился с критикой в адрес «лжешейхов» в своем арабоязычном сочинении «*Табакат ал-хваджакан ан-накибандиййа ва-с-садат машаих ал-халидиййа ал-махмудиййа*» («*Поколения накшбандийских наставников и шейхов братства Халидийа-Махмудийа*»). Указанное сочинение ал-Багини написано в характерном для мусульманской литературы жанре «*табакат*» (жизнеописание личностей), в данном случае в жанре суфийского «*табакат*» (*табакат ал-хваджакан*), представляющего собой хронологически упорядоченное описание биографий шейхов из священной цепи духовной преемственности братства Халидийа-Махмудийа. В своем сочинении автор делит шейхов Дагестана на три категории, один параграф работы посвящен тем, кто необоснованно претендует на шейхство. По словам Шуайба ал-Багини, «многие из них не имеют ни знаний, ни наставника, ведущего по правильному пути, и в то же время они наставляют других в тарикате, и таких следует причислить к лжешейхам» [7, с. 38]. Дальнейшее развитие идеи Шуайба ал-Багини получили уже в произведениях его преемника (*ма'зун*), выдающегося дагестанского суфия, шейха Хасана-хилми сына Мухаммада ал-Кахи (1852–1937 гг.)⁵.

Хасан-хилми ал-Кахи был одним из наиболее ярких представителей мусульманской духовной элиты дореволюционного Дагестана. Его перу принадлежит наибольшее число трудов по суфизму [8, с. 80]. Особое место в богатом творческом наследии Хасана-хилми ал-Кахи занимает именно проблема «лжешейхства». Этой теме ал-Кахи посвятил ряд своих трудов, в том числе «*ал-Джавхара ан-нафиса фи ат-тарика ан-накибандиййа*» («*Драгоценный жемчуг в поддержку накшбандийского тариката*») и наиболее известное из его трудов

2 Из селения Багини, ныне в составе Чародинского района Республики Дагестан.

3 Из селения Кикунни, ныне в составе Гергебильского района Республики Дагестан.

4 Из сел.Хабши, ныне в составе Буйнакского района Республики Дагестан.

5 Из сел. Кахиб, ныне в составе Шамильского района Республики Дагестан.

«Танбих ас-саликин ила гурур ал-муташайихин» («Предостережение вступившим на путь [познания] от обмана лжешейхов») [9].

Данное исследование представляет собой краткий источниковедческий обзор еще одного произведения ал-Кахи под названием «ад-Дуррат ал-байда фи радди ал-бида' ва-л-ахва'» («Ослепительная жемчужина в опровержение новшеств и прихотей») [10], которое также было посвящено критике «лжешейхства». Это относительно небольшое по объему сочинение до недавнего времени было известно лишь крайне ограниченному кругу читателей. Одна из причин этому, на наш взгляд, наличие более поздних и фундаментальных трудов ал-Кахи, посвященных критике «лжешейхства», в том числе упомянутое сочинение «Танбих ас-саликин или гурур ал-муташайихин». Причем это самое объемное и популярное из его произведений, составление которого, согласно колофону автографа сочинения, было завершено автором в начале 1907 г., тогда как сочинение «ад-Дуррат ал-байда' фи радди ал-бида' ва-л-ахва'», было написано им еще в начале 90-х гг. XIX в.

Сочинение «ад-Дуррат ал-байда' фи радди ал-бида' ва-л-ахва'» представляет особый интерес как одно из первых из трудов Хасана-хилми ал-Кахи, самого активного и «плодотворного» участника богословской полемики, происходившей в суфийской среде Северного Кавказа в указанный период. Интерес к сочинению заключается в том, что идеи ал-Кахи, впервые изложенные в его сочинении «ад-Дуррат ал-байда' фи радди ал-бида' ва-л-ахва'», были им обобщены и нашли свое отражение в более поздних работах автора, посвященных критике «лжешейхов». При этом обращает на себя внимание то, что некоторые взгляды и оценки ал-Кахи с течением времени довольно сильно меняются, иногда диаметрально. К примеру, в сочинении «ад-Дуррат ал-байда' фи радди ал-бида' ва-л-ахва'», ал-Кахи, вполне позитивно оценивая деятельность двух известных в Дагестане накшбандийских шейхов линии Халидийа Абдуррахмана-хадж ас-Сугури (ум. 1882 г.) и его преемника Ильяса ал-Цудакари (ум. 1904) и признавая их истинными шейхами, пишет: «Шейх Ильяс ал-Цудакари, который при жизни Абдуррахмана ас-Сугури стал его преемником, сказал в своей книге «Суллам ал-мюрид»: «Знайте, любимые братья и друзья, у моего наставника и опоры религии шейха Абдуррахмана-хаджи ас-Сугури имелось разрешение на наставничество от накшбандийских шейхов, а также шейхов кадирийского тариката» [9, с. 51–52]. Однако уже в сочинении «Танбих ас-саликин ила гурур ал-муташайихин» («Предостережение мюридов от обмана лжешейхов») ал-Кахи причисляет Абдуррахмана ас-Сугури к числу «лжешейхов», что, соответственно, ставит под сомнение и «легитимность» Ильяса ал-Цудакари как суфийского шейха.

Структурно «ад-Дуррат ал-байда' фи радди ал-бида' ва-л-ахва'» состоит из введения (*мукаддима*) и двадцати девяти глав (*абваб*). Каждая глава посвящена изложению одной позиции «лжешейхов» и последующему ее опровержению. Сочинение написано в жанре традиционной мусульманской полемической литературы (*радд*, мн.ч.-*рудуд*).

В вводной части ал-Кахи объясняет, что основной причиной, побудившей

его к написанию данного сочинения, стало то, что «истинные шейхи в Дагестане стали неприметны по той причине, что самозванцев (*муташайхун*) объявилось множество и таким образом, своей деятельностью они дискредитируют суфизм как учение» [9, с. 10]. По его мнению, «лжешейхов» интересует никак не наставление паствы, а другие более земные цели в виде личного обогащения или повышения собственного авторитета среди народа.

В своей работе ал-Кахи впервые делает попытку классифицировать дагестанских «лжешейхов». Автор перечисляет более десятка категорий «лжешейхов», которые ведут свою «преступную» деятельность в «селах и городах Дагестана». Перечисляя категории «лжешейхов», он исходит из принципа от частного к общему, не придерживаясь при этом каких-либо строгих критериев. Так, по словам ал-Кахи, некоторые из них утверждают, что их наставником является сам пророк Мухаммад, от которого они получают познания без всяких посредников, другие, что духовная субстанция какого-нибудь совершенного шейха дала ему разрешение на наставничество» [9, с. 10]. Еще одна категория «лжешейхов», согласно ал-Кахи, чтобы оправдать свою деятельность руководствуются собственными суждениями, утверждая, «что наставление заблудших является делом, восхваляемым в шариате, а его деятельность заключается именно в этом, и что нет в том никакого запрета».

Признавая, что среди неправоммерно занимающихся обучением мюридов, есть и те, кто в действительности получили право на наставничество от своего шейха, ал-Кахи, однако, указывает на то, что таковые зачастую обучают не так как это делал их наставник, дают задания (*вирд*) ученикам по собственному усмотрению, не считаясь ни с какими нормами и правилами накшбандийского тариката.

Также в отдельную категорию «лжесуфиев» ал-Кахи включил тех, кто обучает своих мюридов «богопоминанию» (*зикр*) на расстоянии и тем самым нарушает один из главных принципов суфийского учения, согласно которому духовное обучение у шейха должно происходить очно.

В некоторых случаях чтобы показать суть «лжесуфиев», ал-Кахи приводит курьезные случаи, не раскрывая при этом личности действующих лиц. К примеру, автор описывает «чудотворства» одного «самозванца», который, по его словам, не имея разрешения от истинного наставника, выдавал себя за суфийского шейха, к тому же обладающего даром провидения: «И даже есть свидетели тому, что у одного из таких была жена, которая выходила встречать каждого, кто издалека приходил к ее мужу с намерением вступить в ряды мюридов. Она всячески препятствовала тому, чтобы пришедший без предупреждения заходил к шейху, объясняя это тем, что он не может его принять сразу, так как в данное время занят богослужением. Пока гость ждал приема, женщина расспрашивала его, разузнавая, откуда он прибыл, как его зовут, обучен ли он грамоте и так далее. Затем она тайком проходила в келью мужа и передавала ему все добытые ею сведения о мюриде. После чего «шейх» торжественно выходил встречать гостя, издалека приветствуя его и называя его по имени и отчеству,

указывая его село и восхваляя его знания. Изумленный гость, естественно, предполагал, что «шейх» узнал все о нем благодаря своему дару провидения и проникался к нему искренним почтением и убеждением, а затем рассказывал об этом чудесном случае на всех собраниях» [9, с. 14].

Ал-Кахи сетует, что из-за «лжешейхов» мусульмане в селах Дагестана, многие из которых «являются сведущими в науках и старательны в богослужении», становясь мюридами самозванцев, лишаются возможности «познания истины», которое могли бы получить, вступив на путь тариката под руководством истинных накшбандийских шейхов.

В контексте внутрисуфийской полемики было несколько вопросов, вокруг которых главным образом шла дискуссия. Естественно, важнейшим из них был вопрос духовной преемственности и получения наставнической инвеституры (*иджаза*) от шейхов, признанных во всем суфийском сообществе, и недозволённости заниматься наставнической деятельностью тем лицам, которые не имеют такой *иджазы*, причем обязательно в письменной форме. Именно этого принципа придерживались шейхи Махмудийской ветви, тогда как их оппоненты халидийские шейхи считали достаточным передачу *иджазы* в устной форме в присутствии свидетелей [11, с. 38]. В своем сочинении ал-Кахи также уделяет, этому вопросу особое внимание, прилагая все усилия для опровержения позиций «лжешейхов» и разоблачению их деятельности, которая, по его мнению, является преступной не только с точки зрения суфизма, но и в целом противоречит устоям шариата.

Опровергая позицию некоторых «лжесуфиев» о том, что разрешение на наставничество во сне им дал сам пророк Мухаммад, ал-Кахи приводит в качестве довода слова одного из самых авторитетных мусульманских богословов, автора известных трудов по суфизму ‘Абд ал-Ваххаба аш-Ша‘рани (ум. 1565 г.): «Если появятся таковые и скажут, что видели свет, переполнявший горизонт, и слышали голос, звучащий со всех сторон, который говорил: «Внемли тому, что повелевает тебе мой пророк и посланник», то они могут говорить правду, иначе такие люди наглые лжецы» [9, с. 28]. По мнению ал-Кахи, *иджаза* непосредственно от пророка Мухаммада – очень редкое явление, которого достойны лишь немногие. Учитывая факт всеобщего падения нравов среди своих современников, ал-Кахи подвергает сомнению вероятность общения их с пророком.

Чтобы придать дополнительный вес своим доводам по данному вопросу, ал-Кахи ссылается на заключения известных мусульманских правоведов, представляющих различные мусульманские правовые школы, таких как Ахмад ибн Хаджар ал-Хайтами (ум. 1567), Мухаммад ал-Фаси (ум. 1337), Ибн ал-Хаджа ал-Малики (ум. 1433) и других, которые также заключают, что «встреча при жизни с пророком Мухаммадом – исключительно редкое явление, и мало кто из живых этого удостоивается, особенно среди обладающих современными нравами» [9, с. 26].

Ссылаясь не только на суфийских авторов, но и на заключения некоторых известных мусульманских богословов-правоведов, ал-Кахи указывает, что проблема «лжешейхства» носит не только сугубо суфийский характер, но отчасти

касается правоведов и кадиев, в компетенцию которых входит «наставление заблудших».

Еще одной темой, вокруг которой было «сломано немало копий» в контексте внутрисуфийской полемики, стали разногласия по поводу формы поминания Бога (*зикр*). Некоторые дагестанские суфии, в основном относившие себя к линии Халидийа, допускали использование в ритуальной части громкого *зикра*, считая, что обучение тайному *зикру* неподготовленного мюрида является запретным с точки зрения накшбандиского тариката. Некоторые из этой же линии вообще выступали против посвящения неподготовленных людей в накшбандийский тарикат, считая это уделом избранных. Последователи линии Махмудийа, к которым относился ал-Кахи, напротив утверждали, что такая позиция не соответствует правилам накшбандийского тариката, согласно которому использование громкого *зикра*, то есть богопомятия совершаемого языком вообще, не практикуется. По словам ал-Кахи, «лжешейхи» придерживались такого воззрения лишь для своего прикрытия, будучи не в состоянии предъявить разрешение от истинных шейхов. Суфизм как учение, призванное лечить духовные недуги, предназначено в первую очередь именно простым обывателям, которым такие болезни присущи чаще всего. По его мнению, *аят* из Корана: «О те, которые уверовали! Поминайте Аллаха многократно и славьте Его утром и перед закатом»⁶, является главным доводом тому, что помянуть Аллаха может каждый правоверный мусульманин. При этом ал-Кахи обращает внимание читателей на то, что в данном *айате* Всевышний Аллах не сказал: «О, праведники, поминайте Аллаха».

Помимо опровержения позиций своих оппонентов, большое внимание ал-Кахи уделяет разъяснению вопросов, касающихся ритуальной практики, к которым, как отмечает известный востоковед Ш. Шихалиев, в конце концов сводилось основное содержание внутрисуфийской полемики. Большую часть сочинения богослов посвятил освещению основ суфийской обрядовой практики, которых, согласно его мнению, «абсолютно не придерживаются дагестанские «лжешейхи». Желая придать силу своим аргументам, каждый из них он подкрепляет ссылками на труды авторитетных суфийских авторов и призывает своего условного оппонента обратиться к этим источникам. Поэтому сочинение включает в себя огромное количество цитат и выражений, взятых из различных суфийских трудов. К примеру, довольно часто ал-Кахи, цитирует знаменитый труд имама Абу Хамида Мухаммада ал-Газали (ум. 1111г.) «*Ихйа 'улум ад-дин*» или сочинение «*ал-Минан ал-кубра*» известного средневекового мусульманского богослова и суфия Абд ал-Ваххаба аш-Ша'рани (ум. 1565 г.), причем зачастую с указанием томов и страниц цитируемого текста.

Помимо классических трудов суфийских авторов ал-Кахи часто ссылается на труды современников, в том числе известных татарских суфийских шейхов и богословов Мурада ар-Рамзи (ум. 1934) и Мухаммад Закира ал-Чистави (ум. 1893).

⁶ Коран. 14:33. Здесь и далее нами был использован перевод Корана выполненного Османовым М.-Н.О. См. Коран / Пер. с араб. комм. Османова М.-Н.О. 3-е изд., перераб., доп. СПб, 2010.

Особое внимание ал-Кахи придает мнению своих духовных наставников – известных дагестанских суфийских шейхов Абдуррахмана ал-‘Асали (ум. 1907), Шуайба ал-Багини и Сайфуллы-кади Башларова (ум. 1919). Указанные шейхи оказали огромное влияние на его творчество. Все они, являясь представителями ветви Махмудийа и распространяя свое влияние на территории Дагестана, вынуждены были вступать в полемику с представителями других ветвей. В этой связи для ал-Кахи было крайне важным мнение современников, особенно своих духовных наставников, и по завершении *«ад-Дурра ал-байда’ фи раддаш-шубах ва-л-ахва’»* он отправил свое сочинение на рецензию именно к ним, надеясь на самые лестные отзывы.

Однако, в отличие от своих духовных наставников, в том числе шейха Шуайба ал-Багини, Хасан-хилми ал-Кахи более категоричен и экспрессивен в своих оценочных суждениях и критике оппонентов, что вызывало ответную реакцию. В сочинении *«ал-Джавхара ан-нафиса фи и’анаат-тарика ан-накибандийа»* ал-Кахи указывает, что причиной его написания стал ответ некоего богослова Али-хаджи ал-‘Убухи⁷ на работу *«ад-Дурра ал-байда’ фи радд аш-шубах ва-л-ахва’»* [9, с. 275].

Не все работы вызывали реакцию, *«Танбих ас-саликин ила гурур ал-муташаййихин»* (*«Предостережение идущих по пути (муридов) от обмана лжесуфиев»*), составленное им гораздо позднее, осталось без ответа, несмотря на его тенденциозность и популярность самого ал-Кахи в религиозно-интеллектуальных кругах. Об этом, в частности, свидетельствует наличие большого количества рукописных копий указанного сочинения, в составе частных рукописных коллекций.

В целом, указанные произведения ал-Кахи, в том числе *«ад-Дурра ал-байда’ фи раддаш-шубах ва-л-ахва’»*, во многом определили дальнейший характер и содержание богословской полемики, происходившей в Дагестане между представителями различных суфийских братств в начале XX в. В своем сочинении ал-Кахи обозначил наиболее острые дискуссионные темы в контексте указанной полемики.

Подробный анализ произведений ал-Кахи, в том числе его сочинения *«ад-Дурра ал-байда’ фи радд аш-шубах ва-л-ахва’»*, помогает лучше понять процессы, протекавшие в религиозной жизни мусульман Северного Кавказа в поздний имперский период, а также в период установления советской власти. Кроме того, как отмечает З. Ибрагимова, рассуждения о правомочности духовных наставников, различные дискуссионные вопросы о легитимности тех или иных положений в исламе продолжают быть основными темами богословского диспута и в настоящее время [2, с. 38]. Поэтому изучение именно местных арабоязычных источников по указанной проблематике, в частности внутрисуфийского происхождения, со временем только обретают свою актуальность.

7 Из с. Обох, ныне в составе Гунибского района Республики Дагестан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. *Ибрагимова З.Б.* Дискурс дагестанских богословов по проблеме «лжешейхства». Краткий экскурс в историю вопроса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – С. 176–179.
2. *Ибрагимова З.Б.* Продолжение богословской полемики начала XX в. в дагестанских арабографических сочинениях советского периода // История, археология и этнография Кавказа. – 2018. – Т. 14. – № 3. – С. 34–39.
3. *Роцин М.Ю.* Современный суфизм в Дагестане // Отечественные записки. 2003. № 5(14). [Internet]. (дата обращения 23.02.2021) Доступно по ссылке: <https://strana-oz.ru/2003/5/vozrozhdenie-sufizma-v-dagestane>.
4. *Ханмурзаев И.И., Кидирниязов Д.С.* К вопросу о датировке смерти шейха Ташава-хаджи ал-Индири // Исламоведение. – 2017. Т. 8. № 3. С. 61–70.
5. *Kemper M.* Khalidiyya Networks in Dagestan and the Question of Jihad // *Die Welt des Islams* (Leiden). 2002. Vol. 42. No. 1. P. 41-71.
6. *Абдулмажидов Р.С., Шехмагомедов М.Ш.* Апологетика и критика суфизма в Дагестане в начале XX века // Вестник Московского университета. Сер. Востоковедение. 2019. № 1. С. 23–38.
7. *Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш.* Чудотворство святых в дагестанском арабоязычном суфийском биографическом сочинении «Табакат ал-хваджакан ан-накшбандийа вас адат машаих ал-халидийа ал-махмудийа» Шуайба ал-Багини // Исламоведение. 2011. 4 (10). С. 37–43.
8. *Шихалиев Ш.Ш.* Дагестанская суфийская литература в XIX – начале XX. Краткий обзор. *PaxIslamica*. 2009. № 2 (3). С. 63–89.
9. *Хасан-хилми б. Мухаммад ал-Кахи.* Ад-Дурра ал-байда фи радди ал-бида' ва ал-ахва'. Махачкала, 2011. С. 412 (на араб.яз.)
10. *Хасан-хилми б. Мухаммад ал-Кахи.* Танбих ас-саликин ила гурур ал-муташаййихин. Дамаск, 1996. С. 448 (на араб.яз.)
11. *Шихалиев Ш.Ш., Закиров А.Д.* Духовные связи суфийских шейхов Зайнуллы Расулева и Сайфуллы-кади Башларова. Проблемы востоковедения. 2016. № 3 (73). С. 35–40.

1. *Ibragimova ZB.* Discourse of Dagestani theologians on the problem of “false sheikhs”. A brief introduction to the history of the issue. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*, 2017:176-179. (In Russ)
2. *Ibragimova ZB.* The continuation of the theological discourse of the early 20th century in the Dagestan arabographic works of the Soviet period [Prodolzhenie bogoslovskoi polemiki nachala KhKh v. v dagestanskikh arabograficheskikh sochineniyakh sovetskogo perioda]. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2018, 14(3): 34-39. (In Russ)
3. *Roshchin MYu.* Modern Sufism in Dagestan [Sovremennyi sufizm v Dagestane]. *Otechestvennye zapiski*. 2003, 5(14). Available from: <https://strana-oz.ru/2003/5/vozrozhdenie-sufizma-v-dagestane>. (In Russ)
4. *Khanmurzaev II, Kidirniyazov DS.* On the dating of the death of Sheikh Tashav-haji al-Indiri [K voprosu o datirovke smerti sheikha Tashava-khadzhi al-Indiri]. *Islamovedenie*. 2017, 8(3): 61-70. (In Russ)
5. *Kemper M.* Khalidiyya Networks in Dagestan and the Question of Jihad. *Die Welt des Islams*. Leiden. 2002, 42(1): 41–71.
6. *Abdulmashhidov RS, Shekhmagomedov MSh.* Apologetics and criticism of Sufism in Dagestan at the beginning of the 20th century [Apologetika i kritika sufizma v Dagestane v nachale XX veka]. *Bulletin of Moscow University. Oriental studies*. 2019, 1: 23-38. (In Russ)
7. *Musaev MA, Shikhaliev ShSh.* The miracles of the saints in the Dagestani Arabic-speaking Sufi biographical work “Tabakat al-khwajakan an-nakshbandiyya vas adat mashaykh al-khalidiyya al-mahmudiyya” by Shuayb al-Bagini [Chudotvorstvo svyatykh v dagestanskom araboyazychnom sufiiskom biograficheskom sochinenii «Tabakat al-khvadzhan an-nakshbandiia vas adat mashaikh al-khalidiia al-makhmudiia» Shuaiba al-Bagini]. *Islamovedenie*. 2011, 4(10): 37–43.
8. *Shikhaliev ShSh.* Dagestan Sufi literature in the XIX – early XX. Short review [Dagestanskaya sufiiskaya literatura v XIX – nachale XX. Kratkii obzor]. *Pax Islamica*. 2009, 2(3): 63-89.
9. *Hasan-hilmi b. Muhammad al-Kakhi.* *Ad-Durra al-bayda fi raddi al-bida' wa al-ahwa'*. Makhachkala, 2011:412. (in Arabic).
10. *Hasan-hilmi b. Muhammad al-Kakhi.* *Tanbih al-salikin ila gurur al-mutashayyikhin*. Damascus, 1996:448. (in Arabic).
11. *Shikhaliev ShSh, Zakirov AD.* Spiritual ties of Sufi sheikhs Zainulla Rasulev and Sayfulla-qadi Bashlarov [Dukhovnye svyazi sufiiskikh sheikhov Zainully Rasuleva i Saifully-kadi Bashlarova]. *Problems of Oriental Studies*. 2016, 3(73): 35–40.

Статья поступила в редакцию 01.04.2021 г.

Статья принята в печать 03.08.2021 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173568-580>

Ramazana S. Abdulmazzhidov
PhD (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
ramazana@yandex.ru

Khizri G. Alibekov
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala Russia
alibekovkhizri@gmail.com

THE DISPUTE OF DAGESTAN THEOLOGIANS OVER THE RULES OF PERFORMING THE TARAWIH PRAYER IN THE LATE 19 – EARLY 20TH CENTURIES

Abstract. The paper studies the theological discussion around the performing of the prayer *tarawih* in Dagestan at the turn of the 19-20th centuries. The background of the issue in question is given in the introduction, revealing the origins of this controversy. The study focuses on several original Arabic-language works written by Dagestani theologians. Two parties participated in the discussion: Muslim al-Uradi and Kebedmuhammad al-Bezhti on the one side, and Usman al-Tsakhuri and Iman-Ali al-Bezhti – on the other. The paper reveals in detail the key arguments given by the opponents who participated in the polemic. It is worth noting that the authors of the works show a high level of proficiency in Arabic and theological knowledge. The Arabographic polemical works of Dagestani theologians allow us to outline the range of controversial issues that at various times troubled the minds of the Muslims of Dagestan. The article provides a chronological development of the discussion of the theologians, as well as a general analysis of the content of each of the works. The works under study were written within the framework of the Arab-Muslim manuscript tradition, some of them being autographs. It was found that Dagestani theologians, who mainly positioned themselves as strict adherents of the Shafi'i legal school, in some cases allowed themselves quite free views and disputed the opinions of leading Shafi'i legal scholars, including Imam al-Shafi'i himself. Such a «liberalization» of views, in our opinion, is a consequence of the influence of the authoritative Dagestani legal scholar Muhammad al-Kuduki. The present study criticizes the «jadidocentric» approach in understanding the processes of the «Islamic reformation» that took place in Dagestan at the beginning of the 20th century.

Keywords: Dagestan; Islam; polemics; ijtiħad; taqlid; *tarawih* prayer; Shafi'i madhhab; Muslim al-Uradi; Usman al-Tsakhuri; Kebedmuhammad al-Bezhti; Iman-Ali al-Bezhti.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173568-580>

Абдулмажидов Рамазан Султанович

к.и.н., ведущий научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

ramazana@yandex.ru

Алибеков Хизри Гаджиевич

младший научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

alibekovkhizri@gmail.com

ПОЛЕМИКА ДАГЕСТАНСКИХ БОГОСЛОВОВ О ПРАВИЛАХ СОВЕРШЕНИЯ МОЛИТВЫ ТАРАВИХ В КОНЦЕ XIX – НАЧ. XX вв.

Аннотация. Статья посвящена исследованию богословской дискуссии вокруг совершения молитвы таравих в Дагестане на рубеже XIX–XX вв. В вводной ее части дается предыстория вопроса, раскрывающая истоки возникновения данной полемики. Основное внимание уделяется исследованию созданных дагестанскими учеными-богословами нескольких оригинальных арабоязычных сочинений. В полемике с одной стороны участвовали Муслим ал-Уради и Кебедмухаммад ал-Бежти, а с другой – Усман ал-Цахури и Иман-Али ал-Бежти. В статье подробно раскрываются основные доводы, которые приводили оппоненты, участвовавшие в исследуемой полемике. При этом авторы сочинений показали высокий уровень владения арабским языком и богословских знаний. Арабографические полемические сочинения дагестанских богословов позволяют очертить круг дискуссионных вопросов, которые в разное время волновали мусульман Дагестана. В статье дается хронологическое развитие исследуемой дискуссии ученых-богословов, а также представлен общий анализ содержания каждого из сочинений. Исследуемые сочинения созданы в рамках арабо-мусульманской рукописной традиции, часть из них являются автографами. Установлено, что дагестанские богословы, которые в основном позиционировали себя как строгие приверженцы шафиитской правовой школы, в некоторых случаях позволяли себе довольно свободные взгляды и оспаривали мнения ведущих шафиитских правоведов, в том числе самого имама аш-Шафии. Такая «либерализация» взглядов, на наш взгляд, является следствием влияния авторитетного дагестанского правоведа Мухаммада ал-Кудуки. Данное исследование подвергает критике «джадидоцентристский» подход в осмыслении процессов «исламской реформации», происходивших в начале XX века в Дагестане.

Ключевые слова: Дагестан; ислам; полемика; иджитihad; таклид; молитва таравих; шафиитский мазхаб; Муслим ал-Уради; Усман ал-Цахури; Кебедмухаммад ал-Бежти; Иман-Али ал-Бежти.

© Абдулмажидов Р.С., Алибеков Х.Г., 2021

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

Since the 17th century, discussions on various issues of Muslim law and religious practices have periodically arisen among the Dagestani theologians [1; 2; 3; 4; 5]. One of such polemics around the correct number of *raka'ats*¹ in the *tarawih* prayer unfolded at the turn of the 19-20th centuries. The *tarawih* prayer is a collective prayer performed at night during the holy month of Ramadan, during which Muslims observe fasting. The controversy in this issue dates back to the very beginning of the emergence of Islam, when the second Caliph, Umar ibn al-Khattab (d. 644) brought about changes in the rules of prayers *tarawih* different from how it was in the time of the Prophet Muhammad and the first Caliph of Islam Abu Bakr (d. 634). Since then, disputes over this issue have not subsided in Muslim theological circles, which, however, continue to this day.

Tarawih is a prayer that, according to the canons of Sharia, belongs to the category of *mandub* (Arabic: مندوب – a desirable action). For the first three nights, the Prophet Muhammad performed it with his companions in the mosque in the amount of eight *raka'ats*, and on the fourth night, he refused to perform it collectively, referring to the fact that «*he fears that this prayer will be imputed to you by the Almighty as mandatory*» [7, vol. 3, p. 45]. Then the companions continued to perform it individually or in small groups. This continued after the death of the Prophet, during the time of the first righteous Caliph Abu Bakr, as well as at the beginning of the reign of Umar ibn al-Khattab. Then, however, after the next onset of the month of Ramadan, the second righteous caliph, seeing the scattered groups of Muslims performing the *tarawih* prayer in the mosque, decided to gather them all in one collective prayer. The next night, he enjoined everyone to gather together in the mosque to perform the *tarawih* prayer under the guidance of Ubayy ibn Ka'ba (d. 649), one of the best reciters and experts of the Quran among the companions of the Prophet. The Caliph also gave instructions to perform it in the amount of twenty *raka'ats*. Seeing a single group of Muslims during the prayer, Umar uttered a phrase that later became widely known: «*How wonderful is this innovation (bid'a)!*» [7, vol. 3, p. 45]. Subsequently, these words of his became one of the main arguments for the introduction of innovations in Muslim law.

In most Dagestan mosques, although, according to the Shafi'i madhhab, the desirable performance of twenty *raka'ats* of the *tarawih* prayer is prescribed, for several centuries, it was customary to perform it in the amount of eight *raka'ats*. For this reason, at various times in Dagestan, theologians carried out heated debates about how to properly perform the *tarawih* prayer: in the amount of eight or twenty *raka'ats*, collectively in a mosque or at home separately? One of these discussions, which resulted in the creation of several original Arabic-language works, arose between Muslim al-Uradi (d. 1919) and Kebedmuhammad al-Bezhti (d. 1928) on the one hand, and Usman al-Tsakhuri and Iman-Ali al-Bezhti on the other.

At the end of the 19th century, in 1897, the prominent scholar-theologian Muslim al-Uradi received a letter from the Qadi Nurmuhammad, the son of a scholar Rasul-

1 A cycle of Muslim praying formulas recited in Arabic and accompanied by performing certain praying poses and movements [6, p. 256].

Afandi al-Ilisuvi, in which the addresser asked: «*What will you say, oh keen teacher Muslim al-Urdi, on performing the tarawih prayers eight raka'ats by Dagestanis? Is it better to perform it at eight raka'ats or twenty?*», to which Muslim al-Urdi replied that the more correct and justified way is the performing of eight *raka'ats*. In support of his viewpoint, he cited hadiths², in which it is reported that the Prophet performed exactly eight *raka'ats*. Al-Urdi also said that there is no reason to believe that the number of *raka'ats* in the *tarawih* prayer must necessarily be twenty. The action of Caliph Umar al-Khattab, according to al-Urdi, was his personal decision, which became a consequence of *ijtihad*³. And that if Muslims have a choice – to follow the tradition of the Prophet or the opinion of an individual companion, then it is necessary to choose the former.

Muslim al-Urdi believed the opposite view is based on a «weak» hadith, which reports that the Prophet Muhammad, after he and his companions performed eight *raka'ats* in the mosque, performed the remaining twelve at home. According to him, the use of a «weak» hadith is allowed by Muslim theologians only for performing «good deeds» (*fadail*). However, it is too weak (*shadid ad-da'f*) to rely on it even in such a sphere.

Al-Urdi cites many statements of Muslim theologians who supported the opinion that the *tarawih* prayer should consist of eight *raka'ats*. It should also be noted that he did not declare a prohibition for Muslims to perform the *tarawih* prayer in the amount of twenty *raka'ats*. He claimed that it is allowed, but it is better to limit yourself to eight, following the example of the Prophet Muhammad. According to him, for the performance of twenty *raka'ats*, a Muslim receives the same reward from God as for eight *raka'ats*, because the performance of this very number is based on following the Prophet Muhammad. This is more rewarding, despite the fact that there are fewer *raka'ats*, i.e. iterations of worship in this case. At the same time, Muslim al-Urdi also draws attention to the viewpoint of Imam al-Shafi'i himself, who urged not to follow his opinion if it is not based on reliable sources: «*Perhaps the opinion about the eight raka'ats belongs to the view of Imam al-Shafi'i, because he spoke like the other imams: «If there is a reliable hadith that contradicts my position, then firmly follow the hadith and discard my word.»*»⁴

At the end of his letter, al-Urdi once again reminds that the position of his opponents is based on their personal opinion, and not on the Quran and the Sunnah. He compares personal judgment (*ijtihad*) with a «carrion, which is resorted to only when there is an urgent need.»

2 Hadith – a legend about the words and deeds of the Prophet Muhammad concerning various aspects of the religious and legal life of the Muslim community.

3 The *ijtihad*, or *al-ijtihad* (Arabic. اجتهاد, Arab. الاجتهاد, lit. physical or mental effort) – the activities of a Muslim theologian in the study and solution of questions of a theological-legal complex system of principles, arguments, methods and techniques used in this theologian-mujtahid, and the degree of credibility of the scholar (mujtahid) in knowledge, interpreting and commenting on theological and legal sources [8, p. 91-92].

4 This, as well as the following letter from Sheikh Usman al-Tsakhuri, are included by al-Urdi in the contents of the work «The light of luminaires on the number of tarawih prayers», which will be discussed below. The work exists in two records of the autographs: one is stored in a private collection of Shikmagomedov M.G. in Makhachkala; the other, rewritten for Kebedmammad al-Bezhti, is stored in a private manuscript collection of one of his descendants – Abdulmashidov R.S. Hereinafter, translation in Arabic sources used in this article, is made by Alibekov Kh.G. and Abdulmashidov R.S.

After some time, al-Uradi received a letter from the sheikh of the Naqshbandi Tariqa, Usman al-Tsakhuri⁵. He was the successor of Sheikh Ahmad al-Talali (d. 1904)⁶. Usman al-Tsakhuri, who at that time had not yet been elevated to the rank of a Sufi sheikh, got acquainted with al-Uradi's answer to the question of Nurmukhammad al-Ilisuvi. Not agreeing with his opinion, he reproached Muslim al-Uradi for holding the correct opinion about eight *raka'ats*, while many Shafi'i theologians decided on twenty *raka'ats*. He also emphasized that even the famous theologian, an associate of Imam Shamil, Muhammadtahir al-Karahi (d. 1880) adhered to twenty *raka'ats*. It should be noted that the authors of all Dagestani works on the debated topic of the *tarawih* prayer, including al-Uradi, mention the personality of al-Karakhi and his position on this issue. This undoubtedly indicates the high authority of this great scholar, legal expert, and historian in Dagestan theological circles.

In his lengthy letter, al-Tsakhuri cites many statements of Shafi'i jurists about the desirability of performing exactly twenty *raka'ats* in the *tarawih* prayer. Turning to al-Uradi, he asks to explain the reason for the contradictions on this issue among Muslim scholars.

In response to this, al-Uradi repeats all the same statements that he has already told to Nurmukhammad al-Ilisuvi, but in a more detailed formulation. He again raises the topic of following the opinion of Prophet's companions. This issue has been and remains the subject of discussion of Muslim theologians for many centuries⁷. Muslim again points out that a separate opinion of a companion is not a final argument in Muslim law. As an example, he cites a case from the life of the third righteous Caliph Usman ibn Affan, when he introduced the rule of reading the second *azan*⁸ before the Juma, explaining that the population of Medina has increased and a single call

5 Usman al-Tsakhuri – the sheikh of the Naqshbandi Tariqa of the Khalidiyya-Mahmudiyya branch. His father Haji Hazrat-afandi was the successor of Sheikh Mahmud-afandi. Usman-afandi himself was a student of Sheikh Ahmad al-Talali and at the beginning of the third year of study with the sheikh (in June 1900), according to Shuaib-afandi, he received permission to mentor. Usman al-Tsakhuri was a respected theologian in his district. He is the author of the famous work «Tuhfat al-akhbab al-khalidiyya fi sharh al-qasida al-mahmudiyya / A gift to the beloved Khalidiyyans in the form of a commentary on the qasida dedicated to Mahmud». In 1913-14, at his own expense, he published the work in the printing house of M. Mavraev in Temir-Khan-Shura.

6 Ahmad al-Talali – an influential sheikh of the Naqshbandi Tariqa of the Khalidiyya-Mahmudiyya branch of the late 19-early 20th centuries. Originated from the Avar village of Tala near Dzhar (Tsor), now in the north of Azerbaijan. In the spring of 1866, he received permission for mentoring from Sheikh Mahmud-afandi. Two years later, he was sent into exile to Kharkov, and then to the Tula province «for having an extremely harmful influence» on society. A year and a half later, he returned from exile and went on his second pilgrimage to Mecca. On his return from Mecca, he visited Istanbul, where he had close relations with the son of Imam Shamil Gazimukhammad. The latter persuaded him to stay, and Sheikh al-Talali lived in Istanbul for eight years. Later he decided to return to his homeland, where he died on February 18, 1904. He was buried in the village of Ehedi Tala in the Zakatala district. [9, pp. 219-220].

7 This topic is touched upon by Muslim theologians in their works on the theory of law (*usul al-fiqh*). They, as a rule, have a separate section dedicated to it. The overwhelming majority of Sunni theologians came to the following conclusion: if the opinion of a companion is expressed on any issue in which *ijtihad* is not appropriate, i.e. the Sharia decree (*hukm shar'iy*) is established strictly according to the texts of the Quran and the Sunnah, then the opinion of the companion is an argument (*hujjah*) for other Muslims. It is assumed that the companion will not personally express his opinion in such matters, and his statement is a retelling of the opinion of the Prophet. If the companion speaks on any issue in which *Ijtihad* is appropriate, due to the lack of direct instructions in the texts of the Quran and Sunnah on the issue under study, then the statement of the companion is not an argument for other Muslims.

8 The *azan* is the call to prayer, which is loudly called out by the muezzin to notify Muslims about the time of the next ritual prayer [10, p. 40].

to prayer is not enough. Subsequently, most of the representatives of the Muslim theological schools (hanafis, malikis, hanbalis) supported Usman's innovation, but the shafites were inclined to the opinion that it is better to stick to one *azan*, following the example of the prophet Muhammad, and not his companions [11, vol. 2, p. 88; 12, vol. 2, p. 161; 13, p. 27; 14, vol. 2, p. 188]. According to Muslim, the case is the same with the *tarawih* prayer: it is necessary to take an example from the Prophet Muhammad and limit ourselves to performing eight *raka'ats* in the *tarawih* prayer.

In his response, al-Uradi also refers to the opinion of another Dagestani theologian, Hasan al-Alkadari: «*the practice of Dagestanis to limit themselves to performing eight raka'ats in the tarawih prayer is based on a solid foundation, and the opposite opinion is based on poorly reasoned statements.*»

Al-Uradi, citing the statements of famous Muslim theologians and legal experts on the topic under discussion, also examines such issues as *ijma*⁹, *qiyas*¹⁰, *ijtihad*, *taqlid*¹¹, etc. In defense of his argument, he provides an example of another additional *zuha*¹² prayer performed by Muslims before noon. Muslim reminds that the Shafi'i jurists claim that the maximum number of *raka'ats* of this prayer should be twelve, but at the same time they state that it is desirable to perform eight. In the same way, according to al-Uradi, the opinion of Shafi'i jurists about the need to perform twenty *raka'ats* in the *tarawih* prayer indicates the maximum admissible number, and not the preferred number, which, in their opinion, is the performance of eight *raka'ats*.

Assuming the possible objections of the opponent that the degree of *mujtahid* is necessary to draw such an analogy and use *qiyas*, al-Uradi replies that he does not use *qiyas*, but only fits several particular cases to one general rule. In order to find the difference between *qiyas* and adapting several individual cases under the same rule, Muslim offers to get acquainted with a number of books, among which is the known treatise of the Tatar theologian Shihabuddin al-Marzhani¹³ «Binoculars of the truth in the establishment of the mandatory night prayers, even if the crimson sunset is still there / ناظورة الحق في فرضيات العشاء وإن لم يغيب الشفق».

At the end of his reply, Muslim al-Uradi mentions the time, place and circumstances when writing the work: «*16 Rajab, AH 1316 (November 30, 1898) in the room at the mosque of the village of Bilkan¹⁴, when I worked there as a teacher.*» Later, he

9 Ijma is an agreement, a unanimous opinion (decision) of authoritative people on the issue under discussion, one of the sources of Muslim law (Fiqh). [8, p. 91].

10 Qiyas – lit. «measurement», i.e. the application of the established legal norm to a new case [15, p. 36].

11 Taqlid – («following», «imitation») – following the authority of the *mujtahid* of any madhhab in the development of particular issues of Fiqh [8, p. 222].

12 Zuha or Duha (Arab. ضحى – morning) – the prayer related to the category of «*nafil*», (Arab. نفل) – voluntary rituals for the worship of Allah). The time for the prayer begins approximately two hours after sunrise and continues until the beginning of the movement of the sun from the center of the sky to the west [10, p. 204-205].

13 Shigabudin Mardzhani (1818-1889) – a Tatar theologian and educator. The author of more than 30 works in Arabic, Tatar and Persian. His most famous works are dedicated to the history of the Tatar people, Hanafi law, kalam and the history of Islam.

14 Balakan (Belokany) – currently a city, the administrative center of the Balakan region of Azerbaijan.

combined his two answers into one general work and titled it «*Dau' al-masabih fi 'adad at-tarawih*» / ضوء المصابيح في عدد التراويح («The light of the luminaries on the number of *tarawih* prayers»)¹⁵.

A few years later, the Dagestani theologian Iman-Ali al-Bezhti received a letter from the son of Sheikh al-Khushtadi¹⁶, which reported that the villagers of Khushtada began to perform the *tarawih* prayer in the number of twenty *raka'ats*, but some local ulama opposed it. They declared that it is more correct to perform it in the amount of eight *raka'ats*, as was the common way in Dagestan. Trying to understand the essence of the occurred dispute, Iman-Ali got acquainted with the work of Muslim al-Uradi mentioned earlier. Not agreeing with his arguments, Iman-Ali decided to write a refutation «*as an instruction to someone who adheres to the religion of the Messenger sent from the 'Adnan tribe.*»¹⁷ The work has no title, the colophon informs that its editing was completed «on *Zu al-Hijjah 3, AH 1320 (March 2, 1903) at the Zhamod farm*»¹⁸.

In his short work, Iman-Ali al-Bezhti points out the fallacy of al-Uradi's position. In his view, one should perform twenty *raka'ats*, as it was established by the Prophet Muhammad, practiced by his companions and supported by Muslim jurists. Iman-Ali tries to refute every argument of al-Uradi. In particular, he does not agree that the performance of the twenty *raka'ats* is based on a «weak» hadith. Iman-Ali cites other hadiths, which report that the Prophet Muhammad, having performed eight *raka'ats* in the mosque, prayed the remaining twelve at home. He also claimed that there is a «silent unanimity» (*ijma sukuti*)¹⁹ of the companions on this issue, because when Umar ibn al-Khattab introduced the practice of performing all twenty *raka'ats* in the mosque, none of the companions of the Prophet Muhammad opposed it, thereby expressing their agreement on this matter. According to Iman-Ali, a separate opinion of the companion of the Prophet can be accepted in those matters where there is no place for *Ijtihad*, i.e. in such matters, the approval of which needs instructions from the Quran or the Sunnah.

Iman-Ali often refers to the statements of Dagestani theologians, such as Muhammad the son of Ibrahim al-Aliji (d. after 1778), Said al-Arakani (d. 1834), Mahdi Muhammad as-Suguri (d. 1840), Muhammad Tahir al-Karakhi and Muhammad al-Kuduki (d. 1717). He notes that *taqlid* assumes following a jurist on some issues, without clarifying the jurist's argument on this issue. Thus, according to him, it is incorrect to ask the question «what was the basis of Caliph Umar al-Khattab's argument?». He expresses his surprise by asking: «*how can a creature created from a seed that came out of a non-Arab womb dare to speak out against such great*

15 This work is included by one of the students of al-Uradi in the collection of fatwas «Fatawa al-Uradi». The autograph from this collection is now kept in the private collection of Shekhmagomedov M.G. in Makhachkala. There exists another autograph of this work, which the author copied for Kebedmuhammad al-Bezhti. It is currently stored in the private manuscript collection of one of his descendants – Abdulmazhidov R.S.

16 Pirmukhammad (d. 1911-12) and his son Hussein (d. 1930-31) from the village of Khushtada were sheikhs of the Naqshbandi tariqa [16, pp. 434-435].

17 The record is stored as part of the collected manuscript № 1387 from the Collection of Oriental Manuscripts of the IHAE DFRC RAS. F. 14. Inv. 1. Lists 14-19.

18 Zhamod - a village in the Bezhta district of the Republic of Dagestan.

19 Al-Ijma as-sukuti is a «silent», unvoiced [ijma] decision of someone [mujtahid], that is known to everyone, against which no objections were made. [8, p. 91].

imams without recognizing their arguments?!»

Having completed his work, Iman-Ali, apparently, first of all, sent it for review to those scholars-theologians who held similar views with him. The manuscript of his work also contains notes by a certain Muhammad al-Kanadi, «Qadi of Khushdal»²⁰. Among them there is the following entry: «*This is what came to my mind when writing with the permission of ustaz, the perfect mentor, khwaja, haji, the scholar Pirmuhammad al-Khushdadi, as well as with the permission of the scholar and worshipper Hussein, may Allah Almighty strengthen them and grant us their grace. I wrote this, confirming what had been written by a scholar, our brother, Qadi Iman-Ali al-Bezhti. After all, the truth deserves more to be followed, and besides the truth, there is only ignorance. Muhammad al-Kanadi, Qadi of the village of Khushdal.*»

Iman-Ali also sent his work to Kebedmuhammad al-Bezhti with a request to check it for errors, as well as make a review. The appeal with such a request to Kebedmuhammad al-Bezhti was due to the fact that he was a well-known theologian at that time. Starting from 1896 to 1920, Kebedmuhammad al-Bezhti held the positions of the first deputy, then Qadi of the Gunib District Court [17, p. 25-27]. He was considered an excellent expert in *fiqh* and natural sciences. There are legends about how he easily carried out complex mathematical calculations. He was frequently asked to act as an arbitrator in resolving land conflicts. The authors of the monographic study «Bezhtints in the 19 – beginning of the 20th century» report that he «compiled a manual for students of Arabic literacy and numeracy (four arithmetic operations) in the Bezhtin language» [18, p. 161], which has not survived to this day. At the same time, it should be noted that Kebedmuhammad al-Bezhti worked as the imam of the Juma mosque of the village Belokany at about the same time when Muslim al-Uradi was engaged in teaching there in a local madrasa. A friendly relationship developed between them, as evidenced by the preserved correspondence from the manuscript collection of Kebedmuhammad al-Bezhti²¹.

Responding to Iman-Ali's request, Kebedmuhammad got acquainted with the writings of both Muslim al-Uradi and Iman-Ali, and to the latter's displeasure, accepted the position of his opponent. He wrote his own work, in which he tried to point out the fallacy of Iman-Ali's judgments and defended the position of al-Uradi. This work has neither a name nor a date, and was presumably written in the same year as the first work of Iman-Ali al-Bezhti²².

Kebedmuhammad al-Bezhti in his work deals with the same issues that al-Uradi and Iman-Ali raised: *ijma*, *taqlid*, *ijtihad* and accepting the opinion of a companion. For example, he analyzes in detail the message of the wife of the Prophet Muhammad, Aisha, which says: «*The Prophet Muhammad did not perform additional prayers in the month of Ramadan or in any other months more than eleven raka'ats*» [7, vol. 4, p. 191]. This, in his opinion, is a strong argument for the truth of the statement

²⁰ A reference regarding the village of Khushtada, now part of the Tsumadinsky district of the Republic of Dagestan.

²¹ The collection is kept in the private collection of R.S. Abdulmashidov in Makhachkala.

²² The record is stored as part of the collected manuscript № 1387 from the Collection of Oriental Manuscripts of the IHAE DFRC RAS. Fund 14. Inv. 1, lists 20-27.

that the number of *raka'ats* in the *tarawih* prayer should be eight. According to Kebedmuhammad, Aisha knew best about the Prophet's actions at night, since she lived in the same house with him. He also refused to recognize the existence of an agreed opinion (*ijma*) of the companions of the Prophet Muhammad on this issue, since the first righteous Caliph Abu Bakr did not perform twenty *raka'ats*, and, therefore, did not agree with this opinion.

After reading the reply of Kebedmuhammad, Iman-Ali wrote another work of his own, a more detailed and extensive one. He called it «[the Establishment of] the truth about prayer *tarawih* by rejecting the weak opinions» («Haqq al-tarawih bi daf' al-kavadih» / (حق التراويح بدفع القواديح)²³. In the preface to this work, Iman-Ali laments that in the early spring of AH 1321 (1903) he sent his first essay to «*the most important and dear brother*» Kebedmuhammad, hoping that he will write helpful comments and «*will be pleased with this work, as a baby is pleased with breastfeeding.*» However, he filled his review with unfounded remarks and distortions of the essence of the issue. Therefore, according to Iman-Ali, it became necessary to write a work in which his arguments will be presented in more detail.

Iman-Ali begins this new work with an attack on al-Uradi, accusing him of «*arguing with Shafi'i jurists and with the Imam of al-Shafi'i himself.*» Then he proceeds to discuss the issues raised in the course of the controversy. At the same time, he responds rather not to the statements of his original opponent, Muslim al-Uradi, but to the arguments given by Kebedmuhammad al-Bezhti. As in his first work, Iman-Ali often refers to Dagestani theologians to confirm his views: Muhammad al-Alichi, Khalil al-Kurushi (d. 1892-3), Muhammadtahir al-Karakhi, Muhammad al-Kuduki, etc. In the end, he notes that he did not answer his opponents in more detail, fearing that this would distract him from his teaching work. The writing of the essay started «*at the beginning of the month of Zu al-Qa'dah in AH 1321, and ended on the first day of the month of Zu al-Hijjah of the same year*» (from January 18 to February 17, 1904).

The last known work that completes the theological dispute that we have identified is a rather extensive work by Kebedmuhammad al-Bezhti entitled «The garden of deep thoughts for refuting doubts of superficial views» (*Hadiqat al-absar fi man' shubuhah al-anzar* / (حديقة الأبصار في منع شبهات الأنظار)²⁴. It was written as a response to the second work of Iman-Ali al-Bezhti «at the end of the month of Zu al-Qa'dah in AH 1322 (February 1905) at the Askuf farm».

It is noteworthy that at the beginning of the manuscript there is also a review of it by Muslim al-Uradi, written by his hand, in which he reports that «*he found this work a real garden that does not cease to bear fruits despite the change of seasons and times.*» At the same time, he allegorically compares the work of Iman-Ali with a mirage. In his view, the opponent, intending to conceal the truth, throws random

23 Two records of works by the same scribe are known, and most likely both are autographs. One of the records is kept as part of the collected manuscript № 1387 in the Collection of Oriental Manuscripts of the IHAE DFRC RAS. Fund 14. Inv. 1, lists 1-13. Another record is kept in the private collection of R. S. Abdulmashidov in Makhachkala.

24 The autograph is kept in the private collection of R.S. Abdulmashidov in Makhachkala.

phrases, and only strives for fame. In addition, there is a letter from Muslim al-Uradi addressed to Kebedmuhammad al-Bezhti, in which he invites him to familiarize himself with the contents of his response to Sheikh Usman al-Tsakhuri. He writes that if Kebedmuhammad likes it, then «*it will be a gift to you from this pitiful ignoramus,*» and if he does not agree with what is written, then «*do not spread it, bury it and recite the prayer (talkin), which is read over the deceased.*» Then, Muslim asks to send him his refutation of the work of Iman-Ali al-Bezhti, as well as the comments of Kebedmuhammad himself. Muslim al-Uradi informs that it should be sent as follows: «*The letter must be delivered into the hands of Usta Ali the son of Mahdi al-Dzhari, who lives in the city of Char. From him it should be transferred to Muslim Afandi, who lives in Zakatala.*»²⁵

In the preface to his work, Kebedmuhammad al-Bezhti, in turn, notes that «*an astute scholar and experienced researcher, my contemporary Iman-Ali al-Bezhti*» asked him to check the refutation he wrote against the work of «*a worthy scholar and observant researcher, the best in our time, Muslim al-Uradi*». After that, he proceeds to discuss all the same topics mentioned, trying to refute his opponent's argument. Kebedmuhammad responds to all his comments, indicating in detail where, in his opinion, he is wrong.

Muhammad al-Kuduki is frequently cited in all the works that have arisen in the course of the polemic under study. At the same time, each of the parties refers to different statements and deeds of the scholar, trying to appeal to his authority. To one of these attempts of Iman-Ali, Kebedmuhammad replies: «*the words of al-Kuduki about it are not confirmed, because they contradict his common practice, which was told by his contemporary, the scholar Malla Muhammad al-Guludi. He told that al-Kuduki performed the tarawih and Witr prayer in a total of eleven raka'ats, and after every four raka'ats he rested. However, even if we assume that al-Kuduki said such things, the statements of the Arabs are still preferable to the fabrications of non-Arabs.*» It is noteworthy that, as we pointed out above, Iman-Ali himself claimed something similar, and now his opponent uses the same argument. In general, the principle of preference of Arab theologians when comparing them with Dagestani ones can be seen in many Dagestani authors.

Kebedmuhammad al-Bezhti concludes his work by mentioning the verses of the Quran, which say about the prohibition of slander. He accuses Iman-Ali of slander and reproaches him by saying: «*My brother Abdulmazhid refuted your statements on each letter. Your words amuse even novice students, which is why they laugh at them for being nonsensical.*»

The study revealed that several years before the discussion, there had already been disagreements between Iman-Ali and Hadzhilav al-Tsuldi on the one hand and Muslim al-Uradi, Kebedmuhammad and his brother Abdulmazhid al-Bezhti on the other. The subject of the debate was the discussion of the rules for the use of allegorical expressions (*majaz*) and other grammatical rules in the Arabic language. The result of this controversy was the creation of several works, which contain rather harsh

25 The letter is kept in the private collection of R.S. Abdulmazhidov in Makhachkala.

attacks of opponents on each other. Such fierce rhetoric on such insignificant topics, in our opinion, was probably due to the existing interpersonal conflict caused either by belonging to different theological schools, or by competition within a particular community or region.

Thus, it should be noted that lively discussions on various issues of Islamic practice periodically arose in Dagestan. The participants of the polemic showed excellent command of the Arabic language and a high level of theological knowledge. Researchers of the Arabic-language literature of Dagestan paid attention to this in the second half of the 19th century. Nevertheless, there were usually no winners in such theological polemics – everyone stuck to their truth. At the same time, the survived Arabic polemical works allow us to outline the range of controversial issues that troubled the minds of Dagestanis for many centuries.

Another, more important conclusion that derives from our research is the establishment of the fact that Dagestani theologians in some cases allowed themselves quite free views within the framework of the theory of Muslim law. Positioning themselves as strict adherents of the Shafi'i legal school, however, some Dagestani theologians disputed the opinions of leading Shafi'i jurists, and even the opinion of the eponym of the Shafi'i madhhab himself – Imam al-Shafi'i. Such a «liberalization» of views, in our opinion, is a consequence of the influence of the authoritative Dagestani legal scholar Muhammad al-Kuduki. It is no accident that he is often mentioned in almost all the works created in the course of the polemic under study. On the other hand, it should also be noted that al-Kuduki himself was influenced by the prominent Yemeni theologian Salih al-Yamani (d. 1697), a fierce opponent of the traditional division into legal schools, who at the same time tried to create his own theological and legal school.

Our conclusions also confirm the ones of some modern researchers who criticized the «jadidocentric» approach in understanding the processes of the «Islamic reformation» that took place in Dagestan at the beginning of the 20th century [19; 20]. Such an approach assumed that before the emergence of reformists (Jadids), the Islamic thought of Muslim traditionalist jurists (Kadimites) developed strictly on the principles of *taqlid*, and elements of rationalism were introduced by the new Jadid movement through a reconsideration of the sources of Muslim law. The study shows that Dagestani theologians, long before the emergence of the Jadids, successfully combined both the principles of *taqlid* and rationalism in their legal activities.

REFERENCES

1. Ibragimova Z. The continuation of the Islamic discourse of the early XX century in Dagestan Arabic script works of the Soviet period [Prodljenie bogoslovskoi polemiki nachala 20 veka v dagestanskikh arabograficheskikh sochineniyakh sovetskogo perioda]. Makhachkala: *History Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2018. 14 (3): 34-39.
2. Ibragimova Z. Discourse of Dagestan theologians regarding "false sheikhdom" (brief view on the history of the issue). [Diskurs dagestanskikh bogoslovov po probleme "ljescheikhstva" (kratkiy eskurs v istoriyu voprosa)]. *Journal Volgograd State Pedagogical University*. 2017. № 1 (114): 173-179.
3. Musaev M. A look at the «Lekianoba» in the context of a study of the legal conclusions of the dagestani 'ulama' of the XVIII century. [Vzglyd na "Lekianjbu" v kontekste izucheniya pravovikh zaklucheniy dagestanskikh uchenikh-bogoslovov XVIII veka]. Moscow: *Fundamental Research*. 2013. № 10-14: 3223-3228.
4. Abdulmazzhidov R. The polemic about the alienation of property according to 'nazr' in Dagestan in the XIX century. [Polemika ob otchuzhdenii sobstvennosti po "nazru" v Dagestane v XIX veke]. *Islam in the modern world*. 2018;14(4):183-200.
5. Bobrovnikov V., Shehmagomedov M., Shikhaliyev Sh. *Muslim law and custom in Russian Dagestan: sources and research: a reader*. St. Petersburg: Presidential Library, 2017.
6. Vislaviy Z. *Eurasian wisdom from A to Z: explanatory dictionary [Evraziiskay mudrost ot A do I: tolkoviyy slovar]*. Almaty: Suzdik-Dictionary, 2002.
7. Muḥammad ibn Ismā'īl al-Bukhārī. *The Authentic, Abridged, Chain-Supported Collection Regarding Matters Pertaining to the Messenger of Allah, His Traditions, and His Times*. Beirut: Dar Tavk an-Najat, 2001. (In Arabic).
8. *Islam: an encyclopedic dictionary [Islam: enziklopedicheskii slovar]*. Prozorov S.M., editor; Moscow: Nauka, 2004: 91-92.
9. Khapizov ShM, Galbatsev SM. *Avar Tsor (Zakatala District) in the 18th - first half of the 20th century. (Essay on socio-political history) [Avarskii Tsor (Zakatalskii raion) v 18 – pervoi polovine 20 vekov]*. Makhachkala: ALEF, 2016.
10. Ali-Zade A. *Islamic encyclopedic dictionary [Islamskii enziklopedicheskii slovar]*. Moscow: Ansar, 2007.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ибрагимова З.Б.* Продолжение богословской полемики начала XX в. в дагестанских арабографических сочинениях советского периода. История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. № 3. С. 34-39.
2. *Ибрагимова З.Б.* Дискурс дагестанских богословов по проблеме «лжешейхства» (краткий экскурс в историю вопроса). Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (114). С. 173-179.
3. *Мусаев М.А.* Взгляд на «Лекианоба» в контексте изучения правовых заключений дагестанских ученых-богословов XVIII в. Фундаментальные исследования. 2013. № 10-14. С. 3223-3228.
4. *Абдулмажидов Р.С.* Polemika ob otchuzhdenii sobstvennosti po «nazru» v Dagestane v XIX v. // Ислам в современном мире. Т. 14. № 4 (2018). С. 183-200.
5. *Бобровников В.О., Шехмагомедов М.Г., Шихалиев Ш.Ш.* Мусульманское право и обычай в российском Дагестане: источники и исследования: хрестоматия / В.О. Бобровников, М.Г. Шехмагомедов, Ш.Ш. Шихалиев; С.-Петербург. гос. ун-т. – Санкт-Петербург: Президентская библиотека, 2017. – 319 с.
6. Евразийская мудрость от А до Я: толковый словарь / Виславий Зорин. – Алматы: Сөздік-Словарь, 2002. – 408 с.
7. محمد بن إسماعيل أبو عبدالله البخاري الجعفي. الجامع المسند الصحيح المختصر من أمور رسول الله صلى الله عليه وسلم وسننه وأيامه. لبنان: دار طوق النجاة، 1002.
8. Ислам: энциклопедический словарь / Отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. 315 с.
9. *Хапизов Ш.М., Галбацев С.М.* Аварский Цор (Закатальский округ) в XVIII – первой половине XX в. (Очерк социально-политической истории). Махачкала: АЛЕФ, 2016. 294 с.
10. *Али-Заде А.* Исламский энциклопедический словарь. – М.: Ансар, 2007 г. – 400 с.
11. أبو الحسين يحيى بن أبي الخير بن سالم العمراني اليمني .الشافعي. البيان في مذهب الإمام الشافعي. جدة: دار المنهاج، 2000.
12. محمد أمين بن عمر بن عبد العزيز عابدين الدمشقي الحنفي. .رد المحتار على الدر المختار. بيروت: دار الفكر، 1992.
13. عبد الرحمن بن عسكر البغدادي المالكي. إرشاد السالك إلى أشرف المسالك في فقه الإمام مالك. القاهرة: مكتبة مصطفى البابي الحلبي..
14. أبو الفرج عبد الرحمن بن قدامة المقدسي الحنبلي. الشرح الكبير على متن المقنع. القاهرة: دار الكتاب العربي للنشر والتوزيع، 1928..

11. Abu Al-Hussein Yahya bin Abi Al-Khair bin Salem Al-Amrani, Al-Yamani Al-Shafei. *Al-Bayan fi al-mazhab Imam Shafi'i*. Jeddah: Dar Al-Minhaj, 2000. (In Arabic).
12. Muhammad Amin bin Omar bin Abdul Aziz Abdin al-Dimashqi al-Hanafi. *Radd al-muhtar ala ad-Durr Mukhtar*. Beirut: Dar Al-Fikr, 1992. (In Arabic).
13. Abdul Rahman bin Askar Al-Baghdadi Al-Maliki. *Irshad as-salik ila ashraf al-masalik fi fikh al-Imam Malik*. Cairo: Mustafa Al-Babi Al-Halabi Library, 2003. (In Arabic).
14. Abu al-Faraj Abd al-Rahman bin Qudamah al-Maqdisi al-Hanbali. *Ash-Sharh al-kabir ala matn al-mukni*. Cairo: Arab Book House for Publishing and Distribution, 1928. (In Arabic).
15. Smirnov AV. *History of Arab-Muslim Philosophy: Textbook and Anthology [Istoriy arabo-musulmanskoj filosofii: Uchebnik i Antilogiy]*. Edited by A.V. Smirnov. Moscow: Sadra, 2020.
16. *Islam in the territories of the Former Russian Empire: Encyclopaedic Lexicon. Vol. I [Islam na territorii bivshei Rossiiskoi Imperii]*/ ed. by Stanislav M. Prozorov. Moscow: Nauka, 2006.
17. Abdulmazhidov R.S. Kebedmukhammad al-Bezhti - "the ruler of the affairs of Nazhmuddin". [Kebedmukhammad al-Bezhti – "pravitel del Najmuddima"]. *XVI Dzagurov Readings. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation)*, 2018.
18. Luguev S. Magomedov D. *Bezhtintsy in the XIX - early XX centuries. [Bezhtintsy v XIX – nachale XX vekov]*. Makhachkala, 1994.
19. Gould R., Shikhaliev S. *Beyond the Taqlid/Ijtihad Dichotomy: Daghestani Legal Thought under Russian Rule*. Brill Academic Publishers: Islamic Law and Society, 2017.
20. Kemper M., Shikhaliev S. *Qadimism and Jadidism in Twentieth-Century Daghestan*. Asiatische Studien - Études Asiatiques, 2015.
15. Смирнов А.В. История арабо-мусульманской философии: Учебник и Антология / под редакцией А.В. Смирнова. – М.: Академический проект; ООО «Садра», 2020. 623 с.
16. Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Том I / Составитель и ответственный редактор — С.М. Прозоров; научные консультанты — О.Ф. Акимушкин, В.О. Бобровников, А.Б. Халидов; указатели — А.А. Хисматулин. М.: Восточная литература, 2006. 655 с.
17. Абдулмажидов Р.С. Кебедмухаммад ал-Бежти – «правитель дел Нажмуддина». XVI-е дзагуровские чтения. Материалы всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). 2018. С. 25-27.
18. Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Бежтинцы в XIX – начале XX в. Махачкала, 1994. 161 с.
19. Gould R., Shikhaliev S. Beyond the Taqlid/Ijtihad Dichotomy: Daghestani Legal Thought under Russian Rule. Brill Academic Publishers: Islamic Law and Society, 2017.
20. Kemper M., Shikhaliev S. Qadimism and Jadidism in Twentieth-Century Daghestan. Asiatische Studien - Études Asiatiques, 2015.

The article was uploaded on May 18, 2021.

The article was accepted for publication on July 14, 2021.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173581-605>

Sharafetdin A. Magaramov

PhD in History, Senior Researcher

Institute of History, Archeology and Ethnography

Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

sharafutdin@list.ru

HISTORIOGRAPHY OF THE PERSIAN CAMPAIGN OF PETER THE GREAT 1722-1723 AND ITS RESULTS (TO THE 300TH ANNIVERSARY)

Abstract. The article is devoted to the historiographic understanding of the problem of the Persian campaign of 1722–1723. Peter the Great and the stay of the Russian imperial army in the southwestern Caspian region in the first third of the 18th century. The work examines the process of the formation and evolution of the approaches of historians and historical thought on the problem for almost three centuries. Historiographic comprehension of the problem will make it possible to trace the dynamics of historical thought in the history of the Persian campaign, identify the most poorly developed aspects, show innovative assessments of authors of different historical eras, and update new plots. The relevance of this study is also due to the absence of a historiographical sketch even in the genre of an article on the history of the Persian campaign of Peter I. The pre-revolutionary historiography's practice of studying the Persian campaign in the context of studying the wars of conquest of the Russian Empire in the Caucasus is analyzed. The works of military and civil historians of this period served a political purpose - to substantiate the advancement and establishment of the empire in the Caucasus region. The main attention was paid to the military-political side of the campaign, its foreign policy background. At the same time, the first special historical studies on the history of the campaign appeared, which are valuable historiographic sources. Many of them were written on the basis of handwritten documents from the personal archive of Peter I, some of which were later lost or became difficult to access. In the Soviet era, the study of various aspects of the campaign, associated with its prerequisites and reasons, the economic and economic development of the region, was significantly expanding, new documentary data were introduced into scientific circulation. Soviet historians adhered to the concept of the objectively progressive meaning of the annexation of the Caspian regions to the Russian Empire, regardless of whatever goals tsarism pursued. The Persian campaign of Peter I was assessed as the protection of the Caucasian peoples from the tyranny of Iran and Turkey. In the last two or three decades, in the study of the problem of the military-political campaign of 1722-1723. empire, there were significant successes associated with the development of new plots, using modern historical approaches and the introduction into scientific circulation of a colossal fund of archival documents and narrative sources. At the same time, in the 1990s, there are attempts to revise the "Persian campaign", to replace it with a new name - "Caspian campaign", which has not been established outside the limits of regional Caucasian studies. At the present stage, researchers deepen and expand the existing scientific understanding of this problem by applying such scientific approaches as the history of everyday life, military-historical anthropology. In modern domestic historiography, there has been a tendency to study the historical memory of Dagestan society about the image of Peter I, and to study the problem from the standpoint of the Russian-Persian-Ottoman borderland (frontier), which acted not only as a zone of conflict, resistance, but also the interaction of border communities and their elites.

Keywords: Peter the Great; Persian campaign of the 1722-1723; Nizovoy Corps; Western Caspian region; historiography.

© Sh.A. Magaramov, 2021

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2021

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173581-605>

Шарафетдин Арифович Магарамов

к.и.н., старший научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

sharafutdin@list.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРСИДСКОГО ПОХОДА ПЕТРА ВЕЛИКОГО 1722-1723 гг. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЙ (К 300-ЛЕТИЮ ПОХОДА)

Аннотация. Статья посвящена историографическому осмыслению проблемы Персидского похода 1722–1723 гг. Петра Великого и пребывания российской императорской армии в юго-западном Прикаспии в первой трети XVIII в. Историографическое осмысление проблемы даст возможность проследить динамику исторической мысли по истории Персидского похода на протяжении почти трех столетий, выявить наиболее слабо разработанные аспекты, показать новаторские оценки авторов разных исторических эпох, актуализировать новые сюжеты. Актуальность настоящего исследования также вызвана отсутствием историографического очерка даже в жанре статьи по истории Персидского похода Петра I. Проанализирована господствовавшая в дореволюционной историографии практика изучения Персидского похода в контексте изучения завоевательных войн Российской империи на Кавказе. Труды военных и гражданских историков этого периода служили политической цели – обоснованию продвижения и утверждения империи на Кавказском регионе. Главное внимание уделялось военно-политической стороне похода, его внешнеполитическому фону. В это же время появились первые специальные исторические исследования об истории похода, являющиеся ценными историографическими источниками. Многие из них написаны на основе рукописных документов из личного архива Петра I, часть которых в последующем была утрачена или стала труднодоступной. В советскую эпоху значительно расширяется исследование разных аспектов похода, связанных с его предпосылками и причинами, хозяйственно-экономическим освоением региона, вводятся в научный оборот новые документальные данные. Советские историки придерживались концепции об объективно-прогрессивном значении присоединения прикаспийских регионов к Российской империи, независимо какие бы цели не преследовал царизм. Персидский поход Петра I оценивался как защита кавказских народов от тирании Ирана и Турции. В последние два-три десятилетия в изучении проблемы военно-политической кампании 1722-1723 гг. империи наметились значительные успехи, связанные с разработкой новых сюжетов, с использованием современных исторических подходов и введением в научный оборот колоссального фонда архивных документов и нарративных источников. Вместе с тем, в 1990-е годы наблюдаются попытки ревизии «Персидского похода», замены его новым названием – «Каспийский поход», которое за пределами регионального кавказоведения так и не утвердилось. На современном этапе исследователи углубляют и расширяют имеющиеся научные представления по данной проблеме путем применения таких научных подходов, как история повседневности, военно-историческая антропология. В современной отечественной историографии наметилась тенденция изучения исторической памяти дагестанского общества об образе Петра I, исследования проблемы с позиций российско-персидско-османского пограничья (фронттира), выступавшего не только зоной конфликтности, сопротивления, но и взаимодействия пограничных сообществ и их элит.

Ключевые слова: Петр Великий; Персидский поход 1722-1723 гг.; Низовой корпус; Западный Прикаспий; историография.

© Ш.А. Магарамов, 2021

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

The Persian Campaign of 1722-1723 of Peter the Great is the first large-scale foreign policy operation of the Russian state in the East, which led to the establishment of the Russian power in the Caucasus-Caspian region. Today, we are three centuries away from the beginning of this military campaign. The approaching anniversary is a good reason to outline the results in the history of studying this military operation of the Russian Empire. The historiographical comprehension of the problem will make it possible to trace the dynamics of historical thought on the history of the Persian Campaign for almost three centuries, to identify the most poorly developed aspects, to show innovative assessments of authors of different historical eras, to actualize new topics. The relevance of the study is also caused by the lack of a historiographical study, even in the genre of article on the history of the Persian expedition of Peter I. This paper aims at a historiographical analysis of the available scientific literature on the history of the Persian Campaign of Peter I and its results, focuses on controversial aspects and contradictions between concepts and, most importantly, gives the author's opinion on ways to overcome the identified problems and contradictions. The work in no way claims to be a comprehensive solution to this problem, since it is impossible to achieve this within the framework of a single scientific publication due to its limited scope.

The Persian Campaign of Peter I became the starting point in the study of the ethnoculture, history, geography of the Caucasus, i.e. the study of the region went hand in hand with the gradual annexation of its individual parts to the empire. Scientific knowledge was necessary for the successful implementation of military expeditions, for establishing communications for trade and military-political purposes, for creating a more effective management system. At about the same time, the first historical descriptions [1; 2; 3] of the campaign and the acquired Russian territories in the Caspian were prepared. The scientific significance of these publications lies in the fact that they were written and compiled by the direct participants of the events they describe. When using these works, the subjectivity of the authors' views should be taken into consideration.

In the 18th century in the field of humanitarian knowledge, the epochal phenomenon was the creation of the multi-volume work of I.I. Golikov «The Deeds of Peter the Great, the Wise Reformer of Russia», in which documents from the archive of Peter the Great's Cabinet were used for the first time. The description of the Persian Campaign based on documentary material was covered in the eighth part of the book [4].

In the 19th century, due to the Caucasian War that lasted for half a century, interest not only in the events of the war years, but also in the previous military and political actions of Russia in the region increased. The first special historical studies [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12] about the Emperor's campaign in the Caspian region emerge, which are valuable historiographical sources. Many of them were written on the basis of handwritten documents from the personal archive of the tsar, some of which were subsequently lost or became difficult to access. Thus, for example, V.V. Komarov in his work published the part of the text of the military-historical poster of 1779 «Description of the Campaign of Emperor Peter the Great to the Persian provinces

lying near the Caspian Sea», with illustrations of plans of Caspian cities, fortresses and a map of the Caspian Sea. The archeographic publication of the same poster from the collection of the Manuscript Department of the Library of the Academy of Sciences was carried out by L.L. Muravyeva [13].

The cartographic part and illustrations of the poster have been ignored until recently, while the handwritten text and the map of the Caspian Sea, plans of cities and fortresses make up two closely related parts of the poster of 1779, compiled on the basis of sources related to the events described [14]. We have managed to fill this gap. In the process of working on the RFBR project «Peter the Great in the historical fate of the Caucasian-Caspian region» in 2020, we identified and published the entire military-historical poster of 1779 in the collection of documents «The Western Caspian Region as part of the Russian Empire (1722-1735): a collection of archival documents. Makhachkala: Mavraev, 2020».

Peter's expedition to the Caspian region was covered in pre-revolutionary historiography in the context of the study of conquest wars and the establishment of Russian power in the Caucasus. In their works, the historians of the 19th century D.P. Buturlin [15], P.G. Butkov [16], V.A. Potto [17; 18] when covering the problem of Russia's eastern policy, focus on the Persian Campaign of Peter I. These studies mainly served a political purpose – to substantiate the incursion and establishment of the Russian Empire in the Caucasus. As we know, the territories conquered by Russia on the western shore of the Caspian Sea were returned to Persia in the mid-30s of the 18th century. The occupation of the Caspian region by Russian troops pursued two goals: the economic one – to seize the Trans-Caucasian route leading to Asia Minor and India, and the political one – to prevent Turkey from reaching the Caspian Sea. The conquered Caspian territories turned out to be unprofitable despite the fact that the «Persian» incomes were slowly but gradually growing. The income did not cover the costs of maintaining the army. When political stabilization came to Persia again, and with it there was a guarantee that the Turks would not be allowed to enter the Caspian region, the Russian Empire considered it necessary to return the conquered Caspian territories to Nadir Shah. This interpretation of the events was suggested by military historians P.G. Butkov, V.A. Potto et al.

The increased interest in the 19th century on the part of official Russian historiography in the Caucasus region, Peter's foreign policy action in particular, led to the publication of a number of documents [19] on this issue, which contain valuable information about Peter's campaign and the presence of the Russian army in the Western Caspian region.

The political aspect of the campaign is covered in E.I. Kozubsky's work on the history of the city of Derbent [20]. The author reports data on the voluntary surrender of the city and the loyalty of the majority of its citizens to the Russians, gives details on the emperor's stay in the city, the appointment of Colonel A.T. Junger as the commandant, the quarter of troops in the fortress and the coastal part of the garrison, about its command structure and functionality. Unfortunately, the author does not provide any justification for the campaign, does not conclude the reasons

for the withdrawal of Russian troops from the Caspian regions in the mid-30s of the 18th century.

In pre-revolutionary historiography, more attention is paid to the military-political aspect of the Peter the Great campaign, while the issue of economic development of the Caspian territories remained unexplored. At the beginning of the Soviet era, E.S. Zevakin devoted his work to the study of the said aspect [21]. Having published in his work the main items of income and expenses for individual Caspian regions for eight years, from 1723 to 1731, the author comes to the conclusion about the effectiveness of the empire's economic policy in the region. In his conclusion, the author takes into account only local expenses. In our opinion, if we add the national expenses for ammunition, transport, the construction of military fortifications, as well as the expenditure of manpower, then profitability is out of the question. The unprofitability was largely due to the low level of organization of economic management in the annexed territories. Economic activity was entrusted to the military authorities, who were incompetent in this sphere. No attempts were made to develop new crops, except for viticulture and saffron business in Derbent and its agricultural district, to organize trade and transport. Therefore, the conclusion of E.S. Zevakin, based on incomplete statistical data, should be considered inaccurate.

The first monographic study on the Persian Campaign was the work of historian V.P. Lystsov [7], published on the basis of a Candidate thesis. Basing on documents, mainly from the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA), the author reveals in detail the prerequisites and goals of Peter's campaign to the Western Caspian region, briefly reviews its course, highlights the complex international situation in the region. V.P. Lystsov's monograph is limited by a rather narrow chronological framework – 1722-1723, since a broad chronology would significantly exceed the scope and possibilities of the Candidate's thesis. Moreover, for ideological reasons, the author could not connect the events described with the Treaty of Ganja of 1735, under the terms of which all previous achievements of the Russian Empire were annulled, which ultimately devalued the results of Peter's Persian Campaign. Thus, this work does not fully cover the issue under study.

The book as a whole was received positively by historians, but with some degree of criticism. Working at that time as Dean of the Faculty of History and International Affairs at MGIMO, Candidate of Historical Sciences L.A. Nikiforov published a detailed review in the journal «Voprosy Istorii» (*Questions of History*) [22]. The reviewer considers unreasonable the author's desire to highlight economic goals and plans of the campaign dictated by the growing «needs of Russia for various raw materials, luxury goods and monetary assets.» This formulation of the question «is very successfully broken down by the author himself, when in the second section of the book he writes about the vulnerability of Russia from the southeast, about the need to secure Russian borders, i.e. about the needs of Russia's defense. It would indeed be more correct to put these reasons for the campaign in the first place.» For this reason, «the first chapter of the book, which contradicts other chapters, should be considered unsuccessful,» the reviewer concludes [22, pp. 106-107].

V.P. Lystsov's book, at least for the last six decades, has remained the only monographic study on the Persian Campaign of Peter I, which served as a starting point for developing new aspects of this problem in the subsequent period.

Various issues of the campaign and the stay of the Russian forces on the western coast of the Caspian Sea were covered in the Soviet regional historiography mainly from the standpoint of the joint struggle against Turkish and Iranian claims [23; 24; 25]. The conclusions in these works boil down to the fact that whatever goals tsarism pursued, «the annexation of the Caspian provinces had an objectively progressive significance, protected Dagestan from absorption by Turkey, contributed to the development of the productive forces of the region and the culture of its peoples» [23, p. 124].

Historians of the Transcaucasian republics, such as V.N. Leviatov, P.T. Arutunyan, A.A. Abdurakhmanov, G.B. Abdullaev, G.G. Paychadze, F.M. Aliev [26; 27; 28; 29; 30; 31] and others consider the problem from a similar point of view. The policy of the Russian Empire in the Caucasus was interpreted by pragmatic considerations as aimed at protecting fellow Armenians and Georgians from Iranian-Turkish oppression; the tsar was seen as a liberator from the tyranny of the Eastern rulers. The authors adhere to the position of the objectively progressive significance of the annexation of the Caucasian regions to the Russian Empire. The abandonment of the Caspian region by Russian troops was explained by the strengthening of Iran, to which the Caspian regions could be handed over safely. The key point was to prevent Turkey to gain access to the Caspian Sea. The last statement was brought back from the pre-revolutionary historiographical practice. These works do not take into consideration the goals of the Russian state as a young empire, which sought to establish itself in the Caspian regions and gain its routes to eastern countries.

A significant achievement of the Dagestan historical school of the Soviet era in the study of the problems of Russian-Dagestan relations of the 17th – early 19th century should be considered the creation of two collections of documents [32; 33]. They contain valuable documents from the archives of Moscow, Saint Petersburg, Tbilisi and Makhachkala about the history of centuries-old relations between Russia and the peoples of Dagestan, including the Persian Campaign of 1722-1723 and its results. However, the selection of documents itself raises certain questions; documents on Russian-Dagestan relations that do not correspond to the official Soviet ideology were not included in the collections.

The meeting of one of the influential Dagestani rulers, shamkhal Adil-Girei, with Peter the Great, who declared his loyalty to the tsar, and the emperor's visit to the shamkhal's house in the company of ministers and generals, are described in a small publication by G.S. Fedorov [34], prepared on the basis of the «Expedition Journal of 1722».

During the formation of their own national historiographical principles in the former Soviet Union republics, there were works on the history of the relations of the Transcaucasian peoples with Russia, which radically differed from the Soviet era in their assessments. When describing Peter's policy in the Caspian region, instead of the former «assistance to economic development», protection «from the plunders

and violence of Iranian invaders and Turkish mercenaries», new, diametrically opposite assessments are given: «invasion», «occupation», «seizure of the territory of the Safavid state and Azerbaijan» [35; 36], and the former assistance from Russia is interpreted as the implementation of its own designs or the desire to «enslave» the Transcaucasian peoples [37]. After the Transcaucasian republics gained sovereignty, their historians tried to show that the plan to include the peoples of the region into the Russian Empire was defective, the accession of non-ethnic territories to the empire was presented from the position of the well-known concept of «absolute evil».

At the turn of the fall of the Soviet and the formation of Russian historiography in connection with the study of the foreign policy history of the North Caucasus of the 18th century, Dagestani historian N.A. Sotavov addressed the problem of the Persian Campaign of Peter the Great. One of the sections of his work is titled «Caspian Campaign of Peter I and its results» [38]. Based on the rich archival material, the author analyzes the difficult Russian-Turkish relations that developed after the emperor's campaign. The campaign itself and the Russian-Iranian Treaty of St. Petersburg of 1723 and the Russian-Turkish Treaty of Constantinople of 1724 signed after it, the author considers the beginning of a new stage of the Russian struggle for the solution of the Caucasian problem [38, p. 67]. Regarding this statement, our standpoint coincides with the opinion of N.A. Sotavov, mainly because Russia at that time took real action in the Caucasus-Caspian region after more than a century. The works of N.A. Sotavov had a significant influence on the works of subsequent generations of historians of Dagestan in terms of covering the history of the Persian campaign and its foreign policy background.

In the early 1990s, instead of the name «Persian Campaign» that was established in historiography, the concept of the «Caspian Campaign» was introduced. For the first time this name was used in Russian historiography by N.I. Pavlenko [39, pp. 429, 432]. After him, N.A. Sotavov widely applies the concept of the «Caspian Campaign». However, the authors do not justify the introduction of the new name of the campaign into science in any way. In all fairness, it should be noted that earlier attempts were made to introduce new names for the campaign – «Caucasian» and «Transcaucasian» ones [40], but to no avail. Analyzing a large body of documents from the federal and state archives of Russia on this issue, we have not found the name «Caspian Campaign» in any of the sources; on the contrary, in the documents the campaign is called the «Persian» or «Nizovoy». In addition, the campaign was undertaken to conquer the regions that at that time were part of Persia or under the sphere of its influence. Therefore, we believe that the definition of the «Caspian Campaign» introduced by the abovementioned authors does not quite correspond to historical reality.

Nevertheless, the name «Caspian Campaign» from the beginning of the 1990s gradually began to be approved in regional Caucasian studies. From this point of view, the Dagestan scholar-teacher M.R. Gasanov [41; 42] addressed the problem under study, considering this campaign one of the key and fateful stages in the history of Russian-Dagestan relations.

Similar assessments are also held by the authors of generalizing scientific publications published in the first decade of the new century on the history of the peoples of Dagestan and the North Caucasus, their centuries-old relations and integration with Russia [43; 44; 45]. In these works, along with outdated Soviet approaches to assessing the results of the campaign, there are also new interpretations. Thus, the abandonment of the Caspian regions by Russia in the mid-30s of the 18th century is explained by «the economic unprofitability of preserving remote and poor North Caucasian lands as part of the Russian state.» At the same time, the political factor is taken into account: «Russia's relations with its long-time rivals, Iran and the Ottoman Empire, were also affected by the changed balance of power in the European arena» [45, p. 43].

In the post-Soviet Russian historiography, there is an increased interest in Peter's campaign in the Caspian Sea, as evidenced by publications prepared on the basis of new documentary data on the situation of the Nizovoy Corps [46; 47; 48; 49], established for the management and integration of the region into the Russian economic, political and legal space. In these publications, the source base of the problem is significantly expanded. In one of his publications, M.A. Polievktov introduces a valuable archival document in German, titled «Remarks tending to the true benefit of your Majesty in those conquered Persian provinces that, according to Persian treatises, remained with his Majesty of Russia.» The document is an official memorandum, compiled on behalf of the official authorities, on the possibility of raising the profitability of the Caspian regions, primarily Baku and Derbent, which became part of the Russian Empire. According to the researcher's suggestion, the author of the memo was J.G. Gerber, who compiled it in 1732 [49, pp. 527-534, 536] after the abandonment of Gilan by the Russian troops. Unfortunately, this project, which provided for a whole range of measures to increase revenues from the Caspian regions, remained on paper and did not affect the economic management of the «newly conquered» regions.

The Candidate's dissertations of the last two or three decades on various aspects of the history of the Caucasus and its relations with Russia in the first half of the 18th century clearly show the increased interest in the topic of the Persian campaign of Peter the Great [50; 51; 52; 53; 54; 55]. Many of them remain committed to Soviet approaches, and the emperor's campaign is seen as the protection of the Caucasian peoples from the tyranny of Iran and Turkey, the strengthening of the south-eastern borders; some authors even attribute a defensive nature to the campaign.

A significant contribution to the historiography of the Persian Campaign and its results was made by the prominent Russian historian I.V. Kuruikin [56; 57; 58; 59; 60; 61]. Based on new documentary data from the federal archives of the country, various aspects of the problem related to the system of the imperial experience in managing the region, building contacts between Russians and the local population are explored. As a result of the research, the author comes to a very important conclusion that «the Russian troops scattered over a considerable area faced rejection of foreign domination in a country with stable traditions of statehood and could hardly maintain order in the occupied provinces,» and as a result «the young (Russian - auth.) empire was not

yet ready for the development of remote Caspian provinces and their management» [58, p. 768]. This conclusion, which differs significantly from those made by previous researchers, is characterized by innovation and is justified by documentary data.

The campaign of Peter I in 1722-1723 to the Western Caspian region and the Caucasus, which led to the conquering of the region, as well as the subsequent fate of the Nizovoy Corps and the policy of Russia in this region until the end of the 18th century became the subject of an in-depth study in the monographic work of I.V. Kurukin [61]. This is the second monograph in Russian historiography after the work of V.P. Lyssov on the history of the Persian Campaign of Peter I and its results. The monograph is distinguished by a solid source base, a combination of documents from federal archives with rare published sources and little-known historiography. Using modern historical approaches, the author examines a wide range of issues related to the military-political campaign of 1722-1723, the conclusion of international treaties with Iran (1723) and Turkey (1724), the establishment of the Russian-Turkish border, the activities of the Nizovoy (Persian) Corps for the management and economic development of the empire of the western shores of the Caspian region, the everyday life of Russian officers and soldiers. Many author's generalizations were the result of the search, identification and analysis of documentary data. Among them, in particular, is the idea that «Peter's plans, as in many other cases, were ahead of their time. The country did not yet have economic opportunities for large-scale development of overseas territories, and the tsar's call to 'build companies' did not receive a response; Cossacks and soldiers could not replace energetic businessmen, sailors, merchants, shipowners, who were scarce in Russia itself» [62, p. 274].

Military events in Dagestan during the stay of the imperial army in the region, in particular punitive expeditions against shamkhal Tarkovsky Adil-Girei, according to I.V. Kurukin, marked the beginning of the Caucasian War. The author considers «it fair the existence of more than one (Caucasian war. – auth.), and several such wars in the period from 1722 to the suppression of the last great uprising in Chechnya and Dagestan in 1878, more precisely, not so much the actual wars as the coupling of diverse and different-time conflicts related to the problems of internal development of highland societies, their resistance to Russian advance into the Caucasus, the struggle of the Russian authorities with raids, interethnic contradictions and continuous strife, finally, with the clash of various civilizations and the struggle for the division of Transcaucasia between the great powers» [63, p. 10]. The attribution of the beginning of the Caucasian War to the events of the Peter's era in the Caucasus emerged in the works of pre-revolutionary authors. Thus, V.A. Potto drew attention to the fact that «if Russia's relations with the Caucasus date back to the oldest times of our history, then the first steps towards its lasting conquest were taken by Peter the Great, who pointed out to Russia the global objectives that it faced in the Near Asian East in the future» [63]. If we proceed from this view, then it should be noted that in the previous period, in particular at the turn of the 16-17th centuries, armed clashes between Russian troops and Dagestani detachments took place, that it was from this time that Russia's advance into the Caucasus started. As for the Caucasian War, it

should be considered as an independent process, as it has already been established in historiography, following the incorporation of the Caucasian region into the Russian Empire, or as the final stage of annexation, with a specific chronological framework.

Various aspects of the stay of the Russian army in Dagestan in 1722-1735 were reflected in the monograph and numerous publications of the Dagestani historian N.D. Chekulaev [64; 65; 66; 67; 68; 69; 70; 71; 72; 73; 74], some of which were prepared in collaboration with other researchers. The author's research practice has shown that regional archives, in particular the Central State Archive of the Republic of Dagestan, contain a large number of valuable documents about the activities of the Nizovoy Corps in the Western Caspian region. N.D. Chekulaev and co-authors provide information on the recruitment, food and medical support of the regiments of the Russian army. Based on the documentary data, the role of the Terek Cossacks in the Caucasian policy of the empire, the issues of commandant service and the administration of justice in individual garrisons are considered.

With all the value of N.D. Chekulaev's publications, among them there are also those in which the old pre-revolutionary approaches are reanimated. Following Professor I.V. Kurukin, the author places the two-century history of the Russian-Caucasian confrontation into the concept of the «Caucasian War», attributing the beginning of the war to 1725-1726, when a series of punitive expeditions were undertaken under the leadership of Major General G.S. Kropotov against the Dagestan ruler Shamkhal Adil-Girei, who had betrayed the tsar [74].

Publications of E.I. Inozemtseva are devoted mostly to the economic policy of the Russian state in the Caucasus in the 18th century [75; 76; 77; 78]. Combining the archival documents with narrative sources, she managed to explore the role and importance of the Caspian trade route and the Caspian Sea as a contact zone in the formation and development of economic relations between the Russian Empire and its eastern neighbors, to show the organization of safe navigation in the Caspian region, the creation of trade infrastructure, to show the process of integration of the Western Caspian region into the Russian economic system.

An important direction in the historiography of the problem under question has recently become the study of the role of the nomadic and settled peoples of southern Russia as allies of the Russian government in the Caucasus. A number of publications discuss the role of Cossacks and Kalmyks in the Russian military company in the Western Caspian region in the first third of the 18th century [77; 79; 80; 81]. As we know, irregular forces acted as punitive detachments against the rebellious Caucasian and Persian rulers. Kalmyk historian V.T. Tepkeev shows the ambiguity of the policy of the Kalmyk Khan Ayuki, when he simultaneously participated as an ally in the campaign of the Russian army in Derbent, and at the same time continued to maintain good-neighborly relations with those Dagestani rulers who opposed the Russian government. When the leaders of the Kalmyk army were ordered to pursue the inhabitants of Endirey who resisted the army of Peter I, the Kalmyks secretly warned them «to hide wherever they can» [82, p. 18]. However, it should be noted that V.T. Tepkeev uses the new name «Derbent Campaign» to label the military

campaign of 1722, which by semantics cannot cover the essence of the military-political operation of Peter the Great.

N.N. Garunova's study is devoted to the problems of the implementation of the Caucasian policy of the Russian Empire and the role of Russian fortress cities in this process, including those founded in the Peter's era [83; 84]. The researcher examines the role of the Tersk town and the fortress of the Holy Cross (the latter was founded by the personal order of Emperor Peter the Great) as Russian outposts in the Caucasus, as well as the problems of the colonization and resettlement policy of the empire in the region. A notable phenomenon in the historiography of the problem under study was another publication by N.N. Garunova, which is dedicated to the general-in-chief V. Ya. Levashov [85] during his stay in the Caucasus.

The historiography of the personalities participating in Peter's campaign of 1722-1723 and the figures of the Nizovoy Corps still remains a poorly developed historiographical topic. Historical personalism in scientific research, methodologically related to the problem of the role of personality in history, can be a promising direction in the study of the stated problem.

The actualization of not only certain aspects, but also the entire problem of the Persian campaign of 1722-1723 is evidenced by holding the international scientific conference «The Caucasus and the Middle East: from the Caspian campaign of Peter I to the collapse of the Nadir Shah power» in Makhachkala in 2020, dedicated to the 290th anniversary of the campaign, with a subsequent publication of the collection of articles. Among a large number of publications, we highlight the papers of N.A. Sotavov «The Caucasian campaigns of Peter I and Nadir Shah Afshar and their consequences for the peoples of the region» [86], A.M. Magomeddadaev, Z.M. Amirov «The Azov-Caspian campaigns of Peter I in the context of international politics and the invasion of Nadir Shah in the Caucasus» [87], in which the Persian campaign is considered in the context of a complex international situation in the region, in conjunction with other foreign policy companies of the emperor.

In the publication of the Chechen historian Sh.A. Gapurov [88] the campaign of Peter I is considered from the point of view of foreign authors. The author comes to the conclusion that «almost all foreign historians agree mainly with the opinion of domestic authors about the goals of Peter the Great's Caspian campaign: to get access to the Caspian Sea, establish trading posts on its coast, establish trade relations with India and other eastern countries through the Caspian Sea, turn the Persian silk trade route to Europe, which ran through Turkey and Turkish possessions to Russia, turning it into a transshipment point for eastern trade with Europe and, finally, prevent Turkey from reaching the Caspian Sea, seizing the Caspian coast, which would pose a serious threat to Russia's southern borders.» As for the reasons for the unexpected retreat of the emperor himself and his army, foreign authors tend to consider «the threat of war with Turkey as the most important reason» [88, p. 68]. This, in particular, was mentioned by some Russian historians such as V.P. Lystsov, O.P. Markov, N.A. Sotavov with reference to Turkish authors. On this issue, the historian I.V. Kurukin writes that «the decrees and other papers at our disposal

from Peter's Cabinet do not contain information about the arrival of any of the Turkish diplomats to the Russian camp; this topic was not raised among the generals at the «council» held in the camp [62, p. 102]. In addition to that, we conducted comprehensive research on Peter's legacy in the history of the Caucasus within the framework of the RFBR grant and failed to find any documents on this subject in the central and regional archives. Thus, the idea that the Emperor's campaign was interrupted due to the threat of war with the Turks, which migrated from the works of Turkish authors to the works of domestic historians, has no documentary evidence.

The foundations of the Eastern policy of Peter the Great occupy an important place in the modern Russian historiographical discourse. This is evidenced by the XI International Petrovsky Congress «Peter I and the East» held in St. Petersburg in 2018, which resulted in a collection of articles. The first section of the collection «Caspian region and Persia» of twelve papers covers a wide range of issues of the emperor's policy in the Caspian region. At least six papers of this collection are devoted to the Persian campaign. These are publications of the Rostov historian P.A. Avakov [89] on the participation of the Don Cossacks in the campaign, Dagestan historians M.S. Gadzhiev, E.I. Inozemtseva, N.D. Chekulaev [90] about the Derbent garrison of the Nizovoy Corps, N.M. Speranskaya [91] about the journal of the Persian campaign from the Voltaire library, etc., which are distinguished by a solid source base, innovative approaches and assessments of the problem under study.

The most informative is the article by the leading archivist and historian T.A. Lapteva [92], written on the basis of documents of the collection of the «Cabinet of Peter the Great» from RGADA. The publication reviews the activities of the commandant of the Derbent garrison of the Nizovoy Corps, Colonel A.T. Junger («the nestling of Peter's nest») for the management and economic development of Derbent and its surroundings, one of the few who continued the work of the emperor after his death. Documents published as an appendix to the article, present the correspondence of the commandant with the Cabinet Secretary A.V. Makarov, reveal the commandant A.T. Junger as an experienced and efficient manager who cares about the affairs of the empire in the Caspian regions.

The stay of Peter the Great in Derbent during the Persian Campaign is considered in the article by archaeologist M.S. Gadzhiev [93]. In addition, the publication provides graphic materials and photographs of the 19th – early 20th century, depicting the dugout of Peter I and the columned building above it, provides an overview of archaeological research at the site «The House of Peter I» in Derbent.

The issue of Peter the Great's campaign of 1722-1723 and its results has recently been touched upon in monographic studies by Dagestan Caucasiologist in connection with the coverage of issues of the Caucasian policy of the Russian state, international relations in the North-Eastern Caucasus in the 18th – early 19th centuries [94; 95; 96].

The political situation in Dagestan and the foreign policy of its rulers on the eve of the campaign are investigated in the article by Sh.A. Magaramov [97]. F.N. Orudzhev's paper is devoted to the study of the influence of Peter's campaign on the process of formation and strengthening of the pro-Russian orientation of Dagestan political elites [98].

Currently, there is an actualization of source studies on the problem under question due to the two major dates: in 2022, the 350th anniversary of the birth of Peter the Great and the 300th anniversary of the Persian Campaign. In 2020, a collection of archival documents and materials, prepared by Dagestan historians E.I. Inozemtseva, Sh.A. Magaramov and N.D. Chekulaev [99], was published, which include about 300 original documents from the state and federal archives of Russia. The documents were introduced into science for the first time and make it possible to reconstruct the Russian imperial policy in the Western Caspian Region in 1722-1735 in the international context. The collected documents highlight the imperial experience of management and economic development of the region, the system of interaction with local elites, reveal the daily life of Russian officers and soldiers on the coasts of the Caspian Sea, difficulties in the functioning of the Nizovoy Corps associated with the natural factor and the ethnopolitical composition of the region.

The authors published a series of scientific papers on various aspects of the activities of Peter I and the Nizovoy Corps in the Caspian region. Among them are publications devoted to the financial and economic activities of the Derbent garrison of the Imperial troops [100; 101] and Peter the Great's unfulfilled plans to create a network of trade communications and infrastructure in the Western Caspian region [102]. We should also mention the joint publication of F.A. Polchaeva and D.A. Kasymov, in which they recreate the image of Peter I in the historical memory of the Dagestan population. The innovative ideas of the authors in the formulation of the problem should also be noted. Their study reveals the ambiguity of the perception of the personality of Peter the Great by the modern Dagestan society: «On the one hand, Peter the Great is an invader who burned settlements (in Utamysh and Endirei), ravaged villages (in the Lower Kaitag) and brutally killed their population. On the other hand, he is a great politician who influenced the development of the Russian state for many decades to come, who played a positive role in the development of Russian-Dagestan relations. Despite these diametrically opposed opinions, the image of Peter I in the historical memory of the peoples of Dagestan has formed a fundamentally positive one» [103, p. 897].

Thus, the analysis of the entire complex of historiographical sources published for almost three centuries shows that significant progress has been made in the study of the Persian Campaign of 1722-1723 and its results. At the same time, the assessments and conclusions of the authors of the pre-revolutionary and Soviet eras were made following the prevailing ideological lines in the country. In the last three decades, due to the methodological evolution of research approaches, it has become possible to take a fresh look at the seemingly already established assessments of Peter the Great's military-political campaign in the Caspian region. A large fund of sources has been introduced into science, which make it possible to develop as independent aspects problems related to the economic development of the empire of the Western Caspian region, the activities of individual personalities, the reaction of the Caucasian and Persian rulers to new political realities. There is a tendency in modern historical science to study the problem from the standpoint of the Russian-Persian-Ottoman frontier, which acted not only as a zone of conflict, resistance, but also the interaction

of frontier communities and their elites. A promising direction may be the study of the reflection of the events of those years in the historical memory of the population of the Caucasus-Caspian region, including the image of Peter the Great and his generals – M.A. Matyushkin, V.V. Dolgorukov, V.Ya. Levashov and others, who were the direct agents of Russian policy in the Caspian region. Conditions are being created for studying the problem using such methodological approaches as the history of everyday life, military-historical anthropology, historical personalism.

Acknowledgements. This study was financially supported by the Russian Fund for Fundamental Research through the scientific projects №20-19-50087 “Historiography of the Persian Campaign of 1722-1723 of Peter the Great and its results (to the 300th anniversary of the campaign)” and № 20-09-42023 “Peter the Great in the historical fate of the Caucasus-Caspian Region”.

REFERENCES

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gadzhiev VG. The work of J. Gerber «Description of the lands and peoples between Astrakhan and the Kura River» as a historical source on the history of the peoples of the Caucasus [*Sochinenie I. Gerbera «Opisanie stran i narodov mezhdru Astrakhan'yu i rekoj Kuroi nakhodyashchikhsya» kak istoricheskii istochnik po istorii narodov Kavkaza*]. Moscow: Nauka, 1979. (In Russ)
2. Gerber IG. Description of lands and peoples along the western coast of the Caspian Sea, 1728. *History, geography and ethnography of Dagestan in the XVIII-XIX centuries. Archival materials [Opisanie stran i narodov vdol' zapadnogo berega Kaspiiskogo morya, 1728 g.]*. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 1958:60-120. (In Russ)
3. Soymonov FI. *Description of the Caspian Sea and the Russian conquests, as part of the history of the Emperor Peter the Great [Opisanie Kaspiiskogo morya i chinennykh na onye rossiiskie zavo-evaniya, yako chast' istorii gosudarya imperatora Petra Velikogo]*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1763. (In Russ)
4. Golikov II. *Deeds of Peter the Great, the wise reformer of Russia [Deyaniya Petra Velikogo, mudrogo preobrazitelya Rossii]*. Part VIII. Moscow, 1789. (In Russ)
5. Komarov VV. *Persian War of 1722-1725 [Persidskaya voina 1722-1725 gg.]*. Moscow: Katkov and Co., 1867. (In Russ)
6. Brief chronicle of the wars waged by the Russians against the Persians. *Notes of the Fatherland [Kratkaya letopis' voenam, vedennym russkimi protiv persiyan // Otechestvennye zapiski]*. St. Petersburg: K. Kraya Typography, 1827. (In Russ)
1. Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа / В. Г. Гаджиев. – М.: Наука, 1979. – 272 с.
2. Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 г. / И. Г. Гербер // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. – М.: Изд-во вост. лит., 1958. – С. 60–120.
3. Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российские завоевания, яко часть истории государя императора Петра Великого / Ф. И. Соймонов. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1763. – 380 с.
4. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России / И. И. Голиков. – Ч. VIII. – М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1789. – 449 с.
5. Комаров В.В. Персидская война 1722–1725 гг. / В. В. Комаров. – М.: Тип. «Катков и К°», 1867. – 68 с.
6. Краткая летопись войнам, веденным русскими против персиян // Отечественные записки. – СПб.: Тип. К. Крайя, 1827. Ч. 32. – 528 с.
7. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I: 1722–1723 / В. П. Лысцов. – М.: МГУ, 1951. – 248 с.
8. Мельгунов Г.В. Поход Петра Великого в Персию / Г. В. Мельгунов // Русский вестник. – 1874. – Т. 110. – С. 5–60.
9. О Персидском походе при государе Петре Великом бывшем // Русский архив. – 1899. – № 12. – С. 481–491.

7. Lystsov VP. *Persian campaign of Peter I: 1722–1723* [*Persidskii pokhod Petra I: 1722–1723*] Moscow: MSU, 1951. (In Russ)
8. Melgunov GV. The campaign of Peter the Great to Persia [*Pokhod Petra Velikogo v Persiyu*]. *Russian Journal*. 1874, 110: 5–60. (In Russ)
9. On the Persian campaign under the former Tsar Peter the Great [*O Persidskom pokhode pri gosudare Petre Velikom byvshem*]. *Russian archive*. 1899, 12: 481–491. (In Russ)
10. Soloviev SM. Peter the Great on the Caspian Sea [*Solov'ev S.M. Petr Velikii na Kaspiiskom more*]. *Bulletin of Europe*. 1868, 2: 163–202.
11. Tumansky F. Description of the campaign of Tsar Peter the Great to the Persian provinces lying at the Caspian Sea [*Opisanie pokhoda gosudarya Petra Velikogo k lezhashchim pri Kaspiiskom more persidskim provintsiyam*]. *Russian journal*. 1793, 3: 45–76. (In Russ)
13. Muravyova LL. Military-historical poster of the 18th century about the Persian campaign of Peter I. *Archeographic Yearbook for 1961* [*Voeno-istoricheskii plakat XVIII veka o Persidskom pokhode Petra I*]. Moscow, 1962:393–415. (In Russ)
14. Goldenberg LA. Handwritten maps and plans of the 18th century. as a source on the history of the city of Derbent. *Archeographic Yearbook for 1963* [*Rukopisnye karty i plany XVIII v. kak istochnik po istorii goroda Derbenta*]. Moscow: Nauka, 1964:115–140. (In Russ)
15. Buturlin DP. *Military history of the campaigns of Russians in the 18th century* [*Voennaya istoriya pokhodov rossiyan v XVIII stoletii*]. St. Petersburg: Military Typography of the General Staff of His Imperial Majesty, 1823. Vol. 4, Part 2.
16. Butkov PG. *Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803* [*Materialy dlya novoi istorii Kavkaza s 1722 po 1803 god*]. Part 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1869. (In Russ)
17. Potto VA. *Historical study of the Caucasian wars from their beginning to the annexation of Georgia* [*Istoricheskii ocherk Kavkazskikh voin ot ikh nachala do prisoedineniya Gruzii*]. Tiflis, 1899. (In Russ)
18. Potto VA. *The Caucasian War in Selected Works, Episodes, Legends and Biographies* [*Kavkazskaya voina v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh*]. St. Petersburg, 1887. Vol. 1. (In Russ)
19. *Materials for the history of the Russian fleet* [*Materialy dlya istorii russkogo flota*]. St. Petersburg
10. Соловьев С.М. Петр Великий на Каспийском море / С. М. Соловьев // Вестник Европы. – 1868. – Т. II. – С. 163–202.
11. Туманский Ф. Описание похода государя Петра Великого к лежащим при Каспийском море персидским провинциям / Ф. Туманский // Российский магазин. – 1793. – Ч. 3. С. 45–76.
12. Лебедев В.И. Западный берег Каспийского моря при Петре Великом / В.И. Лебедев // Журнал Министерства народного просвещения. – 1848. – № 7. – С. 1–17.
13. Муравьева Л.Л. Военно-исторический плакат XVIII века о Персидском походе Петра I / Л. Л. Муравьева // Археографический ежегодник за 1961 год. – М., 1962. С. 393–415.
14. Гольденберг Л.А. Рукописные карты и планы XVIII в. как источник по истории города Дербента / Л.А. Гольденберг // Археографический ежегодник за 1963 г. – М.: Наука, 1964. – С. 115–140.
15. Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII столетии / Д. П. Бутурлин. – СПб.: Военная Тип. Главного Штаба Его Императорского Величества, 1823. Т. 4. Ч. 2. – 266 с.
16. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год / П.Г. Бутков. – Ч. 1. – СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1869. – 548 с.
17. Потто В.А. Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии / В. А. Потто. – Тифлис: Воен.-ист. отд. при Штабе Кавк. воен. окр., 1899. – 332 с.
18. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях / В. А. Потто. – СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1887. Т. 1. – 737 с.
19. Материалы для истории русского флота. – СПб.: Тип. Морского Министерства, 1867. Ч. IV. – 740 с.
20. Козубский Е.И. История города Дербента / Е. И. Козубский. – Темир-Хан-Шура: «Русская тип.» В.М. Сорокина, 1906. – 468 с.
21. Зевакин Е.С. Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации XVIII века / Е. С. Зевакин // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. – Баку: б/и, 1927. – С. 123–133.
22. Никифоров Л.И. В. П. Лысцов. Персидский поход Петра I (1722–1723) / Л. И. Никифоров // Вопросы истории. – 1952. – № 4. – С. 105–108.

burg: Marine Ministry, 1867. Part IV. (In Russ)

20. Kozubsky EI. *History of the city of Derbent [Istoriya goroda Derbenta]*. Temir-Khan-Shura, 1906. (In Russ)

21. Zevakin ES. The Caspian provinces in the era of the Russian occupation of the 18th century [*Pri-kaspiiskie provintsii v epokhu russkoi okkupatsii XVIII veka*]. *News of the Society for Survey and Study of Azerbaijan*. Baku, 1927:123-133. (In Russ)

22. Nikiforov LI, Lystsov VP. The Persian campaign of Peter I (1722–1723) [*Persidskii pokhod Petra I (1722–1723)*]. *Questions of history*. 1952, 4: 105-108. (In Russ)

23. Gadzhiev VG. *The role of Russia in the history of Dagestan [Rol' Rossii v istorii Dagestana]*. Moscow: Nauka, 1965. (In Russ)

24. *History of Dagestan [Istoriya Dagestana]*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1967. (In Russ)

25. *The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century [Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v.]*. Moscow: Nauka, 1988. (In Russ)

26. Leviatov VN. *Studies on the history of Azerbaijan in the 18th century [Ocherki iz istorii Azerbaidzhana v XVIII v.]*. Baku: Publishing house of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR, 1948. (In Russ)

27. Arutunyan PT. *Liberation movement of the Armenian people in the first quarter of the 18th century [Osvoboditel'noe dvizhenie armyanskogo naroda v pervoi chetverti XVIII v.]*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1954. (In Russ)

28. Abdurakhmanov AA. *Azerbaijan in the relationship between Russia, Turkey and Iran in the first half of the 18th century [Azerbaidzhan vo vzaimootnosheniyakh Rossii, Turtsii i Irana v pervoi polovine XVIII v.]*. Baku: Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR, 1964. (In Russ)

29. Abdullaev GB. *Azerbaijan in the 18th century and its relationship with Russia [Azerbaidzhan v XVIII veke i vzaimootnosheniya ego s Rossiei]*. Baku: Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR, 1965. (In Russ)

30. Paichadze GG. *Russian-Georgian political relations in the first half of the 18th century [Russko-gruzinskie politicheskie otnosheniya v pervoi polovine XVIII v.]*. Tbilisi: Sabchota Sakartvelo, 1970. (In Russ)

31. Aliev FM. *Anti-Iranian demonstrations and the struggle against the Turkish occupation in Azerbaijan in the first half of the 18th century [An-*

23. Gadzhiev V.G. Роль России в истории Дагестана / В. Г. Гаджиев. – М.: Наука, 1965. – 392 с.

24. История Дагестана. – М.: Восточная литература, 1967. Т. I. – 436 с.

25. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М.: Наука, 1988. – 543 с.

26. Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. / В.Н. Лебедев. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1948. – 227 с.

27. Арутунян П.Т. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. / П.Т. Арутунян. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 304 с.

28. Абдурахманов А.А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIII в. / А. А. Абдурахманов. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1964. – 97 с.

29. Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией / Г.Б. Абдуллаев. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1965. – 621 с.

30. Пайчадзе Г.Г. Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII в. / Г. Г. Пайчадзе. – Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1970. – 280 с.

31. Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. / Ф.М. Алиев. – Баку: Элм, 1975. – 231 с.

32. Русско-дагестанские взаимоотношения в XVII – первой четверти XVIII вв. (Документы и материалы). – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1958. – 336 с.

33. Русско-дагестанские взаимоотношения в XVIII – начале XIX в.: сборник документов. – М.: Наука, 1988. – 357 с.

34. Федоров Г.С. Некоторые эпизоды из истории похода Петра I на Кавказ / Г.С. Федоров // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в. – Махачкала: Даг. фил. АН СССР, 1988. – С. 84–86.

35. Мустафазаде Т.Т. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. / Т. Т. Мустафазаде. – Баку: Элм, 1993. – 240 с.

36. Гезалова Н.Р. Вопросы истории Азербайджана XVIII в. (На основе сведений англоязычных источников и историографии) / Н.Р. Гезалова. – М.: ИРИС Групп, 2010. – 241 с.

tiiranskie vystupleniya i bor'ba protiv turetskoi okkupatsii v Azerbaidzhane v pervoi polovine XVIII v.]. Baku: Elm, 1975. (In Russ)

32. *Russian-Dagestan relations in the XVII – first quarter of the XVIII centuries. (Documents and materials)* [Russko-dagestanskije vzaimootnosheniya v XVII – pervoi chetverti XVIII vv. (Dokumenty i materialy)]. Makhachkala: Dagbook Publ., 1958. (In Russ)

33. *Russian-Dagestan relations in the 18th – early 19th centuries: collection of documents* [Russko-dagestanskije vzaimootnosheniya v XVIII – nachale XIX v.: sbornik dokumentov]. Moscow: Nauka, 1988. (In Russ)

34. Fedorov GP. Some episodes from the history of Peter I's campaign to the Caucasus. *Russian-Dagestan relations in the 16th - early 20th centuries* [Nekotorye epizody iz istorii pokhoda Petra I na Kavkaz / G. S. Fedorov // Russko-dagestanskije vzaimootnosheniya v XVI – nachale XX v.]. Makhachkala: Dag. Phil. Academy of Sciences of the USSR, 1988:84-86. (In Russ)

35. Mustafazade TT. *Azerbaijan and Russian-Turkish relations in the first third of the 18th century* [Azerbaidzhan i russko-turetskie otnosheniya v pervoi treti XVIII v.]. Baku: Elm, 1993. (In Russ)

36. Gezalova NR. *Issues of the history of Azerbaijan in the 18th century (Based on information from English-language sources and historiography)* [Voprosy istorii Azerbaidzhana XVIII v. (Na osnove svedenii angloyazychnykh istochnikov i istoriografii)]. Moscow: IRIS Group, 2010.

37. Vachnadze M. *History of Georgia (from ancient times to 1801)* [Istoriya Gruzii (s drevneishikh vremen do 1801 g.)]. Tbilisi: Intellect, 2004.

38. Sotavov N-PA. *The North Caucasus in Russian-Iranian and Russian-Turkish relations in the 18th century: From the Treaty of Constantinople to the Kuchuk-Kainardzhiyskiy peace, 1700-1774* [Severnyi Kavkaz v russko-iranskikh i russko-turetskikh otnosheniyakh v XVIII v.: Ot Konstantinopol'skogo dogovora do Kyuchuk-Kainardzhiiskogo mira, 1700-1774 gg.]. Moscow: Nauka, 1991. (In Russ)

39. Pavlenko NI. *Peter the Great* [Petr Velikiy]. Moscow: Mysl, 1990. (In Russ)

40. Fadeev AV. *Russia and the Caucasus in the first third of the 19th century* [Rossiya i Kavkaz v pervoi treti XIX v.]. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. (In Russ)

41. Gasanov MR. The Caspian campaign of Peter I – an important stage in the development of

37. *Vachnadze M.* История Грузии (с древнейших времен до 1801 г.) / М. Вачнадзе, В. Гурули, М. Бахтадзе. – Тбилиси: Интеллект, 2004. – 260 с.

38. *Sotavov N.-P.A.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в.: От Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира, 1700–1774 гг. / Н.-П. А. Сотавов. – М.: Наука, 1991. – 224 с.

39. *Pavlenko N.I.* Петр Великий / Н.И. Павленко. – М.: Мысль, 1990. – 591 с.

40. *Fadeev A.V.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. / А. В. Фадеев. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 398 с.

41. *Gasanov M.P.* Каспийский поход Петра I – важный этап в развитии русско-дагестанских отношений / М. Р. Гасанов // Научная мысль Кавказа. – 1995. – № 2. – С. 67–71.

42. *Gasanov M.P.* Каспийский поход Петра I 1722–1723 гг. – один из важных этапов в развитии русско-дагестанских взаимоотношений / М.Р. Гасанов. Махачкала: Эпоха, 2015. – 111 с.

43. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009. – 752 с.

44. История народов Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. – М.: Наука, 2004. – 627 с.

45. Северный Кавказ в составе Российской империи. – М.: Новое лит. обозрение, 2007. – 460 с.

46. *Durov I.G.* Провиантское обеспечение русской армии и флота в Персидском походе 1722–1723 гг. / И. Г. Дуров // Кров. Порох. Лавры: Войны России в эпоху барокко (1700–1762). Вып. I. – СПб.: б\и, 2002. – С. 37–44.

47. *Petrukhinets N.N.* Опальный фельдмаршал / Н. Н. Петрухинцев // Родина. – 1993. – № 12. – С. 34–37.

48. *Petrukhinets N.N.* Проект Бругемана и русская оккупация прикаспийских областей в двадцатых годах XVIII века / Н.Н. Петрухинцев // Каспийский транзит. – М.: Ди-Дик Танаис, 1996. Т. 2. Вып. 5–6. – С. 566–581.

49. *Polievktov M.A.* Выход к морю / М.А. Полиевктов // Каспийский транзит. – М.: Ди-Дик Танаис, 1996. Т. 2. Вып. 5–6. – С. 522–548.

Russian-Dagestan relations [*Kaspiiskii pokhod Petra I – vazhnyi etap v razvitii russko-dagestanskikh otnoshenii*]. *Scientific Thought of the Caucasus*. 1995, 2: 67-71. (In Russ)

42. Gasanov MR. *The Caspian campaign of Peter I 1722–1723 – one of the important stages in the development of Russian-Dagestan relations* [*Kaspiiskii pokhod Petra I 1722–1723 gg. – odin iz vazhnykh etapov v razvitii russko-dagestanskikh vzaimootnoshenii*]. Makhachkala: Epoha, 2015.

43. *The history of centuries-old relations and unity of the peoples of Dagestan with Russia. To the 150th anniversary of the final entry of Dagestan into Russia* [*Istoriya mnogovekovykh vzaimootnoshenii i edineniya narodov Dagestana s Rossiei. K 150-letiyu okonchatel'nogo vkhozhdeniya Dagestana v sostav Rossii*]. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2009. (In Russ)

44. *History of the peoples of Dagestan from ancient times to the present day. Vol. 1* [*Istoriya narodov Dagestana s drevneishikh vremen do nashikh dnei*]. Moscow: Nauka, 2004. (In Russ)

45. *North Caucasus as part of the Russian Empire* [*Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii*]. Moscow: New lit. review, 2007. (In Russ)

46. Durov IG. Provisions for the Russian army and navy in the Persian campaign of 1722–1723. *Blood. Powder. Laurels: Wars of Russia in the Baroque Era (1700-1762)* [*Proviantskoe obespechenie russkoi armii i flota v Persidskom pokhode 1722–1723 gg.*]. Issue I. St. Petersburg, 2002: 37-44. (In Russ)

47. Petrukhintsev NN. Disgraced field marshal [*Opal'nyi fel'dmarshal*]. *Rodina*. 1993, 12: 34–37.

48. Petrukhintsev NN. Brugeman's project and the Russian occupation of the Caspian regions in the twenties of the 18th century [*Proekt Brugemana i russkaya okkupatsiya prikaspiiskikh oblastei v dvadtsatykh godakh XVIII veka*]. *Caspian transit*. Moscow: Di-Dik Tanais, 1996, 2(5-6): 566–581.

49. Polievktov MA. Access to the sea [*Vykhod k moryu*]. *Caspian transit*. Moscow: Di-Dik Tanais, 1996, 2(5-6): 522–548. (In Russ)

50. Baryshnikova N.V. *The Caucasian policy of Peter I* [*Kavkazskaya politika Petra I*]: dissertation. Makhachkala, 1999. (In Russ)

51. Kasumov RM. *The Caspian campaign of Peter I and Russian-Dagestan relations in the first half of the 18th century* [*Kaspiiskii pokhod Petra I i russko-dagestanskii otnosheniya v pervoi polovine XVIII v*]: dissertation. Makhachkala, 1999. (In Russ)

50. *Барышникова Н.В.* Кавказская политика Петра I: дис. ... канд. ист. наук / Барышникова Наталья Вячеславовна. – Махачкала, 1999. – 194 с.

51. *Касумов Р.М.* Каспийский поход Петра I и русско-дагестанские отношения в первой половине XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук / Касумов Рамазан Магомедович. – Махачкала, 1999. – 188 с.

52. *Рахаев Д.Я.* Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д.Я. Рахаев. – Нальчик, 2008. – 27 с.

53. *Саламова Н.А.* Кавказ и Причерноморье в русско-турецких отношениях: от Каспийского похода Петра I до присоединения Крыма к России (1722–1783 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Саламова Написат Абдулгамидовна. – Махачкала, 2002. – 29 с.

54. *Сотавов Х.Н.* Дагестан в кавказской политике России, Ирана и Турции в первой половине XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Сотавов Халид Надирпашаевич. – Махачкала, 2002. – 30 с.

55. *Чекулаев Н.Д.* Российские войска в Дагестане 1722–1735 гг.: Проблемы кавказской политики в регионе: дис. ... канд. ист. наук / Н. Д. Чекулаев. – Махачкала, 2008. – 222 с.

56. *Курукин И.В.* «...Провинции в полное владение и состояние привести трудно (рапорт М.А. Матюшкина Петру I от 19 января 1725 г.)» / И.В. Курукин // Отечественные записки. – 2005. – № 4. – С. 341–345.

57. *Курукин И.В.* «Азиатской народ» глазами российских генералов: опыт взаимодействия «Персидского корпуса» с населением прикаспийских провинций в 1723–1735 гг. / И.В. Курукин // Астраханские Петровские чтения: «Россия – Астрахань – Восток: интегральное взаимодействие (к 300-летию образования Астраханской губернии)»: материалы Международной научной конференции. – Астрахань: Астраханский гос. университет, 2018. – С. 187–189.

58. *Курукин И.В.* Завещание генерал-майора И. Штерншанца 1728 г.: жизнь и смерть офицера экспедиционного «Низового корпуса» в «новоприсоединенных провинциях» Ирана / И.В. Курукин // Вестник архивиста. – 2019. – № 3. – С. 767–777.

59. *Курукин И.В.* Планы и итоги Персидского похода Петра I // Единорогъ: Матери-

52. Rakhaev DYa. *Russian policy in the North Caucasus in the first quarter of the 18th century* [Politika Rossii na Severnom Kavkaze v pervoi chetverti XVIII veka]: dissertation. Nalchik, 2008.

53. Salamova NA. *Caucasus and Black Sea region in Russian-Turkish relations: from the Caspian campaign of Peter I to the annexation of the Crimea to Russia (1722–1783)* [Kavkaz i Prichernomor'e v rusko-turetskikh otnosheniyakh: ot Kaspiiskogo pokhoda Petra I do prisoedineniya Kryma k Rossii (1722–1783 gg.)]: dissertation. Makhachkala, 2002. (In Russ)

54. Sotavov KhN. *Dagestan in the Caucasian policy of Russia, Iran and Turkey in the first half of the 18th century* [Dagestan v kavkazskoi politike Rossii, Irana i Turtsii v pervoi polovine XVIII v.]: dissertation. Makhachkala, 2002. (In Russ)

55. Chekulaev ND. *Russian troops in Dagestan 1722–1735: Problems of Caucasian politics in the region* [Rossiiskie voiska v Dagestane 1722–1735 gg.: Problemy kavkazskoi politiki v regione]: dissertation. Makhachkala, 2008. (In Russ)

56. Kurukin IV. «... It is difficult to bring the provinces into full possession and state (report of M.A. Matyushkin to Peter I of January 19, 1725)» [«...Provintsii v polnoe vladenie i sostoyanie privesti trudno (raport M.A. Matyushkina Petru I ot 19 yanvarya 1725 g.)»]. *Otechestvennye zapiski*. 2005, 4: 341–345. (In Russ)

57. Kurukin IV. The «Asian people» through the eyes of Russian generals: the experience of interaction between the «Persian corps» and the population of the Caspian provinces in 1723–1735 [«Aziatskoi narod» glazami rossiiskikh generalov: opyt vzaimodeistviya «Persidskogo korpusa» s naseleniem prikaspiiskikh provintsii v 1723–1735 gg.]. *Astrakhan Petrovsky readings: «Russia - Astrakhan - East: integral interaction (to the 300th anniversary of the formation of the Astrakhan province)»: proceedings of the International scientific conference*. - Astrakhan: Astrakhan State University, 2018:187-189. (In Russ)

58. Kurukin IV. Testament of Major General I. Sternshants of 1728: life and death of an officer of the expeditionary «Nizovoy Corps» in the «newly annexed provinces» of Iran [Zaveshchanie general-maiora I. Shternshantsa 1728 g.: zhizn' i smert' ofitsera ekspeditsionnogo «Nizovogo korpusa» v «novoprisoedinennykh provintsiyakh» Irana]. *Bulletin of the archivist*. 2019, 3: 767-777. (In Russ)

59. Kurukin IV. Plans and results of the Persian campaign of Peter I [Plany i itogi Persidskogo pokhoda Petra I]. *Unicorn: Materials on the military*

алы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени / И.В. Курукин. – М.: Квадрига, 2011. Вып. 2. – С. 110–128.

60. Курукин И.В. Управление «новоприсоединенными провинциями» после Персидского похода 1722–1723 годов: Имперские надежды и восточные «обычаи» // Петр I и Восток: материалы XI Международного петровского конгресса / И.В. Курукин. – СПб.: Европ. дом, 2019. – С. 99–104.

61. Курукин И.В. Уроки «персидской глупости»: из истории вопроса о мытье русских сапог в Индийском океане / И.В. Курукин // Родина. – 2001. – № 5. – С. 69–75.

62. Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735) / И.В. Курукин. – М.: Квадрига, 2010. – 381 с.

63. Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе: в 2 вып. / под ред. В.А. Потто. – Тифлис: Тип. Штаба Кавказского воен. округа, 1906. Вып. I. – С. 34–37.

64. Абдусаламов М.-П.Б. Аграханское казачье войско в планах Российской империи на Северном Кавказе (1722–1735 гг.) / М.-П. Б. Абдусаламов, Н. Д. Чекулаев // Вопросы истории. – 2019. – № 4. – С. 120–128.

65. Абдусаламов М.-П.Б. Из истории Персидского похода Петра I: битва под Эндиреем 1722 г. / М.-П. Б. Абдусаламов, Н. Д. Чекулаев // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – Т. 22. № 4. – С. 36–40.

66. Абдусаламов М.-П.Б. Комплектование гарнизона крепости Святого Креста (1722–1735 гг.) по материалам Центрального государственного архива Республики Дагестан / М.-П.Б. Абдусаламов, Н.Д. Чекулаев // История, археология и этнография Кавказа. – 2020. – Т. 16. № 2. – С. 264–279.

67. Абдусаламов М.-П.Б. Военное судопроизводство в Бакинском гарнизоне (1722–1735 гг.) / М.-П.Б. Абдусаламов, Н.Д. Чекулаев, А.О. Муртазаев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 1 (51). – С. 13–16.

68. Чекулаев Н.Д. Армянские эскадроны в составе русских войск. 1723–1764 гг. / Н.Д. Чекулаев // Военно-исторический журнал. – 2008. – № 12. – С. 76–77.

history of Eastern Europe of the Middle Ages and Early Modern times. Moscow: Quadriga. 2011, 2: 110–128. (In Russ)

60. Kurukin IV. Management of the «newly annexed provinces» after the Persian campaign of 1722–1723: Imperial hopes and eastern «customs» [*Upravlenie «novoprisoedinennymi provintsiyami» posle Persidskogo pokhoda 1722–1723 godov: Imperskie nadezhdy i vostochnye «obychai»*]. *Peter I and the East: materials of the XI International Peter's Congress*. St. Petersburg: Evrop. dom, 2019: 99–104. (In Russ)

61. Kurukin IV. Lessons from «Persian stupidity»: from the history of the issue of washing Russian boots in the Indian Ocean [*Uroki «persidskoi gluposti»: iz istorii voprosa o myt'e russkikh sapog v Indiiskom okeane*]. *Rodina*. 2001, 5: 69–75.

62. Kurukin IV. *The Persian campaign of Peter the Great. Lower corps on the shores of the Caspian Sea (1722–1735)* [*Persidskii pokhod Petra Velikogo. Nizovoi korpus na beregakh Kaspiya (1722–1735)*]. Moscow: Quadriga, 2010. (In Russ)

63. Potto V.A. (ed.) *Monuments from the time of the establishment of Russian rule in the Caucasus: in 2 issues* [*Pamyatniki vremen utverzhdeniya russkogo vladychestva na Kavkaze: v 2 vyp.*]. Tiflis: Type. Headquarters of the Caucasian military. District, 1906. 1: 34–37. (In Russ)

64. Abdusalamov M.-P.B. Agrakhan Cossack army in the plans of the Russian Empire in the North Caucasus (1722–1735) [*Agrakhanskoe kazach'e voisko v planakh Rossiiskoi imperii na Severnom Kavkaze (1722–1735 gg.)*]. *Questions of history*. 2019, 4: 120–128. (In Russ)

65. Abdusalamov M.-P.B. From the history of the Persian campaign of Peter I: the battle of Endirei in 1722 [*Iz istorii Persidskogo pokhoda Petra I: bitva pod Endireem 1722 g.*]. *Gumanitarnie nauki v Sibiri*. 2015, 22(4): 36–40. (In Russ)

66. Abdusalamov M.-P.B. Garrison recruitment of the fortress of the Holy Cross (1722–1735): on the materials of the central state archive of the Republic of Dagestan [*Komplektovanie garnizona kreposti Svyatogo Kresta (1722–1735 gg.) po materialam Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Dagestan*]. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2020, 16(2): 264–279. (In Russ)

67. Abdusalamov M.-P.B. Military legal proceedings in the Baku garrison (1722–1735). *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice* [*Voennoe sudoproizvodstvo v Bakinskom garnizone (1722–1735 gg.)*] / M.-P. B. Abdusalamov,

69. Чекулаев Н.Д. Военный суд в крепости Святого Креста / Н.Д. Чекулаев // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2005. – № 1. – С. 105–109.

70. Чекулаев Н.Д. Генерал-аншеф В. Я. Левашов как российский правитель на Кавказе (1722–1735 гг.) / Н.Д. Чекулаев // Всероссийские Миллеровские чтения. – 2016. – № 5. – С. 116–124.

71. Чекулаев Н.Д. Разрыв шамхала Адиль-Гирея с русскими властями, его причины и последствия / Н.Д. Чекулаев // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2006. – № 1 (5). – С. 26–36.

72. Чекулаев Н.Д. Расположение войск гарнизона крепости Святого Креста на Кавказе. 1722–1735 гг. / Н.Д. Чекулаев // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 7. – С. 36–39.

73. Чекулаев Н.Д. Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722–1735 гг.) / Н.Д. Чекулаев. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2008. – 208 с.

74. Абдусаламов М.-П.Б. Выступление шамхала Адиль-Гирея в 1725 г. против российского военного присутствия в Дагестане и начало Кавказской войны / М.-П.Б. Абдусаламов, Н.Д. Чекулаев // Вестник КрасГАУ. – 2013. – № 12 (87). – С. 272–280.

75. Иноземцева Е.И. «Шелковый транзит» из Персии через Дагестан и Россию в Европу – важный фактор развития российского судоходства на Каспии XVIII в. / И.Е. Иноземцева // Вестник Дагестанского научного центра. – 2011. – № 42. – С. 69–73.

76. Иноземцева Е.И. Дагестанский вектор кавказской политики Петра I / И.Е. Иноземцева // Кавказ и Ближний Восток: от Каспийского похода Петра I до распада державы Надир-шаха: материалы Международной научной конференции, проведенной в рамках «Года Российской истории». – Махачкала: Алеф, 2012. – С. 121–126.

77. Иноземцева Е.И. Казачество России в контексте крупномасштабной внешнеполитической акции Низового корпуса императорских войск в Юго-Западном Прикаспии (1722–1735 гг.) / И.Е. Иноземцева // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2016. – № 2. (46). – С. 13–19.

78. Иноземцева Е.И. Кавказское направление во внешней торгово-экономической политике Петра I / И.Е. Иноземцева // «И Божья благодать сошла...»: Романовы и

N. D. Chekulaev, A. O. Murtazaev // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2015, 1 (51): 13–16. (In Russ)

68. Chekulaev ND. Armenian squadrons as part of the Russian troops. 1723–1764 [*Armyanskie eskadrony v sostave russkikh voisk. 1723–1764 gg.*]. *Voенно-istoricheski zhurnal*. 2008, 12: 76–77.

69. Chekulaev ND. Military court in the fortress of the Holy Cross [*Voенnyi sud v kreposti Svyatogo Kresta*]. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2005, 1: 105–109.

70. Chekulaev ND. General-in-chief V. Ya. Levashov as a Russian ruler in the Caucasus (1722–1735) [*General-anshef V. Ya. Levashov kak rossiiskii pravitel' na Kavkaze (1722–1735 gg.)*]. *All-Russian Millerov readings*. 2016, 5: 116–124.

71. Chekulaev ND. The rupture of Shamkhal Adil-Girei with the Russian authorities, its causes and consequences [*Razryv shamkhala Adil-Gireya s russkimi vlastyami, ego prichiny i posledstviya*]. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2006, 1(5): 26–36.

72. Chekulaev ND. The disposition of the troops of the garrison of the fortress of the Holy Cross in the Caucasus. 1722–1735 [*Raspolozhenie voisk garnizona kreposti Svyatogo Kresta na Kavkaze. 1722–1735 gg.*]. *Voенно-istoricheski zhurnal*. 2007, 7: 36–39. (In Russ)

73. Chekulaev N.D. *Russian troops in Dagestan in the context of the Caucasian policy of Russia (1722–1735)* [*Rossiiskie voiska v Dagestane v kontekste kavkazskoi politiki Rossii (1722–1735 gg.)*]. Makhachkala: IHAЕ DSC RAN, 2008. (In Russ)

74. Abdusalamov M-PB. Speech by Shamkhal Adil-Girey in 1725 against the Russian military presence in Dagestan and the beginning of the Caucasian War [*Vystuplenie shamkhala Adil-Gireya v 1725 g. protiv rossiiskogo voennogo prisutstviya v Dagestane i nachalo Kavkazskoi voiny*]. *Bulletin of KrasGAU*. 2013, 12(87): 272–280. (In Russ)

75. Inozemtseva IE. «Silk transit» from Persia through Dagestan and Russia to Europe is an important factor in the development of Russian shipping in the Caspian in the 18th century [*Shelkovyi tranzit» iz Persii cherez Dagestan i Rossiyu v Evropu – vazhnyi faktor razvitiya rossiiskogo sudokhodstva na Kaspii XVIII v.*]. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center*. 2011, 42: 69–73. (In Russ)

76. Inozemtseva IE. Dagestan vector of the Caucasian policy of Peter I. *Caucasus and the Middle East: from the Caspian campaign of Peter I to the collapse of the state of Nadir Shah: proceedings of the International scientific conference held with-*

Северный Кавказ: материалы IV Международных дворянских чтений. – Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2008. – С. 3–10.

79. *Иноземцева Е.И.* Дербентская таможня в контексте кавказской экономической политики России (1722–1735 гг.) / И.Е. Иноземцева, Н.Д. Чекулаев // *Современные проблемы науки и образования*. – 2013. – № 6. – С. 810–814.

80. *Иноземцева Е.И.* О союзниках России в Западном Прикаспии в 1722–1735 годах / И.Е. Иноземцева // *Петр I и Восток: материалы XI Международного петровского конгресса*. – СПб.: Европ. дом, 2019. – С. 88–98.

81. *Тепкеев В.Т.* Документы по истории калмыцко-дагестанских отношений в период Персидского похода 1722–1723 гг. (по материалам Национального архива Республики Калмыкия) / В.Т. Тепкеев // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. – 2017. – № 1. – С. 6–14.

82. *Тепкеев В.Т.* Участие калмыков в Дербентском походе 1722 г. / В.Т. Тепкеев // *Новый исторический вестник*. – 2017. – № 3 (53). – С. 15–22.

83. *Гарунова Н.Н.* Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – в первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции / Н.Н. Гарунова. – Махачкала: Тип. «Радуга-1», 2007. – 275 с.

84. *Гарунова Н.Н.* Терский город и крепость Святого Креста – опорные пункты кавказской политики России в XVI – в первой половине XVIII в. // *Памятники фортификации: история, реставрация, использование* / Н.Н. Гарунова. – Архангельск: Архангельский краеведческий музей, 2012. – С. 218–225.

85. *Гарунова Н.Н.* Кавказский этап в биографии генерала В.Я. Левашова (1722–1735 гг.) / Н.Н. Гарунова // *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки*. – 2016. – Т. 31. № 3. – С. 12–16.

86. *Сотавов Н.А.* Кавказские походы Петра I и Надир-шаха Афшара и их последствия для народов региона / Н.А. Сотавов // *Кавказ и Ближний Восток: от Каспийского похода Петра I до распада державы Надир-шаха* : материалы Международной научной

in the framework of the Year of Russian History [Dagestanskii vektor kavkazskoi politiki Petra I / I. E. Inozemtseva // Kavkaz i Blizhnii Vostok: ot Kaspiiskogo pokhoda Petra I do raspada derzhavy Nadir-shakha: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, provedennoi v ramkakh «Goda Rossiiskoi istorii»]. Makhachkala: Alef, 2012:121-126. (In Russ)

77. Inozemtseva I.E. The Cossacks of Russia in the context of a large-scale foreign policy action of the Lower Corps of the Imperial Forces in the South-Western Caspian Region (1722–1735) [Kazachestvo Rossii v kontekste krupnomasshtabnoi vneshnepoliticheskoi aktsii Nizovogo korpusa imperatorskikh voisk v Yugo-Zapadnom Prikaspii (1722–1735 gg.)]. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2016, 2(46): 13-19. (In Russ)

78. Inozemtseva I.E. Caucasian direction in foreign trade and economic policy of Peter I. «And God's grace descended ...»: The Romanovs and the North Caucasus: materials of the IV International noble readings [Kavkazskoe napravlenie vo vneshnei torgovo-ekonomicheskoi politike Petra I]. Krasnodar: Kubankino Publ., 2008:3-10.

79. Inozemtseva I.E. Derbent customs in the context of the Caucasian economic policy of Russia (1722–1735) [Derbentskaya tamozhnya v kontekste kavkazskoi ekonomicheskoi politiki Rossii (1722–1735 gg.)]. *Modern problems of science and education*. 2013, 6: 810–814. (In Russ)

80. Inozemtseva I.E. On Russia's allies in the Western Caspian region in 1722–1735 [O soyuznikakh Rossii v Zapadnom Prikaspii v 1722–1735 godakh]. *Peter I and the East: proceedings of the XI International Peter's Congress*. St. Petersburg, 2019. p. 88–98. (In Russ)

81. Tepkeev V.T. Documents on the history of Kalmyk-Dagestan relations during the Persian campaign of 1722–1723 (based on the materials of the National Archives of the Republic of Kalmykia) [Dokumenty po istorii kalmytsko-dagestanskikh otnoshenii v period Persidskogo pokhoda 1722–1723 gg. (po materialam Natsional'nogo arkhiva Respubliki Kalmykiya)]. *Journal of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2017, 1: 6–14. (In Russ)

82. Tepkeev V.T. Participation of Kalmyks in the Derbent campaign of 1722 [Uchastie kalmykov v Derbentskom pokhode 1722 g. / V. T. Tepkeev]. *New historical bulletin*. 2017, 3(53): 15–22.

83. Garunova N.N. Russian fortress cities in the context of Russia's policy in the North-Eastern

конференции, проведенной в рамках «Года Российской истории». – Махачкала: Алеф, 2012. – С. 233–240.

87. Магомеддадаев А.М. Азово-Каспийские походы Петра I в контексте международной политики и нашествия Надир-шаха на Кавказ / А.М. Магомеддадаев, З.М. Амирова // Кавказ и Ближний Восток: от Каспийского похода Петра I до распада державы Надир-шаха : материалы Международной научной конференции, проведенной в рамках «Года Российской истории». Махачкала: Алеф, 2012. – С. 157–174.

88. Гапуров Ш.А. Каспийский поход Петра I в оценках зарубежных историков / Ш.А. Гапуров // Кавказ и Ближний Восток: от Каспийского похода Петра I до распада державы Надир-шаха: материалы Международной научной конференции, проведенной в рамках «Года Российской истории». – Махачкала: Алеф, 2012. – С. 66–74.

89. Аваков П.А. Персидский поход Петра I и донское казачество / П.А. Аваков // Петр I и Восток: материалы XI Международного петровского конгресса. – СПб.: Европ. дом, 2019. – С. 28–45.

90. Гаджиев М.С. Дербентский гарнизон Низового корпуса Русской Императорской армии (1722–1735): Краткий обзор / М.С. Гаджиев, Е.И. Иноземцева, Н.Д. Чекулаев // Петр I и Восток : материалы XI Международного петровского конгресса. – СПб. : Европ. дом, 2019. – С. 72–87.

91. Сперанская Н.М. Дневник Персидского похода 1722–1723 годов из Библиотеки Вольтера / Н.М. Сперанский // Петр I и Восток: материалы XI Международного петровского конгресса. – СПб.: Европ. дом, 2019. – С. 164–184.

92. Лаптева Т.А. Дербент в составе Российской империи: Письма коменданта полковника А.Т. Юнгера в Кабинет Е.И.В. (1722–1725) / Т.А. Лаптева // Петр I и Восток: материалы XI Международного петровского конгресса. – СПб.: Европ. дом, 2019. – С. 105–129.

93. Гаджиев М.С. Петр Великий и Дербент / М.С. Гаджиев // Петровские памятники России и Европы: изучение, сохранение, культурный туризм: материалы VII Международного Петровского конгресса. 2016. – С. 232–244.

Caucasus in the 18th – the first half of the 19th century: problems of political, economic and cultural integration [*Rossiiskie goroda-kreposti v kontekste politiki Rossii na Severo-Vostochnom Kavkaze v XVIII – v pervoi polovine XIX v.: problemy politicheskoi, ekonomicheskoi i kul'turnoi integratsii*]. Makhachkala: Raduga-1, 2007.

84. Garunova NN. The Tersk city and the fortress of the Holy Cross were the strongholds of the Caucasian policy of Russia in the 16th – the first half of the 18th century [*Terskii gorod i krepost' Svyatogo Kresta – opornye punkty kavkazskoi politiki Rossii v XVI – v pervoi polovine XVIII v. // Pamyatniki fortifikatsii: istoriya, restavratsiya, ispol'zovanie*]. *Monuments of fortification: history, restoration, use*. Arkhangelsk: Arkhangelsk Museum of Local Lore, 2012. p. 218–225.

85. Garunova NN. The Caucasian stage in the biography of General V.Ya. Levashova (1722–1735) [*Kavkazskii etap v biografii generala V.Ya. Levashova (1722–1735 gg.)*]. *Bulletin of the Dagestan State University. Series 2. Humanities*. 2016, 31(3): 12–16. (In Russ)

86. Sotavov NA. The Caucasian campaigns of Peter I and Nadir Shah Afshar and their consequences for the peoples of the region [*Kavkazskie pokhody Petra I i Nadir-shakha Afshara i ikh posledstviya dlya narodov regiona*]. *Caucasus and the Middle East: from the Caspian campaign of Peter I to the collapse of the state of Nadir Shah: materials of the International scientific conference held within the framework of the «Year Russian history»*. Makhachkala: Alef, 2012: 233–240.

87. Magomeddadaev AM. Azov-Caspian campaigns of Peter I in the context of international politics and the invasion of Nadir Shah in the Caucasus [*Azovo-Kaspiiskie pokhody Petra I v kontekste mezhdunarodnoi politiki i nashestviya Nadir-shakha na Kavkaz*]. *Caucasus and the Middle East: from the Caspian campaign of Peter I to the collapse of the state of Nadir Shah: materials International scientific conference held within the framework of the «Year of Russian History»*. Makhachkala: Alef, 2012:157–174. (In Russ)

88. Gapurov ShA. The Caspian campaign of Peter I in the assessments of foreign historians [*Kaspiiskii pokhod Petra I v otsenkakh zarubezhnykh istorikov*]. *Caucasus and the Middle East: from the Caspian campaign of Peter I to the collapse of the state of Nadir Shah: materials of the International scientific conference, conducted in the framework of the «Year of Russian History»*. Makhachkala: Alef, 2012:66-74. (In Russ)

94. Кидирниязов Д.С. Дагестан в системе международных отношений (XVIII – конец 20-х гг. XIX в.) / Д. С. Кидирниязов. – М. : Парнас, 2011. – 456 с.

95. Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-х гг. XIX в. / Д.С. Кидирниязов. – Махачкала : Алеф, ИП Овчинников М.А., 2013. – 456 с.

96. Магомедов Н.А. Международные отношения на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – в первой трети XIX в. / Н.А. Магомедов. – Махачкала: Алеф, 2019. – 228 с.

97. Магарамов Ш.А. Российско-дагестанские дипломатические отношения накануне Каспийского похода Петра I / Ш.А. Магарамов // *Российская история*. – 2017. – № 1. – С. 56–61.

98. Оруджев Ф.Н. Влияние Каспийского похода Петра Великого на пророссийскую ориентацию дагестанской политической элиты / Ф.Н. Оруджев // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – 2015. – № 7 (57). Ч. I. – С. 112–114.

99. Западный Прикаспий в составе Российской империи (1722–1735 гг.): сборник архивных документов / Сост. Е.И. Иноземцева, Ш.А. Магарамов, Н.Д. Чекулаев. – Махачкала: МавраевЪ, 2020. – 376 с.

100. Магарамов Ш.А. Финансово-хозяйственная деятельность Дербентского гарнизона (1725–1726 гг.) / Ш.А. Магарамов, Н.Д. Чекулаев // *Вопросы истории*. – 2020. – № 5. – С. 202–207.

101. Магарамов Ш.А. Доходы российской казны на материалах Дербентского гарнизона Низового корпуса / Ш.А. Магарамов, Е.И. Иноземцева, Н.Д. Чекулаев // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. – 2021. – Т. 26. № 1. – С. 157–171.

102. Магарамов Ш.А. Несбывшиеся планы Петра Великого: дербентский порт и купеческий город в устье Куры / Ш.А. Магарамов // *Объекты культурного наследия Петровской эпохи на юге России: проблемы изучения, сохранения и музеефикации: сборник материалов конференции*. – Волгоград: Сфера, 2020. – С. 108–116.

89. Avakov PA. The Persian campaign of Peter I and the Don Cossacks [*Persidskii pokhod Petra I i donscoe kazachestvo / P. A. Avakov*]. *Peter I and the East: Proceedings of the XI International Peter's Congress*. St. Petersburg: Evrop. house, 2019: 28-45. (In Russ)

90. Gadzhiev MP. Derbent garrison of the Lower Corps of the Russian Imperial Army (1722–1735): A brief overview [*Derbentskii garnizon Nizovogo korpusa Russkoi Imperatorskoi armii (1722–1735): Kratkii obzor*]. *Peter I and the East: Proceedings of the XI International Peter's Congress*. St. Petersburg: Europ. house, 2019:72-87. (In Russ)

91. Speranskaya NM. Journal of the Persian campaign of 1722–1723 from the Voltaire Library [*Dnevnik Persidskogo pokhoda 1722–1723 godov iz Biblioteki Vol'tera*]. *Peter I and the East: proceedings of the XI International Peter's Congress*. St. Petersburg: Evrop. house, 2019:164-184.

92. Lapteva TA. Derbent as part of the Russian Empire: Letters from the commandant of Colonel A. T. Yunger to the Cabinet of E.I.V. (1722–1725) [*Derbent v sostave Rossiiskom imperii: Pis'ma komendanta polkovnika A. T. Yungera v Kabinet E.I.V. (1722–1725)*]. *Peter I and the East: materials of the XI International Peter's Congress*. St. Petersburg: Evrop. house, 2019:105-129. (In Russ)

93. Gadzhiev MP. Peter the Great and Derbent [*Petr Velikii i Derbent*]. *Peter's Monuments of Russia and Europe: Study, Preservation, Cultural Tourism: Proceedings of the VII International Peter's Congress*. 2016:232-244. (In Russ)

94. Kidirniyazov DP. *Dagestan in the system of international relations (XVIII - late 20s. XIX century)* [*Dagestan v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii (XVIII – konets 20-kh gg. XIX v.)*]. Moscow: Parnas, 2011. (In Russ)

95. Kidirniyazov DP. *Dagestan and the North Caucasus in Russian politics in the 18-20s. XIX century* [*Dagestan i Severnyi Kavkaz v politike Rossii v XVIII – 20-kh gg. XIX v.*]. Makhachkala: Alef, 2013. (In Russ)

96. Magomedov NA. International relations in the North-East Caucasus in the XVIII – in the first third of the XIX century [*Mezhdunarodnye otnosheniya na Severo-Vostochnom Kavkaze v XVIII – v pervoi treti XIX v.*]. Makhachkala: Alef, 2019.

97. Magaramov ShA. Russian-Dagestan diplomatic relations on the eve of the Caspian campaign of Peter I [*Rossiisko-dagestanskije diplomaticheskie otnosheniya nakanune Kaspiiskogo pokhoda*

103. Полчаева Ф.А. Образ Петра I в исторической памяти населения Дагестана / Ф.А. Полчаева, Д. А. Касымов // История, археология и этнография Кавказа. – 2020. – Т. 16. № 4. – С. 888–899.

Petra I]. *Russian history*. 2017, 1: 56–61. (In Russ)

98. Orudzhev FN. Influence of the Caspian campaign of Peter the Great on the pro-Russian orientation of the Dagestan political elite. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history [*Vliyaniye Kaspiiskogo pokhoda Petra Velikogo na prorossiiskuyu orientatsiyu dagestanskoi politicheskoi elity / F. N. Orudzhev*]. *Questions of theory and practice*. 2015, 7(57): 112–114. (In Russ)

99. *Western Caspian Sea within the Russian Empire (1722-1735): a collection of archival documents* [*Zapadnyi Prikaspii v sostave Rossiiskoi imperii (1722-1735 gg.): sbornik arkhivnykh dokumentov*]. Makhachkala: Mavraev, 2020. (In Russ)

100. Magaramov ShA. *Financial and economic activities of the Derbent garrison (1725–1726)* [*Finansovo-khozyaistvennaya deyatel'nost' Derbentskogo garnizona (1725–1726 gg.)*]. *Questions of history*. 2020, 5: 202–207. (In Russ)

101. Magaramov ShA. Incomes of the Russian treasury on the materials of the Derbent garrison of the Nizovoy Corps [*Dokhody rossiiskoi kazny na materialakh Derbentskogo garnizona Nizovogo korpusa*]. *Bulletin of the Volgograd State University. Ser. 4. History. Regional studies. International relationships*. 2021, 26(1): 157–171. (In Russ)

102. Magaramov ShA. Unfulfilled plans of Peter the Great: the port of Derbent and the merchant city at the mouth of the Kura [*Nesbyushiesya plany Petra Velikogo: derbentskii port i kupecheskii gorod v ust'e Kury*]. *Objects of the cultural heritage of Peter the Great in southern Russia: problems of study, preservation and museification: collection of conference materials*. Volgograd: Sfera, 2020:108–116. (In Russ)

103. Polchaeva FA. The image of Peter I in the historical memory of the population of Dagestan [*Obraz Petra I v istoricheskoi pamyati naseleniya Dagestana*]. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2020, 16(4): 888–899.

The article was uploaded on June 15, 2021

The article was accepted for publication on August 5, 2021

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173606-621>

Кайтуков Георгий Борисович
аспирант
Северо-Осетинский государственный университет им. К. Хетагурова,
Владикавказ, Россия
kaitukovgeorgy@yandex.ru

ОРГАНИЗАТОРСКАЯ РАБОТА ВОЕННЫХ ОТДЕЛОВ ПАРТИЙНЫХ КОМИТЕТОВ ВКП (Б) СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Аннотация. Вызовы времени требуют применение новых методологических принципов в исследовании многих проблем, в том числе, насчитывающих сотни научных работ. Это относится и к истории Великой Отечественной войны, которая стала предметом изучения с середины прошлого века. Однако введение в научный дискурс большого количества новых источников позволяет выделить лакуны, требующие изучения. К таким вопросам относится деятельность военных отделов партийной структуры, ставших инструментом организации работы тыла. В статье впервые в региональной историографии подняты вопросы о роли военных отделов при партийных комитетах Северо-Осетинской АССР. Привлеченный новый архивный материал позволил реконструировать деятельность этих органов в годы Великой Отечественной войны. Созданные в 1939 г., они взяли на себя задачу военно-политического воспитания граждан республики. В это время их деятельность была ограничена работой с секциями Осоавиахима и военными отделами ВЛКСМ. Однако в годы войны зона ответственности существенно расширилась, о чем свидетельствуют документы. Рассмотрены основные направления работы военных отделов разного уровня – от областного до сельского районного. Круг деятельности включал не только содействие военкоматам в период мобилизационных кампаний, участие в переаттестации военнообязанных граждан, но и помощь семьям воинов РККА, инвалидов войны, сбор денежных средств на строительство танковых колонн, авиазвеньев, подготовка бойцов народного ополчения, истребительного батальона, партизанских отрядов и МПВО. После освобождения территории СО АССР от захватчиков к имеющимся обязанностям военных отделов добавилась задача разминирования территории. Реконструкция всей совокупности деятельности военных отделов позволит восполнить наши знания по истории Великой Отечественной войны. В порядке ликвидации выявленных научных лагун в статье используется корпус документов, которые ранее находились в ограниченном доступе. Большое внимание обращено на своеобразие этих документов, их информационные возможности. С помощью контент-анализа удалось провести социально-демографический анализ отложившегося материала, изучить механизм организации военизированных формирований на территории Северо-Осетинской АССР.

Ключевые слова: военные отделы; вневойсковая подготовка; армейские резервы; истребительный батальон; партизаны.

© Кайтуков Г.Б., 2021

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173606-621>

Georgiy B. Kaitukov,
Post-graduate Student
North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia
kaitukovgeorgy@yandex.ru

ORGANIZATIONAL WORK OF THE MILITARY DEPARTMENTS OF THE PARTY COMMITTEES OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY OF THE NORTH OSSETIAN ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The challenges of the time require the application of new methodological principles in the study of numerous issues. This also applies to the history of the Great Patriotic War, which has become the focus of study since the middle of the last century. However, the introduction of a large number of new sources into the scientific discourse makes it possible to highlight gaps that require further study. These issues include the activities of the military departments of the party structure, which became an instrument for organizing the work of the home front. For the first time in regional historiography, the article raises problems of the role of military departments under the party committees of the North Ossetian ASSR. The attracted archival material makes it possible to reconstruct the activities of these bodies during the Great Patriotic War. After their foundation in 1939, they took charge of military-political education of the citizens of the republic. At that time, their activities were limited to work with the sections of the Society for the Assistance of Defense, Aircraft and Chemical Construction (Osoaviakhim) and the military departments of the Komsomol. However, during the war, the area of their responsibility expanded significantly, as evidenced by the documents. The main directions of work of military departments are considered from the regional and the rural levels. The range of activities included not only assistance to military registration and enlistment offices during the period of mobilization campaigns, participation in the re-certification of citizens liable for military service, but also assistance to families of soldiers of the Red Army, disabled war veterans, fundraising for the construction of tank columns, air units, training militia fighters, fighter battalions, partisan detachments and air defense forces. After the liberation of the territory of the NO ASSR from the invaders, the task of demining the territory was added to the existing duties of the military departments. Reconstruction of the entire set of activities of military departments will make it possible to expand our knowledge of the history of the Great Patriotic War. In order to eliminate the identified scientific gaps, the article uses a corpus of documents that were previously in limited access. Much attention is paid to the originality of these documents, their informational content. With the help of content analysis, it has been possible to conduct a socio-demographic analysis of the collected material, to study the mechanism of organizing paramilitary formations on the territory of the North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic.

Keywords: military departments; military trainings; army reserves; fighter battalions; partisans.

История Великой Отечественной войны была и остается символом мужества, героизма и самоотдачи и поэтому занимает особое место в национальной памяти всех граждан не только Российской Федерации, но и тех государств, которые ранее входили в состав СССР и плечом к плечу встали на защиту своей страны. Великая Победа является скрепой, которая на протяжении десятилетий способствует формированию российского патриотизма. В центре научной мысли и общественного интереса по-прежнему остаются вопросы осмысления Победы, четкого взаимодействия фронта и тыла.

В годы Великой Отечественной войны победа на фронте зависела не только от героизма и мужества служащих РККА. Не последнюю роль играла работа партийно-советских органов, которые в тылу вели слаженную работу как в процессе перевода экономики на военные рельсы, так и проведении организационных мероприятий по мобилизации, вневойсковой подготовке населения, сбору средств на сооружение танковых колон и авиазвеньев, трудоустройству инвалидов войны и многого другого. Это направление курировалось военными отделами при комитетах ВКП(б) разных уровней.

Деятельность военных отделов по вневойсковой подготовке населения, оказанию помощи Красной армии представляет большой интерес для современных исследователей, т.к. дает возможность непредвзято и обоснованно изучить механизмы привлечения жителей тыловых районов к защите своего Отечества от немецко-фашистских захватчиков. Важно проанализировать региональный опыт подготовки резервов для Красной армии вневойсковым способом, что позволяет отметить как общие закономерности этого процесса, так и особенности реализации поставленных задач местными партийно-государственными органами.

Актуальность темы связана также с использованием данного опыта в современных условиях, когда вооруженные конфликты вспыхивают постоянно в разных регионах мира, что требует от Российского государства необходимость иметь надежный военный резерв. Поэтому накопленный в годы Великой Отечественной войны опыт взаимодействия государственных структур и населения представляет научный и прикладной интерес и актуальность.

Цель статьи – анализ деятельности военных отделов при Северо-Осетинском обкоме и райкомах ВКП(б) по вневойсковой военной подготовке граждан тылового региона, созданию резерва Красной армии.

Военные отделы стали формироваться в партийных структурах после XVIII съезда ВКП(б), их главной задачей была организация условий для широкого охвата населения оборонно-массовыми занятиями, участие в кружках Осоавиахима. В советской историографии Великой Отечественной войны этот аспект не становился предметом специального рассмотрения, о военных отделах упоминалось вскользь, делался упор в целом на организаторской роли партийных комитетов, на общественной инициативе населения [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Между тем, именно военные отделы курировали все мобилизационные кампании, организовали учебные центры по вневойсковой подготовке населения, вели активную агитационно-пропагандистскую работу, находились в тесном рабочем контакте

с ЦС Осоавиахима. Таким образом, военные отделы стали тем механизмом регулирования многих разноплановых вопросов, который использовался партийными комитетами на местах.

К сожалению, данная тема в отечественной историографии только начинает разрабатываться [7; 8; 9]. Но даже на этом этапе можно указать, что исследователи пришли к интересным выводам и обобщениям: охарактеризованы мероприятия, которые позволяли местным партийно-государственным органам координировать формирование и обучение бойцов истребительных отрядов, народного ополчения, партизан, отрядов самозащиты, школьников. Авторы вводят в научный оборот новые архивные документы, которые проливают свет на ряд малоизвестных страниц истории Великой Отечественной войны [10; 11]. Проблемы мобилизации, вневойсковой подготовки получили свое освещение в ряде интересных диссертационных работ [12; 13; 14].

Авторы изучили материалы, связанные с военно-организационной сферой, показали роль партии, комсомола в мобилизационной работе среди населения; реконструировали механизм взаимодействия партийных органов, военных отделов и общественных организаций. Некоторые ученые дают неоднозначную оценку действиям местных партийных органов, которые использовали наряду с агитацией и пропагандой репрессивные методы в ходе подготовки военных кадров [15].

Несмотря на достигнутые научные успехи, за рамками исследования остались негативные стороны большой и кропотливой работы: недостаток финансирования, слабая материальная база учебных пунктов, текучесть кадров курсантов, нехватка квалифицированного командного состава.

Анализ событий Великой Отечественной войны предполагает обращение к зарубежной историографии в том числе. Немецкая историческая школа проанализировала причины нападения Гитлера на Советский Союз и роль народных масс в отражении агрессии [16; 17; 18]. В англоязычной историографии в последние десятилетия также произошел перелом от предвзятого отношения к истории Великой Отечественной войны к соблюдению идеологического баланса между объективным изложением и политическими пристрастиями [19; 20]. Проблема военных отделов и их роли в зарубежной историографии обойдена вниманием. И все же отметим, что, например, многие немецкие историки склонны видеть в изучении истории войны путь к примирению и взаимопониманию [21].

Региональная историография проблемы также требует новых исследовательских решений. Следует отметить, что в 60-80-е гг. XX в. историки Северной Осетии проделали большую исследовательскую работу, основанную на доступных источниках [22; 23; 24; 25]. Большое значение по избранной теме имеет монография Т.Т. Худалова; автору удалось достаточно убедительно, объективно изучить деятельность государственно-партийных органов в период битвы за Северную Осетию, но о военных отделах в книге нет упоминаний [26]. В последние десятилетия исследователями опубликованы материалы и документы из центральных и местных архивов, проливающие свет на некоторые

вопросы Всевобуча, формирование истребительных отрядов, народного ополчения и т.д. [27; 28; 29; 30] Но роль военных отделов опять оказалась за пределами научного изучения. Таким образом, вопрос о значении военных отделов Осетии представляется актуальным и требует специального рассмотрения.

Открывшиеся возможности в области рассекречивания многих архивов позволяют заполнить научную лакуну в истории войны. Основным материалом отложился в Государственном архиве новейшей истории РСО-Алания (далее – ГАНИ РСО-А). Ф. 827 – Военный отдел при Северо-Осетинском обкоме ВКП (б). Здесь наряду с республиканским отделом имеются документы районных военных отделов, которые участвовали в организации вневойскового обучения населения СО АССР, организации сбора теплых вещей, денег на нужды Красной армии, оказании помощи семьям фронтовиков и т.д. Корпус документов представлен материалами отчетов, планов по месяцам и полугодиям за 1942–1944 гг. Часть документов в россыпи представлена в ГАНИ РСО-А. Ф. 1 – Северо-Осетинский обком КПСС: инструкции, докладные записки, отчеты военных отделов, информация о мобилизациях, экзаменах в истребительном батальоне и батальоне народного ополчения. Сравнение указанных материалов дает возможность установить последовательность принятия решений, поле деятельности военных отделов.

Введенные в научный оборот материалы позволяют с новых позиций рассмотреть роль военных отделов Северо-Осетинской АССР и отчасти заполнить научную лакуну в истории Великой Отечественной войны.

Современные методологические подходы дают возможность всестороннего изучения деятельности региональных военных отделов. В основе исследования лежат общенаучные методы историзма и объективности, которые позволили рассматривать объект в историческом контексте. Использование принципов историко-сравнительного метода выявило общие и особенные черты в работе военных отделов Северной Осетии; историко-системный метод использовался для доказательства того, что все происходившие в период войны процессы тесно между собой связаны и обусловлены; проблемно-хронологический метод дал возможность проанализировать поставленные проблемы в их хронологическом порядке и взаимосвязи друг с другом; наконец, метод контент-анализа позволил транскрибировать архивный материал, обработать в рамках выбранной методики и интерпретировать полученные данные.

Анализ архивных документов позволил установить дату образования военного отдела при Северо-Осетинском обкоме ВКП(б) – это 13 марта 1939 г. Первым заведующим военным отделом обкома ВКП(б) стал А.Н. Катов¹, в годы войны – Руменко (инициалы неизвестны).

Военные отделы были созданы при горкомах и райкомах. Обычно на должность начальника военного отдела рекомендовали людей из партийно-комсомольской номенклатуры, имевших опыт общественной работы.

1 Протокол заседания Северо-Осетинского обкома ВКП (б) от 13 марта 1939 г. // Государственный архив новейшей истории РСО-Алания (далее – ГАНИ РСО-А). Ф. 1. Оп. 3. Д. 789. Л. 27.

После создания структуры военных отделов встал вопрос сферах деятельности. Первое направление работы стало руководство оборонными организациями, входившими в состав местного отделения Осоавиахима, также физкультурных отделов ВЛКСМ [8, с. 253]; следующим направлением было взаимодействие с военными кафедрами вузов; третье направление – подготовка и участие в проведении очередных призывов в РККА; четвертое – отбор кандидатов в военные вузы страны, т.к. в 1930-е гг. профессия военного была очень популярна среди молодежи региона.

С началом Великой Отечественной войны характер работы военных отделов претерпел изменения. Не отказываясь от вышеназванных направлений, все же главным стала военно-организаторская работа, связанная с надзором за военкоматами, проведением мобилизации, расквартированием маршевых, формирование, участие в создании истребительных отрядов, партизанских групп, ополчения. Например, главной обязанностью военных отделов было проведение мобилизаций на фронт, которые сопровождалась агитационными митингами, патриотическими речами и т.д.: «Призывные и сборные пункты всегда были оборудованы, выделялись пропагандисты...»². Все проводимые переучеты и медицинское переосвидетельствование рядового, сержантского и офицерского состава всегда проходили при участии городского и районных военных отделов.

2 сентября 1941 г. ГКО СССР издал постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», в котором все партийно-государственные органы обязывались вести активную военную подготовку населения. Особое внимание следовало уделить мужчинам призывного возраста. В Северной Осетии бюро Орджоникидзевского горкома ВКП(б) издало постановление, в котором указывался срок начала обязательного военного обучения граждан г. Орджоникидзе: «Установить, что обязательное военное обучение должно осуществляться вневоинским порядком без отрыва от работы на предприятиях и в учреждениях; при прохождении военного обучения особое внимание обратить на строевую подготовку, владение винтовкой, пулеметом, минометом и ручной гранатой, на противохимическую защиту, рытье окопов, а также на тактическую подготовку одиночного бойца и отделения»³. Предполагалось привлечь к прохождению военной подготовки допризывников 1923 и 1924 годов рождения; вторая очередь обучения должна была затронуть военнообязанных запаса в возрасте до 45 лет.

Военному комиссару города вменялся в обязанность подбор инструкторов и политруков и оборудование помещений необходимыми материальными и учебно-наглядными пособиями. Военное обучение организовалось, прежде всего, в городах республики. Контроль за организацией военного обучения осуществлялся партийными органами. Широко использовался опыт довоенной

2 Отчет о деятельности и боевой работе военных отделов СО АССР в 1942 г. // ГАНИ РСО-А. Ф. 827. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

3 Отчет о работе военного отдела Орджоникидзевского горкома ВКП(б) за 1942 г. // ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 15. Л. 25.

работы Осоавиахима. Председателю ЦС Осоавиахима СО АССР Кесаеву было дано задание провести учет учебных и наглядных пособий, затем осуществить их перераспределение по всем учебным пунктам республики⁴. Военному Синюкову поручался контроль за точным исполнением программ по обязательному военному обучению. Таким образом, городской комитет ВКП(б) и его отделы координировали подготовку военных кадров. Ввиду мобилизации в Красную армию и других причин, из числа привлеченных на пунктах Всеобуча убыло военнообязанных 637 чел. и призывников 238 чел. В числе окончивших программу обучения подготовлено стрелков – 275 чел., станковых пулеметов – 138 чел., минометчиков – 14 чел., всего 427 чел., кроме этого, приняты зачеты от 48 военнообязанных, проходивших обучение в отрядах народного ополчения⁵.

Одновременно с подготовкой военнообязанных первой очереди к учебе привлекались граждане второй очереди. За время с ноября 1942 г. по март 1943 г. обучение по линии ПВХО прошли 2102 чел., гранатометчиков – 63 чел., автоматчиков 54 чел., стрелковому делу 218 чел.⁶. После тяжелой смены молодежь поступала в распоряжение военных инструкторов и проходила подготовку в течение 5 часов. Чтобы не нарушать производственный процесс, учеба была организована в две смены и с приближением к военной ситуации. Курсанты обучались основным военным навыкам: стрельба из автомата, миномета, рытье окопов, многочасовые марш-броски и др. Например, в марте 1943 г. в Алагирском районе республики была проведена военная игра, где апробировались навыки, полученные в ходе обучения в местном отделении Всеобуча⁷. В ходе практических занятий становилось понятно, какие формы работы нуждаются в корректировке. Фронт требовал пополнения определенными специалистами: снайперами, пулеметчиками, санитарками и т.д. Поэтому в школах Всеобуча СО АССР было произведено пять выпусков, давших фронту 25 тыс. подготовленных военных специалистов, среди которых было и 278 истребителей танков⁸.

Наряду с проведением занятий по военной подготовке в программу были включены также вопросы политического обучения. Это было важно, так как в ходе проведения таких занятий в сознании граждан складывались морально-патриотические идеалы, за которые стоило воевать и отдавать жизнь. В 110-часовую программу были включены занятия по истории СССР, лекции по освободительной борьбе народов страны и др. Ежедневно перед началом занятий проходили обязательные политинформации, в каждом сборном пункте выпускались «боевые листки».

Осенью 1942 г. в связи с осложнением военной обстановки перед военными отделами стояли задачи обеспечения РККА кадрами, медицинскими

4 Докладная записка о состоянии физкультуры и спорта в Северо-Осетинской АССР // ГАНИ РСО-А. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

5 Отчет о Всеобуче и военной подготовке в СО АССР // ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17. Л. 8.

6 Отчет о работе военного отдела г. Орджоникидзе за второе полугодие 1942 года // ГАНИ РСО-А. Ф. 827. Оп.1. Д. 12. Л. 46.

7 Отчет о проведении военной игры в Алагирском районе // ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп.1. Д. 19. Л. 47.

8 Материалы Пленума Северо-Осетинского партактива «Всеобуч и военная подготовка призывников по Северо-Осетинской АССР» // ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 3. Д. 870. Л. 62.

работниками; ликвидации последствий бомбардировок вражеской авиации. По приказу Командующего войсками СКВО о подготовке женщин-специалистов по г. Орджоникидзе было подготовлено: радисток – 105 чел., телеграфисток – 105 чел., телефонисток – 160 чел., регулировщиц – 170 чел.⁹ Для привлечения женщин к обучению потребовалось провести большую разъяснительную работу представителями военкомата, военных отделов, горкома ВЛКСМ и др.

Велика заслуга военных отделов республики в организации народного ополчения. В Северо-Осетинской АССР приступили к формированию народного ополчения в сентябре 1942 г. Ситуация на фронте была крайне сложной. 7 августа 1942 г. весь Северный Кавказ был объявлен на военном положении. Враг рвался к грозненской нефти, к Военно-Грузинской дороге, чтобы выйти в Закавказье, затем в Турцию и на Ближний Восток. Части Закавказского фронта остро нуждались в дополнительных ресурсах. Так, военному отделу при Орджоникидзевском горкоме ВКП(б) пришлось участвовать в приведении народно-ополченческих формирований в боевую готовность и направлении их на защиту городских подступов, «организовать активную оборону города Орджоникидзе наряду с силами гарнизона за счет гражданского населения города, способного носить оружие. Проведенные мероприятия по организации оборонительных рубежей, как за городом, так и в самом городе, и продолжающееся строительство оборонительных рубежей позволяет сделать город Орджоникидзе «неприступной крепостью, о которую немецкая свора разобьет себе голову и на подступах к городу найдет себе могилу»¹⁰.

Изначально народное ополчение складывалось как децентрализованная военная организация, не имевшая общего руководящего органа и повсеместной тесной связи с командованием кадровой Красной армии. С первых дней формирования народного ополчения с личным составом была организована боевая учеба по изучению материальной части вооружения, строевая подготовка, изучение Устава РККА, огневая подготовка, политическая подготовка. В отчете указывалось, что благодаря слаженной работе «личный состав ополченцев был подготовлен с оружием в руках защищать свой город от немецких оккупантов»¹¹. Воины бригады народного ополчения, занимая огневые позиции на южной окраине оборонительной полосы Орджоникидзевской дивизии, стойко переносили трудности фронтовой жизни, получили хорошую выучку, стали пулеметчиками и минометчиками. Вместе с бойцами МПВО народные ополченцы принимали участие в ликвидации очагов пожаров и спасении раненых. Среди отличившихся ополченцев были рабочие завода «Электроцинк» Парфенов, Горяинов, Истомина, Ритина и др.

Активно участвовали военные отделы в формировании истребительных отрядов из гражданского населения, призванных обеспечить безопасность тыла.

9 Докладная записка заведующему военным отделом Северо-Осетинского обкома ВКП(б) // ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17. Л. 48.

10 Постановление Северо-Осетинского обкома ВКП(б) «О мероприятиях по обороне города Орджоникидзе и наведении революционного порядка в гарнизоне» // ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 3. Д. 780. Л. 101.

11 Отчет военного отдела Орджоникидзевского горкома ВКП(б) за август 1942 г. // ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

В состав истребительного батальона принимались граждане проверенные и надежные, умеющие пользоваться оружием. 13 августа 1942 г. городской истребительный батальон в составе 596 человек был переведен на казарменное положение. Городской истребительный батальон имел в своем составе 3 стрелковые роты, минометный взвод и службы связи, боепитания, санитарную. Бойцы были вооружены автоматами, винтовками, ручными противотанковыми гранатами и бутылками с горючей смесью. Батальон находился под командованием генерал-майора Киселева¹². Батальон принимал участие в боях на подступах к г. Орджоникидзе, проявил стойкость и мужество.

Большую работу проводили сотрудники военных отделов в отрядах ПВО. Военные отдела обеспечили бойцов отрядов ПВО хорошей учебной базой, а также командным составом. В ходе занятий они постигали азы борьбы с использованием противником боевых отравляющих веществ, оказание первой медицинской помощи пострадавшим во время налетов вражеской авиации и др.

Каждый выпуск проходил строгий экзамен. Например, по итогам экзамена в октябре 1942 г. из 720 человек 629 чел. сдали на «хорошо» и «отлично», остальные – на «удовлетворительно». Были выпущены минометчики, автоматчики, радисты, шоферы 3-го класса. Кроме того, было организовано 4 марш-броска на 10 км в противогазах. 10500 чел. за период с начала войны до середины 1943 г. сдали нормы ГСО (Готов к санитарной обороне)¹³. Лучшими были названы группы Управления трамвая, Военторга и артели «Металл». Отработав на предприятии 10–12 часов, молодые рабочие возвращались в лагерь, где началось военное обучение в течение 4–5 часов. Одна смена занималась в утренние часы, другая – вечером. Руководителям цехов запрещалось освобождать или отрывать от занятий лиц, обучавшихся в системе Всеобуча. Занятия велись в условиях, приближенных к боевой обстановке. Бойцы совершали пятикилометровые марш-броски с преодолением водных и горных преград, состязались в быстроте окапывания и занятия обороны, проводили боевые стрельбы из миномета [31]. Например, в марте 1943 г. в Алагирском районе республики была проведена военная игра, где апробировались навыки, полученные в ходе обучения в местном отделении Всеобуча¹⁴.

Уже в самом начале Великой Отечественной войны местная власть придавала исключительное значение делу подготовки населения к ПВО и ПВХО, направленному на укрепление обороноспособности СССР и полного разгрома фашизма, постановило усилить работу Осоавиахима по созданию курсов для подготовки инструкторов, которым предстояло организовать обучение населения основным приемам борьбы с последствиями противоосколочных и фугасных авиабомб [32, с. 86]. По г. Орджоникидзе планировалось в короткие сро-

12 Отчет о работе истребительного батальона г. Орджоникидзе за октябрь 1942 года. // ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 3. Д. 784. Л. 26.

13 Отчет о работе ЦС Осоавиахима СОАССР за октябрь 1942 года // ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17. Л. 15.

14 Отчет о проведении военной игры в Алагирском районе СО АССР // ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 170. Л. 19.

ки подготовить «инструкторов 2-й ступени по Промышленному району – 350 чел., Ленинскому – 350 чел., Затеречному – 200 чел.»¹⁵, а также обеспечить все группы по подготовке инструкторов преподавательским составом и учебно-наглядными пособиями. Военные отделы райкомов ВКП(б) должны были строго следить за выполнением правил обязательного поведения населения при ПВО и ПВХО и за материальным оснащением групп самозащиты специальным имуществом, согласно постановлению СНК СССР от 2.07.41 г.

Такая хорошо спланированная и четко организованная работа дала хорошие результаты. Все население города было разбито на группы, которые вместе с инструкторами занимались по 30-часовой программе в кружках, функционировавших на всех предприятиях, учреждениях города [33, с. 106].

В период боев за город были ужесточены правила работы отрядов самозащиты. Так, местные власти четко следили за несением дежурств вокруг жилых домов, устанавливался график дежурств с 21 часа до 5 часов утра, в дежурствах в обязательном порядке участвовали по установленному графику женщины от 18 до 55 лет, а также невоеннообязанные мужчины от 16 до 60 лет; обязательное наблюдение за светомаскировкой. Каждый дежурный перед тем как заступить на пост получал четкий инструктаж: наблюдать за светомаскировкой в домах, дополнительно оповещать население домов о воздушной тревоге, поддерживать связь с ближайшими группами самозащиты и постами милиции, охранять оставленное имущество. По сигналу «Воздушная тревога» любая группа самозащиты могла привлечь прохожих, оказавшихся в данном районе, чтобы совместными силами очистить улицу от завалов, обрывов проводов, помочь раненым¹⁶.

Чтобы показать наглядно, каких успехов добились местные отряды самообороны, регулярно проводились учения. Так, учения апреля 1942 г. показали некоторые ошибки в организации МПВО и были предложены механизмы их устранения: «Усилить практику проведения воздушных тревог не только днем, но и в ночное время, обучение проводить условными знаками, в проводимых занятиях добиться лучших результатов»¹⁷.

В канун решающих сражений за г. Орджоникидзе были предприняты меры к переводу многих групп самозащиты на казарменное положение. Так, с 14 августа 1942 г. медико-санитарные дружины города Орджоникидзе были переведены на казарменное положение, обеспечены автогужевым транспортом для перевозки пострадавших. Начальствующий и рядовой состав медико-санитарных дружин города, мобилизованных на оборонительные работы, было решено отозвать¹⁸. В начале ноября 1942 г., когда город подвергался авианалетам,

15 Постановление Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны «О ходе всеобщего военного обучения населения республики 2-й очереди» // ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 73. Л. 59.

16 Постановление Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны «О средствах активной противовоздушной защиты гор. Орджоникидзе» // ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17. Л. 6.

17 Там же. Л. 10.

18 Постановление Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны «О формировании отрядов народного ополчения для защиты города Орджоникидзе» // ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп. 2. Д. 576. Л. 34.

только 2 ноября было сброшено свыше 250 авиабомб ФАБ, в результате чего были большие разрушения и человеческие жертвы: всего в городе было разрушено 192 здания, полуразрушено 1125, повреждено городское коммунальное хозяйство: водопровод, канализация, электропроводка, бытовые предприятия и учреждения. Город оперативно расчищался от разрушений и очагов пожаров, произведена обрезка поврежденных линий связи, очищены разрушенные кварталы от трупов лошадей, поврежденного транспорта, засыпаны и утрамбованы воронки от бомб на главных магистралях проезжих дорог и т.д. В этих тяжелых условиях группы самозащиты проявили образцы мужества и самоотверженности. Во время оказания помощи пострадавшим из подразделений МПВО получили ранение 5 бойцов и помощник начальника штаба 1-го района, командиру звена Алексеевой во время исполнения боевого задания по оказанию помощи пострадавшим, артиллерийском снарядом оторвало ногу¹⁹.

Военные отделы через общественные и советские организации занимались вопросами донорства, добившись увеличения числа доноров в 2,5 раза. Большая помощь оказывалась семьям военнослужащих и инвалидов Великой Отечественной войны. Так, в 1943 г. по г. Орджоникидзе числилось 13680 семей военнослужащих, которым нужно было уделять внимание. Только пенсий было выплачено свыше 618 тыс. руб., оказана материальная помощь на сумму около 170 тыс. руб., отремонтированы 453 квартиры, устроены в детскую столовую 3800 детей²⁰. По г. Орджоникидзе состояли на учебе 1281 человек инвалидов войны. Военные отделы занимались их трудоустройством и улучшением материального положения: к магазину инвалидов прикреплены 1200 человек, устроены на работу 515 человек, обучены разным профессиям 55 человек²¹.

Одной из важнейших обязанностей военных отделов была патриотическая работа. Так, весной 1943 г. по всей республике были проведены митинги по сбору средств на постройку танковой колонны и авиазвена боевых самолетов. Особенно активно шел сбор средств на Бесланском комбинате, где работники собрали 130 тыс. руб., за что получили благодарность руководителя страны И.В. Сталина. Отдельные патриоты района внесли крупные суммы из своих личных накоплений. Так, колхозник с Ольгинского Дабека сдал 5000 руб.²².

К 1 января 1943 г. вся территория Северо-Осетинской АССР была освобождена, и уже в марте был поставлен вопрос о частичном разминировании. Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны разрешил Орджоникидзевскому горисполкому «частично снять противотанковые препятствия

19 Из протокола заседания Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны о формировании бригады народного ополчения города Орджоникидзе // ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 253. Л. 125.

20 Отчет военного отдела Северо-Осетинского обкома ВКП (б) за 1943 г. // ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 3. Д. 872. Л. 16.

21 Отчет о работе военного отдела Орджоникидзевского горкома ВКП (б) за первую декаду 1943 г. // ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 4. Д. 582. Л. 116.

22 Постановление Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны «О передаче излишних продуктов питания и продовольствия Северной Группе Закавказья» // ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 52. Л. 17.

главным образом на улицах интенсивного движения, согласно представленному акту комиссии; учитывая острый недостаток колесных пар вагонов, разрешить начальнику вагоноремонтного завода тов. Морозову использовать колесные пары для ремонта вагонов, установленные как противотанковые надолбы на улицах города Орджоникидзе; разрешить использовать для восстановления внутризаводского транспорта вагоноремонтного завода и завода «Электроцинк» противотанковые ежи, изготовленные из железнодорожных рельсов, а также пропитанные шпалы, примененные для противотанковых барьеров, которые разобрать; разрешить Орджоникидзевскому горисполкому депутатов трудящихся произвести разборку окопных заполнений выполненных из огнеупорного кирпича в жилых домах, приспособленных под опорные пункты обороны, кирпич использовать для восстановления литейных цехов вагоноремонтного завода, техникума НКПС и завода «Электроцинк»; разрешить Управлению Орджоникидзевской дороги ликвидировать огневые точки, сооруженные внутри столовой №5 на углу улиц Кирова и Маркова, а также в багажном отделении станции Орджоникидзе»²³. В ходе организованного городским военным отделом разминирования только в Орджоникидзевском районе введено в нормальный оборот около 5000 га, а по всей республике – 8200 га: «На отработанной площади всего собрано взрывоопасных предметов 10383, из них уничтожено подрывом 9309, подлежит уничтожению 580»²⁴.

Таким образом, в период войны неоднократно менялся объем работы военных отделов. Подводя общие итоги, отметим, что статья не претендует на исчерпывающий анализ деятельности военных отделов, мы лишь попытались исследовать основные направления их работы. Анализ деятельности этих структурных подразделений ВКП(б) позволяет говорить о том, что сотрудники военных отделов решали большой круг вопросов, от грамотного и организованного исполнения которых в конечном итоге зависела ситуация не только в тылу, но и на переднем крае. Они не только координировали работу общественных и советских организаций по военной подготовке населения, но и способствовали организованной мобилизации на фронт подготовленных бойцов.

Итак, в годы войны военные отделы, являвшиеся частью партийно-советской структуры, выступили главным механизмом проведения военно-организаторской работы Северо-Осетинского областного и районных партийных комитетов ВКП (б). Реконструируя эту страницу истории Великой Отечественной войны, вводя в оборот новые документы и данные, становится возможным заполнить некоторые научные лакуны не только о событиях войны, но и о сущности советского строя. Основные положения статьи могут стать отправной точкой для дальнейшего изучения роли военных отделов на территории Северо-Осетинской АССР.

23 Постановление Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны «О частичной разборке противотанковых препятствий в целях устранения аварий водо-канализации и отопления водопроводных труб в противотанковых рвах» // ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 4. Д. 41. Л. 46.

24 Протокол Дзауджикауского (Владикавказского) комитета обороны «О разборе оборонительных сооружений по Северо-Осетинской АССР» // ГАНИ РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 в 6 томах. – М., 1960–1965.

2. Карасев А.В. Разработка истории Великой Отечественной войны // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. Сборник статей. – М., 1962. С. 511–525.

3. Иванов Г.П. Коммунистическая партия – организатор и руководитель всенародной борьбы в тылу немецко-фашистских оккупантов в годы Великой Отечественной войны. – Краснодар, 1969. – 264 с.

4. Бабаев А.-М.Б. Из истории патриотического движения народов Дагестана по оказанию помощи фронту в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Махачкала, 1960. Т. 6. С. 57–75.

5. Из истории трудового подвига народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. – Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1985. – 176 с.

6. Чибиров Х.Т. Северо-Осетинская парторганизация в период Великой Отечественной войны. – Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1957. – 628 с.

7. Марченков В.И. Деятельность военно-политических органов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) в процессе воспитания патриотизма у воинов Красной армии // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 351–352. DOI: 10.24411/1991-5497-2019-10153.

8. Болтунова Е.В. Военные отделы партийных комитетов Ивановской области: становление работы и их деятельность во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (По документам Государственного архива Ивановской области) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XV Международной научной конференции: в 2-х частях. – Иваново, 2016. С. 252–259.

9. Молоков Е.В. Военные отделы партийных комитетов Центрального Черноземья в системе военно-организаторской работы местных властных структур в начальный период Великой Отечественной войны // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 2 (14). С. 77–81.

1. *History of the Great Patriotic War of the Soviet Union of 1941–1945 in 6 volumes [Istoriya Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuz 1941–1945 v 6 tomah]*. Moscow, 1960–1965.

2. Karasev AV. Development of the history of the Great Patriotic War [Razrabotka istorii Velikoj Otechestvennoj vojny]. *Soviet historical science from the XX to the XXII Congress of the CPSU. History of the USSR. Collection of articles*. Moscow, 1962.

3. Ivanov GP. *The Communist Party - the organizer and leader of the national struggle in the rear of the German-fascist occupiers during the Great Patriotic War [Kommunisticheskaya partiya – organizator i rukovoditel usenarodnoj borby v tylu nemecko-fashistskih okkupantov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny]*. Krasnodar, 1969.

4. Babaev A-MB. *From the history of the patriotic movement of the peoples of Dagestan to assist the front during the Great Patriotic War (1941–1945). [Iz istorii patrioticheskogo dvizheniya narodov Dagestana po okazaniyu pomoshchi frontu v period Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945gg.)]*. Vol. 6. Makhachkala, 1960.

5. *From the history of the labor feat of the peoples of the North Caucasus during the Great Patriotic War [Iz istorii trudovogo podviga narodov Severnogo Kavkaza v gody Velikoj Otechestvennoj vojny]*. Krasnodar: Kuban State University Publ., 1985.

6. Chibirov KhT. *North Ossetian party organization during the Great Patriotic War [Severo-Osetinskaya partorganizaciya v period Velikoj Otechestvennoj vojny]*. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publ., 1957.

7. Marchenkov VI. Activity of military-political bodies during the Great Patriotic War (1941–1945) in the process of education of patriotism among soldiers of the Red Army [Deyatel'nost' voenno-politicheskikh organov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.) v processe vospitaniya patriotizma u voinov Krasnoj armii]. *World of science, culture, and education*. 2019, 6(79): 351–352. DOI: 10.24411/1991-5497-2019-10153.

8. Boltunova EV. Military departments of the Party Committees of the Ivanovo Region: the formation of work and their activities during the Great Patriotic War of 1941–1945 (According to the documents of the State Archive of the Ivanovo Region) [Voennye otdely partijnyh komitetov Ivanovskoj oblasti: stanovlenie raboty i ih deyatel'nost' vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 godov (Po dokumentam Gosudarstvennogo arhiva Ivanovskoj oblasti)]. *State, society, Church in the history of Russia of*

10. Суханов С.В., Мильбах В.С. Развитие военного всеобуча на территории Иркутской области в предвоенное время // Сборник статей межвузовской научной конференции (Санкт-Петербург, Михайловская военная артиллерийская академия, 2017 г.). – СПб., 2017.

11. Акинъхов Г.А. Вопросы подготовки молодого пополнения для фронта в период Великой Отечественной войны (на примере 29-й запасной стрелковой бригады) // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ч. 3. – Вологда. 2000. С. 125-129.

12. Курасов И.А. Военно-организаторская деятельность партийных организаций Центрально-Черноземных областей в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1985. – 207 с.

13. Могутнов В.П. Военные отделы комитетов ВКП (б) Урала в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 1991. – 19 с.

14. Токаева А.Б. Республики Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: историография: на примере Северной Осетии и Кабардино-Балкарии. Автореферат дисс...канд. ист. наук. – Владикавказ, 2001. – 22 с.

15. Яценко К.В. Военно-организаторская деятельность партийных организаций областей Центрального Черноземья во второй период Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 – декабрь 1943 г.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1990. – 24 с.

16. Hass G. Leben, sterben und überleben im belagerten Leningrad (1941-1944) // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Vol. 50. Issue 12. 2002. PP. 1080-1098.

17. Herfurth D. Militärische Auszeichnungen der UdSSR. – Berlin. 1987. – 164 с.

18. Walther F. Soviet Decorations. – Montreal. 1964. 314 p.

19. Sartorti R. On the Making of Heroes, Heroines, and Saints // Culture and Entertainment in Wartime Russia. – Bloomington; Indianapolis, 1995. PP. p. 176-193.

the XX-XXI centuries: proceedings of the XV International Scientific Conference: in 2 parts. Ivanovo, 2016: 252–259.

9. Molokov EV. Military departments of the Party Committees of the Central Chernozem Region in the system of military-organizational work of local government structures in the initial period of the Great Patriotic War [Voennye otdely partijnyh komitetov Central'nogo Chernozem'ya v sisteme voenno-organizatorskoj raboty mestnyh vlastnyh struktur v nachal'nyj period Velikoj Otechestvennoj vojny]. *Scientific notes. Electronic scientific Journal of Kursk State University.* 2010, 2 (14): 77–81.

10. Sukhanov SV, Milbakh VS. *Development of military general education in the territory of the Irkutsk region in the pre-war period. Collection of articles of the interuniversity scientific conference (St. Petersburg, Mikhailovskaya Military Artillery Academy, 2017) [Razvitie voennogo vseobucha na territorii Irkutskoj oblasti v predvoennoe vremya].* St. Petersburg, 2017.

11. Akinkhov GA. Questions of training young recruits for the front during the Great Patriotic War (on the example of the 29th reserve Rifle Brigade) [Voprosy podgotovki mladogo popolneniya dlya fronta v period Velikoj Otechestvennoj vojny (na primere 29-j zapasnoj strelkovoij brigady)]. *Military feat of defenders of the Fatherland: traditions, continuity, innovations: Proceedings of the interregional scientific and practical conference.* Part 3. Vologda, 2000.

12. Kurasov IA. *Military organizational work of the party organizations of the Central Chernozem region in the first period of the great Patriotic war (June 1941 – November 1942). Candidate's thesis [Voенно-organizatorskaja deyatelnost' partijnyh organizacij Central'no-Chernozemnyh oblastej v pervyj period Velikoj Otechestvennoj vojny (iyun' 1941 g. – noyabr' 1942 g.)].* Moscow, 1985.

13. Mогутнов В.П. *Military departments of the Committee of the CPSU (b) in the Urals during the great Patriotic war (1941-1945). Abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences [Voennye otdely komitetov VKP (b) Urala v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1945)].* Chelyabinsk, 1991.

14. Токаева А.Б. *The Republics of the North Caucasus during the Great Patriotic War: historiography: On the example of North Ossetia and Kabardino-Balkaria. Abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences. [Respubliki Severnogo Kavkaza v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: istoriografiya: Na primere Severnoj Osetii i Kabardino-Balkarii].* Vladikavkaz, 2001.

20. The Encyclopedia of Russian and Soviet History. – Hungry Minds Inc., 2004. – V. 3. P. 883–1342.

21. Дудайту А.К., Плиева З.Т. Отражение битвы за Кавказ (1942–1943 гг.) в отечественной и зарубежной (германской) историографии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова 2020, № 1. С. 45–52.

22. Абаев А.И. Борьба рабочего класса Северной Осетии за восстановление промышленности и транспорта (1943–1945) // Сб. трудов молодых ученых. – Орджоникидзе, 1974. Вып. 3. С. 35–46.

23. Дзюкаев К.Х. Народное хозяйство Северной Осетии в период Великой Отечественной войны // Ученые труды Горского сельскохозяйственного ин-та. 1959.

24. Кибизов Т.Н. Северная Осетия в период Великой Отечественной войны. – Орджоникидзе: Изд-во Северо-Осет. НИИ, 1966. С. 5–21.

25. Кулаев Ч.С. Военно-организаторская и политическая работа местных партийных организаций в годы Великой Отечественной войны (на материалах Северного Кавказа). – Черкесск: Ставропольское кн. изд-во, 1981. – 279 с.

26. Худалов Т.Т. Северная Осетия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Владикавказ: Изд-во СОИГСИ, 1992. – 317 с.

27. Кринко Е.Ф., Безугольный А.Ю. Битва за Кавказ и ее значение в истории Великой Отечественной войны // Научная мысль Кавказа. 2015. № 1. С. 5–13.

28. Хаблиева Л.Ч., Сосранова З.В., Дзотцоева З.Е. Условия жизни и быт населения Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны // Научный диалог. 2018. № 5. С. 245–254. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-5-245-254.

29. Хубулова С.А., Хаблиева Л.Ч. Строительство оборонительных сооружений на территории Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 3 (78). С. 76–80.

30. Дзидзоев В.Д., Баликоев Т.М. Интернационализм и патриотизм как источник победы над германским фа-

15. Yatsenko KV. *Military-organizational activity of party organizations of the regions of the Central Chernozem region in the second period of the Great Patriotic War (November 1942–December 1943). Abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences [Voenno-organizatorskaya deyatelnost' partijnyh organizacij oblastej Central'nogo Chernozem'ya vo vtoroj period Velikoj Otechestvennoj vojny (noyabr' 1942 – dekabr' 1943 g.)]*. Moscow, 1990.

16. Hass G. *Leben, sterben und überleben im belagerten Leningrad (1941–1944)*. *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 2002, 50(12). [in German].

17. Herfurth D. *Militärische Auszeichnungen der UdSSR*. Berlin, 1987. [in German].

18. Walther F. *Soviet decorations*. Montreal, 1964. [in German].

19. Sartorti R. *On the Making of Heroes, Heroines, and Saints. Culture and Entertainment in Wartime Russia*. Bloomington; Indianapolis, 1995 [in English].

20. *The Encyclopedia of Russian and Soviet History*. Hungry Minds Inc., Vol. 3, 2004. [in Engl.].

21. Dudaiti AK, Plieva ZT. Reflection of the Battle for the Caucasus (1942–1943) in Russian and foreign (German) historiography [Otrazhenie bitvy za Kavkaz (1942 – 1943 gg.) v otechestvennoj i zarubezhnoj (germanskoj) istoriografii]. *Bulletin of the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov* 2020, No. 1.

22. Aباev AI. *The struggle of the working class of North Ossetia for the restoration of industry and transport (1943–1945) [Bor'ba rabocheho klassa Severnoj Osetii za vosstanovlenie promyshlennosti i transporta (1943–1945)]*. Ordzhonikidze, 1974. Issue 3.

23. Dzokaev KH. The national economy of North Ossetia during the Great Patriotic War [Narodnoe hozyajstvo Severnoj Osetii v period Velikoj Otechestvennoj vojny]. *Scientific works of the Gorsky Agricultural Institute*, 1959.

24. Kibizov TN. *North Ossetia during the Great Patriotic War [Severnaya Osetiya v period Velikoj Otechestvennoj vojny]*. Ordzhonikidze: North Osetia Publ., 1966. p. 5–21.

25. Kulaev ChS. *Military-organizational and political work of local party organizations during the Great Patriotic War (based on the materials of the North Caucasus) [Voenno-organizatorskaya i politicheskaya rabota mestnyh partijnyh organizacij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Severnogo Kavkaza)]*. Cherkessk: Stavropol Publ., 1981

шизмом в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на примере Северного Кавказа) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. №4(132). С. 34–41.

31. Павленко В.Д. Военная подготовка молодежи на предприятиях Урала в 1941–1945 гг. (из опыта завода «Магнезит» Саткинского района Челябинской области) // XXII Бирюковские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Челябинск, 2019. С. 461–466.

32. Гусев А.В. Обучение населения СССР способам противовоздушной обороны и химической защиты оборонными организациями в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т.4. №2. С. 81–89.

33. Ченакал Д.Д. Военное небо Поволжья. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1986.

26. Khudalov TT. *North Ossetia in the Great Patriotic War of 1941-1945 [Severnaya Osetiya v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945g]*. Vladikavkaz: SOIGSI Publ., 1992.

27. Krinko EF, Bezugolny AYu. The Battle for the Caucasus and its significance in the history of the Great Patriotic War [Bitva za Kavkaz i ee znachenie v istorii Velikoj Otechestvennoj vojny]. *Scientific thought of the Caucasus*. 2015, 1: 5–13.

28. Khablieva LCh, Sosranova ZV, Dzottsoeva ZE. Conditions of life and life of the population of North Ossetia during the Great Patriotic War [Usloviya zhizni i byt naseleniya Severnoj Osetii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny]. *Scientific dialogue*. 2018, 5: 245–254. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-5-245-254.

29. Khubulova SA, Khablieva LCh. Construction of defensive structures on the territory of North Ossetia during the Great Patriotic War [Stroitel'stvo oboronitel'nyh sooruzhenij na territorii Severnoj Osetii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2013, 3(78): 76–80.

30. Dzidzoev VD, Balikoev TM. Internationalism and patriotism as a source of victory over German fascism during the Great Patriotic War of 1941-1945. (on the example of the North Caucasus) [Internationalizm i patriotizm kak istochnik pobedy nad germanskim fashizmom v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941 - 1945 gg. (na primere Severnogo Kavkaza)]. *News of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social sciences*. 2005, 4(132): 34–41.

31. Pavlenko VD. Military training of young people at the enterprises of the Urals in 1941-1945 (from the experience of the Magnezit plant in the Satkinsky district of the Chelyabinsk region) [Voennaya podgotovka molodezhi na predpriyatiyah Urala v 1941-1945 gg. (iz opyta zavoda "Magnezit" Satkinskogo rajona Chelyabinskoy oblasti)]. *XXII Biryukov Readings. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Chelyabinsk, 2019.

32. Gusev AV. Training of the population of the USSR in methods of air defense and chemical protection by defense organizations during the Great Patriotic War (1941-1945) [Obuchenie naseleniya SSSR sposobam protivovozdushnoj oborony i himicheskoj zashchity oboronnyimi organizacijami v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945)]. *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*. 2014, 4(2): 81–89.

33. Chenakal DD. *Military sky of the Volga region [Voennoe nebo Povolzhya]*. Saratov: Saratov University Publ., 1986.

Статья поступила в редакцию 20.03.2021 г.
Статья принята в печать 21.07.2021 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173622-637>

Хубулова Светлана Алексеевна

д.и.н., профессор кафедры российской истории

Северо-Осетинский государственный университет, Владикавказ, Россия

hubul@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ «ДЕТСКОГО МИРА» В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ ЧАСТИ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР¹

Аннотация. Интерес к истории Великой Отечественной войны не только не угасает, но и постоянно активизируется, исследовательское поле расширяется, захватывая те проблемы, которые ранее были на периферии научного поиска. Такой «запретной» до недавнего времени являлась тема повседневной жизни населения в период немецко-фашистской оккупации. В данной статье предпринята попытка осветить проблему детского восприятия врага и проводимой им захватнической политики, а также детское поведение в условиях фашистской оккупации части территории СО АССР. Дети, как все взрослые, тяжело переживали тяготы военного времени, осложненного оккупационным режимом фашистской армии. Впервые в качестве источников привлечены материалы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ими ущерба на территории Северо-Осетинской АССР, в которых зафиксированы свидетельства детей. В качестве опорных выбраны материалы по населенным пунктам Алагир, Моздок, Дигора и Ардон, а также селам, наиболее пострадавшим в период оккупации. В качестве еще одного вида эго-документов проанализированы воспоминания-интервью, взятые в 2000-е гг. В работе были использованы проблемно-хронологический (полученный материал анализировался по выделенным проблемам), антропологически ориентированный (дал возможность учитывать возрастные, психологические, статусные особенности детей), сравнительно-исторический (осуществлялось сравнение выявленных в воспоминаниях проблем и сравнение их по разным районам), системно-структурный (выделялись основные проблемы в детском восприятии военной реальности) методы и средства контент-анализа, микроистории (позволяют рассматривать повседневные практики ребенка) и интервьюирования. Благодаря использованию этого инструментария появилась возможность реконструировать мир детства военной поры. Анализ показал степень информативности, достоверности выявленных эго-документов. Было установлено, что свидетельства, взятые в 1943-1944 гг., отличаются большей объективностью, нежели воспоминания, записанные спустя много лет. В последнем случае отмечается большая эмоциональность, но и воспоминания носят отрывочный характер, в основном в интервью рассказывали о бытовых тяготах, проблемах, и лишь в отдельных случаях – о наиболее ярких воспоминаниях. Степень их репрезентативности уступает свидетельствам «по горячим следам». Однако все документы, связанные с детским восприятием оккупации, позволяют дополнить историю войны в региональном масштабе. Свидетельства «негероического» маленького человека, чей «детский мир» был разрушен и травмирован, имеют большое значение для восполнения научных лакун истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; детский мир; оккупация; эго-документы; борьба с захватчиками.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173622-637>

Svetlana A. Hubulova,
Dr. Sci., Prof. of Dep. of Russian History
North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia
hubul@yandex.ru

TRANSFORMATION OF THE “CHILDREN’S WORLD” DURING THE OCCUPATION OF PART OF THE NORTH OSSETIAN ASSR

Abstract. Interest in the history of the Great Patriotic War is constantly increasing, while the research field is also expanding, covering those issues that have been previously unexplored. Until recently, such a “forbidden” subject was the everyday life of the population during the Nazi occupation. The paper attempts to shed light on the issue of children’s perception of the enemy and their aggressive policy, as well as children’s conduct in the conditions of the Nazi’s occupation of part of the territory of North Ossetian ASSR. Children, like all adults, endured hardships of war, complicated by the occupation regime of the fascist army. We introduce new materials of the Extraordinary State Commission for the Establishment and Investigation of the Atrocities of the German Fascist Invaders and Their Accomplices and the Damage They Caused (ChGK) on the territory of the North Ossetian ASSR, in which testimonies of children are recorded. The materials on the settlements of Alagir, Mozdok, Digora and Ardon, as well as the villages most affected by the occupation, were selected as reference materials. Recollections-interviews of 2000s, as another type of ego-documents, have been analyzed. The study was conducted with the use of the following methods: problem-chronological (the obtained material was analyzed according to the selected problems), anthropologically oriented (made it possible to take into account the age, psychological, status characteristics of children), comparative-historical (the problems identified in the memories were compared among different regions), systemic-structural (the main problems in children’s perception of military reality were highlighted) methods and means of content analysis, microhistory (allowed us to consider the child’s everyday practices) and interviewing. Thanks to the methods applied, it became possible to reconstruct the world of wartime childhood. The analysis shows the degree of information content, reliability of the identified ego-documents. It has been revealed that the evidence taken in 1943-1944 is more objective than the memories recorded many years later. In the latter case, great emotionality is noted. However, the people’s recollections are fragmentary: they mainly consist of everyday hardships, problems, and only in some cases – the most vivid memories. The degree of their representativeness is inferior to the evidence taken directly after the events. Nonetheless, all documents related to children’s perception of the occupation make it possible to supplement the history of the war on a regional scale. The testimonies of the “little man”, whose children’s world was disturbed and traumatized, are of great importance for filling the scientific gaps in the history of the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War; children’s world; occupation; ego-documents; struggle against invaders.

Чтобы восстановить историческую правду о событиях в зоне оккупации, был запущен Всероссийский проект «Без срока давности», цель которого не только оценить «истинные уроки Второй мировой войны, но и сформировать позицию неприятия тех и того, что осудил Нюрнбергский трибунал»¹.

Многие вопросы военной истории могут быть изучены методами микроистории, которые выдвинуты в работах, например, Х. Медика [1] и А. Людтке [2], и позволяют реконструировать конкретные прожитые жизни, извлечь опыт из этого и использовать в создании объективной и полной картины общества данного периода.

Воспоминания «детей войны» о своем «негероическом» опыте многие десятилетия не были включены в общественный дискурс о войне. Исследователи пытаются восстановить жизненный мир детей и подростков, их переживания и страхи, их психологические проблемы и др.

Цель статьи – показать детские переживания, повседневную жизнь в условиях фашистской оккупации территории Северной Осетии. С помощью воспоминаний и свидетельств изучить, как проходила через сознание ребенка война и оккупация. В качестве предмета изучения нами использована информация, извлеченная из свидетельств и последующих детских воспоминаний, и ее анализ. Этот вид источников позволяет расширить горизонты изучения Великой Отечественной войны, осуществить проекцию фактов в плоскости индивидуального переживания. Контент-анализ эго-документов дает возможность определить повседневные практики детей, а также изучить ментальные стороны детской повседневности (надежды, страхи, героические поступки и т.д.). Новизна темы заключается в том, что введение в научный оборот свидетельств детей о переживаниях в период оккупации (прежде всего, в сравнительном плане) в региональной историографии не проводилось. В данной работе воспоминания участников и свидетелей рассмотрены как новый комплекс источников и как значимое историко-культурное явление. Многие документы впервые вводятся в научный оборот.

В последние десятилетия в исторической науке широкое распространение получили идеи М. Блока [3] и Л. Февра [4], которые обратились к всеобъемлющему изучению истории, не выделяя одну сторону в ущерб остальным. Последователи этой школы глубоко проследили тесную связь между повседневной жизнью и формированием ментальности, психологии и др. Именно в этом направлении формировалась отечественная школа «Анналов» во главе с А.Я. Гуревичем [5]. Историко-психологический подход позволяет реконструировать не только психологию индивида и социума, но помогает восстановить систему социально-культурных связей [6; 7; 8].

Популярной является концепция исторического моделирования тесной связи индивидуальных и коллективных психологических процессов, которая позволяет всесторонне изучить информацию из воспоминаний детей войны для реконструкции социально-психологических оснований поступков этой категории населения [9, с.

¹ Российское историческое общество [дата обращения: 14.06.2021]. Доступ по ссылке: <https://historyrussia.org>

61]. Так, М.К. Чуркин, анализируя воспоминания детей войны, указывает на возможности этого вида эго-документов, позволяющие преодолевать «стандартизацию прошлого» и разрыв поколенческой памяти [10, с. 89].

Эти соображения позволили обратиться к такой непростой теме, как маленький человек в условиях немецкой оккупации. Преодоление политизированных методологических рамок, мешавших научному кругозору отечественных историков, которые изучали историю Великой Отечественной войны в традиционном русле: центре внимания исследователей были только герои-фронтовики, их подвиги, на современном этапе позволяет выбирать наряду с описанием героической роли Красной армии такие направления и проблемы исследовательского поиска, постановка которых раньше казалась неактуальной и ненаучной. К «мелкотемью» относилась и проблема детей, которым выпала тяжелая участь переживать тяготы военного времени.

В последние годы «детская проблема» стала активно изучаться на материалах разных регионов страны [11; 12; 13]. Например, в ряде работ дагестанских исследователей проанализированы воспоминания детей войны; такая работа, по мнению авторов, необходима «для многоаспектной реконструкции экономического, политического и культурного пространства» истории Дагестана в годы Великой Отечественной войны [14; 15]. Работа по сбору и систематизации эго-документов ведется в Республике Северная Осетия – Алания. Методика анализа документов позволила сделать вывод о том, что детские переживания в годы войны в воспоминаниях взрослых – это многоуровневый текст, в котором детская историческая память субъективно интерпретирует военное прошлое, события, самого себя [16, с. 36].

Мы привлекли два вида источников – детские воспоминания людей, переживших оккупацию (интервью 2007-2013 гг.), и свидетельства детей в актах 1943-1944 гг. ЧГК по Северо-Осетинской АССР. Большой источниковедческий интерес представляют свидетельства очевидцев событий, записанные по «горячим следам» либо уполномоченными лицами, либо самими гражданами. Подавляющая часть их написана от руки, часто простым карандашом, что со временем сильно отразилось на их сохранности, некоторые тексты угасают. Форма изложения свободная, но в каждом из случаев обязательным является указание на свидетеля, готового подтвердить правильность показания, что повышает его достоверность и объективность. Надо иметь в виду, что детские воспоминания-интервью в изложении взрослых – это довольно сложный текст, в котором синтезированы не только личные переживания и память, но и разнообразные культурные репрезентации [17]. Так как анализируются свидетельства детей, записанные по «горячим следам», когда пережитое сразу же после освобождения родного села еще свежо и много деталей; и воспоминания последующих лет уже с высоты жизненного опыта, специфики культурного и профессионального уровня, когда в памяти остались лишь наиболее яркие факты, а также увеличивается градус субъективности документа.

Некоторые методологические рекомендации разработаны в исследованиях Е.Ф. Кринко [18], И.В. Ребровой [19], А.С. Саенко и О.Б. Пеньковой [20]. Авторы отмечают, что эго-документы, как любые мемуары, во многом носят субъективный характер, имеют несколько пластов информации, на которые сказался конкретный временной период и господствовавшие официальные установки; затем это степень удаленности от пережитого события, наконец, историческая память о войне [21].

Так как тема обширна, то мы выделили три важных составляющих эго-документов, которые оставили глубокий след в детской памяти: во-первых, оккупанты глазами детей; во-вторых, бытовые тяготы, связанные с политикой немцев; наконец, в-третьих, реакция ребенка на происходящие бесчинства. Конечно, каждый такой документ – это эмоциональный источник, который дает возможность реконструировать как психологическое состояние ребенка, так и его восприятие политики оккупационной власти в регионе. Отметим, что дети оказались заде-ты происходившим не менее, а даже больше взрослых. Их неокрепшая психика была подвержена стрессам гораздо сильнее остальных когорт; посттравматический синдром у этой категории населения до конца жизни не преодолевался и не лечился.

В 20-х числах августа 1942 г. на территории Северной Осетии начались кровопролитные бои [22]. Сюда противник подтянул большие резервы, перебросил с других фронтов крупные соединения и авиацию. Стремление Гитлера захватить Северный Кавказ в короткое время объясняется провалом «блицкрига». Это важно подчеркнуть, т.к. в планах Германии особое внимание уделялось тем районам СССР, которые могли обеспечить в будущем не только армию, но и население Германии продовольствием, и питать промышленность Рейха [23]. Несмотря на большую потребность в кавказской нефти, германская верхушка разрабатывала стратегические планы в отношении других отраслей советской экономики. Идеологи Третьего рейха (А. Розенберг, И. Геббельс и др.) определили стратегическую важность захвата районов Северного Кавказа для снабжения Германии продуктами питания.

К началу ноября 1942 г. некоторые районы СОАССР, как и регионы европейской части СССР, оказались в оккупации (в том числе, часть Алагирского, Дигорского, Ирафского, Кировского районов) [24]. Понятно, что своеобразная политика немецких завоевателей не являлась проявлением заботы о населении региона, она была ориентирована на максимальное выкачивание хозяйственных ресурсов. Меняющаяся военная обстановка корректировала экономическую политику в отношении форм эксплуатации сельского хозяйства региона; возможности сохранения советских коллективных хозяйств, методов оплаты труда и др. Она серьезно отличалась от первоначального гибкого варианта эксплуатации захваченных территорий, и, в конечном счете, свелась к тривиальному разграблению во время панического отступления с оккупированных земель. Оккупанты уничтожили и разрушили в колхозах 1905 строений, 433 жилых дома, разграбили 10 997 голов крупного рогатого скота, 15494 тонны зерна, общий ущерб народному хозяйству

превысил 1 млрд руб. За время оккупации гитлеровцами расстреляно 128 мирных советских граждан².

Вывозились не только продукты и техника, но разрушались исторические памятники. В материалах ЧГК отмечены, например, факты варварского отношения фашистов к культурным ценностям: «Осетинский город Алагир, находившийся в течение почти двух месяцев под пятой немецких оккупантов, подвергся значительному разрушению. С ожесточением вандалов немцы полностью разрушили Алагирский краеведческий музей им. Коста Хетагурова. Помещение музея, стены которого расписаны маслом К. Хетагуровым, совершенно опустошено. Все богатства музея безжалостно уничтожены, сожжены и разграблены. Двор музея превращен в мусорную свалку жалких остатков экспонатов»³.

Наивное детское воображение своеобразно реагировало на происходившие события. Засеев В. (1929 г.) спустя много лет помнит о начале войны: «В этот день мы с друзьями играли «в войну». Вдруг по радио Левитан объявил, что гитлеровская Германия вероломно напала на нашу страну. Даже спустя годы мы с друзьями по-детски были уверены, что война началась из-за нашей шалости» [25, с. 15].

В воспоминаниях достаточно часто упоминается о страхе, который внушали оккупанты еще до своего прихода на Северный Кавказ. В. Богова (1935 г.) рассказывала членам комиссии, как 6 ноября фашисты начали бомбить станицу Архонскую: «Немецкие самолеты летели очень низко и, безусловно, видели, что кроме женщин и детей в нашем дворе никого не было: военных не было и поблизости. Всё-таки сбросили бомбы и убили семнадцать человек в одном только нашем дворе. В село вошли немцы, и они не давали нам пойти и помочь раненым, погибавшим под обломками. Всех нас выгнали на улицу и приказали уйти из села»⁴.

В памяти М. Коблова (1935 г.) этот день тоже отпечатался следующим образом: «Когда началась война, мы были в горах, в селе Ухат. Коммунист Павел Салбиев собрал всех на ныхас⁵ и рассказал, что 22 июня на СССР вероломно напала фашистская Германия. Когда я после ныхаса рассказал маме о том, что Гитлер напал на нас, она заплакала. Я не понимал ее состояния, пока она не рассказала, что такое война и почему это так страшно» [25, с. 48]. Н. Гатеева (1928 г.) в своих показаниях не пыталась скрыть испуг от первой встречи с оккупантами, которые ломались в дом: «Перед рассветом мы слышали шум шагов немцев. Я в страхе сказала маме: "Если мне придется увидеть кого-нибудь из них (оккупантов – Авт.), то я умру от одного лишь замешательства"»⁶. Сохранились свидетельства первой встречи с врагом и у В. Ревазова (1931 г.): «Моя мама уже не знала, как прокормить семью из 8 человек. Мы старались идти лесом, чтобы нас не заметили немцы. Но нам не

2 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Алагирском, Ардонском районах. // Государственный архив новейшей истории РСО-Алания (далее – ГАНИ РСО-А). Ф. 237. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.

3 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Ардонском, Кировском, Алагирском районах // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 3а. Л. 84а.

4 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Кировском, Алагирском, Ардонском районах // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

5 Сельский сход.

6 Акты о зверствах немецких оккупантов в Ардонском районе // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 7. Л. 129.

повезло, нас заметили и подошли к нам двое молодых людей в военной форме, я стала плакать от страха, прижалась к матери сильно. Она пыталась меня успокоить, хотя я чувствовала, как ее сердце стало учащенно биться»⁷.

Дальнейшие события показали, что оккупанты не стеснялись себя в средствах наведения страха и ужаса на население оккупированных территорий.

Учащиеся Ардонской средней школы засвидетельствовали членам комиссии такой факт: ночью 30 ноября 1942 г. над Ардоном появился советский самолет. Когда самолет повернул назад, то был подбит немецкими зенитчиками, «утром мы пошли к месту падения. Недалеко от мельницы колхоза «Красный Ардон» мы увидели остатки нашего самолета. Было очень тяжело смотреть на двух погибших пилотов. Многие из нас чуть не плакали». Увидев подростков, подошедшие немецкие офицеры заставили нас смотреть, как немецкие солдаты издевались над телами погибших. Одному из нас, Хасану Хосроеву, ученику седьмого класса Ардонской средней школы удалось посмотреть книжку погибшего лётчика. Это был старший лейтенант Иван Сергеевич Зубов. «В книжке были сделаны записи за ноябрь, – рассказал Хасан. – Там было записано, что лётчик в течение дня провёл несколько вылетов в населенные пункты Дигора, Ардон и сбрасывал бомбы на немецкие машины»⁸.

Дети становились жертвами физического истребления. Так, мальчику Бакуновичу Боре 11 лет два оккупанта нанесли «массивный удар в область лобных костей, размозжили череп, оторвали пальцы обеих рук и вывернули голеностопный сустав правой ноги»⁹; в сел. Толдзгун зверски были убиты 6 человек, среди них юноша 17 лет¹⁰. Оккупанту ничего не стоило развлечения ради застрелить, ранить, покалечить ребенка: молодая мать свидетельствовала, как ее встретили на улице два немца: «Приблизилась к ним шагов на тридцать – стреляют. И словно огнем обожгло правую руку, которой дочку держала. Повисла рука, и упустила я дочку. Бросилась к ней, а она мертвая. Из груди моей и руки кровь сочится... Схватила я теплый еще трупик Нины – к немцам побежала, да ушли они, смеясь...»¹¹. Годзоев А. (1932 г.) в своих показаниях не смог скрыть ужаса от происшедшего на его глазах бесчеловечного акта: «Это было в начале декабря 1942 года. Немецкий офицер жил в нашем доме. К этому офицеру направлялся солдат с докладом. Собака залаяла на солдата. Трехлетний мальчик Коля сидел возле окна, он испугался и заплакал. Офицер рассвирепел, стал кричать, что ребенок своим плачем беспокоит его и из пистолета наповал убил маленького мальчика»¹².

7 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Ирафском районе. Ч. 1. // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 4. Л. 103.

8 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Ардонском, Кировском, Алагирском районах. Ч. 2. // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп.1. Д. 3. Л. 16.

9 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Кировском, Алагирском, Ардонском районах // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп.1. Д. 1. Л. 7. Л. 28.

10 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Ирафском районе. Ч. 1. // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 4. Л. 74.

11 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Кировском районе // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2. Л. 82.

12 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Ардонском, Кировском, Алагирском районах. Ч. 2. // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 3. Л. 106.

В военное время смерть становится обыденным явлением для детей. Все очевидцы событий, в независимости от времени воспоминаний, отмечали жестокость врагов, которые не щадили никого. Война оказала негативное влияние на «детский мир»: если ребенок довоенного времени имел мало обязанностей, больше ощущал заботы, ласки от старших, то в условиях оккупации произошло резкое сокращение детского пространства, увеличение обязанностей. Дети должны были искать источники пропитания, старшие дети брали на себя заботы о семье. В своих воспоминаниях они очень точно описывают изменение гендерных и социальных ролей.

Оккупанты квартировали в домах, хозяева же прятались либо в лесу, либо в землянках: «Жизнь в лесу была тяжела, – так вспоминал свое военное детство Н. Засеев (1935 г.), – не было воды, не хватало муки, продуктов, было холодно, сыро, народ болел. Все это вызвало частные смертные случаи» [25, с. 28]. В некоторых населенных пунктах оккупационные власти требовали возвращения местного населения из леса, т.к. опасались налета партизан или авианалетов: ««Если вы не выйдете, вас будут бить – вы партизаны» [25, с. 39]. Возвращение домой также не гарантировало спокойной жизни. О возвращении в родной дом в своем свидетельстве поведал И. Цагараев (1931 г.): «Мы явились домой и направились в сарай, думая, что пожалеют детей и не выгонят их из нашего сарая. Мы развели огонь в очаге в сарае. В это время появились немцы, оттолкнули детей и стали греться у нашего огня»¹³.

Дети страдали легочными заболеваниями, участилась смертность. Например, 2-летняя дочь фронтовика М. Бязрова в таких условиях простудилась и умерла¹⁴.

Многие очевидцы событий вспоминают о той роли, которую в их жизни сыграла помощь родни, соседей [26]. Традиционный дух коллективизма в годы войны проявился со всей силой и спас тысячи людей от голода и смерти. Малолетний житель с. Кадгарона в процессе беседы с членами комиссии отмечал: «Жуткую жизнь вели жители в окопах, землянках, щелях. В них было тесно, холодно. Чтобы противостоять насилиям немцев, жители собирались в одно место несколько дворов, помогали друг другу»¹⁵. Жители Алагира, рассказывая о страшных картинах германской оккупации, отмечали сострадание местных жителей в отношении изгнанных из своих домов сельчан: «Накануне отступления немцев здесь скопилось около 300 семейств и много рогатого скота, на котором беженцы перевозили свои пожитки. Народ голодал, скот стоял без корма. Коренное население хорошо помогало этим обездоленным людям»¹⁶.

Об этом же вспоминали, спустя много лет, другие дети войны: М. Абаев (1930 г.): «Несмотря на тяжелые времена, люди помогали друг другу»; Гулунова Р. (1932 г.):

13 Акты о зверствах немецких оккупантов в Ардонском районе // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 7. Л. 92.

14 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Кировском, Алагирском, Ардонском районах // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 7. Л. 68.

15 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Дигорском районе // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2. Л. 362

16 Там же.

«У нас была одна корова на четыре семьи, это была наша кормилица, если бы не ее молоко, мы не смогли бы выжить» [27, с. 44]. Ученые установили зависимость ситуации подавленности и страха и активизации традиционных механизмов взаимопомощи и поддержки, «заставляющие людей сильнее, чем обычно, чувствовать свою близость, солидарность перед лицом реальных или мнимых коллективных опасностей» [28, с. 14].

Наряду с заботами о хлебе насущном приходилось выполнять много обязанностей, возложенных оккупационными властями на местное население. Жители ст. Змейской свидетельствовали о том, что немцы «дали приказ о том, чтобы все жители, включая даже детей и стариков, выходили в обязательном порядке на работу. Не явившихся на работу они арестовывали, а опоздавших били розгами» [29, с. 224]. Колхозники должны были выходить на работу в 6 утра, их выстраивали по-военному, каждую бригаду в особую команду. К собравшимся заявлялись немцы, и каждый говорил, сколько работников ему нужно.

Один из подростков сел. Кора (1934 г.) в своих показаниях сообщал, что немецкие солдаты заставили 16-летнего мальчика А. Чехоева натаскать из реки воды для их кухни, затем дали ему еще много работы. Так как мальчик устал, он присел отдохнуть. Тогда немецкий офицер, находившийся в комнате, схватил Ахсарбека за шиворот пальцами, сильно сжал ему жилы на шее, потом сунул его голову между своих ног и с остервенением и ругательством со всей силы кулаками колотил его по спине¹⁷. На глазах детей фашисты творили страшные злодеяния. Золо Бохова вместе с двухлетней дочерью отправилась на мельницу, чтобы купить немного муки. Муку ей не дали, и она пошла назад. Часовой без предупреждения начал стрелять по ним, прострелил грудь и руку ребенку. На крики вышли односельчане и с трудом уговорили часового отдать им раненую девочку. А. Шевцова свидетельствовала о произошедшем на ее глазах убийстве двух подростков: «По улице проходил пьяный офицер, а навстречу ему шли два мальчика. Офицер выхватил пистолет и выстрелил в мальчиков. Мальчики попытались скрыться в доме, но офицер сломал ворота и ворвался во двор, взял топор и гонялся за детьми». Была расстреляна А. Гречко, которая отказалась отдавать немцам свою корову, сказав, что «немцы нахально все берут и грабят, у советских людей такого не было»¹⁸.

Многие дети описывали картину произвола немцев: «Смотришь – немцы гонятся за свиньей, за коровой. Тащат животных, кур, одни в ту сторону, другие – обратно. Тащат кровати, разбирают дома, сараи. Поминутно слышишь выстрелы, автоматные очереди. Вся эта картина дополнялась криками женщин, плачем детей, а часто и картинами ареста жителей и препровождения их в комендатуру» [25, с. 59]. Приходя в дом, немецкие солдаты забирали все, что представляло ценность [29, с. 227]. Если хозяева пытались спасти свою живность, часто это заканчивалось трагически. Так, в ст. Змейской два оккупанта зашли во двор семьи

¹⁷ Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Дигорском районе // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 9. Л. 162.

¹⁸ Акты о зверствах немецких оккупантов в Ардонском районе // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 7. Л. 104, 110, 117.

Фроловых забрать поросенка. Ребенок 9 лет выбежал им навстречу, пытаясь защитить свое добро. Солдаты выстрелили в него и покалечили обе ноги¹⁹.

Практически во всех свидетельствах люди говорят о тяжелых бытовых условиях, об отсутствии продуктов питания, одежды. Повседневная жизнь населения была сильно осложнена острым дефицитом и невозможностью изыскать продукты, топливо, одежду, жилье.

К этому присоединялась тяжелая морально-психологическая атмосфера, связанная с тревогой за жизнь близких, неизвестность будущего и др. В экстремальных условиях оккупации, связанных с грабежами, насилием и издевательствами над мирными жителями, у подростков рождалось не только негодование, но и желание противодействовать в разных формах.

Подростки и дети очень быстро взяли на себя роли взрослых, максимально сближаясь с миром старших. Но если последние понимали ценность жизни, то подростки часто рисковали безрассудно. Жертвенность стала одним из способов сопротивления оккупантам [30]. Учеными было установлено, что нахождение в экстремальных условиях (война, революция, плен), когда нет четкого видения будущего, все неопределенно, опасно для физического существования индивида и его психического состояния. Импульсивность ребенка нередко этому способствовала. Так, В. Тургиев (1933 г.) вспоминал о таком случае из своего детства: «Помню случай, который едва не стоил мне жизни. В ту пору мне шел девятый год. Несмотря на незначительный возраст, я всей душой ненавидел фашистов и мечтал с ними покончить. К «нашему» офицеру в гости пришел его товарищ, он был противным и наглым. Я не сдержался и плюнул в него. Расправа не замедлила: немец схватил меня за волосы, приставил к голове пистолет» [25, с. 69].

В исторической психологии в последнее время активно разрабатывается направление «war mentality», изучающее состояние психики в военное время, психологию военного времени [31; 32]. В неокрепшем детском сознании стресс стал той движущей силой, которая могла вылиться в подавленность, или, наоборот, в активное сопротивление. Психологи усматривают связь между гнетущей обстановкой жестокого террора и ростом решительности и сопротивления индивида. Именно последние формируют самосознание народа, армии в случае войны или масштабной катастрофы.

В период оккупации эти процессы получили мощное развитие. Во-первых, подростки часто саботировали указания оккупационных властей выходить на работу. Насильственное привлечение к работе повторялось каждый день. «Уклонявшихся, – вспоминает Р. Ваниева, – били розгами, арестовывали и издевались над ними»²⁰. Проявлялся протест также в случаях реквизиции вещей, утвари, живности. А. Габеов (1929 г.) хорошо помнит день, который едва не стоил ему жизни: «К нам во двор зашли два немца. Они хотели забрать нашу кормилицу. Я был единственным мужчиной в доме, поэтому встал на их пути. Им стало смешно от того,

19 Акты и документы о зверствах немецких захватчиков в Ардонском, Кировском и Алагирском районах // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 3(1). Л. 37а.

20 Там же. Л. 60.

что мальчишка им пытается помешать, один из них так сильно меня ударил, что я упал. Второй привязал веревку на шею коровы и вывел ее со двора. Я долго плакал от бессилия и обиды» [25, с. 86].

С риском для жизни молодые люди выхаживали раненных красноармейцев. Из показаний В. Влаховой: «Во время одного боя возле с. Толдзгун два красноармейца забрались на чердак дома и оттуда стреляли по немцам. Немцы заметили, откуда идет стрельба, подкрались с тыла и бросили гранату на чердак. Немцы решили, что красноармейцы убиты и ушли. О том, что на чердаке находились красноармейцы, узнал Омар Хортиев. Ночью он прокрался в этот дом, забрался на чердак и позвал красноармейцев к себе домой. Накормил солдат и спрятал их в своем саду в соломе. По ночам носил туда еду и воду»²¹.

Большой находкой для нас стал дневник Темиркановой Марии из сел. Ардон, который она вела на протяжении войны. Среди разных бытовых проблем она описала случай с раненым красноармейцем. Ардон находился в оккупации 2-й месяц, когда жители стали свидетелями ожесточенной ночной перестрелки. Утром следующего дня Мария и ее брат Георгий собрались в лес по дрова. Поравнявшись со зданием школы, подростки увидели несколько трупов немецких солдат, а в отдалении – лежал, истекая кровью, молодой человек, возле него валялся пулемет, четыре диска и несколько гранат. В кармане морского десантника оказались документы на имя А.И. Житнюка. Ребята тайком перенесли раненого в сарай. Ухаживали за ним около двух недель. Об этом стало известно в комендатуре, и Марию несколько раз вызывали на допрос [25, с. 64]. Если бы не скорое освобождение Ардона от оккупантов, история могла закончиться трагически.

В. Тургиев (1933 г.) много позже также вспоминал об односельчанах, которые помогали партизанам: «Хорошо помню, что в лесу вокруг села прятались наши партизаны. Женщины поддерживали их продовольствием, хотя у нас самих было не очень много продуктов. Однажды пятеро партизан пришли тайком в село, чтобы получить хлеб, масло, но были выслежены и расстреляны немцами прямо на глазах сельчан» [25, с. 72].

Подростки совершали и более серьезные поступки. А. Гобеев (1928 г.) дал объяснение членам комиссии о своих действиях: «У нашего соседа Сергея Хайманова жили немцы, много солдат, во дворе было у них четыре машины. Они, немецкие солдаты, делали укрытие для своих машин, около колес клали стены из камней. Немцы заметили меня и подозвали помогать им. Я украл автомат и патроны для партизан»²².

Один из малолетних свидетелей издевательств над односельчанами так описал свое состояние: «Никогда я еще не подвергался подобным оскорблениям. Я никогда их не забуду. Был ведь топор в моих руках. Меня так и тянуло всадить его в грудь гитлеровца: но удержали меня члены моей семьи и люди, эвакуированные к нам. «Немцы истребят не только нас, но и весь квартал», – говорили мне»²³.

21 Акты и документы о зверствах немецких оккупантов в Ирафском районе // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

22 Там же. Л. 37

23 Акты и документы о зверствах немецких оккупантов в Ардонском районе // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2. Л. 148.

Давая показания членам ЧГК, мать двух расстрелянных подростков из сел. Чикола так описывала свое горе утраты двух сыновей: «Ханафи был отчаянный, он уверял меня, что кого-нибудь из офицеров убьет обязательно за мерзкие дела. Ханафи достал у кого-то из соседей винтовку и начал из нее стрелять. На вопрос немецкого офицера, зачем ему винтовка, мальчик ответил, что хотел его убить. Братьев арестовали. Женщина умоляла офицера не убивать ее детей. На это офицер ответил: «Мы их сейчас расстреливать будем. Радуйся, что тебя в живых оставляем...». На следующий день их расстреляли в сел. Старый Лескен. Тела еще некоторое время не выдавали для погребения»²⁴.

Другой подросток в своих показаниях написал, что иногда он узнавал, как старшие земляки мстят врагу, выводят из строя их технику. Дети решили поддержать взрослых односельчан и стали незаметно прятать гранаты и патроны, выкраденные из домов, где жили немецкие солдаты²⁵. Или еще такие факты отмечены в материалах комиссии: «Сельские ребяташки из-за ненависти к немцам придумали следующее занятие. Вдоль дороги на обочине через определенный промежуток стояли канистры с бензином для заправки проходящего немецкого транспорта. Мы незаметно подкрадывались к ним и опрокидывали. Эта забава продолжалась еще некоторое время, затем нас выследили и наказали»²⁶.

Многие подростки, невзирая на опасность, старались незаметно подкармливать пленных советских солдат, а также арестованных сограждан. Большая опасность подстерегала смельчаков, которые украдкой хоронили красноармейцев, погибших от пыток или расстрелянных фашистами. Ж. Дзуцева из Ардона свидетельствовала: «Над Ардоном был сбит советский летчик. Немцы заставили местного жителя похоронить его. Тот закопал труп плохо. Мы с комсомолкой З. Тезиевой и З. Дзуцевой похоронили героя как следует. У изголовья поставили красную звезду, сорванную нами с его самолета»²⁷.

Некоторые подростки помогали партизанам добывать сведения и тем самым вредить оккупантам. Так, В. Кайтуков рассказал членам ЧГК: «... Мне удалось найти кипу листовок, сброшенных нашими самолетами об успехах наших войск под Сталинградом и Орджоникидзе (Владикавказом). Эти листовки мы распространяли среди населения. Действие этих листовок было весьма благотворно, так как немцы распространяли слухи о своей скорой победе»²⁸.

М. Блиев, взорвал цистерну с бензином для немецкой техники. Много позже он заметил: «...Я не собирался совершать подвига, не думал о патриотизме. Подобные высокие идеалы были мне еще недоступны. Однако инстинктивно я хорошо понимал, какое зло принесли с собой немцы. Был у меня и другой мотив – сумею ли насолить немцам так, чтобы они меня не поймали» [33, с. 65].

24 Акты и документы о зверствах немецких оккупантов в Ирафском районе // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 7. Л. 120–124.

25 Акты и документы о зверствах немецких оккупантов в Кировском, Алагирском и Ардонском районах // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 5. Л. 124.

26 Акты и документы о зверствах немецких оккупантов в Ардонском районе // ГАНИ РСО-А. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2. Л. 193.

27 Там же. Л. 128.

28 Там же. Л. 185.

Итак, дети военного времени в отличие от взрослых находили разные способы адаптации к условиям оккупации. Если сравнить их со взрослыми, у которых жизненный опыт был куда богаче, рефлексии связывались с рациональностью, собственными жизненными установками и мировоззрением, дети оставались детьми, которые были далеки от осознанных рефлексий и руководствовались чувствами: страха, ненависти, ответственности, мести и т.д. Это отчетливо прослеживается во многих эго-документах.

Повседневная жизнь детей из оккупированных районов Осетии, отраженная в воспоминаниях современников, указывает на ряд исключительных ситуаций: бомбежки, страх, расстрелы, реквизиции, голод, холод, сиротство и др. Проблемой стало элементарное выживание. Несмотря на пертурбационные составляющие военного времени, в экстремальных условиях дети продемонстрировали высокую жизнеспособность, готовность решать не только личные, семейные, но и общезначимые задачи.

Таким образом, воспоминания детей, переживших ужасы войны, помогают реконструировать многое из того, что не отразилось в других источниках, они имеют большое значение для всестороннего исследования событий Великой Отечественной войны. Сравнивая свидетельства 1943-1944 гг. и воспоминания-интервью в наше время, отметим определенную специфику. Во-первых, давая свидетельские показания в 1940-е гг., дети делали это в присутствии старших и таких же очевидцев описываемых событий, здесь степень достоверности высокая; в воспоминаниях 2000-х гг. сообщаемые факты нуждаются в проверке, т.к. ничем не подкрепляются. Во-вторых, свидетельства 1940-х гг. достаточно конкретны, в них не так много эмоций, дети рассуждают как взрослые, в последующих воспоминаниях больше эмоций, расплывчатости и часто общие рассуждения. Тем не менее, этот вид источников дает представление о жизни, переживаниях, эмоциях маленького человека.

Воспоминания детей войны имеют большое значение для воссоздания региональной истории, социальной истории войны. Со временем уходят целые поколения тех, кто пережил ужасы войны, поэтому тем более важно успеть собрать их воспоминания, чтобы зафиксировать локальную картину войны в детском сознании. По этой причине тема «детского мира» и детской повседневности в годы Великой Отечественной войны остается актуальной, востребованной.

Благодарность. Статья опубликована при финансовой поддержке РФФИ (проект 21-09-43008 СССР).

Acknowledgments. The article was published with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project 21-09-43008 USSR).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Медик Х. Микроистория // THESIS. – 1994. – Вып. 4. – С. 193-202
2. Людтке А. Что такое «история повседневности»? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 77-100.
3. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. / Пер. Е. М. Лысенко. – 2-е изд., доп. – М., 1986. – 254 с.
4. Февр Л. Бои за историю. М., 1986. – 632 с.
5. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. – 327.
6. Лотман Ю.М. Труды по семиотике. – В 3-х т. Т.3. – Таллин, 1996. 494 с.
7. Мальшьева Е.М. Война как социальное и историко-психологическое явление: к вопросу о методологии исследования // Особенности историко-психологического исследования: материалы I межрегионального рабочего семинара по исторической психологии (Краснодар, 9 февраля 2002 г.) – Краснодар, 2002. – С. 30-36.
8. Сенявская Е.С. 1941-1945. Фронтное поколение. Историко-психологические очерки. – М., 1995. 218 с.
9. Селунская Н.Б. К проблеме объяснения истории // Проблемы источниковедения и историографии: Материалы II Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. – М., 2000. – С. 44-62
10. Чуркин М.К. Воспоминания «детей войны» (1941-1945 гг.) в коммеморативных практиках российского общества: «место памяти» или «место забвения»? // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. «2(11). С. 86-88
11. Николаева С.А. Дети и война. М., 1991. – 160 с.
12. Юдицкий С.А. Война глазами ребенка. Воспоминания. – СПб.: Научно-технические технологии, 2017. 21 с.
13. Петрова Н.К. Дети Великой Отечественной войны. // Вторая мировая война в детских «рамках памяти». – Краснодар, 2010. С. 112-125
14. Мирзабеков М.Я., Каймаразова Л.Г., Лысенко Ю.М. Воспоминания детей военных лет как источник по истории Дагестана в годы Великой Отечественной

1. Medik H. Microhistory [*Mikroistoriya*]. THESIS. 1994, 4: 193-202.
2. Ludtke A. What is the “history of everyday life”? Its achievements and prospects in Germany [*Chto takoe «istoriya povsednevnosti»? Ee dostizheniya i perspektivy v Germanii*]. Social History. Yearbook. 1998/1999. Moscow, 1999. p. 77–100.
3. Blok M. *The Apology of history, or the craft of a historian* [*Apologiya istorii, ili Remeslo istorika*]. E. M. Lysenko (transl.). 2nd ed., supplemented. Moscow, 1986.
4. Fevr L. *Fights for history* [*Boi za istoriyu*]. Moscow, 1986.
5. Gurevich AYa. *Historical synthesis and the school of “Annals”* [*Istoricheskij sintez i shkola «Annalov»*]. Moscow, 1993. Available at: https://vk.com/doc5787984_437676765?hash=coeoa972fa278b2173
6. Lotman YuM. *Studies on semiotics* [*Trudy po semiotike*]. In 3 volumes. Vol. 3. Tallinn, 1996.
7. Malysheva EM. War as a social and historical-psychological phenomenon: on the issue of research methodology [*Vojna kak social'noe i istoriko-psihologicheskoe yavlenie: k voprosu o metodologii issledovaniya*]. Features of historical and psychological research: proceedings of the I interregional workshop on historical psychology (Krasnodar, February 9, 2002). Krasnodar, 2002. p. 30–36.
8. Senyavskaya ES. 1941-1945. The front-line generation. *Historical and psychological studies* [1941-1945. Frontovoe pokolenie. Istoriko-psihologicheskie ocherki]. Moscow, 1995.
9. Selunskaya N.B. On the problem of explaining the history [*K probleme obyasneniya istorii*]. Problems of source studies and historiography: proceedings of the II Scientific readings in memory of academician ID Kovalchenko. Moscow, 2000. p. 44–62.
10. Churkin M.K. Memories of “children of war” (1941-1945) in commemorative practice of the Russian society: “a place of memory” or “a place of oblivion”? [*Vospominaniya «detej vojny» (1941-1945 gg.) v kommemorativnyh praktikahrossijskogo obshchestva: «mesto pamyati» ili «mesto zabveniya»?*]. Journal of the Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies. 2016, 2(11): 86–88.
11. Nikolaeva SA. *Children and war* [*Deti i vojna*]. Moscow, 1991.
12. Yuditsky S.A. *War through the eyes of a child. Memories* [*Vojna glazami rebenka. Vospominaniya*]. St. Petersburg: Science-intensive technologies, 2017.
13. Petrova N.K. Children of the Great Patriotic War [*Deti Velikoj Otechestvennoj vojny*]. The Second World War in the children’s “memory framework”. Krasnodar, 2010. p. 112–125.

войны // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2016. №1(45). С. 68-77

15. Детство, опаленное войной. Дагестан. 1941 – 1945 гг. Воспоминания. Махачкала: МавраевЪ, 2015. 463 с.

16. Хубулова С.А., Хубулова Э.В. Детские воспоминания о великой отечественной войне в пространстве современной устной истории // Известия СОИГСИ. 2014. № 14 (53). С. 35-40.

17. Безрогов В.Г. Воспоминания как источник по истории детства. //Труды кафедры педагогики, истории образования и педагогической антропологии. – М., 2001. Вып. 2. С. 65-78.

18. Кринко Е.Ф. Воспоминания детей военного времени (1941–1945): источники изучения // Сумский историко-архивный журнал. – 2014. – № XXII. С. 34–41.

19. Реброва И.В. Мир детской повседневности в условиях оккупации Северного Кавказа // Вестник Пермского университета. История. 2014. Вып. 2 (25). С. 80-87.

20. Пенькова О.Б., Санко А.С. Детские воспоминания о войне жительницы Макеевки Ларисы Степановны Симоновой: публикация нарративного интервью // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2015. 2(56). С. 138-148.

21. Реброва И.В. Великая Отечественная война в мемуарах: историко-психологический аспект: На материалах Краснодарского края. Дисс. ...канд. ист. наук. – Краснодар, 2005. – 255 с.

22. Худалов Т.Т. Северная Осетия в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – Владикавказ, 1992. 317 с.

23. Татаров А.А. Сельскохозяйственные ресурсы Северного Кавказа в экономической стратегии Германии в 1942-1943 гг. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. – Краснодар: КубГАУ, 2015. – №03(107)Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2015/03/pdf/34.pdf> (дата обращения 10.04.2021)

24. Деятельность Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета оборо-

14. Mirzabekov MYa, Kaimarazova LG, Lysenko YuM. Memories of wartime children as a source on the history of Dagestan during the Great Patriotic War [*Vospominaniya detej voennyh let kak istochnik po istorii Dagestana v gody Velikoj Otechestvennoj vojny*]. Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. 2016, 1(45): 68–77.

15. *Childhood, scorched by war. Dagestan. 1941-1945 Memories* [*Detstvo, opalennoe vojnoj. Dagestan. 1941 – 1945 gg. Vospominaniya*]. Makhachkala: Mavraev, 2015.

16. Khubulova SA, Khubulova EV. *Children's memories of the Great Patriotic War in the space of modern oral history* [*Detskie vospominaniya o velikoj otechestvennoj vojne v prostranstve sovremennoj ustnoj istorii*]. *Izvestiya SOIGSI*. 2014, 14(53): 35–40.

17. Bezrogov VG. Memoirs as a source on the history of childhood. [*Vospominaniya kak istochnik po istorii detstva*]. *Proceedings of the Department of Pedagogy, History of Education and Pedagogical Anthropology*. Moscow. 2001, 2: 65–78.

18. Krinko EF. Memoirs of wartime children (1941-1945): sources of study [*Vospominaniya detej voenogo vremeni (1941–1945): istochniki izucheniya*]. *Sumsky Historical and Archival Journal*. 2014, 22: 34–41.

19. Rebrova IV. The world of children's everyday life in the conditions of the occupation of the North Caucasus [*Mir detskoj pousednevnosti v usloviyah okkupacii Severnogo Kavkaza*]. *Perm University Herald. History*. 2014, 2(25): 80–87.

20. Penkova OB, Sanko AS. Childhood memories of the war of Larisa Stepanovna Simonova, a resident of Makeyevka: publication of a narrative interview [*Detskie vospominaniya o vojne zhitel'nicy Makeevki Larisy Stepanovny Simonovoj: publikaciya narrativnogo intervyyu*]. *Journal of Historical, Political and International Studies*. 2015, 2(56): 138–148.

21. Rebrova IV. The Great Patriotic War in memoirs: historical and psychological aspect: based on the materials of the Krasnodar Territory. [*Velikaya Otechestvennaya vojna v memuarah: istoriko-psihologicheskij aspekt: Na materialah Krasnodarskogo kraja*]. Candidate's thesis. Krasnodar, 2005.

22. Khudalov TT. *North Ossetia in the Great Patriotic War 1941-1945* [*Severnaya Osetiya v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945 gg.*]. Vladikavkaz, 1992.

23. Tatarov AA. Agricultural resources of the North Caucasus in the economic strategy of Germany in 1942-1943 [*Selskohozyajstvennye resursy Severnogo Kavkaza v ekonomicheskoy strategii Germanii v 1942-1943 gg.*]. Scientific journal KubSAU [Electronic resource]. Krasnodar: KubGAU, 2015, 3. Available at: (<http://ej.kubagro.ru/2015/03/pdf/34.pdf>).

ны и органов государственной власти и управления Северо-Осетинской АССР в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны. Сборник док-тов и материалов / Сост. Л.Ч. Хаблиева. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2020. 356 с.

25. Хубулова С.А. Я вспоминаю: свидетельства детей Великой Отечественной. – Владикавказ: СОГУ, 2010. – 97 с.

26. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / М.А. Рыблова, Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина [и др.]. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 336 с.

27. Хубулова С.А. Устная история Великой Отечественной войны // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2013. – № 4 (21). – С. 42-49.

28. Гудков Л. Идеологема врага. «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. – М.: ОГИ, 2005. – С. 7 – 79.

29. Хаблиева Л.Ч., Сосранова З.В., Дзотцоева З.Е., Царикаев А.Т. Оккупация территории Северной Осетии в пространстве индивидуальной памяти (по материалам ЦГА РСО-А). // Вопросы истории. – 2020. – № 4. – С. 223-229

30. Буряк И.И., Реброва И.В. В концлагерях, во время блокады и оккупации: военное детство сегодняшних кубанцев в их воспоминаниях // Юг России в Великой Отечественной войне: тропы памяти: сборник научных статей. – Краснодар, 2011. – С. 12-14

31. Holmes R. Acts of War. The Behaviour of Men in Battle. – New-York, 1987. Pp. 412-422

32. Terkel S. The Good War. An Oral History of World War II. – New-York, 1984. – 589 p.

33. Блиев М.М. Осетия кручина моя. Т.1. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2011. – 142 с.

24. Activities of the Ordzhonikidze (Vladikavkaz) Defense Committee and state authorities and administration of the North Ossetian ASSR in the emergency conditions of the Great Patriotic War. Collection of documents and materials [Deyatel'nost' Ordzhonikidzevskogo (Vladikavkazskogo) komiteta oborony i organov gosudarstvennoj vlasti i upravleniya Severo-Osetinskoj ASSR v chrezvychajnyh usloviyah Velikoj Otechestvennoj vojny. Sbornik dok-tov i materialov]. L.Ch. Khablieva (comp.). Vladikavkaz: CPC SOGU, 2020.

25. Khubulova SA. I remember: testimonies of children of the Great Patriotic War [Ya vspominayu: svidetel'stva detej Velikoj Otechestvennoj]. Vladikavkaz: SOGU, 2010.

26. Ryblova MA, Krinko EF, Khlynina TP, et al. Childhood and war: the culture of everyday life, mechanisms of adaptation and survival practices of children in the conditions of the Great Patriotic War (based on the materials of the Battle of Stalingrad) [Detstvo i vojna: kul'tura pousednevnosti, mekhanizmy adaptacii i praktiki vyzhivaniya detej v usloviyah Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Stalingradskoj bitvy)]. Volgograd: Publishing house of the Volgograd branch of the RANEPА, 2015.

27. Khubulova SA. Oral history of the Great Patriotic War [Ustnaya istoriya Velikoj Otechestvennoj vojny]. Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic. 2013, 4(21): 42–49.

28. Gudkov L. The ideologeme of the enemy. “Enemies” as a mass syndrome and a mechanism of socio-cultural integration [Ideologema vraga. «Vragi» kak massovyj sindrom i mekhanizm sociokul'turnoj integracii]. Image of the enemy. L. Gudkov (comp.); N. Konradov (ed.). Moscow: OGI, 2005. p. 7–79.

29. Khablieva LCh, Sosranova ZV, Dzotsoeva ZE, Tsarikaev AT. Occupation of the territory of North Ossetia in the space of individual memory (based on the materials of the RSO-A Central State Administration) [Okkupaciya territorii Severnoj Osetii v prostranstve individual'noj pamyati (po materialam CGA RSO-A)]. Questions of history. 2020, 4: 223–229.

30. Buryak II, Rebrova IV. In concentration camps, during the blockade and occupation: the military childhood of today's Kuban residents in their memories [V konclageryah, vo vremya blokady i okkupacii: voennoe detstvo segodnyashnih kubancev v ih vospominaniyah]. The South of Russia in the Great Patriotic War: paths of memory: a collection of scientific articles. Krasnodar, 2011. p. 12–14.

31. Holmes R. Acts of War. The Behaviour of Men in Battle. New-York, 1987. p. 412–422.

32. Terkel S. The Good War. An Oral History of World War II. New-York, 1984.

33. Bliev MM. Ossetia – my woe [Ossetia kruchina moya]. Vol. 1. Vladikavkaz: SOGU Publ., 2011.

Статья поступила в редакцию 16.07.2021 г.

Статья принята в печать 01.09.2021 г.

ARCHAEOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173638-657>

Hizri A. Amirkhanov,
Dr. Sci., Prof., Acad. of RAS
Institute of Archeology of RAS, Moscow, Russia
amirkhanov@rambler.ru

FORMATION, TAPHONOMY AND DATING OF THE NEOLITHIC LAYER OF THE CHOKH SETTLEMENT: DATA REVISION

Abstract. To date, sixty years have passed since the excavations of V. G. Kotovich at the Chokh settlement and almost forty years after the field work was carried out there by the author. Over these decades, much has changed in the approaches to excavations and to the interpretation of materials obtained from layers with heterogeneous archaeological stratigraphy and complex lithological structure. A new understanding of the Chokh materials leads to the need to revise some of our ideas about the formation, taphonomy and relative chronology of finds and objects of the Neolithic layer of this site. With regard to the Chokh settlement, such an analysis leads to the need to consider the layer C (Neolithic) as a multi-component cultural and geological formation consisting of three or four consecutive microstratigraphic divisions. Based on this, an attempt is made in this paper to correct the ideas concerning the composition of archaeological material belonging specifically to the Neolithic layer. Special attention is paid to the highlighting of the homogeneous part that is related with the “floor” of the cultural layer C, or, in other words, the lowest, initial horizon (layer C, “bottom” or layer C, horizon 3), of which the formation of the Neolithic layer began. The breakdown of the cultural layer C into different living surfaces is carried out by linking the latter to the levels of occurrence of hearths and fire pits. This makes it possible, in particular, to isolate a homogeneous part of the material that is associated with the “floor” of the layer under consideration (layer C, “bottom” or layer C, horizon 3). In this paper, we have tried to isolate from the totality of the archaeological material of Layer C, its various parts, which can be attributed to the Neolithic layer with varying degrees of confidence.

Keywords: Chokh settlement; cultural layer C; microstratigraphy; taphonomy.

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173638-657>

Амирханов Хизри Амирханович,
д.и.н., профессор, академик РАН
Институт археологии РАН, Москва, Россия
amirkhanov@rambler.ru

ФОРМИРОВАНИЕ, ТАФНОМИЯ И ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО СЛОЯ ЧОХСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ: ВЗГЛЯД ПОЛВЕКА СПУСТЯ

Аннотация. К настоящему времени прошло шестьдесят лет после раскопок В.Г. Котовича на Чохском поселении и почти сорок лет после того, как там проводились полевые работы автором. За эти десятилетия изменилось многое и в подходах к раскопкам, и в интерпретации материалов, получаемых из слоев со сложной археологической стратиграфией и комплексной литологической структурой. Новое осмысление чохских материалов приводит к необходимости пересмотра некоторых наших представлений о формировании, тафномии и относительной хронологии находок и объектов внутри неолитического слоя этого памятника. Применительно к Чохскому поселению такой анализ приводит к необходимости рассмотрения слоя С (неолит) в качестве многосоставного культурно-геологического образования, состоящего из трех-четырех последовательных микростратиграфических подразделений. Исходя из этого, в данной работе предпринята попытка коррекции представлений, касающихся состава археологического материала, относящегося именно к неолитическому слою. Особое внимание уделяется вычленению той гомогенной их части, которая связана с «полом» культурного слоя С, или, говоря иначе, самым нижним, начальным горизонтом (слой С, «низ» или слой С, гор. 3), с уровня которого началось формирование неолитического слоя. Разбивка культурного слоя С на различные поверхности обитания осуществляется с привязкой последних к уровням залегания очагов и кострищ. Это дает, в частности, возможность выделения гомогенной части материала, которая связана с «полом» рассматриваемого слоя (слой С, «низ» или слой С, гор. 3).

Ключевые слова: Чохское поселение; культурный слой С; микростратиграфия; тафномия.

Introduction

Over the past four decades, no long-term and comprehensive studies have been carried out on the Neolithic of the eastern part of the North Caucasus. During these decades, not a single paper has been published regarding the Neolithic of the said region. There have also been no attempts to re-examine the materials of the Chokh settlement (Layer C) in Central Dagestan [1]. Meanwhile, it is long overdue to return to the analysis of various aspects of the study of the site in the context of scientific realities formed more than sixty years after the first excavations by V.G. Kotovich [2] and a break that lasted more than forty years since the excavations were conducted there by the author.

The aim of the study is limited to the genesis and taphonomy of cultural deposits of Layer C of Chokh. For the time being, other aspects of the problem raised here are not addressed. The main question is the chronology of Layer C, which is as important as identifying the dates of the underlying Mesolithic layers. The work on determining the age of cultural layers is currently underway and there is hope for its early completion.

Returning to the subject of the present study, we note that the analysis of the problem we are interested in, unfortunately, cannot be carried out with the necessary degree of detail on the materials of previous excavations. Some of the current issues simply could not be in the focus of our attention during the research conducted several decades ago. This applies, in particular, to the use of microstratigraphic analysis. Such a concept in Soviet, and perhaps not only in Soviet archaeology, was very rare. As for the research of the Chokh settlement, at that time the author had to argue in numerous scientific disputes, proving the need for the dating of the Neolithic layers, accepted by all experts without exception as relating to the Mesolithic Age. This task determined the main focus of our study.

Currently, the study of the Neolithic materials of the site should be focused on solving other issues. The crucial ones are the problems of dating and microstratigraphy of cultural deposits. It is important to find the answers on how homogeneous is the Chokh layer, how long it formed, which of the categories of finds and objects belong to the initial stage of the formation of this stratigraphic unit? A separate and very important issue is the cultural continuity between the Mesolithic and Neolithic materials in the Chokh stratigraphic column.

General information about the site and the Neolithic layer C: geographical position, geomorphological position, history of research, general planigraphy, and stratigraphy

The Chokh settlement is situated on the Kegersky (Turchidag) plateau in the central part of the Inner (Mountainous) Dagestan [1]. From the northwest to the southeast, the plateau stretches for 20 km, from the southwest to the northeast – for 10

km. Its maximum height at the top of Mount Turchidag reaches 2400 m; the minimum altitude is approximately 1600 m. Hypsometrically, the plateau is divided into three parts of various heights. The lowest part is located on the right bank of the Kara-Koisu River in the alignment of the village of Gunib. It has a height of 1600-1700 m and is the smallest area compared to others. The middle part of the plateau (Fig. 1), in which the Chokh settlement is located, covers the basin of the upper reaches of the Bakdakuli River (the right tributary of the Kara-Koisu river), has a height range of 1750-2240 m, and occupies the largest area. The latter represents exactly that part of the area that can be called the “economic territory” of the Neolithic residents of the Chokh settlement. The site itself is situated at the bend at the base of the right limestone side of the Bakdakuli river gorge (Fig. 2). The exposition is south-western; the place is well protected from the winds (Fig. 3).

The site was discovered by V.G. Kotovich – a member of the Mining Archaeological expedition (the head of the expedition – R.M. Munchaev) of the Institute of History, Language and Literature of the Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences in 1954¹. It was the first multi-layered Stone Age site in the North Caucasus with cultural remains preserved in the original occurrence.

The history of systematic excavations of this settlement can be divided into three stages (Fig. 4). The first stage lasted from 1955 to 1957 and was associated with the works of V.G. Kotovich. The beginning of the second stage can be attributed to 1974, when the author of the present paper, a graduate student of the Leningrad Department of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences, carried out his first excavations there as part of his dissertation thesis. The continuation of these works on a larger scale was conducted in 1980-1982. Then there was a long break, and 2021 marked the beginning of the third stage of excavations, which promises to provide additional information and a new understanding of many aspects related to the settlement and relevant to the issues of the Neolithic Age of the entire North-Eastern Caucasus.

At the initial stage of the excavations, it was already possible to consider the presence of post-positional changes, at least in the upper part of cultural deposits. These were, first of all, disturbances related to excavations (in particular, the extraction of flint as raw materials for tools) carried out by humans for a long time (including the 20th century) after the completion of the formation of the layer. The second type of disturbance was associated with the activity of burrowing animals. These points are actually not specific to the deposits of the Chokh settlement alone, and are characteristic of almost all sites containing several cultural layers or horizons. When studying the Neolithic sites of this kind, this aspect is not always given the necessary attention.

After the completion of the excavations in 1957, V.G. Kotovich identified two Mesolithic and four Upper Paleolithic cultural layers on the site (Fig. 5). The lower, sixth archaeological layer was discovered only in 1957 and was opened by a prospecting

---

¹ Munchaev R.M. Report of the Dagestan archaeological expedition of 1954. *Archive of the IA of the USSR Academy of Sciences*. R-1. File 1136.

trench on an area of 1 sq. m. If the separation of the latter was not disputed by anyone, the division of the overlying deposits subsequently caused objections from A.A. Formozov². In an article devoted to the review of studies of Mesolithic sites of the Caucasus, he advocated for the distinguishing of two cultural horizons in the Chokh settlement. According to A.A. Formozov, Layers 5-1 should have been considered a single layer and, based on the presence of trapezoids in it, dated it to the Mesolithic Age. As for the lower layer (Layer 6 according to V.G. Kotovich), he considered it possible to attribute it earlier than the Mesolithic Age, namely, to the Upper Paleolithic Age [3].

N.O. Bader used the materials of the Chokh settlement in connection with the solution of the issue of the cultural variants of the Upper Paleolithic and Mesolithic Ages of the Caucasus [4; 5]. Regarding the dating of the site's assemblage, he limited himself to pointing out the unresolved issue, but did not express any doubts that the Upper Paleolithic and Mesolithic layers were represented there. The same opinion was held by almost all researchers who dealt, in one way or another, with the issue under consideration.

After new excavations were carried out by the author of the paper in 1980-1982, the archaeological stratigraphy of the site was significantly reconsidered (Fig. 6). The new scale now included three layers – two Mesolithic (Layers D, E) and one Neolithic (layer C). In addition, a relatively thin horizon of the Bronze Age (C1) was identified, that occurred directly above the Neolithic layer without a sterile stratum. The floor of this horizon was broken off by the level at which the remains of a stone structure (most likely a wall), which were identified in the eastern part of the excavation, occurred above the sediments of Layer C. In the rest of the area, there were no clear indicators by which it would be possible to distinguish this horizon of cultural deposits with any confidence. This, of course, does not mean that the Bronze Age finds could not be applied to this part of the excavation. Indisputable products in the form of bifacially processed inserts of a sickle and an arrowhead – forms well known for the time of the Middle Bronze and later, – were found, for example, in squares r-8, n-6, k-9. These artifacts were deposited both in the upper and in the second and third conventional excavation horizons of Layer C.

It is noteworthy that there are no whole samples among them, only blanks or fragments. With a high degree of probability, we can attribute these remains to a workshop. This means that in the Bronze Age, people used this station as a workshop for the manufacture of tools at the site of the extraction of flint raw material from the Neolithic cultural Layer C. And since Layer C had already been covered by this time, the extraction of flint raw material could not be carried out without certain digs and disturbances into the Neolithic layer, where only flint was contained. Hence the ingress of single “defective” flint artifacts into different horizons of the layer disturbed by the excavation.

---

² *Munchaev R.M.* Report of the Dagestan archaeological expedition of 1954. *Archive of the IA of the USSR Academy of Sciences*. R-1. File 1136.

Thus, the new excavations provided us with a different breakdown of the geological and archaeological sequence of layers. These data have already been described in detail and published [1]. Layer C is described as a “dark gray light loam saturated with small and medium-sized crushed stones with the inclusion of individual fragments of limestone. The occurrence is mainly horizontal. Contacts: lower – clear; upper – distinguishable. Rich in cultural remains (building remnants, flint, ceramics, etc.). The color of the layer is given by ash and cinder” [1, p. 23-24].

On the area of 110 sq. m of excavation No. 2, investigated by the author, the Neolithic layer occurred at a depth of, on average, 40 cm from the modern surface. The thickness of the layer in its lithological expression ranged from 45 to 60 cm (on most of the layer – 45 cm). Visible signs of postpositional changes in the layer have not been detected, except for numerous small rodent burrows. The floor of the cultural layer was clearly broken off by the deepened Hearth 1, located on squares L-M-6, approximately in the center of the remains of a stone semicircular structure, as well as by a sharp change in color from dark gray (Layer C) to yellowish-brown (Layer D).

General archaeological characteristics of the Neolithic layer C

The main features of the layer compared to the underlying Mesolithic layers on the excavated area of the site are as follows: the significantly greater richness of archaeological material; the dark gray color of sediments associated with the abundant inclusion of ash and cinder; the presence of hearths, fireplaces, and architectural remains; the content of ceramic fragments, a variety of qualitative composition of finds reflecting the production and household activities of the inhabitants of the settlement – an indication that the inventory belongs to the population familiar with agriculture and cattle breeding. The presence of reaping tools, grain grinders, and bones of domestic animals in the finds is especially indicative.

The layer under consideration lies directly on the Mesolithic Layer D; however, this hardly indicates a cultural-stratigraphic continuity between the Mesolithic and the Neolithic deposits of the site. Layer C has a horizontal position on the entire excavated site, whereas the underlying Mesolithic layers are located with a noticeable slope in the opposite direction from the rock massif. At the same time, the slope is steeper the more the layer moves away from the rock. These differences like the occurrence of layers may indicate the presence of a break in sedimentation between the Neolithic and the underlying Mesolithic layers. The observed pattern also allows for the possibility of some leveling of the habitat surface at the time of its settlement by the Neolithic population. Nonetheless, by the beginning of the formation of Layer C, the surface of the underlying cultural Layer D was “exposed” by erosion processes, and perhaps partly by human disturbance aimed at planning inhabited areas.

Based on the above, it is impossible to exclude the possibility of at least minimal mixing of the archaeological material from the layers under consideration. If that was the case, then exactly to the extent that it is characteristic of any other site of the

Stone Age, where one cultural layer overlaps another without a sterile layer between them. In such cases, it can never be guaranteed that the inhabitants of the upper of the two levels did not extract flint artifacts from the layer on which they settled and did not use them again. Such cases can often be clearly identified. It should be noted that researchers do not pay the necessary attention to this aspect, considering collections formed from the cultural layers as “pure assemblage”. However, it cannot be denied that in most cases, perturbations of this type do not change the general characteristics of the cultural remains of the studied layers.

The archaeological remains of Layer C, consisting of various categories of stone products, bone tools, architectural elements, floral and faunal remains, have distinct features. They are evident, for example, in flint equipment. The latter contains notable features of evolution that reflect the chronological position of the layer and the economic functions of stone tools, which underwent a radical change at the Neolithic stage of their development.

“Internal stratigraphy” (microstratigraphy) of Layer C

As it was accepted many decades ago in the methodology of Paleolithic research, the geological and stratigraphic principle was established as the basis for dividing the cultural deposits of Chokh (as mentioned before, at that time, the site was attributed to the Upper Paleolithic and Mesolithic Ages). It was only at the advanced stage of the excavation that it became clear that the lithological thickness of the layer consists of more than one discrete horizon of cultural deposits. Consideration of the latter as a single stratigraphic unit, although it formed for quite a long time, was technically correct. Moreover, as mentioned previously, the main purpose of the stratigraphic study of the site at that stage of research was to find out what at least the general stadal belonging of the site’s layers was.

According to modern requirements of the methodology, the excavations should have been carried out not with conventional horizons, as was done then, but using a microstratigraphic approach to stripping the layer, assuming the fixation of real multi-temporal habitat surfaces that can be formed during the formation of even a single lithological layer. The “absolute purity” of the collections of individual discrete horizons would hardly have been achieved even with this method of excavation – the layer experienced too obvious impacts of post-positional destructive factors in the form of bioturbations and destructions associated with human activity. Nevertheless, we regret that in those years the microstratigraphic method of layer stripping was not widespread.

Are there any data now, many years later, that make it possible to perform at least a general microstratigraphic division of the Neolithic layer C of Chokh? These data can be found in the documentation of the excavations of 1981-1982. In the descriptions of the studies and graphic plans related to that time, the location of hearths and fire pits along the vertical of this layer was recorded. In total, two hearths and three

fire pits were identified in the lithological Layer C, recording four different altitude levels with their location in this cultural layer (Fig. 7). Below is a description of these objects.

Hearth 1 partially occupies squares л-м - 6 (l-m - 6). The hearth is sunk from the floor of the cultural Layer C into the underlying Mesolithic cultural Layer D to a depth of 8-10 cm. Has a round shape in plan, 40 cm in diameter. At the southern and northern edges of the hearth, one stone with a diameter of 28 and 25 cm is placed horizontally against each other. In height, the stones have almost the same dimensions – 13 and 11 cm. The location of the stones, their selection, and relative isolation leave no doubt that they served as a hearth stand. The walls of the hearth are vertical, heavily charred; the bottom is flat and also charred. The hearth pit contains an ash-carbonaceous filling. The fuel was broad-leaved timber: oak, maple, hornbeam, etc. (despite the fact that the absolute height of the location of the cultural layer is 1725 m). The washing of the filling of the hearth delivered a very important material in the form of burnt grains of cultivated cereals.

Hearth 2 occupies the north-eastern corner of the square ж-3 - 6; zh-z - 6 and the north-western corner of the square з-6; z-6. Has a round shape, with a diameter of about 50 cm. On the western side, it is bounded by a huge limestone block standing vertically, in the rest of the circumference there are nine small stones. The filling of the hearth contains a great quantity of charcoal and ash. The areas of the layer adjacent to the hearth are richer with material than others, especially in ceramics. Archaeological finds with heavily charred surfaces were also uncovered in the very filling of the hearth. The level of the described hearth is 10 cm higher than the floor of the dwelling and, consequently, the level of the main hearth.

Fireplace 1 is located in the square з-7; z-7 and partially covers the square з-8; z-8 of the excavation site. The outlines are oval. The dimensions on the long axis are 65 cm, on the short axis – 55 cm. The contents of the fire pit are an ash-carbonaceous mass with the inclusion of archaeological remains, some of which are heavily burnt. The thickness of the ash spot is 3 cm. Next to it, there is a more intense accumulation of archaeological material than the average for the excavation as a whole. Fire pit 1 is located 38 cm above the floor of the dwelling.

Fireplace 2 is situated in the κ-8; k-8 square. It has rounded outlines; the diameter is 54 cm. The filling is dark-colored, ash-carbonaceous. It contains heavily burnt animal bones, flint, as well as ceramics. The base of the fire pit is also burnt. The thickness of the ash spot is 4 cm. The space surrounding the fire pit is richer in material (especially ceramics) than the distant sections. The level of the described hearth is 5 cm higher than the floor of the dwelling and the main hearth.

Fireplace 3 is located in the ф-9; f-9 square. It has rounded outlines; the diameter is 30 cm. The height above the floor level is 5-6 cm. According to other key indicators, this object is close to the fire pits described above.

Thus, within the cultural deposits in the eastern part of the site, we have four levels of Layer C, which are marked by two hearths and three fire pits located at different

levels. Of these, only Hearth 1 is stratigraphically and planigraphically connected with the bottom of the cultural Layer C and the floor of the living space itself. In typological terms, as well as in diversity, richness, and composition of the archaeological material concentrated around it, this hearth differs from other analogous objects of this layer.

At the level of 5-6 cm above the main hearth, two fire pits (2 and 3) were identified, located at a considerable distance from each other. They functioned at the time when the cultural layer accumulated to the specified 5-6 cm. Chronologically, they formed later than Hearth 1, but relative to each other, they are probably more or less concurrent. Then up the layer goes Hearth 2, located 10 cm above the floor level, and finally, Fire pit 1, identified 38 cm above the floor.

In situ materials and the “intrusive” part of the finds of Layer C

The interstratification of the above-mentioned hearths and fire pits can be seen as a sufficient reason to consider Layer C as a combination of four different cultural horizons. A variant of this interpretation of the layer was assumed by the author earlier when generalizing the publication of the materials of the site [1]. The necessary attention was also paid to the issue of homogeneity of the archaeological materials of Layer C when looking at it from the point of fractional stratigraphic division. One thing could be determined without question – the cultural-chronological and stadial homogeneity of flint industry of Layer C. It was difficult to consider ceramics due to the fragmentation of its remains in the layer and the scarcity of general data on the nature of this category of equipment at the stages of the Neolithic-Eneolithic-Early Bronze Ages in relation to the Northeast Caucasian sites. As for the faunal remains presented here in a multitude of finely fragmented pieces, the possibility of their “migration” into the vertical layer, as well as on other similar sites, cannot be ruled out. This follows from the peculiarities of the formation of the layer under consideration and its taphonomic characteristics.

With the modern archaeological vertical breakdown of deposits of Chokh (according to Dig 2), it is necessary to single out a special archaeological horizon called “Layer C bottom” or “Layer C Horizon 1” that part of the Neolithic layer that corresponds to the floor of the cultural layer. The objects and finds belonging to this level (“Layer C bottom”) of the cultural layer are as follows:

- 1) Hearth 1;
- 2) cultural deposits up to a height of 5-6 cm above the floor level of the cultural Layer C;
- 3) likely the remains of a stone wall on the section of squares z-f.
- 4) almost the entire flint equipment;
- 5) at least part of the ceramics, which is characterized by the shape of pots and bowls, a relatively thin wall, high density, the use of local sanded clay and additives in the form of fine landwaste and grog, smoothing of the surfaces of vessels in some cases to a soft glaze;

- 6) the main part of bone equipment;
- 7) at least part of ground stones (grain grinders), and grinding pestles;
- 8) part of finely fragmented animal bones;
- 9) timber collected for filling Hearth 1: oak, maple, hornbeam, etc.;
- 10) paleobotanical remains of cereals obtained from washing the carbonaceous filling of Hearth 1 and directly above it. The latter include the following cereals: emmer wheat (*T. dicoccum Schrank*), hulled barley (*N. vulgare L. polystichum*), hull-less barley (*H. vulgare var. nudum*) and weeds of crops of cereals and flax: brome grass (*Bromus sp.*), corncockle (*Agrostema sp.*), sedges (*Cyperacea*).

The following objects and finds correlate with the following (second from bottom to top) archaeological horizon of Layer C;

- 1) Hearth 2;
- 2) presumably, a rebuilt section of the fence wall on the squares g-zh. The horizon associated with Hearth 2 accumulated after the reconstruction of the stone structure on the g-zh squares. The fragment of the stone structure itself differs significantly from the rest of the wall and allows to assume a later reconstruction of the original stone structure in accordance with other purposes. The basis for this assumption is, in particular, that on the described segment, a single-row masonry of medium-sized stones stands out structurally from the rest of the (Neolithic) part of the wall;
- 3) a part (possibly considerable) of finely fragmented animal bones;
- 4) individual bone items (possibly);
- 5) individual ground stones (possibly);
- 6) individual fragments of ceramics (possibly);
- 7) individual flint items (possibly);

The horizons marked by the fire pits, lying above Hearth 2 are lithologically and archaeologically homogeneous, with no signs of trampled spots. Everything suggests that even after the completion of the second stage of the “life” of Layer C, people visited this place from time to time and left traces of their stay. It lasted as long as people with a culture identical to the one we recorded in the layer from the Chokh settlement lived on the territory of this region. Thus, the considered microstratigraphic levels of this archaeological layer reflect the dynamics of the life of a settlement with a homogeneous and stable culture over a period of time, the duration of which remains unclear, but in a stadial respect fits into the Neolithic period.

We exclude the issue of interpretation of construction remains associated with Layer C in this paper, which is directly related to the problem of dwellings and settlements in the Neolithic period of the site’s functioning. It requires a separate and detailed study. There are serious grounds for offering explanations other than before of the essence of the stone structures of Layer C and the approach itself to the problem of house identification in the Chokh settlement. As for the stratigraphic view within Layer C of the stone structure in the form of a wall, the above indicates the different correlation of two different parts of it.

Layer C1

During the excavations of the site, thin Horizon C1, dating back to the Bronze Age, was identified. In the excavations of V.G. Kotovich in previous years, such stratigraphic unit was missing. A newly isolated layer was not associated with a separate lithological unit. The finds of this layer belonged to the upper level of the lithological Layer C. The basis for distinguishing this level as a separate archaeological and stratigraphic unit served the remains of a stone wall identified in squares s-6-9 of excavation No. 2. The lower row of stones of this wall was located at the level of +40-45 cm from the floor of the cultural Layer C and the stone structure associated with the Neolithic layer.

Judging by the preserved remains, the wall of the post-Neolithic cultural Horizon C1 was single-row, had a crude masonry of medium-sized stones without coating and mortar. This wall preserved in 1-2 tiers, despite the fact that on the same site a much more substantial wall of the Neolithic has up to 6 tiers of masonry.

Excavations on the area of this horizon did not yield any significant results. The few materials recovered cannot be considered as a closed assemblage. The reason for this is the impossibility of identifying at this level the archaeological signs of the floor, indicative of the entire area of the layer under consideration. The latter has to be determined by the level of the lower row of the wall stones, which is a fairly approximate indication.

The presence of the described Horizon C1 in itself is an indication of the possibility of infiltration of Bronze Age objects into the horizons of the Neolithic Layer C. In some cases, these foreign cultural inclusions are unmistakably recognized. These, for example, are bifacial products in the form of inserts of reaping tools at the stage of their manufacture or their fragments. Other flint products re-formed by later secondary processing belong to the same group of artifacts. The use of large flat bifacial re-touching during their processing indicates the intention of the craftsman to re-shape the Neolithic scraper, for example, into a typical Bronze Age arrowhead. At the same time, the extraction of raw material in the form of flint was carried out by digging up the Neolithic layer lying directly under the feet of the craftsman – another factor of the intrusion of archaeological material from the upper horizons of the layer to the lower and back.

The small and quite rare fragments of ceramics found in this horizon do not allow us to restore the shapes of vessels. Fragments with a yellowish surface and a distinctive ornament in form of a “chopped” roller are characteristic of this horizon. Some of the fragments of ceramics are similar in appearance to the assemblage of this category of finds characteristic of the Neolithic layer.

A notable distinctive feature of faunal remains originating from the described horizon is the presence of horse and cow teeth.

The bifacial processed flint products and ceramics with an ornament in the form of a “chopped” roller can serve as specific archaeological indicators for dating Horizon

C1. These artifacts indicate the Bronze Age, although bifacially processed arrowheads with a stem were published in previous works of some authors on the assemblages attributed to the Neolithic of the Caucasus [6, Table 9, *etc.*].

The presence of a Bronze Age burial ground about 1 km from the Chokh settlement is also important in determining the cultural and chronological framework of Horizon C1. In stone crypts of this burial ground, dating to the time of the Kayakent-Kharachoy culture³, in particular, re-formed scrapers for secondary use with flat retouching from the ventral surface and bifacially processed flint products were found [1, p. 32]. These items are made of a variety of flint, the natural outcrop of which are unknown on the Turchidag plateau. The only place of concentration of this material in the closest vicinity was the Chokh settlement, where at that (Mesolithic and Neolithic) time this raw material came from afar. Thus, the people who left the burial ground knew the location of the Chokh settlement, visited it and extracted flint from its cultural layers. Something similar took place not only here and not only in the ancient sites of the Caucasus, but also in modern times, in particular, during the Great Patriotic War, when the flint and firesteel were used by the local population.

The findings of Horizon C1 demonstrate that people in the Bronze Age not only visited the location of the Chokh settlement, but also made use of this site. This use, however, was episodic. The primitive structure has no signs of a dwelling and does not correspond to the nature of Dagestan's house-building in the Bronze Age in any way. We are most likely dealing with a pen or enclosure for temporary keeping of livestock. In the Bronze Age, transhumance was already practiced in Dagestan. There are also a large number of sites associated with seasonal grazing on summer alpine pastures. All these sites are, in fact, caves, grottos, overhangs, and just rock outcrops more or less adapted for the enclosure [7]. This appears to have been the same in the case described above.

The issue of dating; duration of accumulation of cultural sediments of Layer C

By the time of the author's publication of the site's material (the mid-80s of the last century), there had been no radiocarbon dating of the Chokh settlement. The possibility of dating, however, exists. There is charcoal material from the 1957 excavations, as well as animal bones. Bone artifacts can also be used for direct dating. It is also possible to attract carbon deposits from the walls of ceramic vessels. The task of obtaining radiocarbon dates for Layer C is now considered urgent and measures are being taken to solve it.

Data for determining the age of the layer are currently limited by the possibilities of the archaeological comparative-historical method itself and the results of the spore-pollen analysis of the complete stratigraphic sequence of the site.

---

3 Later, R.G. Magomedov attributed this site to the Ginchin culture of the Middle Bronze of Dagestan.

According to the definitions made by MSU Prof. I.A. Karevskaya, spore-pollen spectra at the depth level of the Neolithic layer C in terms of the total ratio of pollen and spores are not similar to modern ones and differ greatly from the spectra characteristic of the underlying Mesolithic layers of the site. They differ from the ones below in the section by a high percentage of tree species (up to 15-16%), represented mainly by pollen from various pines, birches, elm, as well as single grains of spruce, yew, oak, holly, acacia (see pollen diagram [1, p. 28]). In the group of herbaceous and shrubby vegetation, the pollen of cereals, sedges and steppe grasses plays a crucial role. Therefore, the horizons directly above the upper Mesolithic layer of the section of the site accumulated under conditions of climate mitigation; steppe and meadow plant communities displaced semi-desert xerophytic groups. The degree of afforestation of the territory exceeded the modern one, and the composition of the dendroflora was noticeably richer, which indicates more favorable climatic conditions.

The matching data obtained by two different methods – palynological and general paleobotanical one – is also noteworthy. According to the definitions made by G.N. Lisitsyna on charcoal, the filling of Hearth 1 consisted of charred oak, ash, hornbeam, maple, and organically related shrub plants. If these tree species were used as fuel, then it is clear that during the functioning of Hearth 1 of the Neolithic period, they grew in the close vicinity of the settlement.

The floral composition characteristic of the underlying Mesolithic layers differs significantly from that represented in Layer C, while in the archaeologically sterile layers underlying the Mesolithic layers, it contrasts sharply.

In general, I.A. Karevskaya distinguishes three different phases of vegetation for this sequence. The first one (from top) has already been described in the paper. The second one combines Mesolithic Layers D, E, and the third one is associated with Layers F, G, which lack any archaeological remains. For the third (the earliest in the section) phase, conditions are reconstructed with almost complete absence of indications of forest vegetation, but the presence of species adapted to the conditions of deserts and semi-deserts, as well as distinguishing in frost and drought resistance. The existing set of taxa corresponds to the conditions of sharp xerophytization of the climate and the effects of glacial expansion in the mountains. Based on the general geological and geomorphological location of the site, paleogeographic characteristics of various levels of lithological sediments, the time of formation of the pre-Mesolithic Layers F and G of Chokh can be correlated with the stage of the Younger Dryas (circa 13-11 thousand years ago (on a calibrated scale)). This assumption is supported by the radiocarbon date (so far, the only one) for the Chokh Layer D [IGAN_{AMS} 6313: (1 sigma) cal BP 12830-12959; (2 sigma) cal BP 12784-13010].

In the sediments of the Mesolithic layers of the site, the dominance of cold-loving desert and semi-desert xerophytes, typical for underlying layers, is replaced by conditions with a predominance of mountain steppe with the presence of forest formations. The latter indicates climate softening and a decrease in aridity, which accord-

ing to the general paleoclimatic scale of the early Holocene should correspond to the Preboreal period.

The spore-pollen diagram of the sediments of the Chokh settlement was compared with the generalized spore-pollen diagram of quaternary sediments of the Western Caspian Region [8, pp. 96-106]. It was revealed that according to the total composition of pollen and spores, the percentage of pollen grains of the dominant vegetation cover (*Chenopodiaceae*, *Ephedra*, *Artemisia*, *Gramineae*) and the trend in their change, the three groups of spore-pollen spectra from Chokh are similar to the spectra of three phases in the development of flora of the Late Pleistocene-Holocene period of the Western Caspian Region. The first of these phases is synchronous with the end of the Late Khvalyn transgression. The second corresponds to the Post-Khvalyn regression, and the third phase is compared with the New Caspian transgression.

According to radiocarbon and thermoluminescent analyses, sediments of the Post-Khvalyn period in the Caspian Region accumulated 14-20 thousand years ago, at the end of the Late Pleistocene. Sediments of the second phase belong to the Mangyshlak regression. The beginning of the latter based on averaging radiocarbon dating belongs to the time of about 10 thousand years ago (on an uncalibrated scale), and the maximum in radiocarbon chronology falls on 9 thousand years ago [9].

The grounds given for dating the Neolithic materials of Chokh by the time of the beginning of the New Caspian transgression (no later than 8.5 thousand years ago on an uncalibrated scale), of course, require clarification using a series of radiocarbon dates. This work has now begun and its results may allow in the near future to determine a more accurate placement of the site in the chronology of the Neolithic of the Caucasus.

Let us examine the issue of the relative age of the Neolithic materials of Chokh. Based on the archaeological periodization of the Neolithic of the Caucasus, the desired chronological stage should be unambiguously defined as the stage preceding the presence in both the Northern and Southern Caucasus of such a highly distinctive category of products as trapezoids “with planed backs”. In periodization terminology, this corresponds to the Late Neolithic period, and in absolute terms, to the time within the 6th millennium BC (in the system of calibrated chronology). These tools (trapezoids with planed backs) are common for the layers of those Neolithic sites of the Shomutepe-Shulaveri culture, the datings of which reach the middle of the 6th millennium BC and a little earlier. They are even more typical for the late Neolithic and Eneolithic periods of the Western Caucasus.

Regarding the issue under consideration, it is highly indicative that from the point of the regional (all-Caucasian) scheme of the evolution of stone tools, cultures with trapezoids with planed backs and the stone industry of Layer C of the Chokh settlement are completely different phenomena in stadial terms. Clearly, the North Caucasian cultural layer with trapezoids with planed backs is more recent in terms of the Neolithic industry of Chokh.

One of the most significant characteristics of the stone industry of Layer C from the Chokh settlement is its undoubted genetic connection to the local Mesolithic culture, represented, in particular, on the site. The Neolithic industry here is a continuation of the local Mesolithic tradition. It does not reveal any technological or typological gap and retains typological characteristics specific to the Chokh culture during the transition from the Mesolithic to the Neolithic period.

Other manifestations are recorded when the Chokh Neolithic culture itself was replaced by a cultural stadial complex called Eneolite in the old tradition and is represented in Dagestan by the Ginchi settlement [10]. The latter is characterized by such indicators as the large-plate stone industry with primary splitting, possibly with the use of a lever device; decorated ceramics, obsidian exports from Transcaucasia, curved sickles with large inserts common for the Transcaucasian Late Neolithic Age (with the common context of the abundant and diverse bone equipment). All of these characteristics above typologically and fundamentally differ from the Neolithic Chokh culture. The Ginchi culture is an analog of the Transcaucasian Late Neolithic (in the modern sense) culture, most likely in its final stage. The upper chronological boundary of the sites of this culture, according to archaeological data, passes below the time of existence of the cultural phenomenon of the Caucasus called “Tsopi-Sioni” or sometimes “Tsopi-Sioni-Ginchi” culture. There are several sites in Dagestan whose evolutionary status and cultural content resemble the layer of sites of the specified type [7].

Regarding the absolute age of the Dagestan site of the Ginchi type, we once again face the complete absence of absolute dates. Currently, there is, perhaps, the only date obtained from coal in the remains of the workshop in the Holocene soil layer (Layer 1) of the Mukhkai 2 site: 6140 $\pm$ 40 (GIN-15865). In calibrated version (2 σ), this date falls within the segment of 5256-4962 (BC; cal.), which corresponds to the upper boundary of the Late Neolithic framework of Transcaucasia [11]. This date confirms the fact that, in stadial, evolutionary terms, the Neolithic culture represented by the Chokh layer precedes the late sites of the Neolithic culture of Transcaucasia and its derivative on the territory of mountainous Dagestan – the Ginchi culture.

Conclusion

1. On the uncovered in 1980-1982 area of the Chokh settlement, finds deposited in situ and definitely belonged to the Neolithic period, which originated from the lower horizon of Layer C (Layer C “bottom”) 5-6 cm in thickness. The bottom of the horizon corresponds to the floor of cultural Layer C, marked by Hearth 1. The intrusion of artifacts from overlying horizons is possible, but not to a greater extent than on any other multilayer site of this type.

2. Revision of the formation of Layer C of Chokh does not change the conclusion that the said layer contains a complete set of features of the “Neolithic package”,

including both archaeological materials and socio-cultural characteristics arising from these data.

3. Our previous conclusions regarding the stadial status of materials from different layers of the site and the cultural continuity between the Mesolithic and Neolithic layers of Chokh remain unchanged.

4. The question of the absolute date of the site remains unresolved. Indirect data suggest both the aging of the Neolithic layer, and the preservation of the existing relative dating.

Fig. 1. General view of the middle part of the Keger plateau at the location of the Chokh settlement

Рис. 1. Общий вид средней части Кегерского плато в месте расположения Чохского поселения

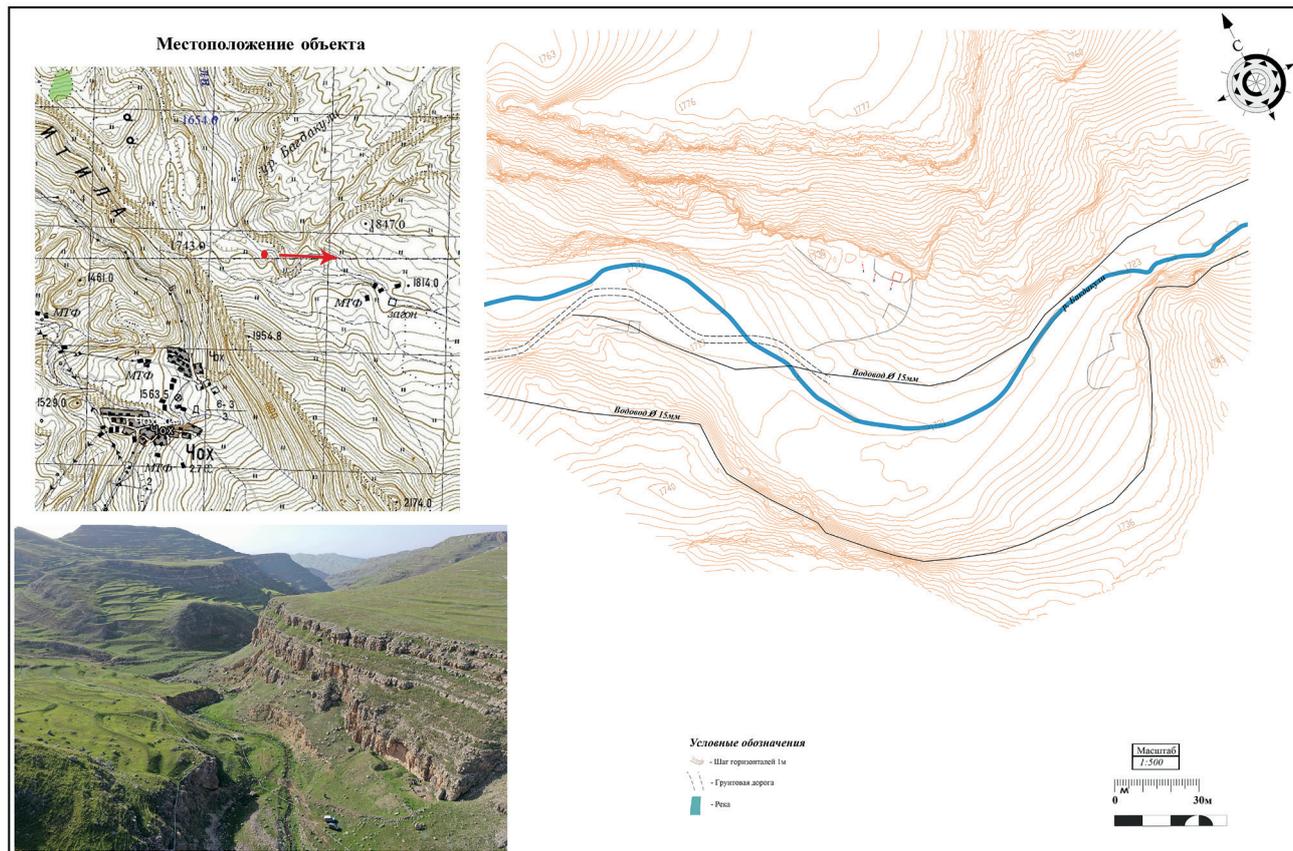

Fig. 2. Chokh settlement. Orthophotoplan with reference to the map

Рис. 2. Чохское поселение. Ортофотоплан с привязкой к карте

Fig. 3. Chokh settlement. General view from the S–E

Рис.3. Чохское поселение. Общий вид с Ю-В

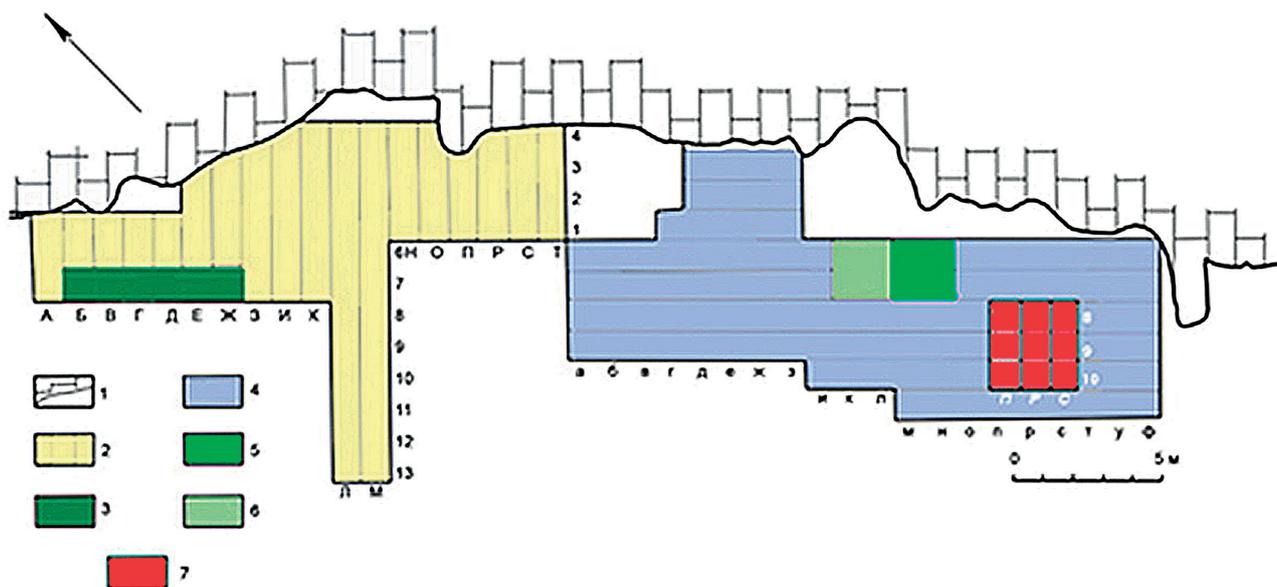

Fig. 4. Chokhskoye settlement. Summary of the excavation plan.

Symbols: 1 – rock; 2 – V. G. Kotovich’s excavation 1955-1957 (excavation No. 1); 3 – a section of the lower layer excavated in 1974 by H. A. Amirkhanov; 4 – H. A. Amirkhanov’s excavation 1980-1982. (excavation No. 2); 5 – pit in 1980 (excavated to the rock base); 6 – pit in 1982 (excavated to the rock base); 7 – excavation of H.A. Amirkhanov 2021

Рис. 4. Чохское поселение. Сводный план раскопов.

Условные обозначения: 1 – скала; 2 – раскоп В.Г. Котовича 1955–1957 (раскоп № 1); 3 – участок нижнего слоя, раскопанный в 1974 г. Х.А. Амирхановым; 4 – раскоп Х.А. Амирханова 1980-1982 гг. (раскоп № 2); 5 – шурф 1980 г. (раскопан до скального основания); 6 – шурф 1982 г. (раскопан до скального основания); 7 – раскоп Х.А.Амирханова 2021 г.

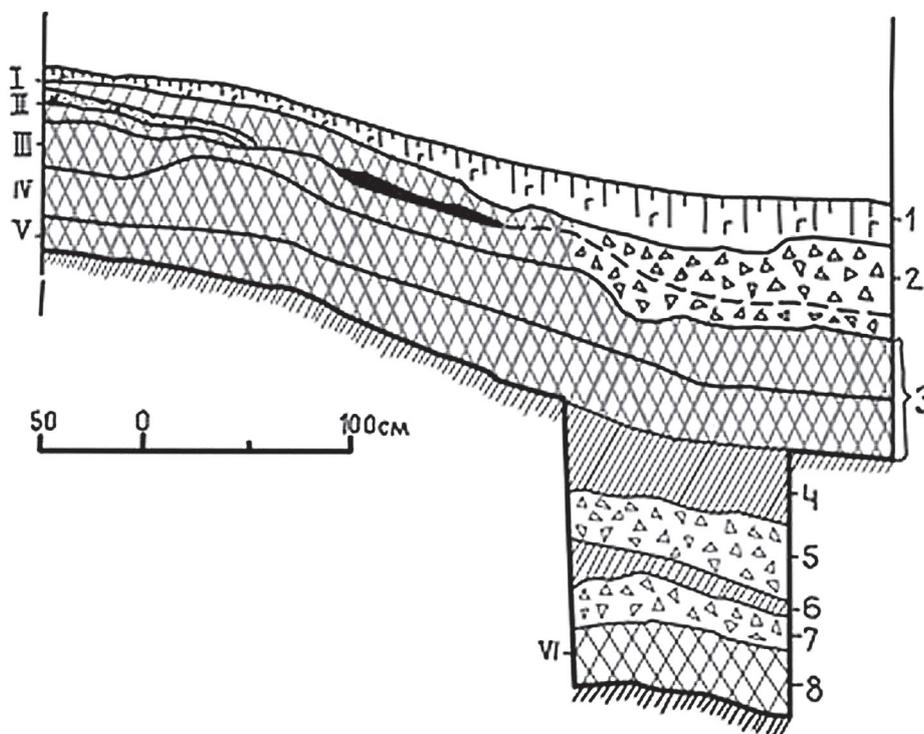

Fig. 5. Chokh settlement. Excavations of 1955-1957. Stratigraphic sequence according to V.G.Kotovich. Legend: on the left – cultural layers, on the right – geological layers

Рис. 5. Чохское поселение. Раскопки 1955–1957 гг. Разрез отложений по В. Г. Котовичу
Цифровые обозначения: слева – культурные слои, справа – геологические слои

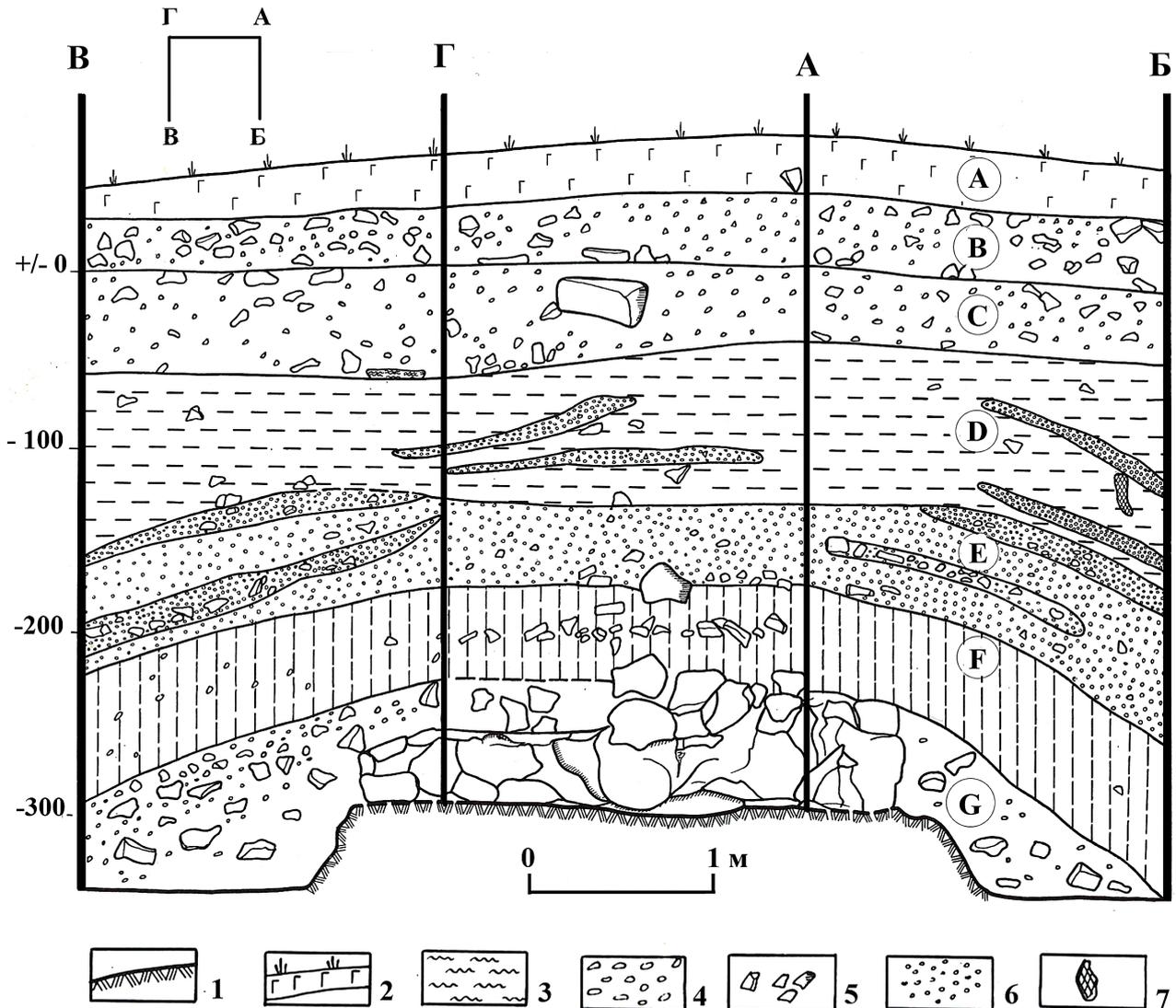

Fig. 6. Chokh settlement. The author's excavations in 1980. Full section of sediments (three-way scan of sections of the walls of the pit No. 1)
 Symbols: 1 – rock; 2 – humus; 3 – hearth mass; 4 – crushed stone; 5 – blocks; 6 – crushed stone of the smallest fractions; 7 – wormholes

Рис. 6. Чохское поселение. Раскопки автора 1980 г. Полный разрез отложений (трёхсторонняя развертка разрезов стенок шурфа № 1)
 Условные обозначения: 1 – скала; 2 – гумус; 3 – очажная масса; 4 – щебень; 5 глыбы; 6 – дресва; 7 – кротовины

Fig. 7. Chokh settlement. Interstratification of hearths and fire pits in layer C

Рис. 7. Чохское поселение. Переслаивание очагов и кострищ в слое С

REFERENCES

1. Amirkhanov HA. *Chokh settlement. Man and his culture in the Mesolithic and Neolithic of the Mountainous Dagestan [Chokhskoye poselenie. Chelovek i yego kul'tura v mezolite i neolite Gornogo Dagestana]*. Moscow, Nauka, 1987. (In Russ).
2. Kotovich VG. *The Stone Age of Dagestan [Kamenniy vek Dagestana]*. Makhachkala, 1967. (In Russ).
3. Formozov AA. Review of research on Mesolithic sites in the Caucasus [Obzor issledovaniy mezoliticheskikh stoyanok na Kavkaze]. *Soviet archeology*. 1963, 4:183-187. (In Russ).
4. Bader NO. Variants of the culture of the Caucasus at the end of Upper Paleolithic and Mesolithic [Varianty kul'tury Kavkaza kontsa verkhnego paleolita i mezolita]. *Soviet archeology*. 1965, 4:3-16. (In Russ).
5. Bader NO., Tsereteli LD. Mesolithic of the Caucasus [Mezolit Kavkaza] *Archeology of the USSR. Mesolithic of the USSR*. Moscow, 1989:93-105. (In Russ).
6. Nebieridze LD. *Neolithic of the Western Transcaucasia [Neolit Zapadnogo Zakavkazy]*. Tbilisi, 1972. (In Russ).
7. Gadzhiev MG. Early agriculture of the North-Eastern Caucasus: the Eneolithic and Early Bronze Age [Rannezemledel'cheskaya kul'tura Severo-Vostochnogo Kavkaza: epokha eneolita i ranney bronzy]. Moscow: Nauka, 1991. (In Russ).
8. Abramova GA. Palynological analysis of the Quaternary marine terraced complex of the Western Caspian region [Palinologicheskii analiz chetvertichnogo morskogo terrasovogo kompleksa Zapadnogo Prikaspiya] *Pollen analysis in geomorphological studies [Sporovo-pyl'tsevoy analiz pri geomorfologicheskikh issledovaniyakh]*. Moscow, 1981: 96-106. (In Russ).
9. Maev EG. The Phases of the Mangyshlak regression of the Caspian Sea [Fazy mangyshlaksogo regressa Kaspiyskogo morya] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*. 2009,1:15-20. (In Russ).
10. Gadzhiev MG. New data on the southern connections of Dagestan in the IV-III thousand years. BC [Novyye dannyye o yuzhnykh svyazyakh Dagestana v IV-III tys.l. do n.e.] *KSIA*. 1966, 108:55-61. (In Russ).
11. Chataigner Christine, Badalyan Ruben, Arimura Makoto. *The Neolithic of the Caucasus*. Oxford University Press, 2018:1-34.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амирханов Х.А. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.: Наука. 1987. 225 с.
2. Котович В.Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964. 225 с.
3. Формозов А.А. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе // Советская археология. 1963. № 4. С. 183 – 187.
4. Бадер Н.О. Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита // Советская археология. 1965. № 4. С. 3 – 16.
5. Бадер Н.О., Церетели Л.Д. Мезолит Кавказа // Археология СССР. Мезолит СССР. М.: Наука, 1989. С. 93 – 105.
6. Небиеридзе Л.Д. Неолит Западного Закавказья. Тбилиси, 1972.
7. Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: эпоха энеолита и ранней бронзы. М.: Наука, 1991. 263 с.
8. Абрамова Г.А. Палинологический анализ четвертичного морского террасового комплекса Западного Прикаспия // Спорово-пыльцевой анализ при геоморфологических исследованиях. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 96 – 106.
9. Маев Е.Г. Фазы мангышлакской регрессии Каспийского моря // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2009. № 1. С.15 – 20.
10. Гаджиев М.Г. Новые данные о южных связях Дагестана в IV–III тысячелетиях до н.э. // КСИА. 1966. Вып. 108. С. 55 – 61.
11. Chataigner Christine, Badalyan Ruben, Arimura Makoto. *The Neolithic of the Caucasus* Oxford University Press, 2018. P. 1–34.

The article was uploaded on September 4, 2021.

The article was accepted for publication on October 2, 2021.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173658-683>

Малахат Н. Фараджева

к.и.н., зам. директора по развитию Музейного центра «Ичери шехер»

Институт археологии и этнографии НАНА, Баку, Азербайджан

malahat@mail.ru

О ДАТИРОВКЕ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ГОБУСТАНА (АЗЕРБАЙДЖАН)

Аннотация. Начиная с 1939 г., то есть с открытия петроглифов Гобустана, ведутся научно-исследовательские работы по изучению петроглифов, полевые работы по документированию и археологические раскопки. Несмотря на обширную литературу по Гобустану, вопрос датировки наскальных изображений остается все еще дискуссионным. В данной статье автор, используя результаты радиоуглеродных датировок и программу 3D Studio Max, классифицировала петроглифы по периодам. В результате самая древняя дата в Гобустане показала в подскальном убежище Гая арасы на горе Кичикдаш 13 610 ВР (калиброванная дата). Следующая дата по древности была получена из культурного слоя пещеры Ана зага горы Беюкдаш приблизительно 10 600 ВР. Учитывая, что 14 000 лет назад произошла позднехвалынская трансгрессия, и в этот период воды Хвалынского моря омывали горы Беюкдаш, Кичикдаш и Джингирдаг, интервал между данными датировками может быть обусловлен повышением уровня моря. Основываясь на проведенные исследования и полученные даты, в петроглифах Гобустана автор отметил 9 стилистико-хронологические тенденции, включая период Средневековья и Новое время. Автор подчеркивает, что уникальность археологического комплекса Гобустан заключается в том, что в датированных культурных слоях были обнаружены отдельные камни с петроглифами, идентичными наскальным изображениям на стенах пещер. Кроме этого, стилистический и сравнительный анализ позволил автору датировать наскальные изображения Гобустана. В результате исследования было выявлено, что поселения конца верхнего палеолита и мезолита, в основном были расположены на верхних террасах гор. В неолите и энеолите, с поднятием уровня Каспийского моря, пещеры сохранили статус основного места проживания. С понижением уровня моря в бронзовом веке были заселены средние и нижние террасы. В этот период поселенцы Гобустана, занимавшиеся скотоводством, нанесли на скалы изображения безоаровых козлов с большими изогнутыми рогами. У подножия гор возникли круглые в плане поселения, появилась традиция захоронения в курганах.

Ключевые слова: петроглифы Гобустана; пещера Ана зага; Гая арасы; Фируз; Беюкдаш; Кичикдаш; датировка петроглифов; археологический комплекс Гобустан.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173658-683>

Malakhat N. Farajova

PhD (History), Deputy Director of Museum Center “Icheri shekher”

Institute of Archeology and Ethnography of NAS, Azerbaijan

malahat@mail.ru

ABOUT DATING OF PETROGLYPHS OF GOBUSTAN (AZERBAIJAN)

Abstract. Since the discovery of the petroglyphs of Gobustan, there have been numerous studies of petroglyphs, field work on documentation, and archeological excavations. Despite the extensive literature on Gobustan, the issue of dating the rock paintings remains controversial. The author of the paper, using the results of radiocarbon dating and the 3D studio Max software, classifies the petroglyphs by periods. As a result, the oldest date – 13 610 CD (calibrated date) – was revealed in Gobustan in the rocky shelter of Gaya Arasi on the Kichikdash mountain. The next oldest date is approximately 10,600 CD, which was obtained from the cultural layer of the Ana-zaga cave of the Beyukdash mountain. Considering that the Late Khvalyn transgression took place nearly 14,000 years ago, and during this period the waters of the Khvalyn Sea washed the Beyukdash, Kichikdash and Dzhingirdag mountains, the interval between these dates may be due to the fluctuations of the sea level. Based on the research carried out and the dates obtained, the author singles out 9 stylistic and chronological trends in the petroglyphs of Gobustan, including the period of the Middle Ages and the Modern Age. The author emphasizes that the uniqueness of the Gobustan archaeological complex lies in the fact that separate stones with petroglyphs identical to the rock carvings on the walls of the caves were discovered from dated cultural layers. In addition, stylistic and comparative analysis allowed the author to date the rock carvings of Gobustan.

As a result of the research, it has been revealed that the settlements of the end of the Upper Paleolithic and Mesolithic Ages were mainly located on the upper terraces of the mountains. In the Neolithic and Eneolithic Ages, with the rise in the level of the Caspian Sea, the caves retained the status of the main place of residence. With the lowering of the sea level in the Bronze Age, the middle and lower terraces were inhabited. During this period, the settlers of Gobustan, who were engaged in cattle breeding, painted images of bezoar goats with large curved horns on the rocks. At the foot of the mountains, the round settlements and the tradition of kurgan burials emerged.

Keywords: petroglyphs of Gobustan; Ana-zaga cave; Gaya Arasi; Firuz; Beyukdash; Kichikdash; dating of petroglyphs; Gobustan archeological complex.

Введение

Гобустан – географический район в юго-восточной части Азербайджанской Республики, примыкающий к западной кромке Каспийского моря, в 2007 г. был включен в Список Всемирного Наследия ЮНЕСКО как Культурный ландшафт наскального искусства. Комплекс состоит из следующих культурных, исторических и археологических ценностей:

- более 6000 наскальных изображений;
- пещеры-укрытия, древние поселения и захоронения-курганы;
- места поклонения-святилища;
- множество пещер и укрытий разного периода, свидетельствующих о последовательном использовании людьми этих мест в течение 15 000 лет.

Начиная с 1939 года, то есть с открытия петроглифов Гобустана ведутся научно-исследовательские работы по изучению петроглифов, полевые работы по документированию и археологические раскопки. По поводу их датировки, назначения и интерпретации сюжетов выдвигались разные версии и предположения. Проблема датировки Гобустанских петроглифов поднималась в работах первых исследователей – И. Джафарзаде [1, с. 126–137; 2, с. 51–61; 3, с. 613; 4, с. 20–79; 5, с. 11–14; 6, с. 7–10; 7, с. 15–28; 8]; Дж. Рустамова, Ф. Мурадовой [9, с. 8–11; 10, с. 4–10, 11, с. 504–505; 12, с. 40–49; 13, с. 7–9; 14, с. 92–94; 15, с. 7–8; 16, с. 92–95; 17, с. 99–103; 18; 19; 20]. Касаясь их абсолютного возраста, некоторые исследователи, в частности, Формозов [21, 22, 23]; Э. Анати [24, с. 47] пытались найти близкие аналогии на наскальных объектах других территорий, зачастую очень отдаленных. Вопросам датировки петроглифов Азербайджана было посвящено много публикаций И. Джафарзаде, Дж. Рустамова, Ф. Мурадовой, Г. Исмаилзаде, В. Алиева, Н. Мусеибли, М. Фараджевой.

Вместе с тем следует отметить, что эта тема все еще остается дискуссионной. В настоящее время для различных культурных уровней пещер и стоянок Гобустана получено более 40 радиоуглеродных калиброванных дат по методу AMS-датирования. На датирование взято более 40 проб. Таким образом, исследование последних лет позволили несколько в ином свете рассмотреть принцип датировки наскальных изображений Гобустана. Многолетнее исследование показало важность разработки методологии в технике выполнения, документирования, датировки, стилистического и тематического анализа гобустанских петроглифов. Культурно-исторический контекст наскального искусства Гобустана раскрывается при рассмотрении его на протяжении многих тысячелетий и с учетом, что Центральная Азия расположена на востоке, Кавказ на западе, Средний Восток на юге, Россия на севере. При изучении комплекса памятников Гобустана в таком ракурсе он уникален в глобальной перспективе [25, с. 12–17].

Основная трудность датирования петроглифов связана с объяснением «суперимпозиции» (последовательности наложения изображений друг на друга). На одних скалах легко установить в каких случаях гравировка идет по рисунку, на других это сделать труднее, так как гравировки взаимно накладываются

друг на друга. Два изображения в «суперимпозиции» обычно можно отделить друг от друга только после тщательного изучения.

Любая интерпретация и определение возраста наскального искусства является серьезной и ответственной задачей. Значение и смысл петроглифов иллюзорны, культурно – зависимы и неясны, особенно когда изображения наслаиваются друг на друга. Интерпретировать наскальное искусство легко, но правильно интерпретировать сложно [26, с. 110–123].

Материалы и методы

Несомненно, в настоящее время абсолютные величины, выявленные с помощью радиоуглеродных анализов, являются главной базой хронологической системы. Если, к примеру, обратиться к методу датирования памятников палеолитического искусства Франции, то можно увидеть, что датированная величина в $15\,515 \pm 900$ лет из пещеры Ляско прошла ряд тестирований. Так как эта дата многократно была подтверждена, то исследователи посчитали ее достаточно достоверной, несмотря на то, что данный результат показывает возраст намного моложе, чем это предполагали ученые ранее, поднимая его до эпохи мадлена. Из другого примера видно, что анализ изотопов углерода со среднемадленских культурных уровней пещеры Англи-сюр-Англен дал число 14050 лет, что также является более ранней датой, чем предполагали специалисты. А такие памятники, как малые формы искусства – граветийские статуэтки из известной павловской стоянки Долни Вестонице – были датированы возрастом в $24\,000 \pm 150$ лет.

Таким же образом было проведено датирование на ряде проб в Гобустане, соответственно некоторые из радиоуглеродных (в том числе AMS-метод) датировок можно считать достоверными. Кроме радиоуглеродных анализов в определении возраста наскальных изображений также широко применяется метод стратиграфического анализа (т.е. детальное изучение наслоения петроглифов друг на друга). Для датирования петроглифов некоторые исследователи используют метод определения степени «полировки» скальной поверхности, при котором рекомендуется рассматривать изображения под лупой (D. Whetley). Исследуя данным методом наскальное искусство Северной Америки, Д. Витлей определил 3 категории изображений. Этот метод позволил ему датировать основную часть петроглифов Грейт Бейзин (Great Basin) от 1000 до 2000 лет. Позже все это было подтверждено хронометрическим анализом, давшим тот же самый результат [27, с. 53-61]. Данный метод датирования в дальнейшем можно применить и к петроглифам Гобустана.

Таким образом, имея абсолютную датировку культурного слоя, где были обнаружены камни с петроглифами, можно предположить какие из изображений были выполнены раньше и предшествуют культурному слою. В свою очередь, идентичные изображения, выполненные в том же стиле и технике выполнения, могут быть датированы одним периодом. Еще одна деталь: определив датировку

отдельных фигур, можно так же датировать остальные петроглифы, связанные с данной фигурой, и отнести их к одной сюжетной группе и времени.

В сюжетах наскального искусства обычно сохраняются традиции разных эпох, однако они не всегда позволяют датировать памятник точным временем. Так, например, на нижней террасе горы Беюкдаш на камне № 2, на верхней террасе горы Беюкдаш на камнях №№ 105, 42 и 51 [28, с. 75, 82, 89, 96], на горе Кичикдаш на стоянке Гаяалты на камне № 6 [29, с. 30, 237] зафиксировано изображение татуированной фигуры. Фигуры татуированных женщин на камнях 42 и 51 И. Джафарзаде датирует концом VIII тыс. до н.э. Фигуру на камне 105 на верхней террасе и камне № 2 на нижней террасе он датирует VII–VI тыс. до н.э. Этот пример показывает, во-первых, что традиция создания рисунка может сохраняться тысячелетие, и во-вторых, что памятники, выполненные в одном стиле и традициях, могут датироваться периодами с разницей в 1000 лет.

Вопрос о культурно-историческом назначении петроглифов Гобустана остается открытым. Каждое новое исследование, как пазл, восстанавливает картину прошлого, но каждый новый ответ вызывает новый вопрос. Что хотели древние гобустанцы передать своими письменами на камне другим поколениям? Многолетние археологические исследования на территории Азербайджана выявили, что на его территории одновременно существовали разные культуры и поселения. В связи с этим, мы задаемся вопросом, почему именно здесь оставили гобустанцы древние послания? Кем были мореплаватели Гобустана и как далеко могли они совершать свои путешествия? Что заставило их отправляться в море? Когда были созданы наскальные изображения Гобустана? Попытаемся найти ответы на некоторые из них.

Первые поселения *Homo Sapiens* на западном побережье Каспийского моря появились приблизительно 30–35 тысячелетий назад на стоянках Таглар, Дамджылы, Ятаг Ери [30, I том, с. 453, 505]. Через более чем 20 тысяч лет в Гобустане, появились первые наскальные изображения. Наскальные изображения максимального возраста сосредоточены на древнем побережье моря. Первые поселенцы пришли в Гобустан 14 тысяч лет назад [31, с. 20] и были сосредоточены на террасах на высоте 127 м н.у.м. [31, с. 41–66; 32, с. 50–63; 33, с. 250].

Эти данные позволяют нам установить приблизительный максимальный возраст береговой линии. Изображения, которые были выгравированы на скалах на древней береговой линии, постепенно теряли прямую связь с морем, и новое наскальное искусство создавалось на новых молодых скальных поверхностях, которые появлялись из-под воды. Изменение уровней Каспийского моря можно проследить на карте (рис. 1). Самые ранние мотивы представлены отдельными рисунками: люди, лодки, быки, лошади, олени и др. Здесь нет сомнения, что некоторые типы изображений и фигур ассоциировались с конкретной высотой. Датировка прибрежных территорий определяет максимальный возраст изображений. Отличия и сходство между фигурами на разных высотах показывают, что фигуры были четко связаны с конкретными скальными по-

верхностями вдоль побережья, как на скалах верхней террасы горы Беюкдаш камни № 29 (восточная сторона), № 42 (восточная сторона), горы Кичикдаш камень № 49 (восточная сторона). Все эти каменные глыбы с петроглифами расположены по направлению к морю. Они служили стенами стоянок-убежищ, и на всех трех скалах с петроглифами зафиксированы линии, идущие с вершин скал от чашечных углублений.

Для изучения петроглифов Гобустана каменного века характерно несколько особенностей. Они изучались в комплексе с археологическими культурными слоями в пещерах, которые содержали артефакты верхнепалеолитического, мезолитического и более поздних времен вплоть до Средневековья, и сыграли важную роль при обосновании датировки изображений. В этой связи изучение ландшафтных зон и изменений западной береговой линии Каспийского моря, результаты AMS-датировок, полученных с культурных уровней Гобустана, являются основными и важными материалами в реконструкции культурного ландшафта археологического комплекса Гобустан.

В этом направлении предметом особого интереса являются 6 мезолитических памятников Северного Кавказа: Чох, Мекеги, Козьма-нохо, Шау-легет, Со-сруко, Медовая пещера 2. По имеющимся данным, основные мезолитические памятники сосредоточены в среднегорной части Северного Кавказа. Таким образом, можно предположить, что в обширной горной и равнинной части этой территории, а также в долинах рек и побережья Каспийского моря, послеледниковые природно-географические условия были благоприятны для расселения людей. Датируются они в пределах VIII–VI тыс. до н.э. [34, с. 180, 124]. Памятники мезолитического изобразительного искусства Северного Кавказа обнаружены в Дагестане на стенах гротов Чувал-хварабнохо и Чинна-хитта, где зафиксированы нанесенные краской рисунки. Наскальная живопись Северного Кавказа представлена изображениями животных: безоаровых козлов, зубров, а также можно встретить многочисленные соляные изображения [35, с. 22–23 (422)]. Силуэтные и контурные рисунки гротов Чинна-Хитта и Чувал-Хварабнохо В.М. Котович связывает с мезолитической культурой. Обоснованием в пользу мезолитической датировки этих памятников является, по ее мнению, непосредственная близость к гроту Чинна-Хитта Чохской стоянки, которая имеет слои верхнепалеолитического и мезолитического возраста. Кроме этого, обнаруженные следы изготовления минеральной краски в культурных слоях и совпадение видовой принадлежности остеологического материала с мезолитических слоев Чоха с видами животных, которые были запечатлены на скалах, также позволили ей датировать изображения эпохой мезолита [36, с. 30–31].

Следует также упомянуть о памятниках южного побережья Каспийского моря – мезолитических стоянках Ирана. Они зафиксированы у подножия холма Альбурз и на Мазандаранской равнине. Обнаруженные в этом районе 3 пещеры-укрытия, названные Гари-Камарбанд, Хоту и Али Таппех (Ghar-I Kamarband, Hotuand Ali Tappeh), составляют комплекс памятников эпохи мезолита южного побережья Каспийского моря. Недавно, около пещеры Хоту

найдена другая пещера – Гари-Гомишан, где выявлены мезолитический культурный слой и черепки неолитического периода. Мезолитический инвентарь имеет очень близкое сходство с инвентарем из пещер Хоту и Гари-Камарбанд (Ghar-i Kamarband) [37, с.403]. Время бытования другого памятника мезолитического периода – Али Таппех – определяется исследователями на основе образцов угля 11.300-10.200 BP [38, с. 385–413]. Обилие костей газелей и тюленей на стоянке Али Таппех указывает на изменение лесостепной растительности и уровня Каспийского моря в позднеледниковый и послеледниковый периоды. Здесь также представлены следующие представители фауны: дикий баран, бык-тур, онагр-кулан, дикий кабан и олень [39, с. 58]. На данной стоянке также обнаружен окрашенный речной камень, который использовался для ритуальных целей. Живописное южное побережье Каспийского моря в районе Гомишан состояло из пологих склонов с заливом Хасангол. В отличие от местности Гомишан, побережье Каспийского моря в районе Мазандаранского нагорья окаймляли крутые склоны, где также были обнаружены мезолитические стоянки древнего человека [40]. Побережье моря с красивыми вершинами гор Алборз, с обилием растительности и деревьев разных видов, водопадов и источников стали одними из важных центров самых древних прибежищ древнего человека (пещеры Али Таппех, Хоту, Гари-Камарбанд и Гари-Гомишан). Некоторые исследователи высказывают мнение о сходстве Гобустанской культуры эпохи мезолита с южными регионами иранского побережья Каспия. С одной стороны, это заслуживает должного внимания: в тематике наскальных изображений обоих регионов присутствует верхнеплейстоценовая и голоценовая фауна, костные остатки которой обнаружены в мезолитических слоях (газели, онагры). С другой стороны, при сравнении петроглифов Гобустана и южного, иранского, побережья Каспийского моря мы находим отличия между ними. Наскальные изображения южного побережья выполнены схематически и находят близкие аналогии с петроглифами Гемигая и Кельбаджар эпохи бронзы в западной части Азербайджана.

Таким образом, датированные археологические материалы, обнаруженные на западном и южном побережье Каспийского моря, позволяют утверждать, что поселенцы эпохи мезолита заселили на севере Ирана – пещеры-укрытия Гари-Камарбанд, Хоту, Гари-Гомишан, Али Таппех; на Северном Кавказе – Чох, Мекеги, Козьма-нохо, Шау-легет, Сосруко и в Медовой пещере 2 приблизительно 12000–8000 тыс. лет назад; на территории Азербайджана в Гобустане на верхних террасах гор Беюкдаш и Кичикдаш пещеры-укрытия Ана зага, Кяниза и Гая арасы были заселены 10500–9000 лет назад [32, с. 75–77].

Археологический комплекс Гобустана охватывает тысячи разновременных памятников – пещер-убежищ, стоянок, поселений, древних кладбищ, курганов, петроглифов и культовых сооружений (святые места поклонения), датированных в широком интервале от конца верхнего палеолита – мезолита до рубежа XVIII–XIX вв. Поселения, пещеры и стоянки находятся на верхних и нижних террасах гор Беюкдаш, Кичикдаш и Джингирдаг – Язылы тепе. В основном, все

эти памятники являются многослойными, содержащими культурные остатки нескольких эпох. В составе культурных отложений разных периодов обитания на стоянках обнаружены отдельные камни с петроглифами. В тех случаях, когда петроглифы связаны с археологическим слоем, определение их возраста может быть достаточно точным – наскальные изображения предшествуют или одновременны его образованию. Принимается во внимание комплексный подход: стили, техника выполнения и результаты радиоуглеродных датировок.

В 1977 г. в пещере Ана зага во время археологических раскопок был обнаружен отколотый от скалы камень с петроглифами на уровне 255–270 см (инв. № 2418, фонд ГНИХЗ) (рис. 2). На краю камня изображена часть антропоморфного силуэта ниже груди. Она выполнена техникой утопленного рельефа. Этот уровень дал тестовую калиброванную радиоуглеродную дату Cal BP 7500 to 7420. В этой технике выполнения и стилистической манере зафиксированы фигуры охотников на камне № 29 на северо-западной стороне (фигуры 4, 5, 56, 57), на камне № 3 (фигура 20), № 35 (фиг. 2,3) и на камне № 42 на северной стороне (фигура 9), на камне № 68 на верхней террасе горы Беюкдаш. Эти фигуры также идентичны с петроглифами охотников на отдельном камне, обнаруженном на стоянке Кяниза на глубине 255-265 см (инв. № 1479, фонды ГНИХЗ) и на уровне 290 см (инв. № 1587, фонды ГНИХЗ) (рис. 3, 4), изображением охотника на стоянке Джейранлар. На камне, обнаруженном на уровне 255–265 см в убежище Кяниза, изображены охотник, держащий в руках лук, два с трудом различимых антропоморфных изображения и небольшие точечно-чашечные углубления с отходящими от них линиями. Предметом особого интереса являются углубления на отдельном камне (инв. № 1479). Другие известные находки (отдельные камни с петроглифами) были обнаружены на уровне 255–290 см (инв. №№ 2453, 2454, фонд ГНИХЗ) в пещере Ана зага. На одном из камней изображен охотник с луком и стрелой, на другом зафиксированы волнистые линии (рис. 5, 6). Изображения охотников на камнях №№ 30, 34 и 81 верхней террасы горы Беюкдаш по стилистическим и техническим особенностям одинаковы с изображениями охотников на отдельных камнях (инв. №№ 2454, 2418, фонды ГНИХЗ) и их можно датировать одним временем. Зигзагообразные и волнистые изображения на отдельном камне (инв. №№ 2453, фонд ГНИХЗ) по стилистическим и техническим особенностям перекликаются с идентичными петроглифами на южной стороне камня № 29 горы Беюкдаш, на камне № 19 стоянки Фируз на горе Кичикдаш (рис. 5). В Ана зага культурный уровень на глубине 270 см дал калиброванную дату – Cal BP 10430 to 10240 (рис. 7). Таким образом, если зафиксированные рядом с волнистыми линиями петроглифы связаны друг с другом тематически, стилистически и по техническим особенностям, то они могут быть датированы одним периодом.

Следует заметить, что на данном этапе исследовательских работ целесообразно опираться не только на результаты радиоуглеродных анализов, но также необходимо рассматривать и анализировать стилистические, технические особенности петроглифов, принимая во внимание геолого-географическую

среду Гобустана в изучаемый период. При определении хронологических рамок петроглифов Гобустана следует принять во внимание то, что на горе Кичикдаш изображения охотников, выполненные в реальную величину и техникой утопленного рельефа, не встречаются. Таким образом, самые древние изображения охотников зафиксированы на верхней террасе горы Беюкдаш.

Предметом особого интереса являются обнаруженные в культурных уровнях в Гая арасы 5 отдельных камней с петроглифами. По предположениям археологов, на стоянке Гая арасы петроглифы на камнях были выполнены верхнепалеолитическим художником [41, I том, с. 165; 28, с. 14–20, 38]. Дж. Рустамов и Ф. Мурадова датируют петроглифы, основываясь на артефактах типа шатель-перрон, обнаруженных в культурных слоях. При этом Н. Мусеибли, не соглашаясь с данной датировкой Дж. Рустамова и Ф. Мурадовой, отмечает, что конец верхнего палеолита Европы хронологически приходится на период раннего мезолита Южного Кавказа [42, с. 102]. Безусловно, следует принять во внимание данный факт. Единственная радиоуглеродная калиброванная дата, полученная на глубине 350 см с культурного уровня стоянки Гая арасы, показала 13610 ВР. Чтобы констатировать точный возраст данной стоянки представляется необходимым провести неоднократные радиоуглеродные анализы, причем на всех культурных уровнях. Если вторичные результаты совпадут, то возраст петроглифов можно считать точным. В подтверждение этому Н. Мусеибли справедливо указывает, что для дальнейшего изучения археологического комплекса Гобустан возникла острая необходимость для проведения новых археологических раскопок [42, с. 105].

На стоянке Гая арасы привлекает особое внимание отдельный камень № 9В, который был обнаружен на уровне 230 см (рис. 8). С помощью 3D-моделирования на верхней и боковой части этого камня обнаружены новые петроглифы. На боковой части к югу зафиксированы 3 женские фигуры в состоянии беременности и 2 предполагаемые женские фигуры. Рядом зафиксированы 2 антропоморфные фигуры, по всей вероятности, охотников. Клавиформные фигуры пересекает линия, напоминающая лодку. Таким образом, изображения лодок выполнены позже клавиформных изображений. По мнению археологов, Гая арасы является одной из самых древних стоянок в Гобустане. Нет сомнения, что изображенные лодки и клавиформные фигуры предшествуют культурному слою или же одновременны ему. Наличие изображений лодок на стоянке Гая арасы археологами признано уже давно [15, с. 7–8]. Археологи считают, что это изображения одних из самых древних лодок в мире. Другой не менее интересный отдельный камень 9А, обнаруженный на глубине 230 см, расположен поперек камню 9В (рис. 9). Пробы (уголь и кость), взятые с культурных уровней 218–276 см показали калиброванную дату от 7 698 +/- 33 ВР до 8 224 +/- 37 ВР (рис. 10).

Предметом особого интереса является отдельный камень (инв. № 1587, фонды ГНИХЗ), обнаруженный на стоянке Каниза, на уровне 290 см. Здесь изображен охотник в набедренной повязке. Такая манера выполнения изображений охотников довольно частый сюжет в Гобустане. Их можно встретить на верхней

террасе горы Беюкдаш на камне № 29 (северная сторона) и № 68. Если учесть, что пещера Ана зага и Кяниза были заселены одновременно, то датировать камень под инв. № 1587 можно от Cal BC 8530 to 8520 (Cal BP 10480 to 10460) and Cal BC 8480 to 8290 (Cal BP 10430 to 10240) (рис. 11).

Большой интерес представляют 2 отдельных камня, обнаруженных на уровне 85 см в 1978 г. на стоянке Фируз 2 (инв. № 791). На камне из известняка размером 30×22×8 см изображена верхняя часть фигуры козла до плеча. Результаты проб с этого уровня показали дату 7850 +/- 30 BP. В той же технике выполнено изображение головы быка на камне 9А на стоянке Гая арасы, которая датируется от 7698 +/- 33 BP до 8224 +/- 37 BP (рис. 8).

Петроглифы, схожие по стилю и технике выполнения, показывают даты одного периода. Не менее интересное изображение представляет отдельный камень № 19а на уровне от метки 90 см, обнаруженный на стоянке Фируз. Здесь зафиксированы изображения лодок, выполненные техникой углубленного рельефа. Идентичная лодка, представленная на камне № 19, позволяет археологам датировать их одним временем [29, с. 78].

Привлекают внимание изображения на камне № 35. И. Джафарзаде описывает 2 фигуры охотника, лодку и 2 неопределенных предмета и предполагает, что это приспособление для ловли животных, и датирует их II тыс. до н.э. [28, камень № 35, с. 211 фиг. 5, 6]. После внимательного рассмотрения камня № 35 было определено, что эстампы изображений были сняты не полностью [43]. Детально изучив данный камень, а также применив метод с лупой, удалось обнаружить предполагаемый план поселения, выполненный комбинированной техникой: точечного выбивания и углубленного рельефа (рис. 12). Кроме того, на этом камне около охотников были выявлены клавиформные женские фигуры и половина фигуры охотника. Под изображением лодки прорисовываются еле видимые изображения охотников. Для выделения и четкой видимости подобных изображений с 2004 г. в Калифорнии (США) [44] и впоследствии в Кембриджском университете (Англия) стали применять программу «D-Stretch algorithm», с помощью которой невидимые невооруженным глазом изображения были найдены и выделены цветом (рис. 13)¹. Вероятно, в дальнейших исследованиях этот метод может быть применен для окрашенных охрой гобустанских петроглифов. Фигуры охотников на камне № 35 также были выполнены комбинированной техникой. Возможно, фигуры охотников, клавиформные знаки и предполагаемый план поселения выполнены в один исторический период. Если детально изучить, то можно заметить, что древний художник использовал естественный рельеф скалы. Дальнейшее детальное изучение этих изображений с привлечением достаточных и достоверных материалов позволит расшифровать эти загадочные на сегодняшний день петроглифы.

Несмотря на наличие радиоуглеродных датировок культурных уровней стоянок Гобустана и приблизительные даты некоторых петроглифов, нельзя пренебрегать геолого-географическим материалом, в частности,

1 Об этих результатах сообщил на конференции в 2017 г. George Nash.

геохронологическими данными о трансгрессиях и регрессиях Каспийского моря, а также материалами о возрасте останков вымерших представителей верхнеплейстоценовой фауны.

Изображения вымерших животных, нанесенные на скалы, также дают некоторую информацию о датировке петроглифов. Зная время существования таких видов животных как *Bos Primigenius* *Boj*, *Gazella Subgutturoza*, *Equus hemionus Pallas*, *Sus. scrofa* *L.*, *Capra Aegagrus*, *Pantera pardus* *L.* и других животных можно определить приблизительную дату петроглифов.

Согласно радиоуглеродной датировке, Хвалынская трансгрессия имела место в конце позднего плейстоцена, почти 15–12 тыс. л.н., и закончилась в начале голоцена (9–7 тыс. л.н.), что совпадает с последним оледенением (поздний валдай, поздний вюрм) Восточно-Европейской равнины, а также с низким уровнем мирового океана, который был на 25 м ниже уровня современного моря [45, с. 22]. Именно на этот период приходится расцвет наскального искусства Гобустана.

Таким образом, если обратиться к геохронологическим датам, то можно увидеть, что 14000 лет назад (ВР) наблюдалась трансгрессия, уровень моря был выше на 22 м, [46, р. 81–87] (рис. 1), затем 14–12 тыс. лет назад уровень моря составлял 0 м и -12 м (современный уровень моря составляет -27 м, соответственно море было выше на 27 м и 15 м). 10 тыс. лет назад (ВР) произошла трансгрессия и с 8 тыс. лет назад (ВР) началась новокаспийская регрессия [47, с. 163], 6 тыс. лет назад (ВР) наступает трансгрессия, и уровень моря поднимается на +25 м, 4 тыс. лет назад на +23 м, 4–2 тыс. лет назад (ВР) наступает регрессия [48, с. 144], 17 веков назад происходит крупная трансгрессия из-за резкого потепления, вызвавшего таяние материковых льдов и вечной мерзлоты, сверхполоводье в долинах рек заставило уровень Каспия подняться на столько, что вода каскадом хлынула на низлежащие земли [45, с. 20–24].

Результаты исследования

Основываясь на вышеуказанные исследования и даты, в петроглифах Гобустана наблюдается 9 стилистико-хронологических направлений (тенденций), включая период Средневековья и Новое время. Каждый цикл выделяется целым рядом специфических особенностей, которые позволяют выделить их как петроглифы типа Гобустан. Особенно ярко данное разграничение наблюдается на верхней террасе горы Беюкдаш в пещере Ана зага на камне № 29 с северной стороны. Данная пещера состоит из нескольких камер с наскальными изображениями на стенах. Первая камера находится при входе в пещеру с левой стороны. Это северная сторона № 29 камня. Еще в 70-е годы прошлого столетия археологом И. Джафарзаде удалось снять эстампы и взять на учет 77 изображений, в том числе 63 человеческие фигуры (39 мужских и 24 женских). И. Джафарзаде отмечал, что на этой панели, на большой высоте, расположено множество изображений, доступ к которым был затруднен. За неимением соот-

ветствующей техники и снаряжения зафиксировать и снять графитные оттиски не удалось [4, с. 201, 259]. И. Джафарзаде также отметил на этом камне 2 изображения охотника и 3 козлов [4, с. 203–204]. С помощью программы Agisoft мне удалось зафиксировать новые изображения на этой панели и снять эстампы. Используя программу 3D Studio Max оказалось возможным классифицировать данные петроглифы по периодам (рис. 14, 15). Следует отметить, что изображения на стенах пещеры Ана зага (камни №№ 29, 32, 39) и по стилю, и по технике выполнения находят соответствия в рисунках на камнях, обнаруженных в культурных слоях.

Одна из последних радиоуглеродных датировок в Гобустане показала самую древнюю дату в подскальном убежище Гая арасы на горе Кичикдаш приблизительно 13610 ВР (калиброванная дата) с уровня 350 см [49, с. 62–68; 50, с. 20–30] (рис. 16). Следующая дата по древности получена из культурного слоя пещеры Ана зага горы Беюкдаш с уровня 270 см приблизительно 10600 ВР (калиброванная дата). Учитывая, что 14000 лет назад произошла позднехвалынская трансгрессия, и в этот период воды Хвалынского моря омывали горы Беюкдаш, Кичикдаш и Джингирдаг, то интервал между данными датировками может быть обусловлен повышением уровня моря.

Выводы

Основываясь на результатах геохронологических данных, радиоуглеродных анализов, а также стилистических особенностей петроглифов Гобустана, можно выделить следующие хронологические этапы:

- *Период I. Древнейший период – XII тыс. до н.э. (конец верхнего палеолита и ранний мезолит) (Рис.14).*
- *Период II. Эпипалеолит – мезолит – XII–VIII тыс. до н.э.*
- *Период III. Неолит VII–VI тыс. до н.э.*
- *Период IV. Энеолит V–IV тыс. до н.э.*
- *Период V. Эпоха бронзы- конец IV–II тыс. до н.э.*
- *Период VI. Эпоха раннего железа – конец II– нач. I тыс. до н.э.*
- *Период VII. Средневековье и Новое время*

Таким образом, поселения конца верхнего палеолита и мезолита, в основном, были расположены на верхних террасах гор. Для охотников этой поры размещение в пещерах на такой высоте было выгодным для безопасности и наблюдения за окружающими землями.

В неолите и энеолите с поднятием уровня Каспийского моря пещеры сохранили статус основного места проживания.

С понижением уровня моря в бронзовом веке были заселены средние и нижние террасы. В этот период поселенцы Гобустана, занимавшиеся скотоводством, изображали на скалах безоаровых козлов с большими изогнутыми рогами. У подножия гор возникли круглые в плане поселения, появилась традиция захоронения в курганах.

Рис. 1. Территория Гобустана с указанием уровней Каспийского моря на террасах гор во время трансгрессий и регрессий

Fig. 1. Territory of Gobustan with indications of the levels of the Caspian Sea on the terraces of the mountains during transgressions and regressions

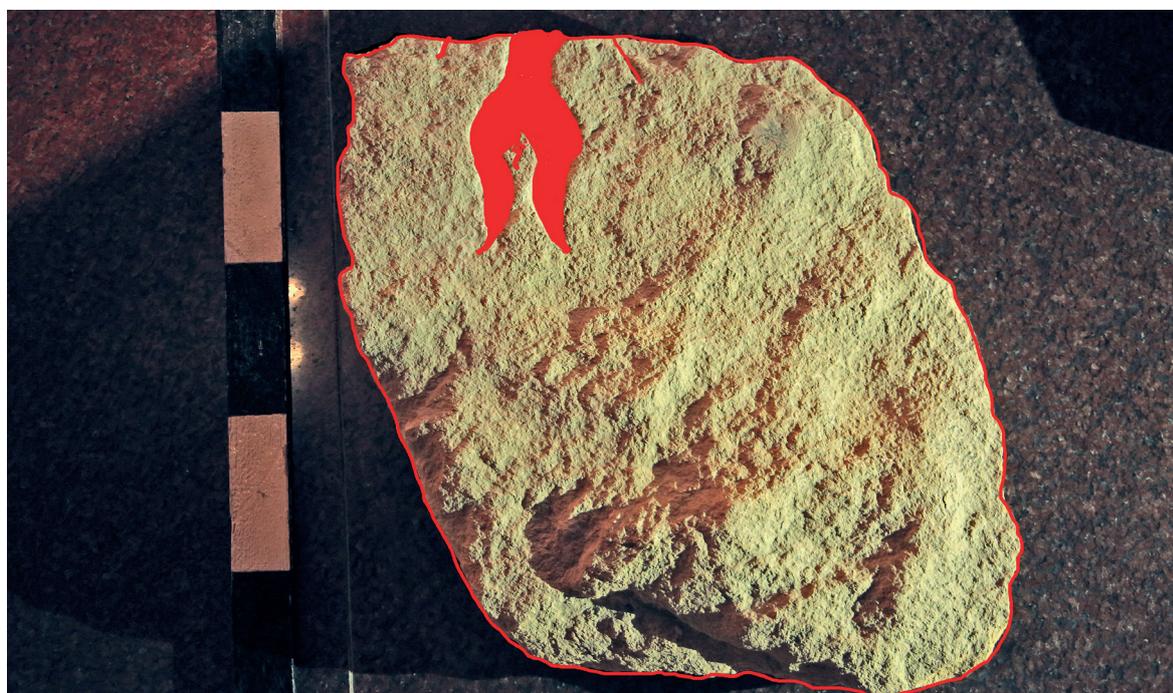

Рис. 2. Отколотый от скалы камень с петроглифами, обнаруженный в пещере Ана зага на уровне 255–270 см (инв. №2418, фонд ГНИХЗ), 1977

Fig. 2. A stone with petroglyphs chipped from a rock, found in Ana-zaga cave at a level of 255-270 cm (Inv. № 2418, collection of the GNIHZ), 1977

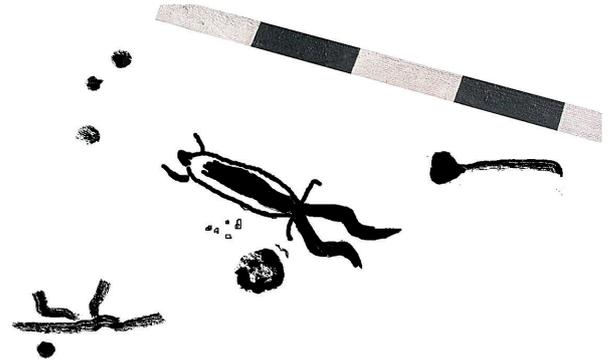

Рис.3. Отдельный камень, обнаруженный на стоянке Кяниза на глубине 255-265 см (инв. № 1479, фонды ГНИХЗ)

Fig. 3. A separate stone found at the Kyaniza site at a depth of 255-265 cm (Inv. № 1479, collection of the GNIHZ)

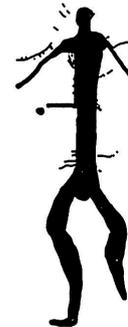

Рис.4. Отдельный камень, обнаруженный на стоянке Кяниза на уровне 290 см (инв. № 1587, фонды ГНИХЗ)

Fig. 4. A separate stone found at the Kyaniza site at a level of 290 cm (Inv. № 1587, collection of the GNIHZ)

Рис.5. Отдельный камень, обнаруженный в пещере Ана зага в 1977 году на уровне 255-290 см (инв.№ 2453, фонд ГНИХЗ)

Fig. 5. A separate stone found in the Ana-zaga cave in 1977 at a level of 255-290 cm (Inv. № 2453, collection of the GNIHZ)

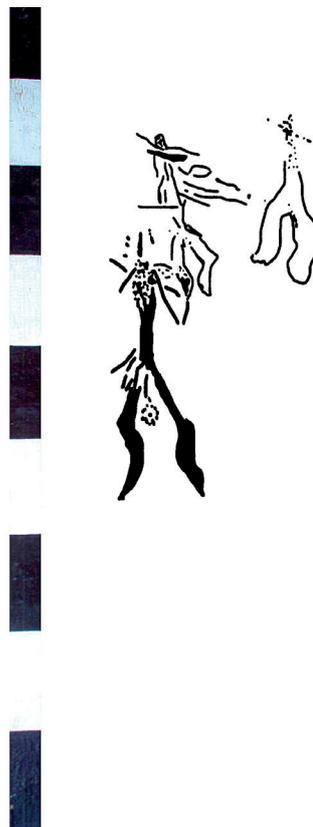

Рис. 6. Отдельный камень, обнаруженный в пещере Ана зага в 1977 году на уровне 255-290 см (инв.№ 2454, фонд ГНИХЗ)

Fig. 6. A separate stone found in the Ana-zaga cave in 1977 at a level of 255-290 cm (Inv. № 2454, collection of the GNIHZ)

CALIBRATION OF RADIOCARBON AGE TO CALENDAR YEARS

(Variables: C13/C12=-16;lab. mult=1)

Laboratory number: Beta-305140

Conventional radiocarbon age: 9170±40 BP

2 Sigma calibrated results: Cal BC 8530 to 8520 (Cal BP 10480 to 10460) and
(95% probability) Cal BC 8480 to 8290 (Cal BP 10430 to 10240)

Intercept data

Intercept of radiocarbon age
with calibration curve: Cal BC 8320 (Cal BP 10270)

1 Sigma calibrated results: Cal BC 8440 to 8370 (Cal BP 10390 to 10320) and
(68% probability) Cal BC 8360 to 8300 (Cal BP 10310 to 10250)

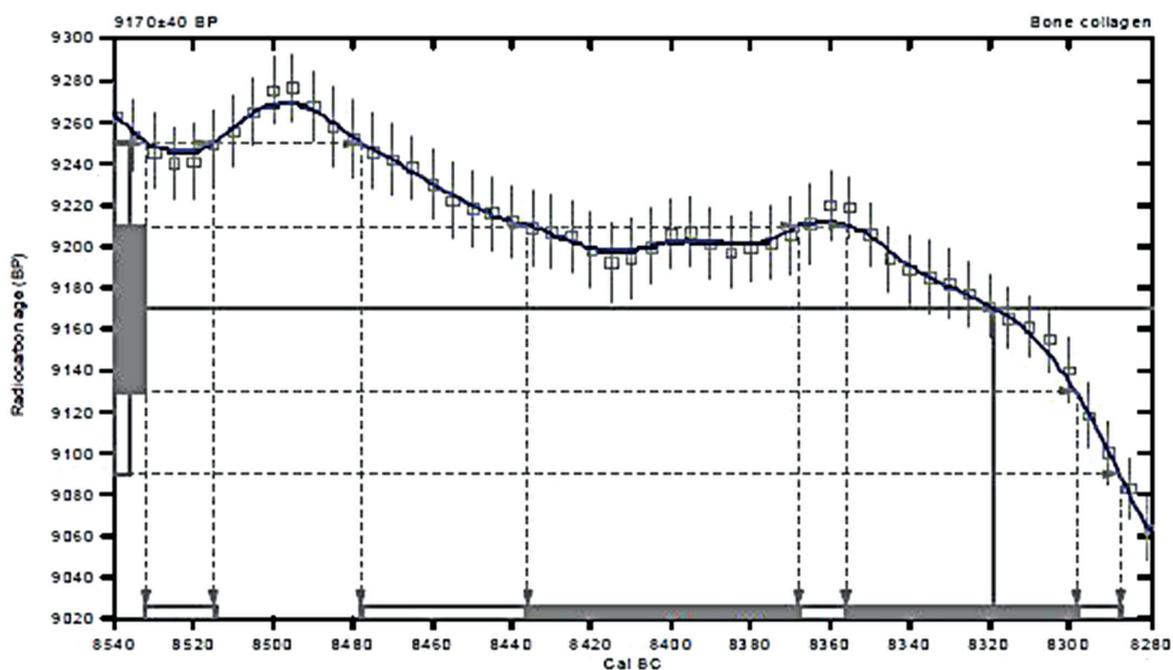

Рис.7. Радиоуглеродная датировка, взятая с культурного слоя на глубине 270 см в пещере Ана зага

Fig. 7. Radiocarbon dating obtained from a cultural layer at a depth of 270 cm in Ana-zaga cave

Рис. 8. Новые фигуры, обнаруженные с помощью 3D фиксации камня № 9В на стоянке Гая арасы горы Кичикдаш (М.Фараджева, 2016)

Fig. 8. New figures discovered by 3D fixation of the stone № 9B at the Gaya Arasi site of the Kichikdash mountain (M. Faradzheva, 2016)

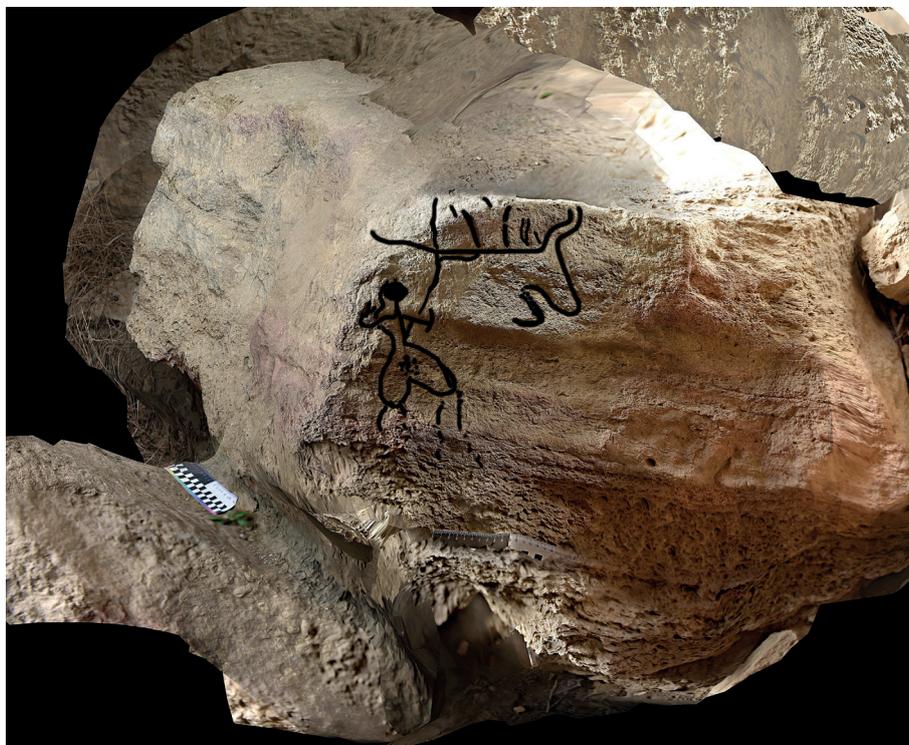

Рис. 9. Новая антропоморфная фигура, обнаруженная с помощью 3D фиксации камня № 9А на стоянке Гая арасы горы Кичикдаш (М.Фараджева, 2016)

Fig. 9. A new anthropomorphic figure discovered by 3D fixation of the stone № 9A at the Gaya Arasi site of the Kichikdash mountain (M. Faradzheva, 2016)

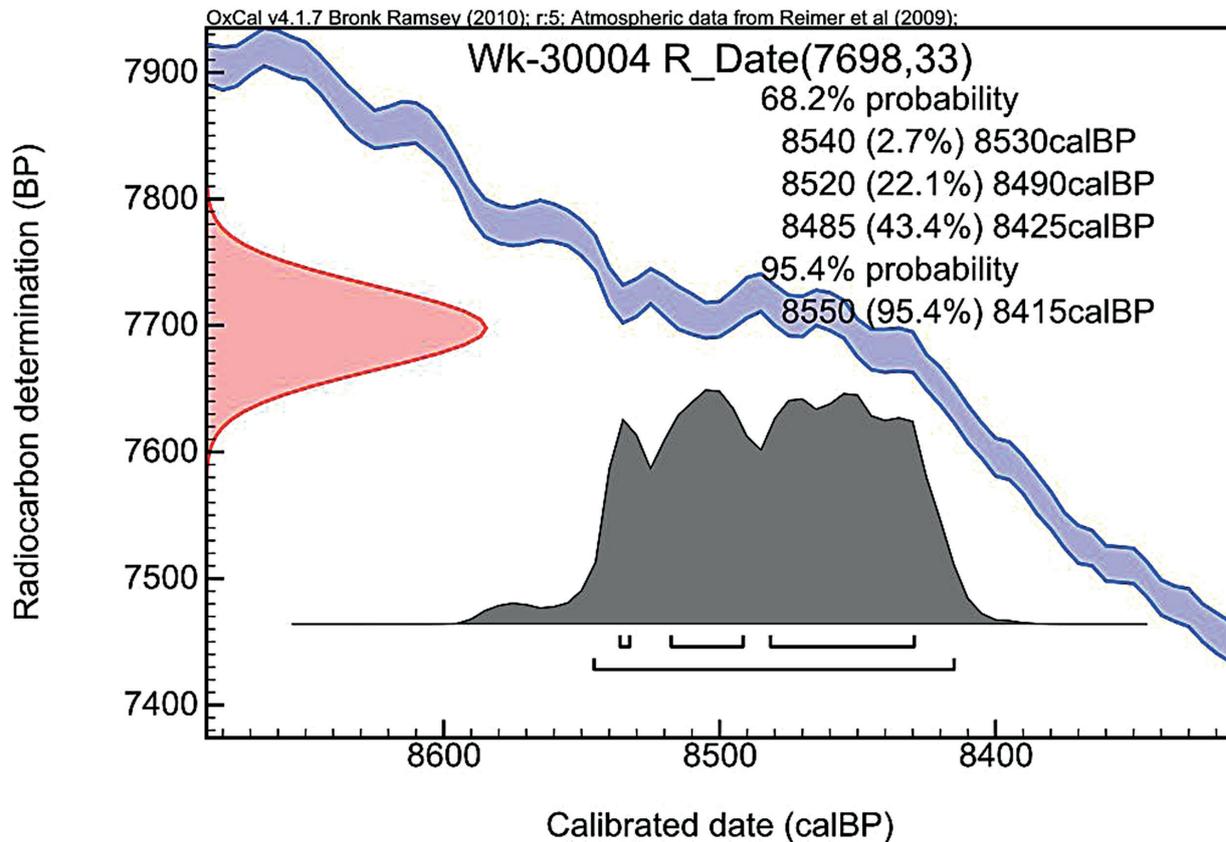

Рис. 10. Радиоуглеродная датировка, взятая с культурного слоя со стоянки Гая арасы на глубине 218-176 см

Fig. 10. Radiocarbon dating obtained from the cultural layer from the Gaya Arasi site at a depth of 218-176 cm

CALIBRATION OF RADIOCARBON AGE TO CALENDAR YEARS

(Variables: C13/C12=-16;lab. mult=1)

Laboratory number: **Beta-305140**
 Conventional radiocarbon age: **9170±40 BP**
 2 Sigma calibrated results: **Cal BC 8530 to 8520 (Cal BP 10480 to 10460) and Cal BC 8480 to 8290 (Cal BP 10430 to 10240)**
 Intercept data
 Intercept of radiocarbon age with calibration curve: **Cal BC 8320 (Cal BP 10270)**
 1 Sigma calibrated results: **Cal BC 8440 to 8370 (Cal BP 10390 to 10320) and Cal BC 8360 to 8300 (Cal BP 10310 to 10250)**

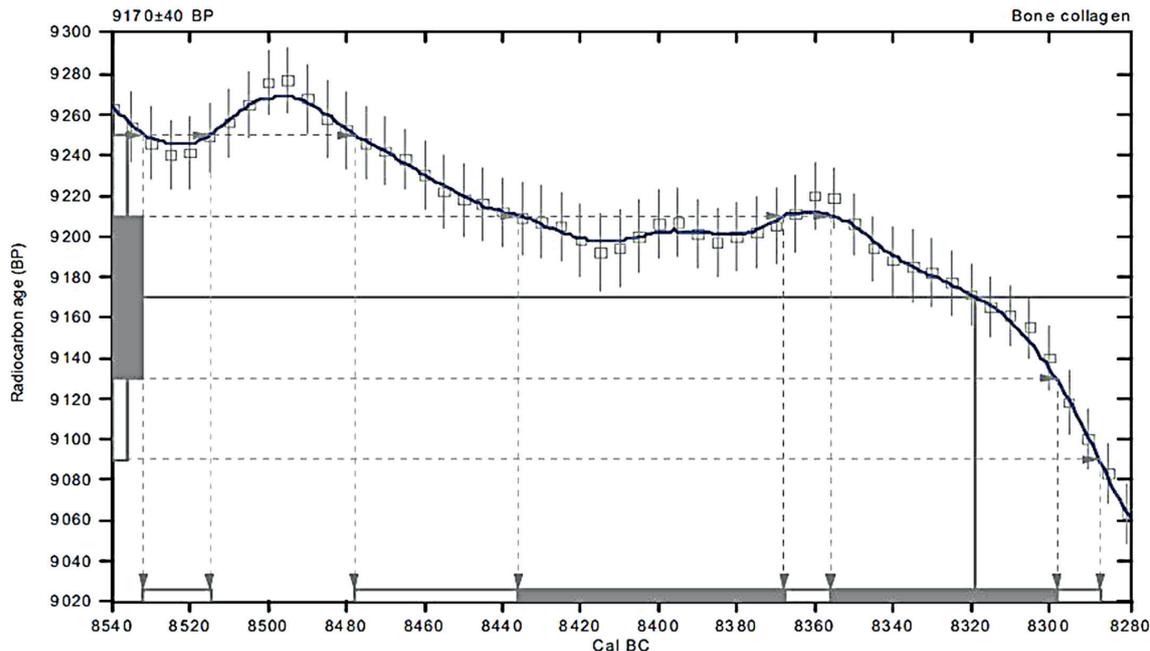

Рис. 11. Радиоуглеродная датировка, взятая с культурного слоя из пещеры-убежища Ана зага на глубине 270-290 см

Fig. 11. Radiocarbon dating obtained from the cultural layer from the Ana-zaga refuge cave at a depth of 270-290 cm

Gobustan, Beukdash mountain, upper terrace, stone 35

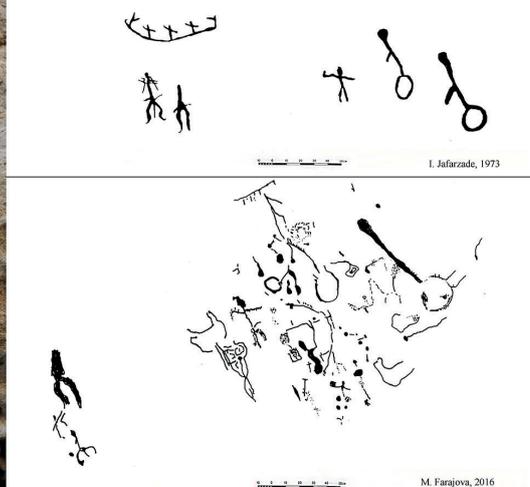

Рис. 12. Гора Бейюкдаш, верхняя терраса, камень 35. План поселения

Fig. 12. Beukdash mountain, upper terrace, stone 35. Settlement plan

Рис.13. Применение программы «D-Stretch algorithm» в Бурхам Каньоне.
Левая фотография оригинал, правая выполнена в программе DStretch
(Jon Harman, www.DStretch.com)

Fig. 13. The use of the “D-Stretch algorithm” in Burham Canyon.
The original photo is on the left, the one made with the DStretch – on the right
(Jon Harman, www.DStretch.com)

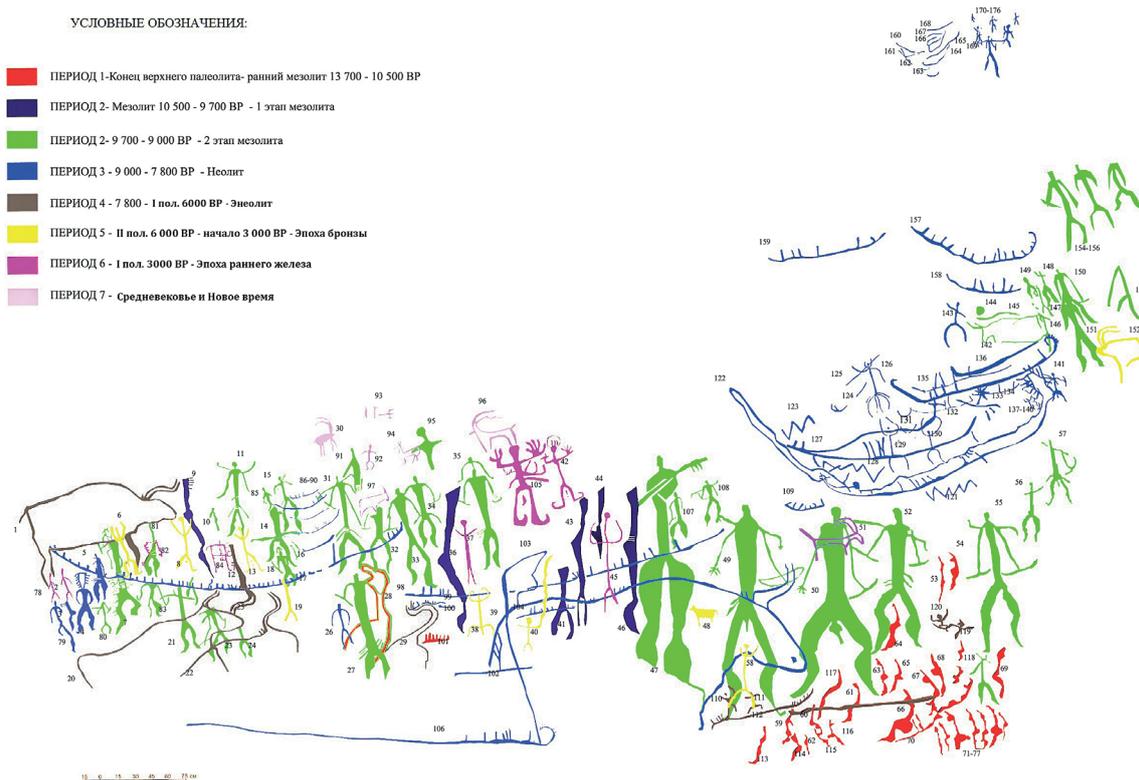

Рис.14. Гора Бейюкдаш, верхняя терраса, камень 29 (северная сторона).
Разделение петроглифов по периодам

Fig. 14. Beyukdash mountain, upper terrace, stone 29 (north side).
Classification of petroglyphs by periods

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- ПЕРИОД 1-Конец верхнего палеолита- ранний мезолит 13 700 - 10 500 ВР
- ПЕРИОД 2- Мезолит 10 500 - 9 700 ВР - 1 этап мезолита
- ПЕРИОД 2- 9 700 - 9 000 ВР - 2 этап мезолита
- ПЕРИОД 3 - 9 000 - 7 800 ВР - Неолит
- ПЕРИОД 4 - 7 800 - I пол. 6000 ВР - Энеолит
- ПЕРИОД 5 - II пол. 6 000 ВР - начало 3 000 ВР - Эпоха бронзы
- ПЕРИОД 6 - I пол. 3000 ВР - Эпоха раннего железа
- ПЕРИОД 7 - Средневековье и Новое время

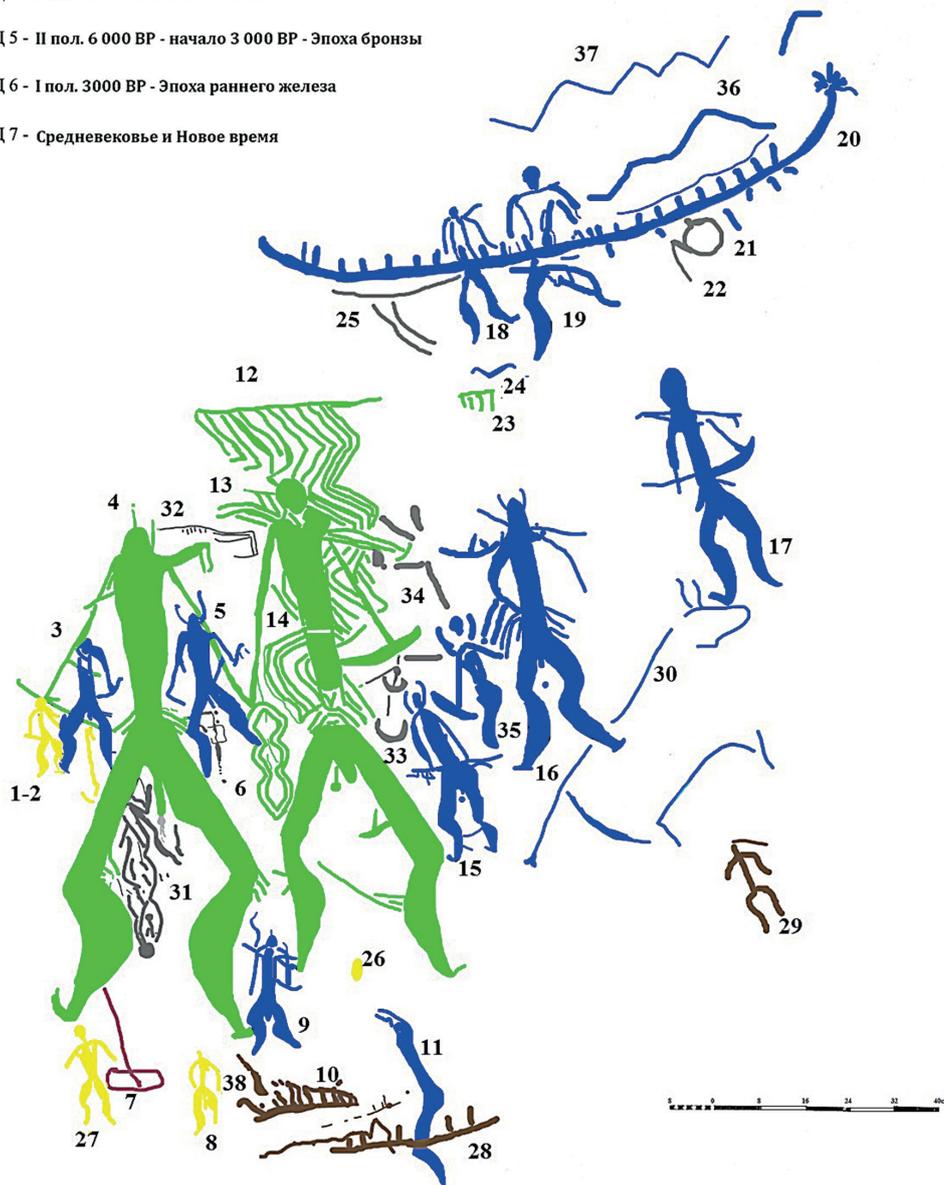

Рис.15. Гора Бейукдаш, верхняя терраса, камень 29 (южная сторона).
Разделение петроглифов по периодам

Fig. 15. Beyukdash mountain, upper terrace, stone 29 (south side).
Classification of petroglyphs by periods

CALIBRATION OF RADIOCARBON AGE TO CALENDAR YEARS

(Variables: C13/C12=1.3:Delta-R=121±0:Glob res=-200 to 500:lab. mult=1)

Laboratory number: Beta-305145

Conventional radiocarbon age: 12200±50 BP

(12080±50 adjusted for local reservoir correction)

2 Sigma calibrated result: Cal BC 11710 to 11450 (Cal BP 13660 to 13400)
(95% probability)

Intercept data

Intercept of radiocarbon age
with calibration curve: Cal BC 11530 (Cal BP 13480)

1 Sigma calibrated result: Cal BC 11660 to 11490 (Cal BP 13610 to 13440)
(68% probability)

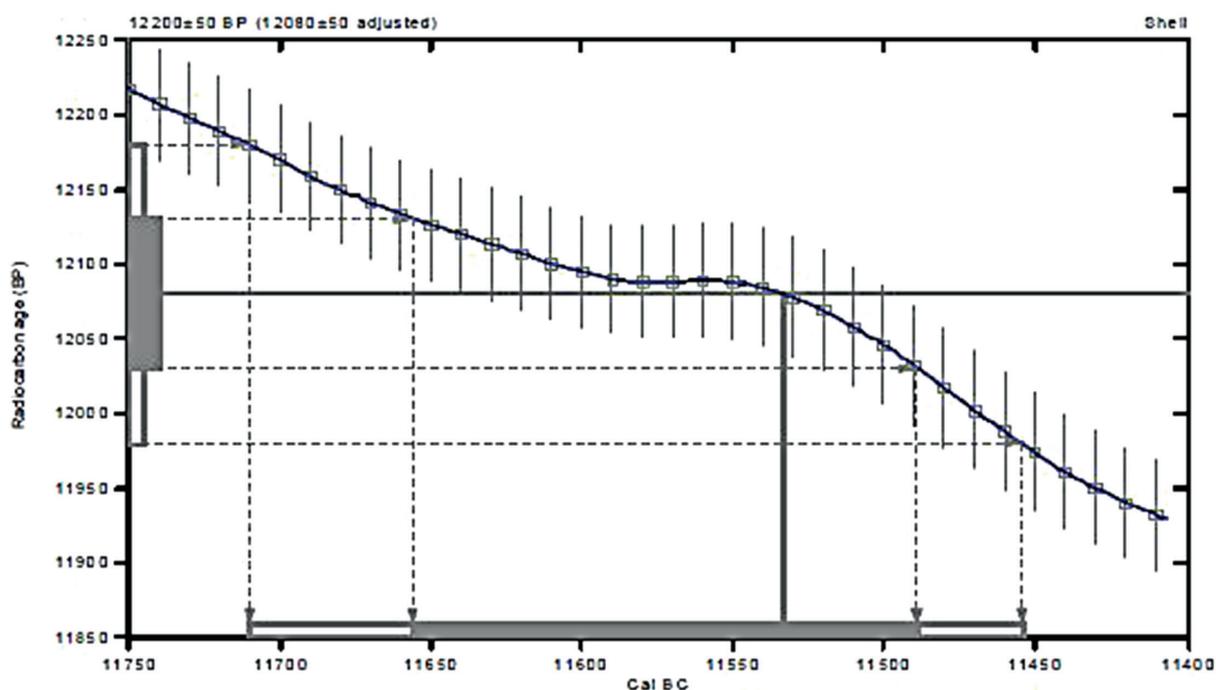

Рис. 16. Радиоуглеродная датировка, взятая с культурного слоя со стоянки Гая арасы на глубине 350 см

Fig. 16. Radiocarbon dating obtained from the cultural layer from the Gaya Arasi site at a depth of 350 cm

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джафарзаде И.М. Развитие археологических работ в АзССР / АН АзССР. № 6, 1945. С. 126–137.
2. Джафарзаде И.М. Древнейший период истории Азербайджана // Очерки по древней истории Азербайджана. Баку, 1956. С. 51–61.
3. Джафарзаде И.М. К вопросу древней истории Азербайджана по археологическим данным / 10 лет АН Азербайджанской ССР. Баку, 1957. – 613 с.
4. Джафарзаде И.М. Наскальные изображения Кобыстана // Труды Института истории. Т. XIII. Баку: АН АзССР, 1958. С. 20–79.
5. Джафарзаде И.М. Наскальные изображения Гобустана // Сессия, посвященная итогам археологических работ 1963 г. Тезисы докладов и сообщений. Баку: АН АзССР, 1964. С. 11–14.
6. Джафарзаде И.М. Петроглифы Кобыстана / Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР (тезисы докладов). Баку: АН АзССР, 1965. С. 7–10.
7. Джафарзаде И.М. Наскальные изображения Гобустана / Археологические исследования в Азербайджане. Сборник статей. Баку: Изд-во АН АзССР, 1965. С. 15–28.
8. Джафарзаде И.М. Гобустан. Баку: «Элм», 1973. – 347 с.
9. Рустамов Д.Н., Мурадова Ф.М. Археологические исследования в Гобустане. Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1973 год). Баку: Изд-во «Элм», 1974. С. 8–11.
10. Рустамов Д.Н., Мурадова Ф.М. Полевые работы в Гобустане // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1974 год). Баку: Элм, 1975. С. 4–10.
11. Рустамов Д.Н., Мурадова Ф. Раскопки на стоянке Кяниза в Гобустане // Археологические открытия. 1975. М.: Наука, 1976. С. 504–505.
12. Рустамов Д.Н. Мезолитическая стоянка в Гобустане (Окюзляр-2) // Каменный век и энеолит в Азербайджане. Баку: АГУ, 1984. С. 40–49.
13. Рустамов Д.Н., Мурадова Ф.М. Гобустанская экспедиция в 1979 году // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане 1979 г. Баку: Элм, 1984. С. 7–9.

REFERENCES

1. Dzhafarzade IM. *Development of archaeological work in the AzSSR / AN AzSSR [Razvitie arheologicheskikh rabot v Azerb.SSR / AN Az.SSR]*. 1945, 6: 126–137. (In Russ)
2. Dzhafarzade IM. The most ancient period of the history of Azerbaijan [Drevnejshij period istorii Azerbajdzhana *Studies on the ancient history of Azerbaijan [Ocherki po drevnej istorii Azerbajdzhana]*. Baku, 1956:51-61.(In Russ)
3. Dzhafarzade IM. *On the issue of the ancient history of Azerbaijan according to archaeological data. 10 years of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR [K voprosu drevnej istorii Azerbajdzhana po arheologicheskim dannym / 10 let AN Azerbajdzhanskoj SSR]*. Baku, 1957. (In Russ)
4. Dzhafarzade IM. Rock carvings of Gobustan [Naskal'nye izobrazheniya Kobystana]. *Proceedings of the Institute of History* Vol. XIII. Baku: AN AzSSR, 1958: 20-79. (In Russ)
5. Dzhafarzade IM. Rock carvings of Gobustan [Naskal'nye izobrazheniya Gobustana] Session dedicated to the results of archaeological work in 1963. Abstracts of reports. Baku: AN AzSSR, 1964:11-14. (In Russ)
6. Dzhafarzade IM. Petroglyphs of Kobystan [Petroglify Kobystana] *Proceedings of the session devoted to the results of archaeological and ethnographic research in 1964 in the USSR (abstracts of reports)*. Baku: AN AzSSR, 1965: 7-10. (In Russ)
7. Dzhafarzade IM. Rock carvings of Gobustan [Naskal'nye izobrazheniya Gobustana] *Archaeological research in Azerbaijan. Collected articles*. Baku: Publishing House of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR, 1965: 15-28. (In Russ)
8. Dzhafarzade IM. *Gobustan*. Baku: Elm, 1973.
9. Rustamov DN, Muradova FM. *Archaeological research in Gobustan. Archaeological and ethnographic research in Azerbaijan (1973) [Arheologicheskie issledovaniya v Gobustane. Arheologicheskie i etnograficheskie izyskaniya v Azerbajdzhane (1973 god)]*. Baku: Elm, 1974: 8-11. (In Russ)
10. Rustamov DN, Muradova FM. Field work in Gobustan [Polevye raboty v Gobustane] *Archaeological and ethnographic research in Azerbaijan (1974)*. Baku: Elm, 1975:4-10. (In Russ)
11. Rustamov DN, Muradova F. Excavations at the Kaniza site in Gobustan [Raskopki na stoyanke Kyaniza v Gobustane]. *Archaeological discoveries*. Moscow: Nauka, 1976:504-505. (In Russ)
12. Rustamov DN. Mesolithic site in Gobustan (Okuzlyar-2) [Mezoliticheskaya stoyanka v Gobustane (Okuzlyar-2)] *Stone Age and Eneolithic Age*

14. Рустамов Д.Н., Мурадова Ф.М. О результатах археологических исследований 1981 года в Гобустане // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1980-1981). Баку: «Элм», 1986. С. 92–94.
15. Рустамов Дж.Н. Гая арасы – стоянка охотников на джейранов // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане. 1985 г. Баку, «Элм», 1986. С. 7–8.
16. Рустамов Дж.Н. Мезолитические женские статуэтки Гобустана // Доклады АН АЗССР. Т. XLII. № 3. Баку: «Элм», 1986. С. 92–95.
17. Рустамов Д.Н. Наскальные изображения Гобустана // Проблемы изучения наскальных изображений. М.: Институт археологии АН СССР., 1990. С. 99–103.
18. Рустамов Дж. Гобустан – очаг древней культуры Азербайджана. Баку: «Нурлан», 2000, 68 с.
19. Рустамов Дж. Петроглифы Гобустана. Гобустан – очаг древней культуры Азербайджана. Кн. 1. Баку: «Кооперация», 2003. – 103 с.
20. Рустамов Дж., Мурадова Ф.М. Петроглифы Гобустана. Наскальные изображения Шонгардага и Шыхгая. Т. I. Кн. II. Баку: «Кооперация», 2003. – 118 с.
21. Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. М.: Наука, 1969. – 58 с.
22. Формозов А.А. Памятники наскального искусства на территории СССР. М.: Наука, 1980. – 136 с.
23. Формозов А.А. Наскальные изображения и их изучение. Москва: Наука, 1987. – 107 с.
24. Anati E. World Rock Art // The Primordial Language. Studi Camuni. 1994. Vol. XII. p. 47.
25. Hygen A.-S. & Helskog K. Advisory mission to Gobustan // Gobustan Rock Art Cultural Landscape. March 2006. Oslo / Tromso, 2006, 42 p.
26. David S. Whitley. Introduction to Rock Art Research. Left Coast Press. Walnut Creek, California, 2005, 215 p.
27. Paul S.C. Таçon. Theory building and model making in Australian rock art research // Theoretical Perspectives in Rock Art Research. Ed. Helskog K. Oslo: Novus forlag, 2001. - 330 p.
28. Джафарзаде И.М. Гобустан. Баку: ИНЕ «XXI», 1999. 259 с.
29. Rüstəmov C., Muradova F. Qobustan. Kiçikdaş abidələri. Bakı: "El", 2008. 315 s.
- in Azerbaijan [*Kamennyj vek i eneolit v Azerbajdzhane*]. Baku: ASU, 1984:40-49. (In Russ)
13. Rustamov DN, Muradova FM. Gobustan expedition in 1979 [Gobustanskaya ekspediciya v 1979 godu] *Archaeological and ethnographic research in Azerbaijan in 1979 [Arheologicheskie i etnograficheskie izyskaniya v Azerbajdzhane]*. Baku: Elm, 1984: 7-9. (In Russ)
14. Rustamov DN, Muradova FM. On the results of archaeological research in 1981 in Gobustan [O rezul'tatah arheologicheskikh issledovanij 1981 goda v Gobustane] *Archaeological and ethnographic research in Azerbaijan (1980-1981) [Arheologicheskie i etnograficheskie izyskaniya v Azerbajdzhane (1980-1981)]*. Baku: Elm, 1986: 92-94. (In Russ)
15. Rustamov JN. Gaya Arasi – a camp of gazelle hunters [Gaya arasy - stoyanka ohotnikov na dzhejranov] *Archaeological and ethnographic research in Azerbaijan. 1985 [Arheologicheskie i etnograficheskie izyskaniya v Azerbajdzhane. 1985 g.]* Baku: Elm, 1986: 7-8. (In Russ)
16. Rustamov JN. Mesolithic female figurines of Gobustan [Mezoliticheskie zhenskie statuetki Gobustana] *Reports of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR [Doklady AN Azerb.SSR]*. Baku: Elm. 1986, 42(3): 92-95. (In Russ)
17. Rustamov DN. Rock carvings of Gobustan [Naskal'nye izobrazheniya Gobustana] *Problems of studying rock carvings [Problemy izucheniya naskal'nyh izobrazhenij]*. Moscow: Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the USSR, 1990: 99-103. (In Russ)
18. Rustamov J. *Gobustan – the center of the ancient culture of Azerbaijan [Gobustan – ochag drevnej kul'tury Azerbajdzhana]*. Baku: Nurlan, 2000.
19. Rustamov J. *Petroglyphs of Gobustan. Gobustan is the center of the ancient culture of Azerbaijan. Book 1 [Petroglify Gobustana. Gobustan – ochag drevnej kul'tury Azerbajdzhana. Kniga I]*. Baku: Kooperatsia, 2003.
20. Rustamov J, Muradova FM. *Petroglyphs of Gobustan. Rock carvings of Shongardag and Shikhgai [Petroglify Gobustana. Naskal'nye izobrazheniya Shongardaga i Shyhgaya]*. Vol. I. Book. II. Baku: Kooperatsia, 2003. (In Russ)
21. Formozov AA. *Studies on primitive art [Ocherki po pervobytnomu iskusstvu]*. Moscow: Nauka, 1969. (In Russ)
22. Formozov AA. *Monuments of rock art on the territory of the USSR [Pamyatniki naskal'nogo iskusstva na territorii SSSR]*. Moscow: Nauka, 1980. (In Russ)

30. Azərbaycan Tarixi. XI cildə, 2007: 1 cild. AMEA A. Bakıxanov ad. Tarix İnstitutu. Bakı: Elm. 519 s.
31. Farajova M. Gobustan Rock Art Cultural Landscape // "Adoranten". Scandinavian Society for Prehistoric Art. 2011. P. 41-66.
32. Farajova M. Reconstruction of the Archaeological Landscape of the Western Shore of the Caspian Sea at the End of Upper Pleistocene-Early Holocen // IGCP 610. Third Plenary Conference and Field Trip from the Caspian to Mediterranean: Environmental Change and Human Response during the Quaternary. Astrakhan, Russia. 22-30 September 2015, Proceedings/ Ed: A. Gilbert, V. Yanko-Hombach, T. Yanina. Moscow: MSU, 2015. PP. 75-76.
33. Fərəsova M. Azərbaycan qayaüstü incəsənəti. Bakı: Aspoliqraf, 2009. – 319 s.
34. Семенов В. Первобытное искусство. Каменный век. Бронзовый век. С.-Петербург: «Азбука-Классика», 2008. – 588 с.
35. Нарочницкий А.Л. История народов Северного Кавказа. М.: «Наука», 1988. С. 22–23 (422).
36. Котович В.М. Древние писаницы Горного Дагестана. М.: «Наука», 1976. – 112 с.
37. Fisher W.B. The Cambridge History of Iran, Volume 1, 1968, Cambridge University press, p. 403 (804).
38. Mc Burney C.B. M. and Rosemary Payne. The Cave of Ali Tappeh and the Epi-Paleolithic in N.E. Iran. In Proceedings of the Prehistoric Society, 1969. Vol. 34. P. 385-413.
39. David R. Harris. Origins of Agriculture in Western Central Asia, University of Pennsylvania Press, 2011, p. 58 (328).
40. A. Naderi-Beni, H. Lahijani, R. Mousavi Harami, K. Arpe, S.A.G. Leroy, N. Marriner, M. Berberian, V. Andrieu-Ponel, M. Djamali, and P.J. Reimer. Caspian Sea-level changes during the last millennium: historical and geological evidence from the south Caspian Sea // Climate of the Past. 2013, 9: 1645-1665. doi:10.5194/cp-9-1645-2013
41. Azərbaycan Arxeologiyası VI cildə: 1 cild (Daş dövrü). Bakı: Şərq-Qərb, 2008, 445 s.
42. Музейбли Н. Гобустан. Исследования и гипотезы. Баку: AFPoliqraf, 2017. – 141 с.
43. Джафарзаде И.М. Гобустан. АН АЗС-СР, Институт Истории. Баку: «ЭЛМ», 1973. – 347 с.
23. Formozov AA. *Rock carvings and their study [Naskal'nye izobrazheniya i ih izuchenie]*. Moscow: Nauka, 1987.
24. Anati E. World Rock Art. *The Primordial Language. Studi Camuni*. 1994, 13: 47.
25. Hygen A.-S, Helskog K. Advisory mission to Gobustan *Gobustan Rock Art Cultural Landscape*. Oslo / Tromso, 2006.
26. David S. Whitley. *Introduction to Rock Art Research*. Left Coast Press. Walnut Creek, California, 2005.
27. Paul S.C. Taçon. *Theory building and model making in Australian rock art research. Theoretical Perspectives in Rock Art Research*. Helskog K. (ed.). Oslo: Novus forlag, 2001.
28. Dzhafarzade IM. *Gobustan*. Bakı: YNE "XXI", 1999.
29. Rüstəmov C, Muradova F. *Qobustan. Kiçik-daş abidələri*. Bakı: "El", 2008. (In Azeri)
30. Azərbaycan Tarixi. XI cildə, 2007: 1 cild. AMEA A. Bakıxanov ad. Tarix İnstitutu. Bakı: Elm.
31. Faradzheva M. Gobustan Rock Art Cultural Landscape "Adoranten". *Scandinavian Society for Prehistoric Art*. 2011: 41-66.
32. Faradzheva M. Reconstruction of the Archaeological Landscape of the Western Shore of the Caspian Sea at the End of Upper Pleistocene-Early Holocene *IGCP 610. Third Plenary Conference and Field Trip from the Caspian to Mediterranean: Environmental Change and Human Response during the Quaternary*. Astrakhan, Russia. 22-30 September 2015, Proceedings. A. Gilbert, V. Yanko-Hombach, T. Yanina (eds.). Moscow: MSU, 2015: 75-76.
33. Fərəsova M. *Azərbaycan qayaüstü incəsənəti*. Bakı: Aspoliqraf, 2009.
34. Semenov B. *Primitive art. Stone Age. Bronze Age [Pervobytnoe iskusstvo. Kamennyi vek. Bronzovyyi vek]*. St. Petersburg: Alphabet-Classic, 2008.
35. Narochnitsky AL. *History of the peoples of the North Caucasus [Istoriya narodov Severnogo Kavkaza]*. Moscow: Nauka, 1988. (In Russ)
36. Kotovich VM. *Ancient writings of Mountainous Dagestan [Drevnie pisanitsy Gornogo Dagestana]*. Moscow: Nauka, 1976. (In Russ)
37. Fisher WB. The Cambridge History of Iran. Vol. 1. Cambridge University press, 1968. p
38. Mc Burney CB. M, Rosemary Payne. The Cave of Ali Tappeh and the Epi-Paleolithic in N.E. Iran. *Proceedings of the Prehistoric Society*, 1969,(34):385-413.
39. David R. Harris. *Origins of Agriculture in Western Central Asia*. University of Pennsylvania Press, 2011:58.

44. Harman Jon. Using Decorrelation Stretch to Enhance Rock Art Images. American Rock Art Research Association Annual Meeting, May 28, 2005.
45. Свиточ А. Всемирный потоп и великая хвалынская трансгрессия Каспия // Природа. 2006. № 1. С. 20–24.
46. Arslanov Kh.A., Yanina T.A., Chepalyga A.L., Svitoch A.A., Makshaev R.R., Maksimov F.E., Chernov S.B., Tertychniy N.I., Starikova A.A. On the age of the Khvalynian deposits of the Caspian Sea coasts according to ^{14}C and $^{230}\text{Th}/^{234}\text{U}$ methods // *Quaternary International*. 2015, (499):81-87. DOI:10.1016/j.quaint.2015.05.067
47. Mamedov A.V. The Late Pleistocene – Holocene History of the Caspian Sea. *Quaternary International*, Vol. 41/42, 1997, p.163.
48. Valentina Yanko-Hombach, Allan S. Gilbert, Nicolae Panin, Pavel M. Dolukhanov (editors) *The Black Sea Flood Question Changes in Coastline, Climate and Human Settlement*. Springer Netherlands, 2007. 10.1007/978-1-4020-5302-3
49. Фараджева М. Неолит Гобустана // Сборник материалов международной научной конференции «Раннеземледельческие культуры Кавказа». Баки, 2012. С. 62–68.
50. Фараджева М. Реконструкция археологического ландшафта Гобустана в эпоху неолита // *Azərbaycan Arxeologiyası və Etnoqrafiyası*. Баки: Nafta-Press, 2016. С. 20–30.
40. A. Naderi-Beni, H. Lahijani, R. Mousavi Harami, K. Arpe, S.A.G. Leroy, N. Marriner, M. Berberian, V. Andrieu-Ponel, M. Djamali, and P.J. Reimer. Caspian Sea-level changes during the last millennium: historical and geological evidence from the south Caspian Sea *Climate of the Past*. 2013, 9: 1645-1665. doi:10.5194/cp-9-1645-2013
41. *Azərbaycan Arxeologiyası VI cildə: 1 cild (Daş dövrü)*. Bakı: Şərq-Qərb, 2008.
42. Museibli N. *Gobustan. Research and hypotheses*. Baku: AFPoliqraf, 2017.
43. Dzhafarzade IM. *Gobustan*. Academy of Sciences of the AzSSR, Institute of History. Baku: Elm, 1973.
44. Harman Jon. Using Decorrelation Stretch to Enhance Rock Art Images. *American Rock Art Research Association Annual Meeting*, May 28, 2005. Web site: www.DStretch.com
45. Svitoch A. The Flood and the Great Khvalyn Transgression of the Caspian [Vsemirnyj potop i velikaya hvalynskaya transgressiya Kaspiya]. *Priroda*. 2006, 1: 20-24.
46. Arslanov KhA, Yanina TA, Chepalyga AL, Svitoch AA, Makshaev RR, Maksimov FE, Chernov SB, Tertychniy NI, Starikova AA. On the age of the Khvalyn deposits of the Caspian Sea coasts according to ^{14}C and ^{230}Th *Quaternary International*. 2015, (409): 81-87. DOI:10.1016/j.quaint.2015.05.067
47. Mamedov AV. The Late Pleistocene – Holocene History of the Caspian Sea. *Quaternary International*. 1997, (41/42): 163.
48. Valentina Yanko-Hombach, Allan S. Gilbert, Nicolae Panin, Pavel M. Dolukhanov (editors) *The Black Sea Flood Question Changes in Coastline, Climate and Human Settlement*. Springer Netherlands, 2007. 10.1007/978-1-4020-5302-3
49. Faradzheva M. Neolithic Gobustan. Collection of materials of the international scientific conference “Early agricultural cultures of the Caucasus” [Neolit Gobustana] *Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii “Rannezemledelcheskie kultury Kavkaza”*. Baku, 2012: 62–68.
50. Faradzheva M. Reconstruction of the archaeological landscape of Gobustan in the Neolithic era [Rekonstrukciya arheologicheskogo landshafta Gobustana v epohu neolita]. *Azerbaijan Archeology and Ethnography [Azərbaycan Arxeologiyası və Etnoqrafiyası]*. Baku: Nafta-Press, 2016:20-30. (In Azeri)

Статья поступила в редакцию 20.07.2021 г.

Статья принята в печать 14.09.2021 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173684-720>

Гаджиев Муртазали Серажутдинович
д.и.н., профессор, заведующий отделом археологии
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
murgadj@rambler.ru

ПОДЗЕМНОЕ КРЕСТООБРАЗНОЕ СООРУЖЕНИЕ В ЦИТАДЕЛИ ДЕРБЕНТА: ЦЕРКОВЬ ЛИ? PRO ET CONTRA

Аннотация. В статье рассматривается дискуссионный вопрос интерпретации загадочного подземного здания, расположенного в дербентской цитадели Нарын-кала. Это монументальное сооружение представляет собой крестообразное (латинский крест) в плане здание, ориентированное длинной осью по линии ССЗ-ЮЮВ, перекрытое стрельчатыми сводами и куполом. На планах цитадели Дербента начала – середины XIX в. это подземное сооружение показано в виде крестообразного строения с подписями «водохранилище». В историческую, справочную литературу, документацию оно вошло как подземное водохранилище XVII–XVIII вв. Мнение, что это здание первоначально являлось церковью V–VI вв., было впервые высказано как гипотеза А.А. Кудрявцевым в 1976 г. Спустя почти 40 лет это предположение стало озвучиваться им уже как установленный факт, но без каких-либо достаточных оснований, без дополнительных доводов. При этом используется искажение фактов, подлог. Это необоснованное мнение, навязываемое обществу, получило распространение и пропагандируется даже высокопоставленными государственными служащими. В 1998 г. Г.М. Курбановым была высказана идея о возможной интерпретации данного памятника как зороастрийского храма огня. В 2020 г. В.Л. Мыц предположил, что это христианский мавзолей. Однако архитектурные и археологические данные противоречат этим точкам зрения: не доказано, что это здание было наземным, что оно является раннесредневековым, что оно было культовым. Необходимо проведение комплексных (архитектурных, археологических, магнитометрических и др.) исследований данного объекта, но без масштабных археологических раскопок.

Ключевые слова: Дербент; христианство; зороастризм; крестообразное водохранилище; крестово-купольная церковь; храм огня; мавзолей.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173684-720>

Murtazali S. Gadjiev,
Dr. of History, Prof., Head of Dept. of Archaeology,
Institute of History, Archaeology and Ethnography,
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia
murgadj@rambler.ru

UNDERGROUND CRUCIFORM STRUCTURE IN NARYN-KALA: A CHURCH? PRO ET CONTRA

Abstract. The article discusses the interpretation of a mysterious underground building, situated in the Derbent citadel Naryn-Kala. This monumental structure is a crucifix (Latin cross) in plan, oriented with a long axis along the NNW-SSE line, roofed with pointed arches and a dome. On the plans of the citadel of Derbent in the early – mid-19th century this underground building is indicated as a cruciform structure with the caption “water reservoir”. In historical, reference literature and documentation it is defined as an underground water reservoir of the 17th – 18th centuries. In 1976, A.A. Kudryavstev first suggested that this building was originally a church of the 5th – 6th centuries. After almost 40 years, his suggestion was recognized as an established fact, however, with no solid ground or any supplementary reasons. At the same time, distortion of facts and forgery were recorded. This unfounded opinion was promoted even by high-ranking government officials. In 1998, G.M. Kurbanov assumed a possible interpretation of this site as a Zoroastrian fire temple. In 2020, V.L. Myts speculated that this is a Christian martyrium. However, architectural and archeological data contradict these interpretations: the land-based, early medieval, or religious nature of the building has not been proved. Comprehensive (architectural, archeological, magnetometric, etc.) study of this site, without large-scale archeological excavations, is needed.

Keywords: Derbent; Christianity; Zoroastrianism; cruciform water reservoir; cross-dome church; fire temple; martyrium.

Долг благочестия – истину чтить выше.
Аристотель

Для ученого ценность истины
выше всех других ценностей.
Академик А.А. Гусейнов

Среди архитектурных достопримечательностей г. Дербента заметное место занимает монументальное подземное крестообразное сооружение, расположенное в северо-западной части цитадели Нарын-кала (рис. 1). Оно состоит в государственном реестре под названием «Водохранилище крестообразное, XVI в.» под регистрационным номером 051510039650476 и входит в состав объекта культурного наследия федерального значения «Дербентская цитадель Нарын-кала». Памятник включен на государственную охрану Постановлением Совета Министров РСФСР «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» № 1327 от 30.08.1960 г. и Приказом Министерства культуры РФ «О включении выявленных объектов культурного наследия в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объектов культурного наследия федерального значения в составе объекта культурного наследия федерального значения «Дербентская цитадель «Нарын-Кала» VI–XIX века (Республика Дагестан) и утверждении границ их территории» № 2721 от 03.11.2015 г.

Сооружение представляет собой крестообразное (латинский крест) в плане здание (рис. 2, 3), ориентированное длинной осью по линии ССЗ-ЮЮВ (отклонение – ок. 12°), перекрытое стрельчатыми сводами и куполом. Диаметр купола составляет около 5,0 м; внутренние параметры сооружения: длина северного рукава-отсека составляет около 5,2 м, остальных трех – по 4,2 м, при их ширине около 4,75 м, длина здания с севера на юг – около 14,9 м, с востока на запад – около 13,4 м; высота здания от мощеного плитам пола до верха стрельчатых сводов составляет около 8,5 м, высота здания от пола до верха облома купола превышает 10,5 м. Толщина кладки купола – около 0,4 м. В верхней части северной торцевой стены северного отсека на высоте около 6 м устроено отверстие-проем шириной 1,15 м, высотой 1,85 м и толщиной около 0,8 м, через которое осуществлялся подъем воды из водохранилища и в которое ведут три ступени. В пятах арочного верха отверстия установлены фигурные консольные камни (рис. 4). В центре западного стрельчатого свода имеется квадратное отверстие размером около 0,6×0,6 м, служившее, очевидно, для вентиляции внутреннего пространства здания.

Внутренняя облицовка здания сложена замковой кладкой правильными рядами из хорошо отесанных камней ракушечника размером в среднем 30–50×20–30×30–35 см на известковом растворе. В северной торцевой стене северного отсека (рис. 9) ниже отверстия-проема для набора воды на высоте 4,5–5,5 м три ряда кладки облицовки сложены из крупных (высотой около

50 см) плит, вероятно, поставленных на ребро; два из них следуют подряд и еще один – выше через три ряда обычной кладки (см. ниже). Забутовка стен здания состоит из рваного камня на крепком известковом растворе. Толщина стен сооружения, судя по выявленным наружным участкам на стыке южного и западного рукавов креста, составляет около 2,4 м; при этом наружный панцирь у здания, судя по выявленным участкам (см. ниже), отсутствует.

В подкупольном пространстве, на уровне нижнего опорного контура купола, в верхних углах треугольных сферических парусов по обе стороны замкового завершения стрельчатых арок имеются небольшие четырехугольные (ок. 20×20 см) пазы, служившие для установки парных деревянных перекрестных распорных балок, предназначенных для поддержания устойчивости архитектурной конструкции в месте перехода от квадратного основания к куполу до затвердения известкового раствора (рис. 1б, 2, 4). Кладка стен, сводов, парусов и купола конструктивно взаимосвязана, однотипна и не несет следов разновременности, поздних переделок.

Сразу отмечу, что это сооружение не было открыто археологами в результате раскопок, как иногда заявляют, а было давно известно. Мне не удалось обнаружить планов цитадели Дербента XVIII в. с изображением этого сооружения. Но на серии планов Дербента начала – середины XIX в. это подземное здание в цитадели показано в виде крестообразного помещения (рис. 5–8)¹ с различными объяснениями в экспликациях: «водохранилище», «бывшее водохранилище», «водохранилище под сводом без воды», «каменное со сводами водохранилище, в кои вода напускаема была чрез подземные трубы», «водохранилища, из коих одно вычистить арестантами». Странно, что в письменных источниках XVIII – нач. XX в. (и, тем более в более ранних) отсутствуют упоминания, описания этого достаточно крупного объекта, который должен был привлечь внимание.

В историческую, справочную литературу, документацию оно вошло как подземное водохранилище, относящееся к XVII–XVIII вв. Архитектор С.О. Хан-Магомедов полагал, что оно вырублено в скале [1, с. 78], и предположительно, без какой-либо аргументации, датировал это сооружение ранним средневековьем [2, с. 184].

Идея о возможной интерпретации этого здания как церкви V–VI вв. была впервые высказана в качестве гипотезы археологом А.А. Кудрявцевым в 1976 г. [3, с. 127; 4, с. 50; 5, с. 127–128]. При этом автор замечал, что «окончательный ответ на этот вопрос смогут дать лишь широкие раскопки этого уникального памятника» [3, с. 127]. Однако, такие раскопки не были проведены ни тогда, ни после. Доводами для данной гипотезы послужили необычная для водохранилищ крестообразная форма здания (характерная для раннехристианских церквей), его «строгая ориентация», как пишет автор, по странам света (в реальности объект имеет существенное отклонение от длинной оси север-юг – около 12°). Это дало основания, как заключает автор, «предположить, что данное сооружение является крестообразной церковью, возведенной здесь в V–VI вв.» [4, с. 50].

1 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Фонд 349. Опись 12. Дела 1976, 1982, 1992, 2002, 2039, 2043, 2044, 2083, 2124.

В дальнейшем, спустя почти 40 лет, это предположение о церкви стало озвучиваться автором уже как установленный факт [6, с. 74-76; 7, с. 25; 8, с. 28; 9, с. 157-159], но без каких-либо достаточных на то оснований, без дополнительных доводов. Это известный прием, когда гипотеза обретает силу факта по известному схоластическому принципу *ab posse ad esse*, который, как известно, *non valet illatio*.

В своих построениях в этих публикациях автор ссылается, помимо крестообразности и ориентировки здания, на проведенные под его руководством в 1977 г. раскопки рядом с этим подземным сооружением, которые якобы подтвердили высказанную гипотезу.

Между тем, раскопками 1977 г. (раскоп V) у северного крыла здания, не была выявлена его наружная поверхность, не было зафиксировано примыкание культурных слоев к внешней вертикальной плоскости сооружения, не было установлено, что это здание некогда являлось наземным, не было определено время его строительства, но было доказано его функционирование как водохранилища в новое время и установлена мощность культурного слоя до 7,5 м, ниже которого следовала материковая почва без культурных остатков². Учитывая эти данные и то, что высота подземного здания составляет более 10 м, можно полагать, что в предполагаемую бытность его наземным строением нижняя часть данного сооружения должна была быть заглублена в материковый грунт на глубину, по меньшей мере, до 1,0-1,5 м, что абсолютно не свойственно для церквей.

Правда, уже в публикации 1982 г., а затем в более поздних публикациях, автор пишет о культурном слое в данном раскопе, достигающем толщины 8-9 м, откуда приходит к выводу, что в раннесредневековый период здание было наземным [3, с. 127-128], что «в период V-VII вв. эта, так называемая подземная крестообразная цистерна ... возвышалась над уровнем древней поверхности не менее чем на 8-9 м» [6, с. 75].

Понятно, что это заключение является неверным, ложным не только потому, что мощность слоев там составляет 7,5 м, но, прежде всего потому, что в раскопе не были выявлены соотношение и взаимосвязь датированных культурных напластований и самого сооружения (см. выше). На словах увеличивая мощность культурного слоя на 0,5-1,5 м, исследователь, очевидно, пытается, тем самым, уменьшить разницу между высотой подземного здания и глубиной залегания материка в раскопе, чтобы показать примерно одинаковый уровень пола в сооружении и материковой поверхности в раскопе.

Замечу, что в располагавшемся рядом к западу от подземного сооружения раскопе IV, на котором велись работы в 1974-1976 гг., материковая почва залегает на глубине от 4,5-4,7 м от дневной поверхности до 5,8-6,55 м с понижением в западную сторону в соответствии с древним рельефом. При этом важно отметить, что в восточной стороне раскопа, почти прилегающем к подземному

---

2 Кудрявцев А.А. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1977 г. // Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 461. С. 1-40.

сооружению, материк зафиксирован на глубине 4,5–4,7 м³. Наконец, в раскопе XII, заложенном в 30 м к югу от подземного здания, материковая почва лежит на отметке около 5 м от дневной поверхности: на этом уровне и были выявлены впущенные в материк полуземлянки эпохи ранней бронзы, перекрытые слоем албано-сарматского периода. Таким образом, судя по данным археологических раскопок, материковый грунт в зоне расположения подземного сооружения лежит существенно выше уровня пола этого здания.

В указанном выше отчете А.А. Кудрявцева о раскопках 1977 г. никаких выводов о некогда наземном характере подземного сооружения нет. Наоборот, автор раскопок пишет, что «исследования у северной стены внушительного крестообразного сооружения в цитадели, хотя и не позволили ответить на главный вопрос о назначении этого строения, времени его возведения и конструктивных особенностях (выделено мной – М.Г.), дали очень интересный и важный материал о стратиграфии этого участка, о архитектурных сооружениях здесь и позволили сделать некоторые выводы. 1. Исходя из наличия водоводов и следов их широкого использования в слоях XVI–XVII (нач. XVIII в.) можно полагать, что именно в этот период данное сооружение использовалось как водохранилище. Для чего на нем были проведены значительные перестройки. 2. В остальные, более ранние периоды данное сооружение, видимо, имело другое назначение или водоснабжение из него велось не выявленными раскопками путем, возможно по подземным трубам»⁴.

В названных публикациях 2000-х гг. автор в качестве дополнительного довода приводит информацию об обнаружении при раскопках обломка каменного креста [7, с. 25; 8, с. 28], однако, такой находки в реальности не было сделано, она никак не задокументирована ни в отчетах, ни в более ранних публикациях исследователя.

Как видно из данного отчета о раскопках 1977 г., в результате проведенных работ не были получены ответы на вопросы о назначении этого здания (кроме, как водохранилища), о его наземном характере, о времени его сооружения. Таким образом, апелляции к этому отчету с утверждением, что в результате раскопок было доказано, что это было наземное сооружение, что оно датируется V/VI – второй половиной VII в. и является церковью, не имеют под собой никакой фактологической основы, не имеют конкретных археологических подтверждений.

Следует особо обратить внимание также на то, что данное подземное здание ориентировано длинной осью в меридиональном направлении, но не строго по оси север-юг, как пишет А.А. Кудрявцев (см. выше), а с отклонением около 12°. При этом здание имеет удлиненное северное крыло. Тогда как, если бы здание было церковью, оно должно было быть сориентировано по длинной оси в направлении восток-запад: в западном отсеке должен был располагаться вход, а в восточном – алтарь, предалтарная стенка и, возможно, апсида. Ошибка в ориентации здания,

3 Там же. С. 78. Рис. 7–10.

4 Там же. С. 40. Сохранена стилистика и пунктуация автора.

если б оно было церковью, почти на 80° должна быть исключена⁵. Чтобы решить это противоречие исследователь делает предположение, что в Позднее Средневековье (конец XVI–XVII вв.) здание с целью его превращения в водохранилище было основательно перестроено: «вероятно, в этот период было расчищено внутреннее пространство сооружения и заново перестроены его стены, обложенные по внутреннему периметру частично сохранившихся древних стен (кроме северного торца, чем и объясняется некоторая удлиненность этой части креста)» [6, с. 76. 9, с. 159]. При этом автор заведомо искаженно заявляет, что «торцевая сторона четвертой удлиненной стороны креста (имеется в виду северное крыло здания. – прим. М.Г.) сложена из крупных блоков размером 0,91×0,6–0,7×0,35 м, в типичной для раннесредневековых кладок Дербента VI–VII вв. манере, с чередованием «ложков» и «тычков» [6, с. 75; 9, с. 157–159]. В других публикациях автор приводит иные параметры блоков – 1,0–1,05×0,7–0,75×0,3–0,35 м [8, с. 28], что не соответствует действительности.

В реальности этой кладкой из крупных отесанных блоков, напоминающей сасанидскую кладку середины VI в., сложена не вся внутренняя облицовка северной торцевой стены, а только лишь три ряда в ее верхней (!) части: это 27, 28 и 32 ряды из 34 рядов кладки стены от уровня пола до проема для набора воды (рис. 9). Причем они имеют конструктивную перевязку с боковыми стенами северного крыла здания. Отмечу также, что во внутренней облицовке здания не прослеживаются следы закладки предполагаемых входных и оконных проемов, не прослеживается разница в технике кладки облицовки верхних и нижних частей здания за исключением отмеченного участка из трех рядов.

Таким образом, содержащиеся в публикациях А.А. Кудрявцева данные никоим образом не позволяют делать заключение, что рассматриваемое подземное сооружение первоначально являлось крестово-купольным христианским храмом, возведенным в V–VII вв. и который в конце XVI–XVII вв. был перестроен в водохранилище.

В 2013 г., в преддверии празднования 2000-летия Дербента, под эгидой администрации г. Дербента и под руководством А.А. Кудрявцева были проведены работы на раскопе, заложенном вплотную к западному и южному крыльям данного подземного сооружения. Раскопки ставили целью доказать, что это здание является древним христианским храмом. Информация об этих работах получила довольно широкую огласку в СМИ, однако ни одной научной публикации по ним до сих пор, по прошествии уже восьми лет, не было. Но посетители цитадели Нарын-кала могут воочию увидеть этот раскоп и вскрытые строительные остатки (рис. 10, 11), которые медленно и неотвратно разрушаются под открытым небом.

На раскопе, площадь которого составила свыше 150 кв. м, были не только выявлены водовод из керамических труб и архитектурные остатки, связанные с

---

5 Существуют и некоторые отклонения от классической ориентации христианских храмов, обусловленные сложившейся исторической топографией, расположением иных существовавших архитектурных объектов, рельефом местности и ориентацией на восход солнца, но в данном случае я не вижу доводов для существенного изменения ориентировки, если б это здание строилось, как церковь. Мне не известны раннесредневековые христианские церкви на Кавказе с таким существенным изменением канонического направления.

функционированием данного сооружения как водохранилища в поздне-средневековый период и новое время, но и были частично открыты верхние участки (на высоту около 2,3 м и в длину около 3,1 м каждый) наружных фасов южного и западного отсеков этого подземного здания (рис. 12, 13). На этих вскрытых участках внешних поверхностей стен здания, которые можно визуально наблюдать в раскопе (рис. 14), не были зафиксированы ни наружная облицовка, которая должна была быть, если б это здание было наземным, ни даже ее следов (в виде швов от раствора, отпечатков на растворе забутовки, пазов и выемок, образовавшихся от содранной облицовки), если б таковая обкладка имелась. Здесь наблюдается вертикальная шероховатая поверхность стен, сложенных из бутового камня и залитых крепким известковым раствором. Иными словами, эти два участка стен, вскрытые в ходе раскопок на высоту около 2,3 м и прослеженные в длину около 3 м каждый, указывают на то, что данное подземное сооружение не имело наружной облицовки, т.е. оно не было наземным, и данные участки стен представляют забутовку стен подземной части здания, имевшего только внутреннюю обкладку из хорошо отесанных камней.

При этом в отчете о данных раскопках 2013 г. не приводится никакой информации о выявленных наружных фасах стен этого подземного здания. В отчете речь идет о доведении раскопа до глубины -2,2-2,5 м⁶, а фактически работы на участке выявленных стен подземного сооружения были доведены до глубины -4,5-4,55 м от современной дневной поверхности. Информация об этих более чем 2-метровой толщины культурных напластованиях, выявленных в них массовых находках (фрагментов керамики) в отчете отсутствует, хотя в описи индивидуальных находок, приложенной к отчету, указываются находки (№№ 84–93), обнаруженные на глубинах от -2,50 м до -4,55 м. Мало того, автор отчета, вводя в заблуждение читателя, пишет, что участки западной и южной ветвей «креста» крестово-купольного сооружения не были вскрыты⁷, тогда как в действительности они были открыты на высоту около 2,3 м.

Не тем ли, что на этих вскрытых участках не зафиксированы какие-либо следы наружной облицовки (что свидетельствовало бы о наземном характере здания), было обусловлено то, что автор сознательно не ввел в текст отчета информацию о вскрытых более чем 2-метровых толщах культурных слоев и о вскрытых участках наружных фасов подземного сооружения, и раскопки не возобновлялись в последующие годы? Не этим ли было продиктовано то, что известные специалисты по церковной археологии и архитектуре, члены-корреспонденты РАН Л.А. Беляев и В.В. Седов (ИА РАН), посетившие Дербент в марте 2020 г., и участники проведенной в ноябре 2020 г. конференции, посвященной этому сооружению (см. ниже), ведущий специалист по христианской

6 Кудрявцев А.А. Отчет о проведении археологических полевых работ на территории объекта: «Дербентская цитадель Нарын-кала, VI–XVIII в.: водохранилище XVI в.», расположенного в г. Дербенте Республики Дагестан на раскопе Р-XXVII в районе крестово-купольного сооружения. / Дербентский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Дербент, 2014. Отчет был представлен бывшим директором музея-заповедника А.М. Ибрагимовым в 2014 г. с просьбой дать на него отзыв прежде, чем утверждать, и в связи с отсутствием полевой документации на значительное количество обнаруженных массовых находок.

7 Там же. С. 51.

архитектуре Кавказа, член-корреспондент РААСН А.Ю. Казарян (НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства) и специалист по архитектурной археологии В.Л. Мыц (Гос. Эрмитаж) не были ознакомлены с этим раскопом и выявленными в нем стенами подземного сооружения?

Обращает внимание, что реконструируемый на основе обнаруженных участков наружных поверхностей (см. выше) внешний контур подземного здания практически совпадает с контуром выявленных в раскопе поздних строений, связанных с функционированием водохранилища, и с началом спуска к проему в северной торцевой стене сооружения (рис. 15). Не свидетельствуют ли эти соответствия об изначально подземном характере памятника? Да и толщина стен этого здания представляется весьма большой для наземной постройки.

Немного отвлекаясь от темы «церковной» трактовки этого подземного здания в цитадели Нарын-кала, отмечу, что была высказана идея и о возможной интерпретации данного объекта как зороастрийского храма [10, с. 88–90] (которые также имели крестообразный план и купол), принимая во внимание тот факт, что Дербент в Раннем Средневековье был оплотом Сасанидского Ирана, где зороастризм являлся официальной государственной религией. При этом следует заметить, что зороастрийские храмы огня представлены не только *чахартагами* (ср.-перс. *čahārīq* – букв. «четыре ветви/отделения, арки»), представляющими квадратное в плане, крестообразное здание с куполом и четырьмя осевыми открытыми арками по четырем сторонам [11, р. 634–642] – своего рода тетрапилонами с куполом, но и замкнутыми крестообразными сооружениями с куполом и входом [12, р. 13, fig. 6, 7]. Последние представлены, в частности, в известном центральном царском религиозном комплексе Тахт-и Сулейман (помещения В, Х, РD) позднеасанидского периода (рис. 16) [13, Abb. 1], где располагался великий огонь Адур-Гушнасп, посвященный воинскому сословию *артештар* (ср.-перс. *artēštār* – «воин»). В одном из крестообразных помещений этого храмового комплекса (помещение В) сохранилось и основание алтаря огня – *атрушана* (рис. 17) [13, Abb. 5]. Однако и эта «зороастрийская» версия, как и мнение об интерпретации подземного сооружения, как христианской церкви, не имеет достаточной архитектурной и археологической аргументации.

Тем не менее, суждение о церковной принадлежности здания в последние годы было растиражировано в СМИ, вплоть до высказываний о том, что это древнейшая на территории России православная церковь IV века (!)⁸. Эта версия, воспринимаемая как доказанный факт, стала утверждаться в массовом сознании, а рядом с этим сооружением тогда даже установили информационную табличку с надписью «Крестово-купольный христианский храм IV–VI вв.» (рис. 18). Даже глава республики Р.Г. Абдулатипов, уверовав в эту версию (уве-

8 См., напр.: И все-таки это древний христианский храм. Пресс-служба администрации г. Дербента. 20.05.2014. Режим доступа: http://www.riadagestan.ru/news/g_derbent/i_vse_taki_eto_drevniy_khristianskiy_khram/. Дата обращения: 16.03.2021; Дагестан к 2000-летию Дербента восстановит древний христианский храм. 21.02.2014. Режим доступа: <http://ria.ru/dag/20140221/996293946.html>. Дата обращения: 16.03.2021; В Дербенте восстановят христианский храм V-VII веков. 21.02.2014. Режим доступа: <http://www.contrasterra.ru/viewpoint/15247>. Дата обращения: 16.03.2021; Глава Дагестана надеется на помощь патриарха Кирилла в улучшении жизни в республике. 21.02.2014. Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=54523>. Дата обращения: 16.03.2021.

ровав ли?), преподнес колоритную фотографию этого подземного сооружения патриарху Кириллу при встрече с ним в Синодальной резиденции в Даниловом монастыре 21 февраля 2014 г. (рис. 19). При этом он заявил, судя по информации прессы (ИТАР-ТАСС, Интерфакс, РИА Новости и др.), что «к празднованию в 2015 году 2000-летия Дербента в городе полностью восстановят христианский храм, строительство которого специалисты относят к V–VII векам», на что патриарх заметил, что «этот храм IV века – один из самых древних, а может быть, и самый древний на территории современной России»⁹. В дальнейшем эту идею Р.Г. Абдулатипов «утвердил» в своей красочной книге-альбоме: «Это храм – памятник албано-христианской эпохи... Исследование планировки сооружения говорит о его схожести со средневековыми церквями на Кавказе, в Италии...» [14, с. 70–71].

В противовес этой «аксиоме» были высказаны предостережения от преждевременной интерпретации данного сооружения как христианской церкви, с указанием на необходимость решения ряда научных вопросов, получения доказательства того, что это сооружение было наземным, что оно датируется IV–VI веками, что это было культовое здание (церковь, храм огня)¹⁰. Еще ранее было высказано мнение о необходимости исследования этого сооружения неинтрузивными (неразрушающими культурный слой и архитектурные остатки) методами, в частности, с использованием георадарного зондирования здания [15, с. 172–174].

В 2018 г. группой сотрудников Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», Физического института им. Лебедева РАН, Научно-исследовательского института ядерной физики им. Д.В. Скобельцына, отдела археологии Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН и ДГУ были проведены экспериментальные исследования данного подземного сооружения методом мюонной радиографии, которые, однако, не принесли ожидаемого эффекта и не ответили на основные вопросы истории этого памятника [16, р. 1–10]. Тем не менее, и эти работы послужили поводом для многих российских СМИ, подхваченных зарубежными (Newsweek и др.), оповестить мир о том, что в результате проведенных работ в Дербенте была открыта ранее неизвестная церковь, которая была построена около 300 г. н.э. и затем была засыпана арабами после захвата Дербента примерно в 700 г.!¹¹

9 Святейший Патриарх Кирилл встретился с главой Республики Дагестан Р.Г. Абдулатиповым. 21.02.2014. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3574960.html>. Дата обращения: 16.03.2021; В Дербенте восстановят христианский храм V-VII веков. 21.02.2014. Режим доступа: <http://www.contrasterra.ru/viewpoint/15247>. Дата обращения: 16.03.2021; Глава Дагестана надеется на помощь патриарха Кирилла в улучшении жизни в республике. 21.02.2014. Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=54523>. Дата обращения: 16.03.2021.

10 Муртазали Гаджиев: «Однозначно интерпретировать раскопанное в Дербенте сооружение, как церковь, преждевременно». 27.04.2014. режим доступа: http://www.riadagestan.ru/news/science/murtazali_gadzhiev_odnoznachno_interpretirovat_raskopannoe_v_derbente_sooruzhenie_kak_tserkov_prezhdevremenno/. Дата обращения: 16.03.2021.

11 См., напр.: В Дагестане на территории древней крепости нашли подземный храм. 08.05.2018. Режим доступа: <https://www.tvc.ru/news/show/id/137252>. Дата обращения: 16.03.2021; Получены первые 3D-снимки, возможно, древнейшего в России христианского храма. 15.07.2019. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4032389>. Дата обращения: 16.03.2021; Muon radiography obtains 3d images of the oldest Christian church in Russia. 18.07.2019. Available from: <https://heritagetribune.eu/russia/muon-radiography-obtains-3d-images-of-the-oldest-christian-church-in-russia/>. Дата обращения: 16.03.2021;

19 ноября 2020 г. в Дербенте состоялась двухчасовая конференция «Загадка крестово-купольного сооружения на территории крепости Нарын-кала. История Христианства в Дербенте», организованная администрацией Дербента и которая ставила целью, как казалось, раскрыть загадку, но на деле – доказать, что данное сооружение является раннехристианским культовым памятником. На конференции было заслушано только три доклада, не считая нескольких высказанных мнений по обсуждаемому вопросу.

Сотрудники Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН, ведущие не одно десятилетие археологические исследования в Дербенте, не были приглашены на указанное мероприятие и знакомы с выступлениями участников и озвученными ими мнениями о назначении данного сооружения по полному видеообзору этого собрания в видеохостинге YouTube. Судя по данному обзору, специалисты-участники мероприятия разошлись во мнениях.

Проф. А.А. Кудрявцев в своем докладе, анонсированном в программе как «Результаты исследований крестово-купольного сооружения на крепости Нарын-кала», посвятив основное внимание истории христианства в Кавказской Албании и Южном Дагестане, не привел новых аргументов в пользу своей точки зрения о том, что подземное сооружение в Нарын-кале является раннехристианской церковью. А при обсуждении даже высказался, что «сохранившийся точно такой же храм» представлен в сел. Молла-Халил (ныне сел. Нюгди), который он отнес к средневековью и назвал (кавказско)-албанской церковью¹². Хотя хорошо известно, что крестово-купольная церковь св. Григориса в сел. Нюгди (рис. 20) была построена в 1916 г. на средства известных купцов, братьев Ванецянц, и принадлежала Армянской Апостольской церкви¹³.

С содокладом «Назначение и функционал крестово-купольного сооружения на крепости «Нарын-Кала» в Дербенте в разные годы его существования» выступил ведущий научный сотрудник сектора архитектурной археологии Государственного Эрмитажа, к.и.н. В.Л. Мыщ (соавтор – зам. директора ИИМК РАН по организационным вопросам, к.и.н. Н.Ф. Соловьева), который, опираясь, главным образом, на сходство крестообразной планировки рассматриваемого здания с рядом известных раннесредневековых крестообразных мавзолеев (Равенна, Херсонес) высказал версию, что это здание является мавзолеем – усыпальницей христианского мученика, возведено византийским зодчим, на что «указывает не столько применённая техника кладки *opus quadratum* на цемянковом растворе, сколько анализ метрологических данных», а именно использование при построении зда-

---

History making discovery found in the ancient Russian city, Derbent. 12.07.2019. Available from: <https://www.news.com.au/travel/destinations/europe/history-making-discovery-found-in-the-ancient-russian-city-derbent/news-story/b6a1d2920e12b3973a807ece5462cdad>. Дата обращения: 16.03.2021; Russian Nuclear Physicists Might Have Just Found One of the Oldest Churches in the World. 11.07.2019. Available from: <https://www.newsweek.com/nuclear-physics-reveal-worlds-oldest-church-1448671>. Дата обращения: 16.03.2021.

12 Международная конференция. «Загадка крестово-купольного сооружения в АК «Цитадель «Нарын-Кала». 19.11.2020. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=nDj6UqD_3hU Мин.: 52:11–1:12:00, 1:38:22–1:39:40. Дата обращения: 16.03.2021.

13 Геворкьян Д. Часовня Святого Григориса: памятник от истоков христианства. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20160305031916/http://www.sarinfo.org/sarnews/13-11-13.shtml>. Дата обращения: 14.03.2021.

ния византийского фута¹⁴. По предположению авторов доклада, «80-е гг. V – начало VI в. – это время, когда был построен крестообразный мавзолей, входивший в *церковный ансамбль* (выделено мной. – М.Г.) цитадели Нарын-Кала». Докладчик заключил, что мнение о мавзолее – «это наше предположение, гипотеза, которую мы хотим предложить на ваш суд». Но эта точка зрения также встречает серьезные возражения архитектурного и археологического порядка.

Следует заметить, что цементный раствор, кладка на котором якобы «фиксируется до уровня основания сводов и парусов», при строительстве этого здания не применялся – здесь использован водостойкий известковый раствор без добавки кирпичной или керамической крошки. Не ясно, как авторы доклада могли увидеть здесь цемент, не обследовав визуально само здание. Очевидно также, что если бы авторы немного изучили это сооружение, то ошибочно не заявили бы, что оно было открыто в результате раскопок А.А. Кудрявцева, что оно ориентировано по странам света, а «длинная ось направлена по линии запад-восток». Как отмечалось, здание не имеет строгой ориентации по странам света, а длинная ось имеет направление ССЗ-ЮЮВ. Если бы авторы внимательно осмотрели внутреннее пространство здания, его стены, кладку, то они увидели бы, что здесь не наблюдается закладки входов и окон, что кладка сводов и парусов имеет тот же характер, что и кладка стен, и не предположили бы, что якобы ранее существовавшие, но обрушившиеся цилиндрические своды, паруса и барабан со сферическим сводом были позднее (не ранее X–XI вв.) заменены на стрельчатые перекрытия рукавов креста, обновленные паруса и двухцентрический стрельчатый свод. Замечу, что предположения тоже должны иметь под собой основания, иначе они голословны, что и было продемонстрировано.

Добавлю, что обследовавшие здание в 1986 г. сотрудники института «Спецпроектреставрация» пришли к заключению, что здание «никогда не являлось надземным сооружением. Об этом предположении свидетельствует отсутствие видимых следов закладки первоначальных оконных и дверных проемов. Напротив, единственный входной проем, устроенный не в нижней, а в верхней части северной торцевой стены и предназначенный очевидно для разборки воды, являлся, видимо, первоначальным. Арочное завершение проема с фигурными консольными камнями в пятах арки не имеют следов позднейших переделок»¹⁵.

Что касается, строительства данного памятника византийским мастером с использованием византийских мер длины, то нужно заметить, что А.А. Кудрявцев справедливо отнес внутреннюю облицовку здания к позднесредневековому времени (см. выше). Такая кладка характерна для развитого и позднего

14 Международная конференция. «Загадка крестово-купольного сооружения в АК «Цитадель «Нарын-Кала». 19.11.2020. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=nDj6UqD_3hU. Мин.: 1:16:00-1:29:50. Дата обращения: 16.03.2021; Публикацию доклада см. в газете «Дербентские новости» от 19.11.2020: Виктор Мыц рассказал о гипотезе, согласно которой крестообразный древний объект на территории крепости Нарын-Кала был построен, как мавзолей. Режим доступа: <http://derbent-news.ru/news/media/2020/11/19/viktor-myits-rasskazal-o-gipoteze-soglasno-kotoroj-krestoobraznyj-drevnij-obekt-na-territorii/>. Дата обращения: 16.03.2021.

15 Памятник архитектуры X–XI вв. Подземное водохранилище (ДАССР, г. Дербент, крепость Нарын-кала). Предварительные работы: Предварительные исследования. Т. 1. Кн. 2. Шифр 235-4. М., 1986. // Министерство культуры РСФСР. Объединение «Росреставрация». Проектный институт по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация». Научный архив. Инв. № 5416. С. 16.

средневековья (ср., напр., прямоугольное водохранилище в северо-восточной части цитадели Нарын-кала), а монументальные сооружения Дербента позднесасанидского и раннеарабского времени (оборонительные стены и башни, городские ворота, водохранилища, Джума-мечеть) сложены из крупных плит. Применять расчеты и определять меры длины, которые были использованы при строительстве – византийские или сасанидские (см. также реплику А.А. Казаряна по этому поводу) – некорректно и по той причине, что авторы доклада опираются на опубликованные приблизительные обмеры внутреннего пространства здания. Византийские архитекторы, мастера, может быть, и участвовали в строительстве оборонительных укреплений сер. VI в. (о времени сооружения сасанидской каменной фортификации Дербента см.: [17, с. 77-94]), других сооружений Дербента позднесасанидского времени, но мы имеем только иранские имена возможных архитекторов Дербентского оборонительного комплекса, зафиксированные в среднеперсидских строительно-мемориальных надписях на его стенах – Адургушнасп, Мошиг, Рашну [18, с. 62-72, 85, 86, 94, 95]. Характерная сасанидская кладка укреплений Дербента находит аналоги на ряде памятников, связанных не только с сасанидским Ираном (Тахт-и Сулейман, Девичья башня в Баку), но и с поздним Римом и ранней Византией (башня Зенона в Херсонесе, Porta Appia / Porta San Sebastiano в Риме, стена Юстиниана в Пальмире) (см., напр.: [19, р. 581-589]). Еще В.Г. Луконин обращал внимание на то, что в числе архитекторов и строителей в позднесасанидском Иране было немало выходцев из Византии [20, с. 188-189]. Ну и вновь напомним о выявленных участках наружных фасадов южной и западной ветвей подземного сооружения, характер которых исключает его наземный характер (см. выше).

В.Л. Мыц также заявил, что «следует ожидать открытие рядом ... более значительного по размерам храма ... скорее всего, базилики», что «при проведении дальнейшего археологического исследования мартирия в цитадели крепости Нарын-Кала рядом с этим уникальным памятником будет обнаружен ещё более внушительный по размерам храм». К сожалению, авторы доклада не обладают знанием археологических особенностей, стратиграфии, материалов раскопок в Дербенте и цитадели Нарын-кала, и потому делают такие необоснованные прогнозные заявления. Незнание докладчика, обратившего внимание на неизученность объекта, проявилось и в сожалении об «отсутствии данных по стратиграфии строительных периодов в сочетании с комплексом артефактов (монет, керамики, надписей и пр.), имеющих ясную хронологию; поэтому время возведения и основных перестроек памятника, существовавшего на протяжении около 1500 лет, на современном этапе его изучения может [носить] только относительный и предположительный характер». Как отмечалось выше, это сооружение не было открыто в ходе раскопок и, естественно, не может идти речь ни о стратиграфии памятника, ни о находках каких-либо археологических артефактов и хронологических реперов. А вот с мнением В.Л. Мыца, что изучение объекта на современном этапе носит «только относительный и предположительный характер», о чем давно заявлял и я, следует согласиться, и не делать на основе предположений скороспелых выводов и заключений.

Краткий доклад Д.Л. Шишкова, руководителя геофизической группы Geog.ru, был посвящен георадарному изучению объекта¹⁶. В самом докладе не получили отражение проведенные работы в том объеме, в каком они представлены были участникам в подготовленном небольшом «Техническом отчете»¹⁷. Исследования проводились по заказу администрации Дербента в августе 2020 г. и, судя по отчету, с заданной целью – найти доказательства для интерпретации памятника, как раннехристианского храма. Сразу отмечу, что методика и ход работ, полученные результаты не обсуждались и не апробировались в экспертной научной среде, например, в Отделе теории и методики Института археологии РАН (зав. отделом: д.и.н., профессор РАН Д.С. Коробов).

В итоге проведенных георадарных работ, в частности, были выявлены аномалии, предположительно трактуемые, как «входная группа (высотой 2,2 м, шириной 2,4 м)», т.е. вход в храм, и как «теплые полы», «очень похожие на полые керамические трубы, используемые для отопления дымом в холодное время». Представленные в отчете интерпретации – далеко идущие и малообоснованные¹⁸. В отчете приведены аномалии только на слабочитаемых скриншотах вертикальных радиолокационных профилей и предлагается «на веру» их интерпретация, отсутствует полное описание исследовательских процедур. Например, в отчете не представлены параметры «теплых полов» – их направление, частота и расстояния расположения, глубина залегания, примерный диаметр «полых труб», количество «трубопроводов» и т.д.; автор указал на аналогии подобным полам на «хазарских памятниках» (имелось в виду городище Самосделка!), хотя ничего подобного на хазарских городищах и поселениях нет.

Об уровне сделанных интерпретаций свидетельствует и факт обнаружения при фотограмметрии интерьера подземного сооружения «симметрично расположенных ниш, которые могли использоваться как точки крепления подвешенной церковной утвари». Однако эти «точки крепления церковной утвари» видны внутри здания невооруженным глазом и являются ничем иным, как пазами для установки парных перекрестных подкупольных силовых балок. Тем не менее, по заключению руководителя работ, «в результате применения методов дистанционного зондирования нами получена новая аргументация в пользу того, что крестово-купольное сооружение в цитадели Нарын-Кала строилось как христианский храм»¹⁹. В итоге, какая ставилась задача, такой был получен и результат.

16 Международная конференция. «Загадка крестово-купольного сооружения в АК «Цитадель «Нарын-Кала». 19.10.2020. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=nDj6UqD_3hU. Мин.: 1:30:10–1:38:00. Дата обращения: 16.03.2021.

17 Технический отчет по инженерно-геофизическим исследованиям в Дербенте (крестовокупольное сооружение в цитадели Нарын-Кала и Храм Георгия Победоносца на площади Свободы). Специалисты: Д.Л. Шишков, Ю.С. Кацубинский, А.А. Ключко; А.М. Лазарев, В.Д. Шишков - геофизическая группа Geog.ru. Исполнитель: ИП Шишков Д.Л. М., 2020 (рукопись). – 46 с.

18 Автор благодарит одного из ведущих в мире специалистов по геофизическим исследованиям, доктора геофизики, профессора Института археологии Варшавского университета Кшиштофа Мисиевича за предоставленные консультации по данному отчету.

19 Технический отчет по инженерно-геофизическим исследованиям в Дербенте (крестовокупольное сооружение в цитадели Нарын-Кала и Храм Георгия Победоносца на площади Свободы). С. 27-28, 44.

В связи с обнаружением «теплых полов» В.Л. Мыц в реплике на выступление Д.Л. Шишкова предложил версию, по которой выявленные аномалии (полости) под полом представляют, скорее всего, захоронения мученика, и может быть там погребен, в том числе, либо патриарх, либо царь (имеется в виду царь Албании Вачаган III)²⁰. Его соавтор Н.Ф. Соловьева также почти уверена, что это склепы. Однако, судя по скриншоту георадарного профиля, внутреннее пространство здания буквально напичкано этими «склепами». Полагаю, что отличить по георадарным данным, хотя бы по размерам, керамические трубопроводы с узким диаметром труб от склепов-цист, представляющих значительно более крупные конструкции, не составляет труда.

Интерпретируя выявленные аномалии, Д.Л. Шишков проявляет незнание особенностей раннехристианской архитектуры. Столь широкие входные проемы (2,2x2,4 м) в здание церкви и теплые калориферные полы (система гипокауста) не использовались в раннехристианской архитектуре. С таким же успехом на основании этих выявленных «теплых полов» это здание можно интерпретировать как баню с гипокаустом. Тем более, что последние характерны для средневековых бань мусульманского Востока, которые, как правило, заглублялись в грунт (для сохранения тепла), имели центральный крестообразный зал (с четырьмя стрельчато-арочными отсеками-помещениями по четырем сторонам) с купольным перекрытием с окулюсом и подпольную калориферную систему отопления из каменных плит и кирпичной кладки. Такие бани существовали (и до сих пор существуют) в Дербенте, в том числе рядом с рассматриваемым подземным сооружением в цитадели Нарын-кала – баня Хан-хамам, датированная концом XVI – началом XVII в. [21, р. 415-421; 22, с. 82-82]. Обращает внимание также то, что при георадарном зондировании пола не были выявлены фундаментные остатки алтарной перегородки (темплон) и апсиды в восточном отсеке сооружения, которые присутствуют уже в раннехристианских церквях IV–V вв. и что следовало бы ожидать, если бы это здание являлось церковью.

В заключении отмечу, что присутствовавший на конференции Почетный специальный советник Генерального директора ЮНЕСКО, Генеральный директор Международного центра по изучению вопросов сохранения и реставрации культурных ценностей, доктор археологии Мунир Бушенаки в своем выступлении специально заявил: «Мы не можем делать окончательные выводы, пока все эти исследования не приведены в общий порядок... Но сейчас мы уже можем сказать более-менее уверенно, что это не была церковь...»²¹. А ответственный секретарь Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО Г.Э. Орджоникидзе, ведший прошедшую конференцию, заключил, что «это раннехристианское сооружение, против этого никто не возражает»²². Как и следовало ожидать, итогом

20 Международная конференция. «Загадка крестово-купольного сооружения в АК «Цитадель «Нарын-Кала». 19.10.2020. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=nDj6UqD_3hU. Мин.: 1:40:10–1:41:26. Дата обращения: 16.03.2021.

21 Там же. Мин.: 1:48:12–1:58:04.

22 Там же. Мин.: 1:47:50–1:48:07.

конференции явилось принятие заблаговременно подготовленной резолюции, в которой содержался призыв к Министерству культуры РФ рассмотреть вопрос о внесении изменений в учетную запись в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, т.е. о переименовании данного объекта федерального значения в раннехристианский «Крестообразный храм в цитадели».

Проведенный обзор, таким образом, демонстрирует существующие различные точки зрения на интерпретацию данного подземного сооружения (поздне-средневековое водохранилище, раннехристианская церковь, мартирий, зороастрийский храм). Как видно, на настоящем этапе изучения трактовать это строение как церковь (или иное культовое сооружение) можно лишь с минимальной долей вероятности, с опорой на данные письменных источников о Дербенте как христианском и зороастрийском центре V–VI вв. и принимая во внимание его необычную для подземных водохранилищ крестообразную планировку. Но при интерпретации рассматриваемого здания, как церкви, сознательно использовались несовместимые с научной этикой, вводящие в заблуждение ложные доводы, манипулирование и искажение фактов, подлог (якобы строгая ориентация здания по странам света, доказанность в ходе раскопок его наземного характера, сохранившаяся раннесредневековая северная торцевая стена сооружения, мнимая находка при раскопках фрагмента креста и пр. – см. выше). При этом данное «церковное» предположение навязывалось и навязывается как научно доказанный факт, и, тем самым, его сторонники, как гласит народная мудрость, ставят телегу впереди лошади.

Вновь обращу внимание на то, что имеются существенные, весомые доводы, о которых говорилось выше и которые противоречат заключению, что это здание было некогда наземным, что оно является раннесредневековым, что оно было культовым. И не учитывать эти аргументы при интерпретации данного сооружения нельзя. Отсюда вытекает необходимость продолжения комплексных (архитектурных, археологических, магнитометрических и др.) изысканий на данном объекте, о чем, кстати, неоднократно говорилось на конференции. При этом нельзя проводить масштабные раскопки этого сооружения, которые могут привести к существенному изменению сложившегося исторического ландшафта цитадели, к деформации здания и которые могут сопровождаться выявлением ценных архитектурно-археологических сооружений, примыкающих к подземному зданию. А таковые уже открыты на вскрывавшемся в 2013 г. участке, и, согласно существующему «Положению о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации» (пункт 4.20), должны быть приняты меры к их сохранению и консервации, но это до сих пор не произведено – выявленные остатки уже рассыпаются. На недопустимость раскопок обратил внимание в своем интервью в Дербенте чл.-корр. РАН Л.А. Беляев, заметив, что и ЮНЕСКО, и любая организация охраны

памятников, конвенция об охране памятников требуют «не копать те памятники, которым нет угрозы на сегодняшний день»²³.

Вместе с тем, давно существующая в научной среде дискуссионная ситуация вокруг данного памятника не только вызвала в последнее десятилетие всплеск общественного интереса к нему, но и продемонстрировала недопустимое навязывание обществу, в том числе далекими от археологии и архитектуры государственными служащими, своей точки зрения по, казалось бы, сугубо научному вопросу. Фактически мы наблюдаем манипулирование общественным сознанием, чувствами людей, историческими фактами в угоду личным нездоровым амбициям и ложно-патриотическим установкам.

Сложившаяся ситуация ярко демонстрирует социальную и профессиональную ответственность ученого, который в своих исследованиях должен быть приверженным фактам, крайне тщательным в формулировках и деталях, проявлять научную этику и нравственность, строгость и объективность в своих предположениях и выводах. Это базовые принципы научной деятельности. Как отмечал академик РАН А.А. Гусейнов, «этическое саморегулирование научных исследований свидетельствует о социальной и нравственной ответственности ученых и имеет важное значение для поддержания морального авторитета науки в обществе» [23, с. 114]. При этом у ученого, как носителя и генератора научного знания, должна быть интеллектуальная свобода критически изучать объект исследования, анализировать суждения коллег по проблеме и высказывать свою аргументированную точку зрения, оставаясь верным высоким стандартам научного исследования, несмотря на конфликт его мнения с навязанной социуму искаженной, необоснованной точкой зрения. «Для ученого ценность истины выше всех других ценностей» [23, с. 104]. Отсюда исходит важное условие деятельности ученого – право на открытую научную дискуссию, толерантность к его аргументированному мнению, особенно со стороны общественных и государственных органов.

В завершение отмечу, что вне зависимости от будущих итогов исследования монументального подземного крестообразного сооружения в цитадели Нарын-кала, исторический факт о роли Дербента, как христианского центра в V-VIII вв., в котором располагалась патриаршая резиденция, кафедральный храм (о чем есть надежные свидетельства письменных источников: [24, II,4, III,16; 25, с. 48-49]), останется фактом.

Постскриптум. В ходе проведения упомянутой достопамятной конференции в цитадели Нарын-кала рядом с крестообразным подземным сооружением была торжественно установлена звонница.

---

23 Хизри Абакаров совместно с комиссией из ученых осмотрели крестово-купольное сооружение на крепости. 04.03.2020. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=J1DdGRTUkbo> – мин.: 3.33-4.36. Дата обращения: 12.03.2021; В Дербенте осмотрели крестово-купольное сооружение на территории цитадели «Нарын-Кала». 03.03.2020. Режим доступа: https://riadagestan.ru/news/g_derbent/v_derbente_osmotreli_krestovo_kupolnoe_sooruzhenie_na_territorii_tsitadeli_naryn_kala/. Дата обращения: 12.03.2021.

a

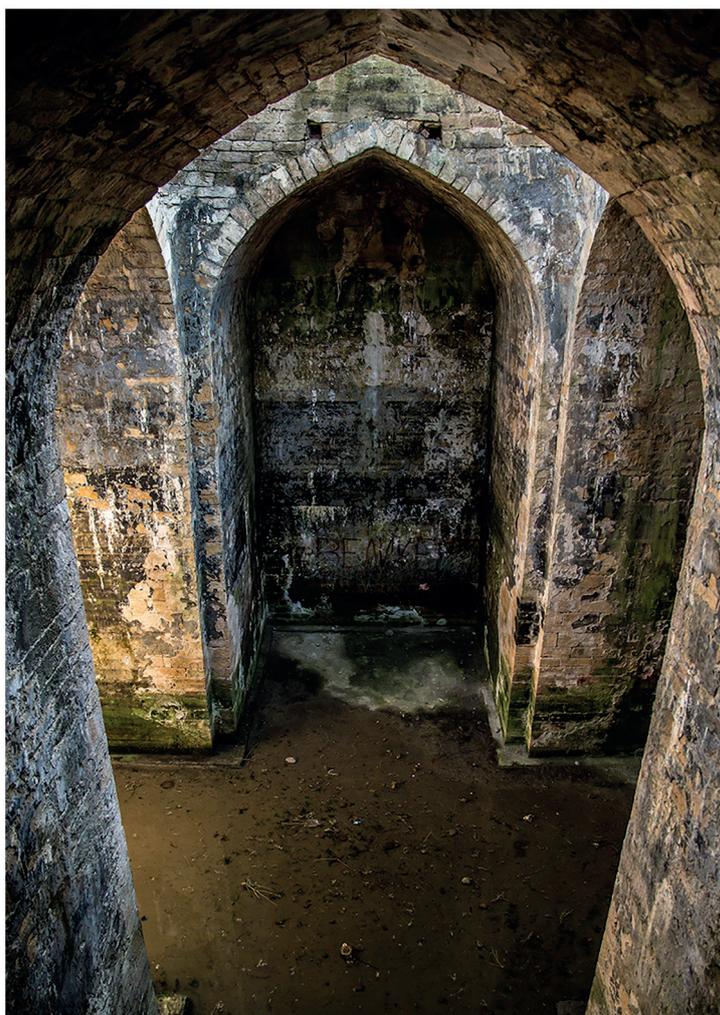
б

Рис. 1. Дербент. Цитадель Нарын-кала. Подземное крестообразное сооружение: а – местоположение памятника (указано стрелкой), б – вид сверху с ССЗ

Fig. 1. Derbent. Citadel of Naryn-Kala. An underground cruciform structure: a – the location of the site (indicated by the arrow), b – top view from NNW

а

б

Рис. 2. Дербент. Цитадель Нарын-кала. Подземное крестообразное сооружение. Интерьер. Вид с ССЗ из проема для набора воды

Fig. 2. Derbent. Citadel of Naryn-Kala. An underground cruciform structure. Interior. View from NNW from the water intake opening

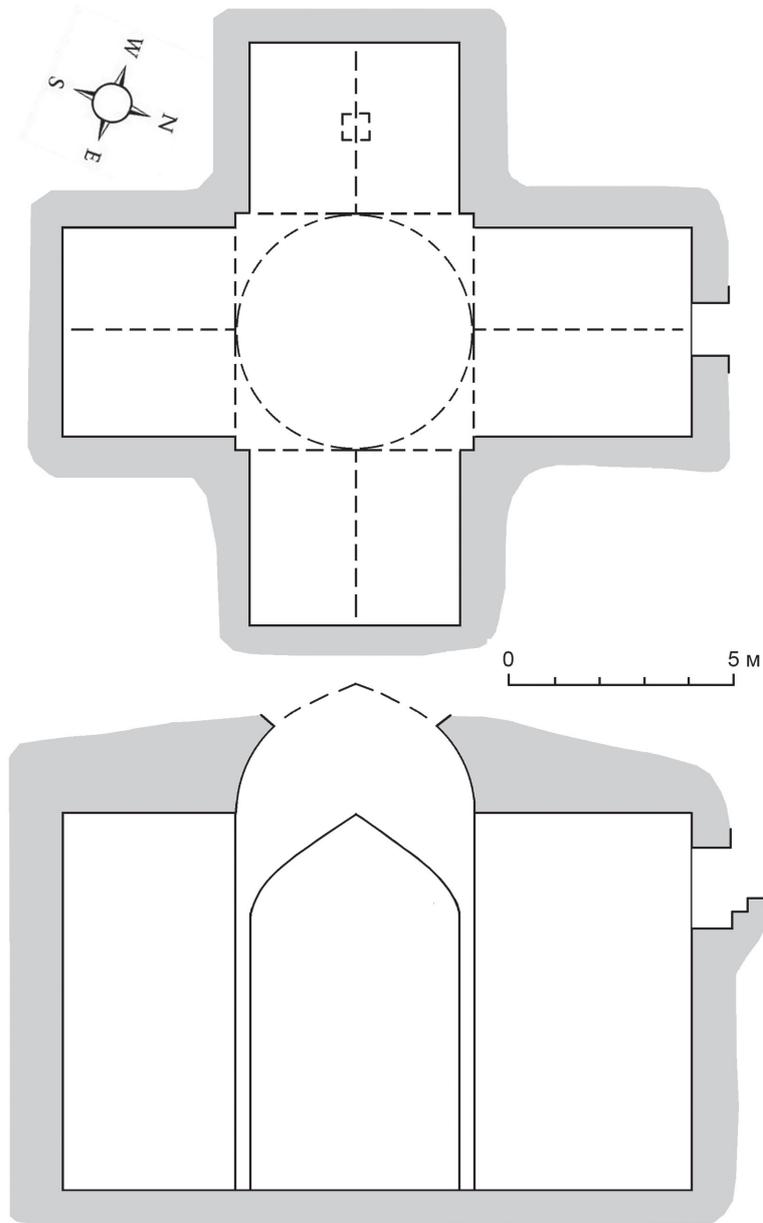

Рис. 3. Дербент. Цитадель Нарын-кала. Подземное крестообразное сооружение. План и продольный разрез. Не исключено, что купол здания был полуциркульным и с окулусом

Fig. 3. Derbent. Citadel of Naryn-Kala. An underground cruciform structure. Plan and longitudinal section. The dome of the building was likely semicircular, with an oculus

а

б

Рис. 4. Дербент. Цитадель Нарын-кала. Подземное крестообразное сооружение. Пром для подъема воды в северном крыле здания: а – вид с ЮВ, б – вид с ССЗ

Fig. 4. Derbent. Citadel of Naryn-Kala. An underground cruciform structure. Opening for water in the northern wing of the building: a – view from the SE, b – view from the NNW

Рис. 5. Планы Нарын-кала – фрагменты планов Дербента: а – план 1810 г. (РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 1976), б – план 1811 г. (РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 1982)

Fig. 5. Plans of Naryn-Kala – fragments of plans of Derbent: a – plan of 1810 (RGVIA. Collection 349. Inv. 12. File 1976), b – plan of 1811 (RGVIA. Collection 349. Inv. 12. File 1982)

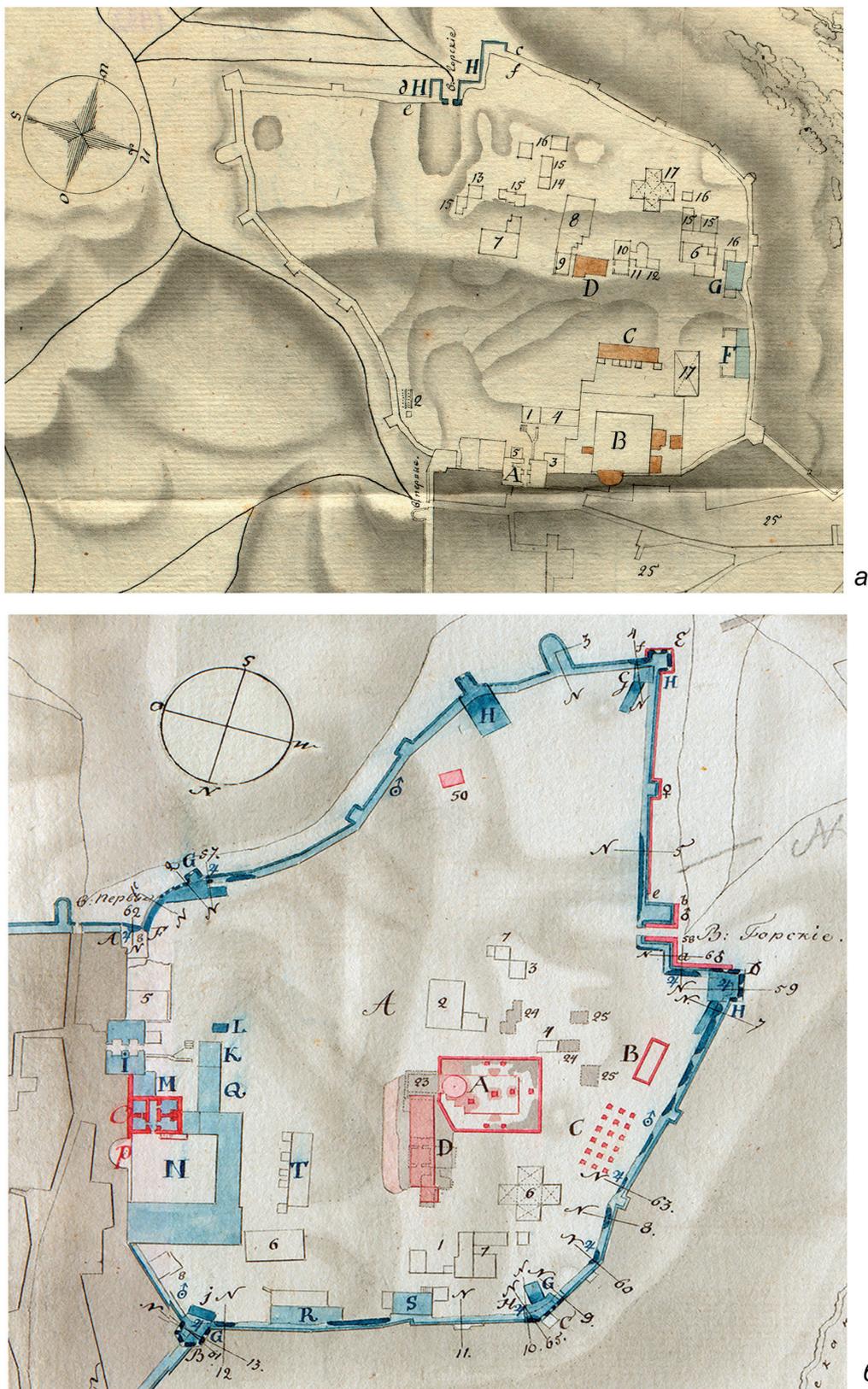
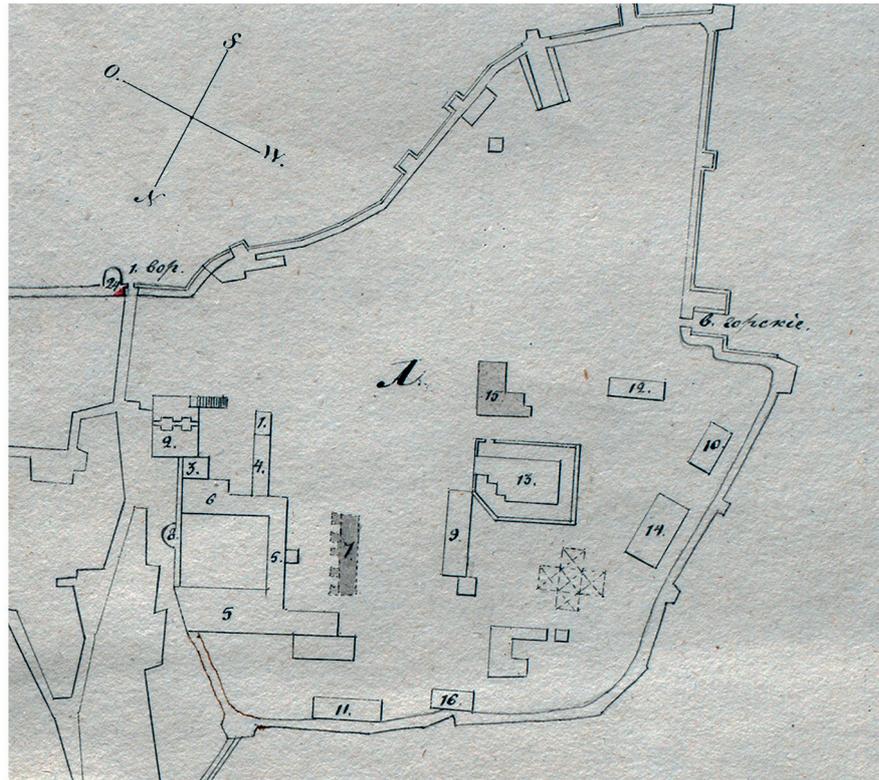
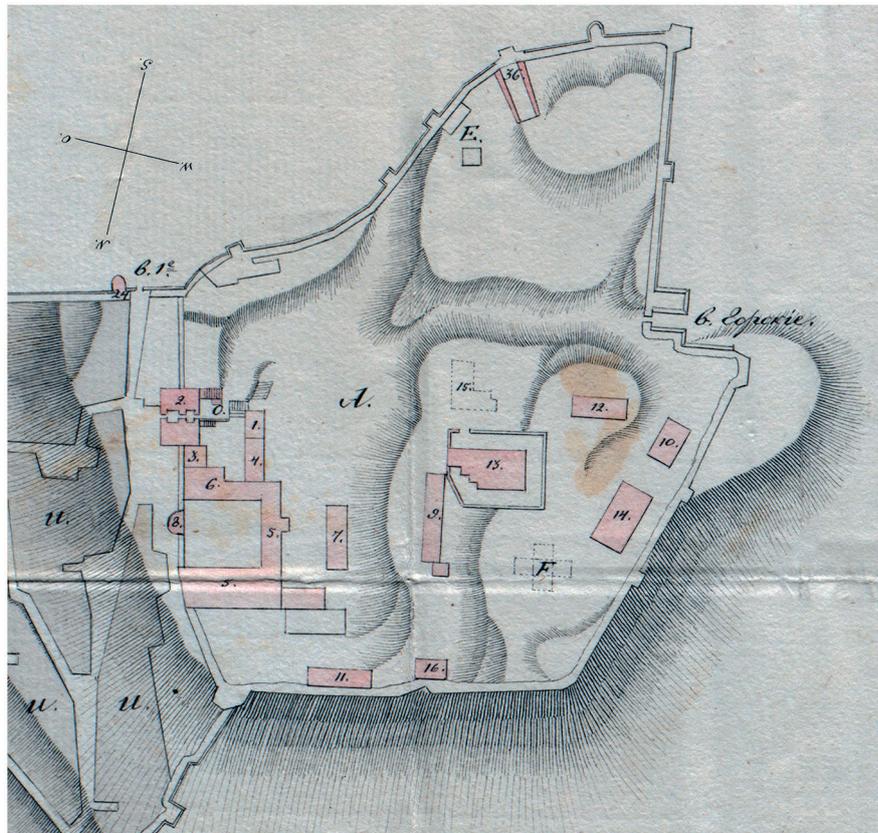

Рис. 6. Планы Нарын-кала – фрагменты планов Дербента: а – план 1812 г. (РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 1992), б – план 1814 г. (РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 2002)

Fig. 6. Plans of Naryn-Kala – fragments of plans of Derbent: a – plan of 1812 (RGVIA. Collection 349. Inv. 12. File 1992), b – plan of 1814 (RGVIA. Collection 349. Inv. 12. File 2002)

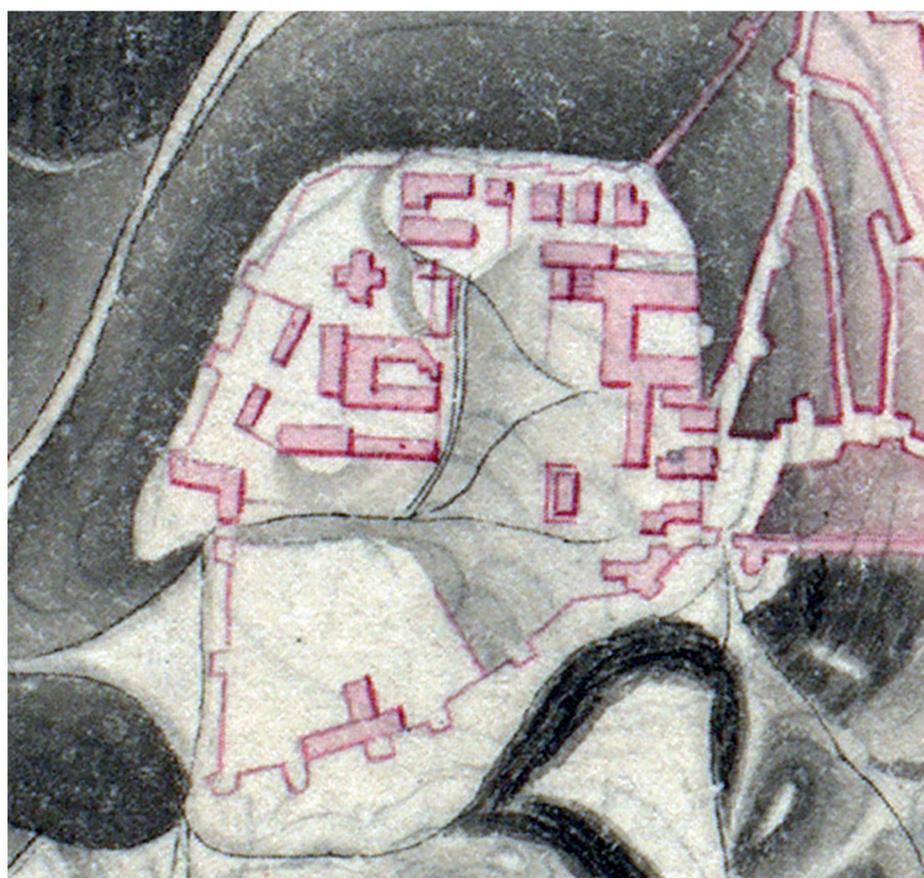
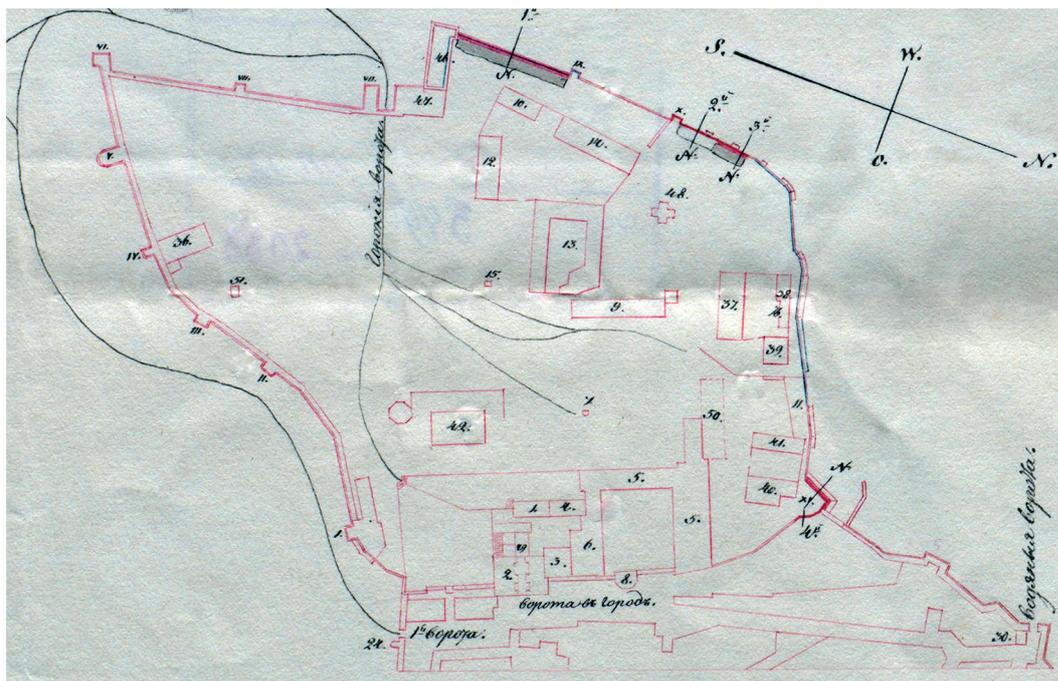
a

б

Рис. 7. Планы Нарын-кала – фрагменты планов Дербента: а – план 1823 г. (РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 2039), б – план 1824 г. (РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 2043)

Fig. 7. Plans of Naryn-Kala – fragments of plans of Derbent: a – plan of 1823 (RGVIA. Collection 349. Inv. 12. File 2039), b – plan of 1824 (RGVIA. Collection 349. Inv. 12. File 2043)

б

Рис. 8. Планы Нарын-кала – фрагменты планов Дербента: а – план 1834 г. (РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 2083), б – план 1845 г. (РГВИА. Ф. 349. Оп. 12.5 Д. 2124)

Fig. 8. Plans of Naryn-Kala – fragments of plans of Derbent: a – plan of 1834 (RGVIA. Collection 349. Inv. 12. File 2083), b – plan of 1845 (RGVIA. Collection 349. Inv. 12.5. File 2124)

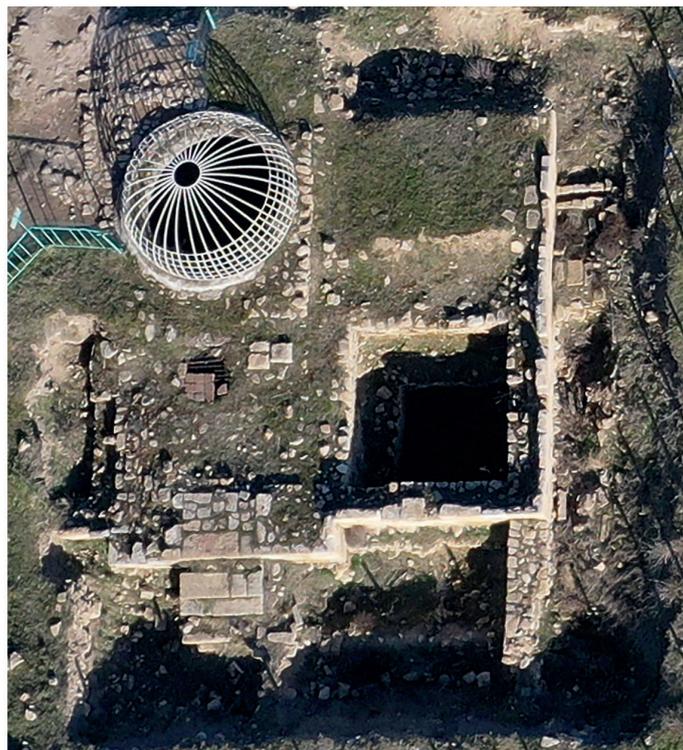
Рис. 9. Дербент. Цитадель Нарын-кала. Подземное крестообразное сооружение. Северная стена северного крыла. Вид с ЮЮВ

Fig. 9. Derbent. Citadel of Naryn-Kala. An underground cruciform structure. North wall of the north wing. View from the SSE

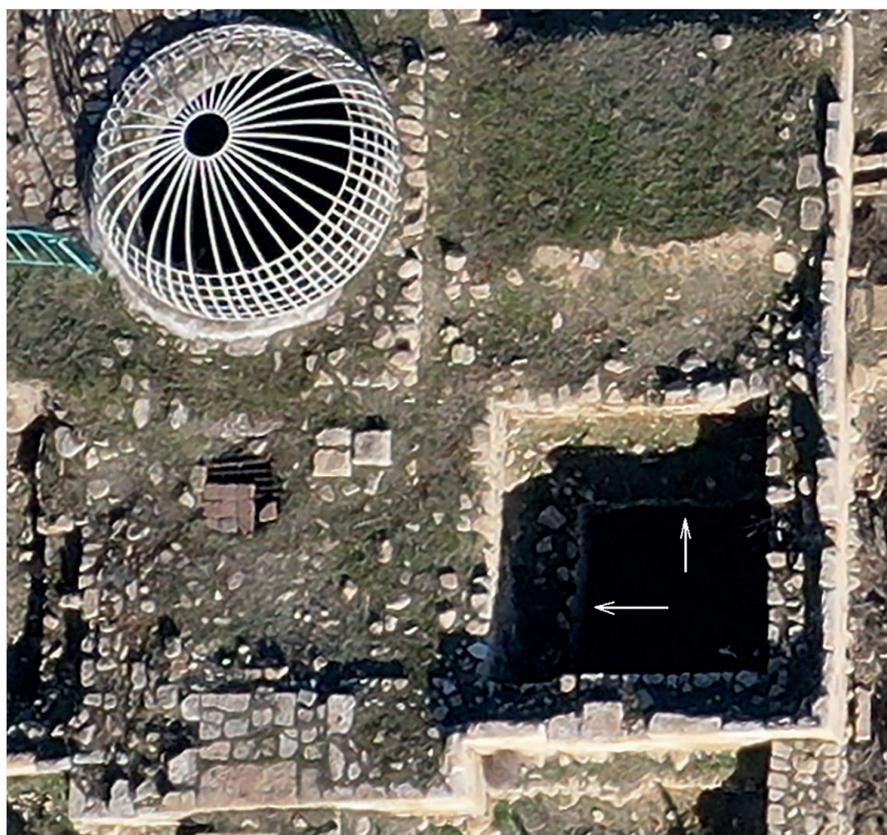

Рис. 10. Дербент. Цитадель Нарын-кала. Вид с ЮЮЗ на раскоп на месте расположения подземного крестообразного сооружения. Справа – установленная в ноябре 2020 г. звонница

Fig. 10. Derbent. Citadel of Naryn-Kala. View from SSW to the excavation site at the location of the underground cruciform structure. On the right is the belfry discovered in November 2020

а

б

Рис. 11. Дербент. Цитадель Нарын-кала. Вид с ЮЗЗ сверху на раскоп 2013 г. в месте расположения подземного крестообразного сооружения: а – общий вид, б – часть раскопа, где выявлены наружные фасы подземного здания (указаны стрелкой)

Fig. 11. Derbent. Citadel of Naryn-Kala. View from SWW from above to the excavation site in 2013 at the location of the underground cruciform structure: a – general view, b – part of the excavation, where the outer faces of the underground building were revealed (indicated by the arrow)

a

б

Рис. 12. Дербент. Цитадель Нарын-кала. Раскоп 2013 г. Помещение, примыкающее к южному и западному крыльям подземного крестообразного здания. Вид с ЮЗЗ. На нижнем уровне – наружный фас южного крыла подземного здания, вскрытый на высоту ок. 2,3 м

Fig. 12. Derbent. Citadel of Naryn-Kala. Excavation site of 2013. A room adjacent to the southern and western wings of the underground cruciform building. View from the SWW. On the lower level – the outer facade of the southern wing of the underground building, uncovered to a height of approx. 2.3 m

а

б

Рис. 13. Дербент. Цитадель Нарын-кала. Раскоп 2013 г. Помещение, примыкающее к южному и западному крыльям подземного крестообразного здания. Вид с ЮЮВ. На нижнем уровне – наружный фас западного крыла подземного здания, вскрытый на высоту ок. 2,3 м

Fig. 13. Derbent. Citadel of Naryn-Kala. Excavation site of 2013. A room adjacent to the southern and western wings of the underground cruciform building. View from SE. On the lower level – the outer face of the western wing of the underground building, uncovered to a height of approx. 2.3 m

Рис. 14. Дербент. Цитадель Нарын-кала. Раскоп 2013 г. Наружные фасы южного (а – вид с ЮЗЗ) и западного (б – вид с ЮВВ) крыльям подземного крестообразного здания, вскрытые на высоту ок. 2,3 м

Fig. 14. Derbent. Citadel of Naryn-Kala. Excavation site of 2013. The outer faces of the southern (a – view from the SWW) and western (b – view from the SEE) wings of the underground cruciform building, uncovered to a height of approx. 2.3 m

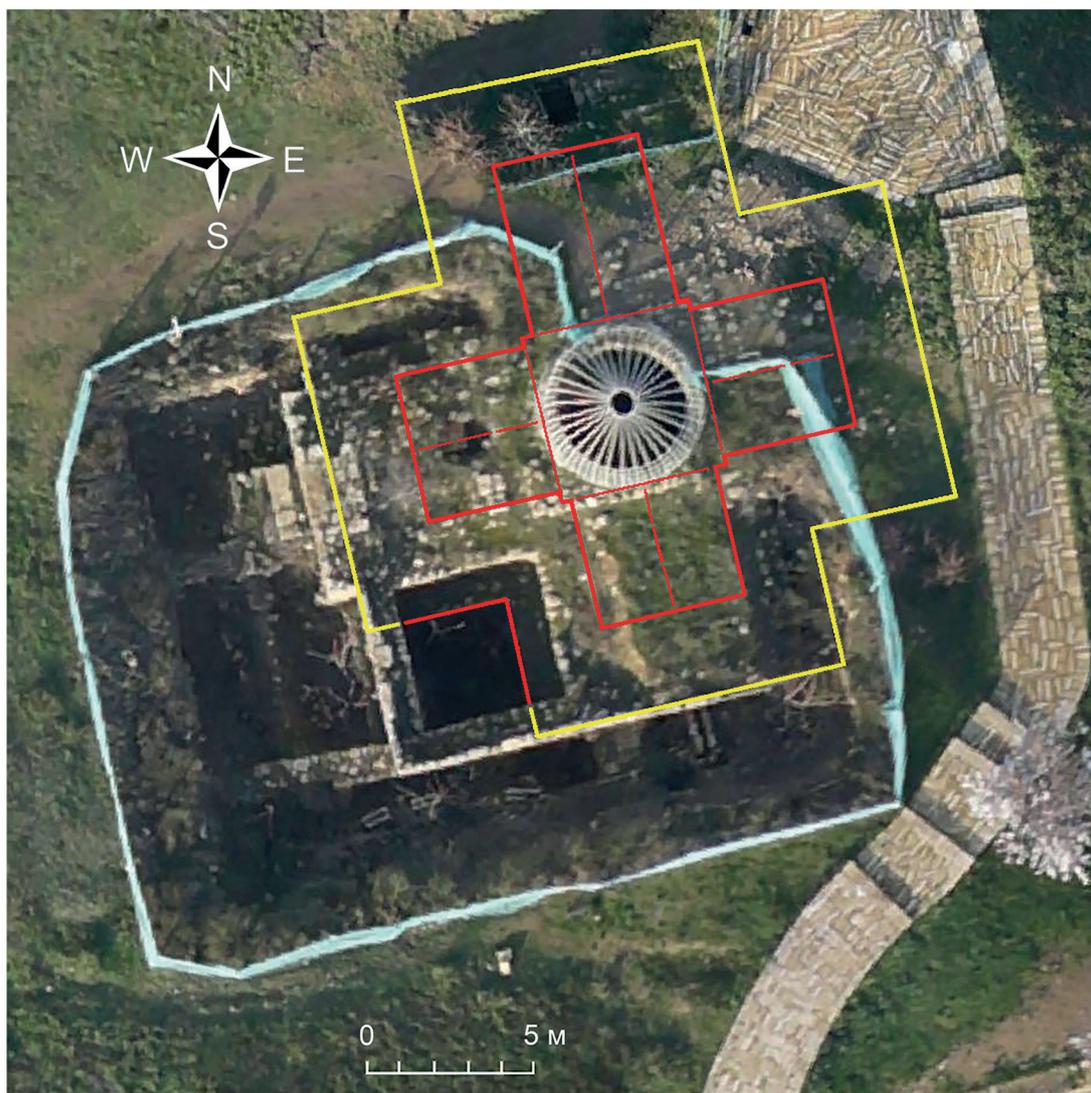

Рис. 15. Дербент. Цитадель Нарын-кала.
 Подземное крестообразное сооружение и раскоп 2013 г.
 Красным маркером показан видимый контур здания,
 желтым маркером – реконструируемый наружный контур

Fig. 15. Derbent. Citadel of Naryn-Kala.
 An underground cruciform structure and excavation site of 2013.
 Red marker indicates the visible outline of the building, yellow marker – the reconstructed outer outline

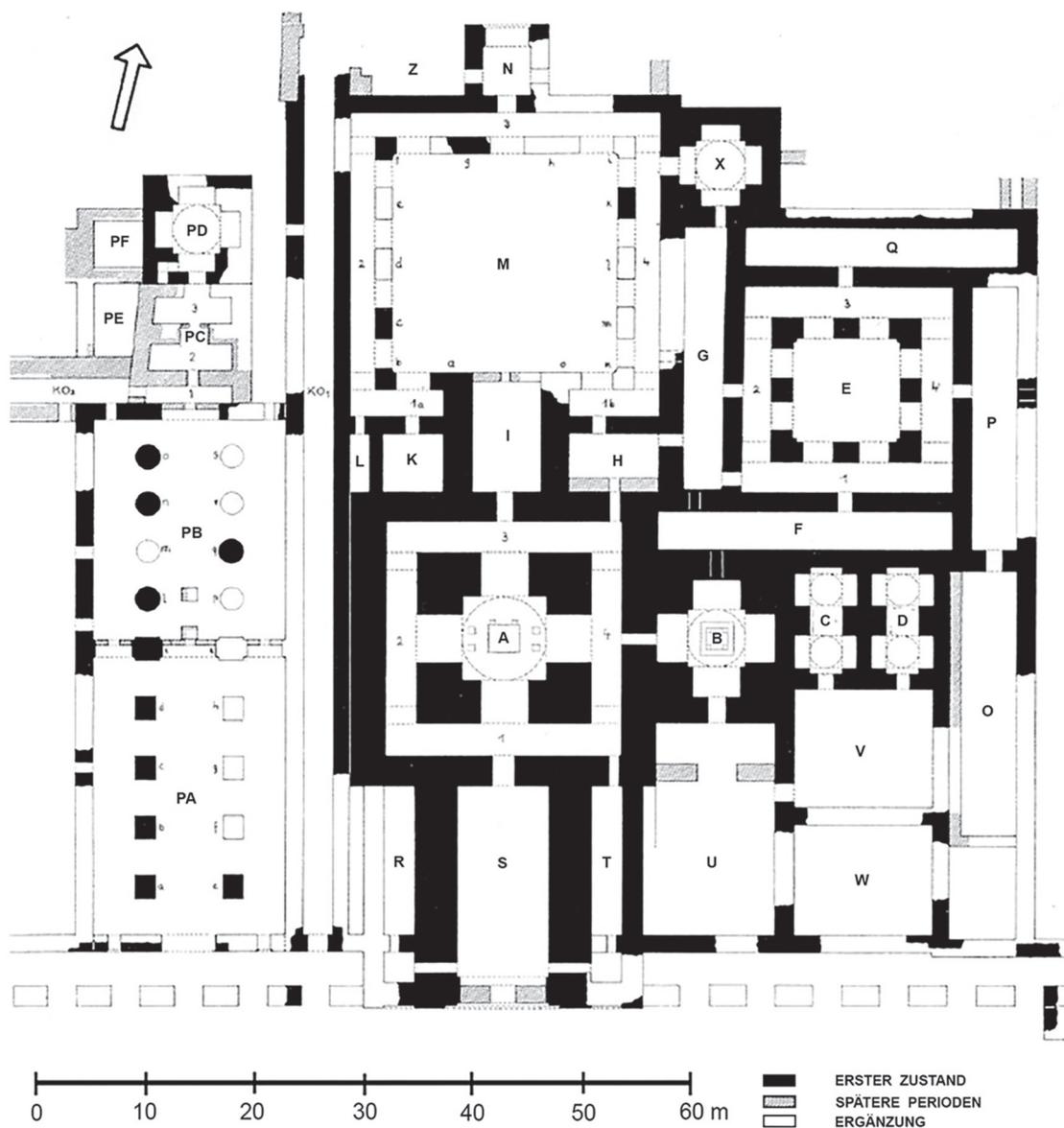

Рис. 16. Тахт-и Сулейман. Центральная часть храмового комплекса с храмами Анахиты и огня Адур-Гушнасп. По: Naumann R., Huff D., Schnyder R. 1975

Fig. 16. Takht-i Suleiman. The central part of the temple complex with the temples of Anahita and the fire Adur-Gushnasp. According to: Naumann R., Huff D., Schnyder R. 1975

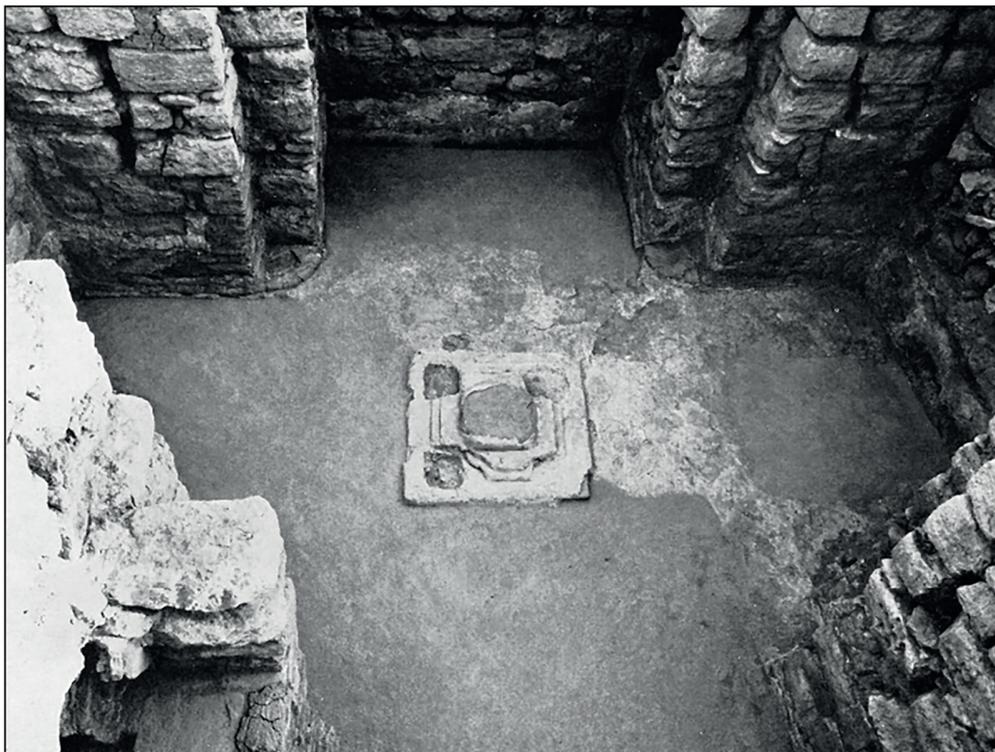

Рис. 17. Тахт-и Сулейман. Центральная часть храмового комплекса. Помещение В. Крестообразный храм огня с остатками алтаря огня. По: Naumann R., Huff D., Schnyder R. 1975

Fig. 17. Takht-i Suleiman. The central part of the temple complex. Room B. Cruciform temple of fire with the remains of the altar of fire. According to: Naumann R., Huff D., Schnyder R. 1975

Рис. 18. Дербент. Цитадель Нарын-кала. Информационный щит рядом с подземным крестообразным сооружение, август 2010 г.

Fig. 18. Derbent. Citadel of Naryn-Kala. Information board next to the underground cruciform structure, August 2010

Рис. 19. Глава Республики Дагестан Р.Г. Абдулатипов преподносит фотографию подземного крестообразного здания, расположенного в цитадели Дербента патриарху Кириллу, 21 февраля 2014 г.
По: Абдулатипов Р.Г., 2015

Fig. 19. Head of the Republic of Dagestan R.G. Abdulatipov presents a photograph of an underground cruciform building located in the citadel of Derbent to Patriarch Kirill, February 21, 2014.
According to: Abdulatipov R.G. 2015

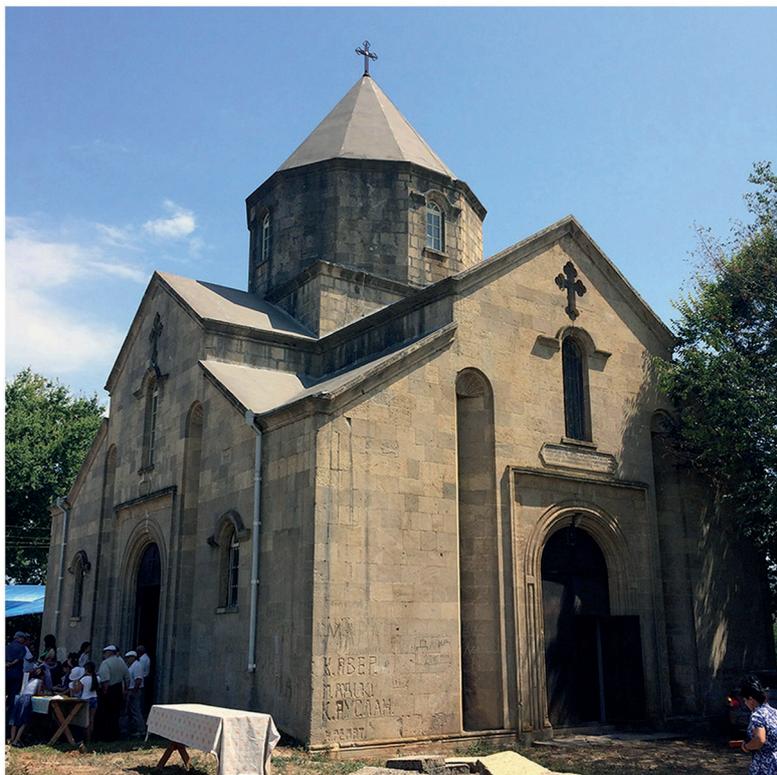

Рис. 20. Церковь св. Григориса, 1916 г. Сел. Ньюджи, Дербентский район Республики Дагестан

Fig. 20. Church of St. Grigoris, 1916. Village of Nyugdi, Derbent region of the Republic of Dagestan

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Хан-Магомедов С.О. Дербент. М.: Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1958. – 124 с.

2. Хан-Магомедов С.О. Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М.: Искусство, 1979. – 286 с.

3. Кудрявцев А.А. Город, не подвластный векам. Махачкала: дагестанское книжное издательство, 1976. – 144 с.

4. Кудрявцев А.А. О христианстве в Дербенте // X Крупновские чтения по археологии Сев. Кавказа. Тезисы докладов. М., 1980. С. 50.

5. Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982. – 176 с.

6. Кудрявцев А.А. Раннехристианская архитектура сасанидского Дербента (V-VI вв.) // Архитектура. Искусство. Археология: проблемы изучения и сохранения культурного наследия. Материалы I Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2008. С. 74-77.

7. Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А. Дербент в истории раннего христианства на Северо-Восточном и Восточном Кавказе // 1700-летие принятия христианства в Дербенте как государственной религии Кавказской Албании: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Дербент, 14-15 ноября 2013 г.). Махачкала, 2013. С. 19-29.

8. Кудрявцев А.А. Раннехристианские памятники Дербента V– начала VIII вв. // Актуальные вопросы истории христианства на Северном Кавказе. Материалы V Международных Свято-Игнатиевских чтений. Ставрополь, 2013. С. 21-35.

9. Кудрявцев А.А. Раннехристианская архитектура сасанидского Дербента (V-VII вв.) // Известия Ростовского государственного строительного университета. № 19. 2015. С. 157-160.

10. Курбанов Г.М. Зороастризм в средневековом Дагестане. Махачкала: Дагестанский государственный университет, 1998. – 180 с.

11. Huff D. Čahārtāq. i. In Pre-Islamic Iran. *Encyclopædia Iranica*. Vol. IV. Fasc. 6: 634-642.

12. Boucharlat R. Fire Altars and Fire Temples in the First Millennia BC/AD in the Iranian World. *Proceedings of the 8th International*

1. Khan-Magomedov SO. *Derbent [Derbent]*. Moscow: State publishing house of literature on construction, architecture and building materials, 1958. (In Russ)

2. Khan-Magomedov SO. *Derbent. Mountain wall. Auls of Tabasaran [Derbent. Gornaya stena. Auly Tabasarana]*. Moscow: Iskusstvo, 1979. (In Russ)

3. Kudryavtsev AA. *A city that has not been subject to time [Gorod, ne podvlastnyy vekam]*. Makhachkala: Dagknigpub, 1976. (In Russ)

4. Kudryavtsev AA. On Christianity in Derbent. [O khristianstve v Derbente. X Krupnovskie chteniya po arkhologii Sev. Kavkaza. Tezisy dokladov] *X Krupnovsky readings on archeology of the North Caucasus. Abstracts of reports*. Moscow, 1980:50. (In Russ)

5. Kudryavtsev AA. *Ancient Derbent [Drevniy Derbent]*. Moscow, 1982. (In Russ)

6. Kudryavtsev AA. Early Christian architecture of the Sassanian Derbent (V-VI centuries) [Rannekhristianskaya arkhitektura sasanidskogo Derbenta (V-VI vv.)]. *Architecture. Art. Archeology: problems of studying and preserving cultural heritage. Proceedings of the I International Scientific and Practical Conference*. Rostov-on-Don, 2008:74-77. (In Russ)

7. Kudryavtsev AA, Kudryavtsev EA. Derbent in the history of early Christianity in the North-Eastern and Eastern Caucasus [Derbent v istorii rannego khristianstva na Severo-Vostochnom i Vostochnom Kavkaze]. *1700th anniversary of the adoption of Christianity in Derbent as the state religion of Caucasian Albania: Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference (Derbent, November 14-15, 2013)*. Makhachkala, 2013:19-29. (In Russ)

8. Kudryavtsev AA. Early Christian sites of Derbent of the 5th – early 8th centuries [Rannekhristianskie pamyatniki Derbenta V- nachala VIII vv.] *Topical issues of the history of Christianity in the North Caucasus. Materials of the V International St. Ignatievsky Readings*. Stavropol, 2013:21-35. (In Russ)

9. Kudryavtsev AA. Early Christian architecture of Sassanian Derbent (V-VII centuries). [Rannekhristianskaya arkhitektura sasanidskogo Derbenta (V-VII vv.)] *News of the Rostov State University of Civil Engineering [Izvestiya Rostovskogo gosudarstvennogo stroitel'nogo*

Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Vol. 1. 30 April – 4 May 2012, University of Warsaw. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2014: 7-25.

13. Naumann R., Huff D., Schnyder R. Takht-i Suleiman: Bericht über die Ausgrabungen 1965-1973. *Archäologischer Anzeiger*. 1975: 109-204.

14. Абдулатинов П.Г. Дербент. Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2015. – 144 с.

15. Гаджиев М.С. Археологические раскопки – реали-шоу? Заключение на проект реали-шоу «Дербент: Восьмое чудо света. Докопаться до небес или Дорога к храму» // Российская археология. № 4. 2009. С. 172-174.

16. Abiev A., Bagulya A., Chernyavskiy M., Dashkina A., Dimitrienko A., Gadjiev A., Gadjiev M., Galkin V., Gippius A., Goncharova L., Grachev V., Konovalova N., Managadze A., Okateva N., Polukhina N., Roganova T., Shchedrina T., Starkov N., Teymurov A., Tioukov V., Vasina S., Zarubin P. Muon Radiography Method for Non-Invasive Probing an Archaeological Site in the Naryn-Kala Citadel. *Applied Sciences*. 2019. 9. No. 10:2040:1-10. [updated 2017 Aug 17]. Available from: <https://www.mdpi.com/2076-3417/9/10/2040>

17. Гаджиев М.С. Определение абсолютной даты строительства цитадели и северной городской стены Дербента и произведенных трудов затрат (интерпретация среднеперсидской надписи № 3) // *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. № 1. 2006. С. 77-94.

18. Гаджиев М.С., Касумова С.Ю. Среднеперсидские надписи Дербента VI века. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2006. – 128 с.

19. Döring-Williams M. et Albrecht L. Sasanian construction technology in the Maiden Tower Complex as evidence of Late Antiquity building activities in Baku (Azerbaijan). *Building Knowledge, Constructing Histories. Proceedings of the 6th International Congress on Construction History*, July 9-13, 2018, Brussels, Belgium. [2 vols.]. Vol. 1. Boca Raton: CRC Press, 2018: 581-589.

20. Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории культуры. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. – 296 с.

21. Koudryavtsev A., Gadjiev M. Darband's bath-houses of Ottoman period. *Turkish art: 10th International Congress of Turkish Art,*

universiteta]. 2015, 19: 157-160. (In Russ)

10. Kurbanov GM. *Zoroastrianism in medieval Dagestan [Zoroastrizm v srednevekovom Dagestane]*. Makhachkala: Dagestan State University, 1998. (In Russ)

11. Huff D. Čahārtaq. i. in Pre-Islamic Iran. *Encyclopædia Iranica*. Vol. IV. Fasc. 6: 634-642.

12. Boucharlat R. Fire Altars and Fire Temples in the First Millennia BC / AD in the Iranian World. *Proceedings of the 8th International Congress on the Archeology of the Ancient Near East*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2014,(1): 7-25.

13. Naumann R, Huff D, Schnyder R. Takht-i Suleiman: Bericht über die Ausgrabungen 1965-1973. *Archäologischer Anzeiger*, 1975: 109-204. (In German)

14. Abdulatipov RG. *Derbent [Derbent]*. Makhachkala: Dagestan Publ., 2015. (In Russ)

15. Gadzhiev MS. Archaeological site – a reality show? Conclusion on the project of the reality show “Derbent: The Eighth Wonder of the World. Get to the bottom of heaven or the road to the temple” [Arkheologicheskie raskopki – realiti-shou? Zaklyuchenie na proekt realiti-shou «Derbent: Vos'moe chudo sveta. Dokopat'sya do nebes ili Doroga k khramu»]. *Russian archeology*. 2009,4:172-174. (In Russ)

16. Abiev A, Bagulya A, Chernyavskiy M, Dashkina A, Dimitrienko A, Gadjiev A, Gadjiev M, Galkin V, Gippius A, Goncharova L, Grachev V, Konovalova N, Managadze A, Okateva N, Polukhina N, Roganova T, Shchedrina T, Starkov N, Teymurov A, Tioukov V, Vasina S, Zarubin P. Muon Radiography Method for Non-Invasive Probing an Archaeological Site in the Naryn-Kala Citadel. *Applied Sciences*. 2019, 9(10): 2040: 1–10. [updated 2017 Aug 17]. Available from: <https://www.mdpi.com/2076-3417/9/10/2040>

17. Gadzhiev MS. Determination of the absolute date of the construction of the citadel and the northern city wall of Derbent and the labor costs produced (interpretation of the Middle Persian inscription No. 3) [Opredelenie absol'yutnoy daty stroitel'stva tsitadeli i severnoy gorodskoy steny Derbenta i proizvedennykh trudozatrata (interpretatsiya srednepersidskoy nadpisi № 3)]. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2006, 2(1): 77–94.

18. Gadzhiev MS, Kasumova SYu. *Middle Persian inscriptions of Derbent of the 6th century [Srednepersidskie nadpisi Derbenta VI veka]*.

Geneva, 17-23 September 1995: proceedings = Art turc : 10e Congrès international d'art turc, Genève, 17-23 Septembre 1995: actes. Genève: Fondation Max Van Berchem, 1999. PP. 415-421.

22. Гаджиев М.С. Из истории вакфа в Дербенте XVII в. // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001. С.82-85.

23. Гусейнов А.А. Этика науки // Вестник прикладной этики. Вып. 50. 2017. С. 103-116.

24. *The History of the Caucasian Albanians by Mousēs Dasxuranci.* Transl. by C.J.F. Dowsett. / School of Oriental and African Studies, University of London. London Oriental Series. Vol. VIII. London: Oxford University Press, 1961. – xxi, 252 p.

25. История Армении Мхитара Айриванци. Изд. М. Эмина. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1860. (на древнеарм. яз.).

Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 2006. (In Russ)

19. Döring-Williams M. et Albrecht L. Sasanian construction technology in the Maiden Tower Complex as evidence of Late Antiquity building activities in Baku (Azerbaijan). Building Knowledge, Constructing Histories. *Proceedings of the 6th International Congress on Construction History*, July 9-13, 2018, Brussels, Belgium. In 2 vols. Vol. 1. Boca Raton: CRC Press, 2018: 581-589.

20. Lukonin VG. *Ancient and early medieval Iran. Studies on the history of culture [Drevniy i rannesrednevekovyy Iran. Ocherki istorii kul'tury]*. Moscow: Nauka, 1987. (In Russ)

21. Kudryavtsev A, Gadjiev M. Darband's bath-houses of the Ottoman period. *Turkish art: 10th International Congress of Turkish Art, Geneva, 17-23 September 1995: proceedings = Art turc : 10e Congrès international d'art turc, Genève, 17-23 Septembre 1995: actes.* Genève: Fondation Max Van Berchem 1999: 415-421.

22. Gadzhiev MS. *From the history of waqf in Derbent in the 17th century. Islam and Islamic culture in Dagestan [Iz istorii vakfa v Dербенте XVII v. Islam i islamskaya kul'tura v Dagestane]*. Moscow, 2001:82-85. (In Russ)

23. Guseinov AA. Ethics of Science [Etika nauki] *Bulletin of Applied Ethics [Vedomosti prikladnoy etiki]*. 2017, 50:103-116. (In Russ)

24. *The History of the Caucasian Albanians by Mousēs Dasxuranci.* C.J.F. Dowsett (transl.). School of Oriental and African Studies, University of London. London Oriental Series. Vol. VIII. London: Oxford University Press, 1961.

25. *History of Armenia by Mekhitar of Ayrivank [Istoriya Armenii Mkhitar Ayrivanetsi]*. M. Emin (ed.). Moscow: Lazarev Institute of Oriental Languages, 1860. (In ancient Armenian).

Статья поступила в редакцию 25.03.2021 г.

Статья принята в печать 08.04.2021 г.

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173721-734>

Гуляева Евгения Юрьевна
научный сотрудник
Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия
guliaevaevgenia@list.ru

НЕИЗВЕСТНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КAVKAZA: ЛЮДМИЛА ФИЛИППОВНА ВИНОГРАДОВА (1904–1985)

Аннотация. Статья посвящена Людмиле Филипповне Виноградовой (1904–1985) – сотруднице Государственного музея этнографии народов СССР (современный Российский этнографический музей), работавшей в отделе народов Кавказа с конца 1930-х по начало 1960-х гг. Целью данной работы является освещение ранее неизвестных страниц истории отечественного кавказоведения и музейного дела. В задачи статьи входят изучение профессиональной биографии Виноградовой в контексте истории Государственного музея этнографии (в частности, периода Великой Отечественной войны) и обзор созданных Людмилой Филипповной источников по этнографии и истории народов Кавказа (вещевых и фотоколлекций, полевых отчетов и дневников). Основными материалами для исследования служат архивные документы, хранящиеся в Российском этнографическом музее. СобираТЕЛЬСКАЯ работа и научная специализация Виноградовой на этнографии осетин и народов Дагестана (отчасти Грузии) были подчинены необходимости создания экспозиций и выставок. За 25-летний период своей деятельности исследовательница побывала в семи этнографических экспедициях (в 1939, 1948 и 1949 гг. в Осетии, в 1947 г. в Белоруссии, в 1955 г. в Грузии, в 1956 и 1957 гг. в Дагестане), помимо отчетов и полевых дневников сохранились 16 вещевых коллекций (около 250 предметов), было зарегистрировано более 8000 вещей и фотографий. Большая часть этих материалов еще не введена в научный оборот. Без знания биографии собирателя и исследователя невозможна полноценная научная критика источников – это в полной мере относится и к материалам Людмилы Филипповны. В то же время сами собранные ею коллекции вещей и фотографий, полевые отчеты и дневники являются частью истории её жизни.

Ключевые слова: Л.Ф. Виноградова; Государственный музей этнографии народов СССР; Российский этнографический музей; Северная Осетия; Дагестан; Грузия

ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173721-734>

Evgenia Yu. Guliaeva,
Researcher
Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia
guliaevaevgenia@list.ru

THE UNKNOWN RESEARCHER OF THE CAUCASUS: LYUDMILA FILIPPOVNA VINOGRADOVA (1904-1985)

Abstract. The article is dedicated to Lyudmila Filippovna Vinogradova (1904-1985) – a member of the State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR (currently the Russian Museum of Ethnography), who worked at the Department of the Peoples of the Caucasus since the end of 1930s until the early 60s. The author attempts to shed light on the previously unknown pages in the history of the Caucasian and museum studies in Russia. The objectives of the work include the study of Vinogradova's professional biography in the context of the history of the State Museum of Ethnography (in particular, the period of the Great Patriotic War) and a review of sources on ethnography and the history of the peoples of the Caucasus made by Lyudmila Filippovna (clothing and photo collections, field reports and diaries). The key materials for the study are archival documents stored in the Russian Museum of Ethnography. The collecting work and scientific profile of Vinogradova in the ethnography of the Ossetians and the peoples of Dagestan (partly Georgia) were due to the need of creating expositions and exhibitions. Over the 25-year period of her activity, the researcher conducted seven ethnographic expeditions (in 1939, 1948 and 1949 in Ossetia, in 1947 in Belarus, in 1955 in Georgia, in 1956 and 1957 in Dagestan); in addition to the reports and field journals, 16 clothing collections (about 250 items) preserved, more than 8000 items and photographs have been registered. Most of these items have not yet been introduced into science. Without knowledge of the biography of the collector and researcher, a comprehensive scientific criticism of sources is impossible – which also applies to Lyudmila Filippovna's materials. At the same time, the items and photographs she collected, field reports and journals are also an integral part of the story of her life.

Keywords: L.F. Vinogradova; State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR; Russian Museum of Ethnography; North Ossetia; Dagestan; Georgia.

Статья посвящена Людмиле Филипповне Виноградовой, работавшей в отделе народов Кавказа Государственного музея этнографии (далее – ГМЭ)¹ с конца 1930-х до начала 1960-х гг. Виноградова принадлежит к тому поколению этнографов, которое пришло в музей в трудные времена, когда он был обескровлен политическими репрессиями. Вместе с коллегами она обеспечила преемственность в выставочном, собирательском, хранительском и исследовательском направлениях деятельности музея, без которых невозможно было бы само его существование. Её имя вряд ли хорошо известно кавказоведам, вместе с тем своей будничной работой она внесла немалый вклад в сохранение памятников культуры народов Кавказа и их популяризацию.

Целью данной статьи является освещение ранее неизвестных страниц истории отечественного кавказоведения и музейного дела. В задачи работы входят, во-первых, изучение профессиональной биографии Виноградовой в контексте истории ГМЭ (в частности, периода Великой Отечественной войны) и непосредственно отдела Кавказа, во-вторых, обзор созданных Людмилой Филипповной источников по этнографии народов Кавказа (вещевых и фотоколлекций, полевых отчетов и дневников), хранящихся в Российском этнографическом музее (далее – РЭМ) – наследнике ГМЭ.

Основными источниками для статьи являются архивные документы, хранящиеся в РЭМ: личное дело Л. Ф. Виноградовой, официальные документы, музейные и экспедиционные отчеты, полевые дневники², её письма к коллегам М.В. Сазоновой и А.Я. Дуйсбург, воспоминания Е.Н. Студенецкой о блокаде и жизни сотрудников Филиала ГМЭ в Новосибирске³.

Представление об экспедиционной работе Л.Ф. Виноградовой и её деятельности по комплектованию фондов можно получить из описей РЭМ и каталога-указателя этнографических коллекций отдела Кавказа [1]. Небольшая заметка о Людмиле Филипповне была написана В.А. Дмитриевым для юбилейного альбома «Российский этнографический музей 1902–2002» [2].

---

1 ГМЭ был образован в 1934 г. из Этнографического отдела Государственного Русского музея. В 1948 г. музей стал называться Государственный музей этнографии народов СССР (после передачи коллекций московского Музея народов СССР), в 1992 г. – Российский этнографический музей.

2 В архиве РЭМ (далее – АРЭМ) помимо давно зарегистрированных материалов есть еще фонд Виноградовой, который находится в процессе научной обработки (поэтому в этой статье нет возможности указывать номера описей, дел и листов), в нём содержатся: полевые дневники 1948 и 1949 гг. из поездок в Северную Осетию (2 тетради), 1955 г. из Грузии (2 тетради), 1956 и 1957 гг. из Дагестана (4 тетради); неопубликованная статья «Система овцеводства и некоторые обычаи в Северной Осетии конца XIX – начала XX в.»; выписки из полевых дневников и литературы по разным темам («Земледелие в Северной Осетии», «Социальный строй осетин», «Верования осетин», «Кабардинский фольклор» и др.). Среди документов находятся материалы других лиц: «Хронология и обстоятельства образования городов и сел Северо-Осетинской АССР», сведения о средневековых грузинских ювелирах, материалы по ювелирному искусству Грузии (чеканка, эмали). Я признательна хранителю АРЭМ А.Н. Копаневой за предоставленную возможность ознакомиться с документами Людмилы Филипповны.

3 Фонд Студенецкой, хранящийся в АРЭМ, так же находится в процессе научной обработки, поэтому при цитировании воспоминаний невозможно указывать номера дел и листы. Ссылаясь на этот фонд в этой работе, я имею ввиду либо воспоминания «Филиал музея этнографии в Новосибирске (1942-1945)», либо сборник рассказов «В дни блокады (только факты)». Последний был опубликован на сайте РЭМ в 2020 г. URL: <https://ethnomuseum.ru/kollekcii/onlajn-vystavka-k-75-letiyu-pobedy/v-dni-blokady/> (дата обращения: 23.05.2021).

Есть статья Е.В. Аброськиной, где упоминаются письма Виноградовой конца 1940-х г. из экспедиции в Белоруссию [3]. В 2020 г. к 75-летию Победы на сайте РЭМ в разделе «Сохранившие музей» были опубликованы короткая биография Людмилы Филипповны и видеоролик, в котором звучали отрывки из её письма 1944 г. М.В. Сазоновой⁴.

Людмила Филипповна Виноградова родилась 14 января 1904 г. в деревне Кабаличи Брянского уезда Орловской губернии. В личном деле «бывшее сословие» определено как крестьянское. Имена родителей в анкетах и автобиографиях разных лет не упоминаются. Сведения об отце сводятся к тому, что он умер в 1907 г., а о матери, что она работала сельской учительницей до 1924 г.

В 1914–1921 гг. Л.Ф. Виноградова училась сначала в гимназии, потом в средней школе г. Брянска, там же окончила общеобразовательный курс Практического университета. В 1924 г. она поступила в Ленинграде в Педагогический институт им. Герцена на отделение русского языка и литературы⁵. Из-за туберкулеза легких Людмила Филипповна была вынуждена уйти с 4-ого курса. И несколько лет не училась и не работала, жила на средства супруга, за которого вышла замуж в 1926 г.⁶

В 1931 г. Л.Ф. Виноградова стала посещать курсы народоведения при Этнографическом отделе Государственного Русского музея (далее – ЭО ГРМ), вступила в кружок друзей музея. В 1932–1934 гг. она работала внештатным экскурсоводом, в 1934–1936/7(?) гг. – штатным. Её переход в число постоянных сотрудников совпадает со временем обретения ЭО ГРМ статуса самостоятельного учреждения – Государственного музея этнографии.

1930-е гг. были очень тяжелым периодом в истории музея. В результате репрессий коренным образом сменился состав сотрудников, в 1933 г. были арестованы и уволены практически все ведущие ученые музея [4, с. 40], в том числе в отделе Кавказа Александр Александрович Миллер (1875–1935), Федор Артурович Фиельструп (1889–1933), Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (1890–1943). Продолжала работать только поступившая в 1930 г. Евгения Николаевна Студенецкая (1908–1988), которая еще с 1929 г. проводила экскурсии в ЭО ГРМ⁷. Видимо, экскурсионная деятельность сблизила Е.Н. Студенецкую и Л.Ф. Виноградову, они стали близкими подругами на всю жизнь.

4 Письма Л.Ф. Виноградовой к М.В. Сазоновой 1944 г. // АРЭМ. Ф. 24. Оп. 2. Д. 4. 2 л.; Свидетели времени. Сайт Российского этнографического музея. URL: <https://ethnomuseum.ru/kollekcii/onlajn-vystavka-k-75-letiyu-pobedy/sohranivshie-muzej/> (дата обращения: 7.06.2021).

5 В автобиографии 1941 г. Л.Ф. Виноградова пишет, что сначала она поступила в Институт политпросвет. работы (ныне ФГБОУВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»), но из-за его реорганизации перешла в Педагогический институт им. Герцена (Личное дело Л.Ф. Виноградовой // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 19. Л. 22).

6 Имя супруга в личном деле не упоминается. В автобиографии 1941 г. указано, что он работал инженером-электриком в Ленэнерго. В автобиографии, написанной после 1945 г., упомянуто, что он ушел из семьи во время войны. В личном листке по учету кадров 1951 г. Л.Ф. Виноградова написала, что она является вдовой и имеет дочь (Личное дело Л.Ф. Виноградовой. // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 19. Л. 20 об., 22, 23 об.).

7 Личное дело Е.Н. Студенецкой. // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 367. Л. 1-9.; Крыжановский Б. К вопросу о приеме на службу Е.Н. Студенецкой // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 4. Л. 192.

В 1936/7 (?) г. из-за туберкулеза почки Людмила Филипповна вынуждена была уйти из музея, однако 16 декабря 1938 г. она снова была принята в штат, но уже в отдел Кавказа и.о. младшего научного сотрудника, как раз после того, как подразделение возглавила Е.Н. Студенецкая. В это время в отделе так же работали бывший технический сотрудник Кунсткамеры Галина Казимировна Щипкова (1909–1942)⁸ и выпускник этнографического отделения географического факультета Ленинградского государственного университета Ваграм Павлович Муратхан (1904-?)⁹. В таком составе отдел функционировал до начала войны.

В 1939 г. вместе с Е.Н. Студенецкой и Г.К. Щипковой Людмила Филипповна отправилась в экспедицию в Осетию, Ингушетию и Чечню. Собранные в этот год предметы и фотоколлекции¹⁰ имеют особый потенциал для изучения «нового советского быта». В 1930-гг. основным экспозиционным принципом был показ тяжелого дореволюционного прошлого и благополучного социалистического настоящего [4, с. 41], что требовало от сотрудников поиска в экспедициях предметов, связанных с советской тематикой. Например, в Осетии в 1939 г. были приобретены вышивка «Дружба народов», на которой в центре в синем комбинезоне изображена девушка-парашютистка с цветами, по бокам от неё – две другие женщины, одна из которых в блузке и юбке, а другая в национальном костюме¹¹, а так же деревянный барельеф «Помощь многодетной семье», где помимо читающего книгу под портретами Ленина и Сталина мужчины изображены дети и женщина. Последняя держит в руках корзины с подарками, купленными на полученное пособие¹². В экспедиции были куплены снимки местной официальной фотохроники: колхозников, трактористок, бригадиров, спортивных площадок, читален, культвагонов, танцев, съездов и т.п.¹³

В 1939 г. открылась экспозиция «Народы Северного Кавказа» [5, с. 46]. Людмила Филипповна начала специализироваться на этнографии осетин, кроме того, в рамках подготовки фондовой выставки по Дагестану приступила к изучению этнографии этого региона. В 1940-м г. Виноградова, чтобы закончить высшее образование, снова поступила в Институт им. Герцена на заочное отделение. В начале 1941 г. вместе с коллегами Виноградова открывала выставку «Народное изобразительное искусство Грузии».

8 Личное дело Г.К. Щипковой // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 312. Л. 20-26.

9 Личное дело В.П. Муратхана // АРЭМ. Ф.2. Оп. 3. Д. 150. Л. 11-25.

10 Из поездки были привезены коллекции: РЭМ № 6189 – серебряные изделия живущих в Осетии кубачинских мастеров, РЭМ № 6192 – машинные вышивки и деревянные скульптуры осетинских мастеров, РЭМ № 6191 – чеченские и ингушские войлоки, другие тканые изделия, музыкальные инструменты, несколько предметов из наземных могильников [1, с. 21, 25], а также фотоколлекция РЭМ № 6262. Полевых записей Виноградовой этой экспедиции обнаружить не удалось. Возможно, материалы погибли во время войны.

11 РЭМ № 6192-4, см. Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=14728758> (дата обращения: 08.06.2021).

12 РЭМ № 6192-8.

13 От дворца пионеров г. Орджоникидзе поступила коллекция снимков – РЭМ № 6193, от управления по делам искусств – РЭМ № 6198, от редакции местных газет – РЭМ № 6225 и т.п.

Как и все сотрудники, продолжавшие работать в годы Великой Отечественной войны, Людмила Филипповна сыграла значительную роль в сохранении коллекций и восстановлении работы музея в послевоенный период¹⁴.

Некоторые сведения о её жизни во время войны можно реконструировать из воспоминаний Е.Н. Студенецкой. Последняя в рассказе «Хлеба пожалела» описывает, как к ней пришла подруга, у которой умерла мать. Евгения Николаевна за несколько дней до этого ночевала у неё. В доме в верхних этажах начался пожар, и стало понятно, что в условиях, когда нет воды (тушили снегом, скидывая его с соседних крыш), а пожарные слабы, все здание выгорит. Студенецкая с подругой стали спасать вещи и усадили мать подруги на улице в большое старинное кресло охранять вещи. Рассказывая о похоронах, подруга машинально ела лежавшие на тарелке кусочки хлеба – вечерние порции Евгении Николаевны и ее матери¹⁵.

Подтвердить, что в рассказе речь идет именно о Людмиле Филипповне позволяет не только упоминаемое в рассказе имя Мила, но и сохранившиеся в личном деле заявления Виноградовой. В первом, датированном 4 февраля 1942 г., содержится просьба предоставить отпуск за свой счет на 3 дня с 5 по 7 февраля включительно для устройства после пожара на новой квартире¹⁶. Во втором, написанном 9 февраля 1942 г., речь идет о предоставлении дней в счет очередного отпуска с 9 по 20 февраля в связи с болезнью матери¹⁷.

В апреле 1942 г. формируется группа сотрудников музея из 7 человек, которую направляют в Новосибирск, куда в здание оперного театра в декабре 1941 г. перебазировали из г. Горького эвакуированные коллекции ГМЭ. Е.Н. Студенецкая вспоминала: «Подбор командированных по приказу Наркомпроса проводился таким образом, чтобы, по возможности, были представлены региональные отделы. Это (...) давало надежду на сохранение какой-то группы людей, способных после окончания войны, активно участвовать в восстановлении всех сторон деятельности музея»¹⁸.

12 апреля в Новосибирск выехали: заведующий отделом народов Сибири Леонид Павлович Потапов (1905-2000), который по прибытии в Новосибирск вскоре перешел на другую работу; лаборант отдела народов Поволжья Линда Валюк (?-1942), которая умерла в Новосибирске в больнице; сотрудник отдела Ср. Азии и Казахстана Мария Васильевна Сазонова (1910-1987), вскоре назначенная директором филиала ГМЭ; заведующая отделом славянских народов Анна Яковлевна Дуйсбург (1883-?); сотрудник школьной комнаты Марианна Яновна Оржевская (1910-1984?); а также представители отдела Кавказа Е.Н. Студенецкая и Л.Ф. Виноградова. В Новосибирске их встречал музейный рабочий Андрей Николаевич Вихорев (1893-?) [5, с. 57-58].

14 Подробнее об истории ГМЭ во время войны см. [5, с. 57–60; 6; 7].

15 В дни Блокады // АРЭМ. Ф. Студенецкой; см. так же сайт Российского этнографического музея. URL: <https://ethnomuseum.ru/kollekcii/onlajn-vystavka-k-75-letiyu-pobedy/v-dni-blokady/> (дата обращения: 23.05.2021).

16 Личное дело Л.Ф. Виноградовой // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 19. Л. 28.

17 Там же Л. 29.

18 Филиал музея этнографии в Новосибирске (1942–1945) // АРЭМ. Ф. Студенецкой.

Основным видом деятельности сотрудников Новосибирского филиала ГМЭ была хранительская работа – осуществлялся переучет экспонатов, составлялись описания предметов (в частности, Е.Н. Студенецкая и Л.Ф. Виноградова описывали вещи, собранные еще в начале XX века А.А. Миллером и К.З. Кавторадзе). Людмила Филипповна работала над научными темами «Золотое шитье у народов Кавказа» и «Вязаные изделия Дагестана»¹⁹. По заданию Наркомпроса она с коллегами участвовала в составлении этнографического словника, вероятно, ей помогало её филологическое образование. 5 марта 1943 г. в фойе Оперного театра Новосибирска в ознаменование освобождения Северного Кавказа от сил вермахта открылась единственная состоявшаяся во время войны выставка ГМЭ «Культура и быт народов Северного Кавказа». Реализовать её удалось во многом потому, что среди сотрудников филиала двое было из отдела Кавказа²⁰.

В Новосибирском театре помимо коллекций ГМЭ хранились эвакуированные собрания других музеев: Третьяковской галереи, Государственного музея нового западного искусства²¹, Государственного музея Востока (тогда – Музея восточных культур), коллекции Военно-артиллерийского музея Ленинграда, пригородных дворцов-музеев Пушкина, Павловска и Гатчины, Горьковского художественного музея, Сумского музея и др. Сотрудники этих музеев приглашали друг друга смотреть экспонаты. Так Студенецкая описывает, как они познакомились с картинами Поля Гогена. В другой раз их позвал смотреть предметы из Пушкина Анатолий Михайлович Кучумов – хранитель коллекций пригородных дворцов Ленинграда²²: «Кроме желания посмотреть прекрасные изделия из фарфора, хрустала, бронзы, хотелось убедиться, увидеть то, что удалось увезти в самые последние часы, когда враг был уже на пороге. Хрупкие

19 По сообщению Е.Н. Студенецкой, вторая работа не была завершена (Филиал музея этнографии в Новосибирске (1942–1945) // АРЭМ. Ф. Студенецкой), а первую удалось выявить в АРЭМ среди неразобранных бумаг Е.Н. Студенецкой, рукопись объемом 19 страниц готовилась для публикации в журнале «Советская этнография».

20 Была запланирована выставка «Быт и культура украинцев», но она не осуществилась, из-за того, что её автор А.Я. Дуйсбург была отозвана в марте 1944 г. в Ленинград. Обком партии просил так же организовать выставку «Народы Сибири», однако среди сотрудников филиала не было специалиста по региону, поэтому выполнить эту просьбу сотрудники не могли (Филиал музея этнографии в Новосибирске (1942–1945) // АРЭМ. Ф. Студенецкой).

21 Этот музей существовал в Москве с 1923 г. по 1948 г. Он возникшем в результате объединения 1-ого и 2-ого Музеев западной живописи. Основу его собрания составили коллекции картин Сергея Шукина и Ивана Морозова (Музей нового западного искусства. URL: <http://www.newestmuseum.ru/history/chronology/1918-1948/index.php> – дата обращения: 7.06.2021).

22 Анатолий Михайлович Кучумов (1912–1993) – музейный сотрудник, искусствовед, в течении жизни работал практически во всех пригородных дворцах-музеях Ленинграда. Перед войной был заведующим Александровским дворцом и парком в г. Пушкин. После начала войны отбирал самые ценные экспонаты для эвакуации, получил задание сопровождать первый эшелон вывозимых из Ленинграда музейных ценностей в г. Горький, где он стал ответственным хранителем коллекций пригородных дворцов-музеев. В конце 1941 г. предметы из собрания музеев пригорода (как и коллекции ГМЭ) перевезли в Новосибирск, где в январе 1942 г. А.М. Кучумова назначили директором хранилища ленинградских дворцов. Весной 1944 г. он вернулся в Ленинград и стал руководителем Отдела музеев и памятников при Управлении по делам искусств исполкома Ленгорсовета, в 1945 г. был командирован в Прибалтику, а позже осенью 1947 г. и в Германию для розыска похищенных культурных ценностей. В октябре 1945 г. А.М. Кучумов возглавил Центральное хранилище музейных фондов пригородных дворцов-музеев [8]. См. так же: *Миропольская Р.А.* 27 мая 1912 года родился один из крупнейших реставраторов Петербурга Анатолий Кучумов // Сайт научно-реставрационной фирмы МИР. URL: <https://www.nrfmir.ru/ru/content/restavraty-peterburga-anatoliy-kuchumov> (дата обращения: 7.06.2021).

вещи были упакованы в платья императрицы Александры Федоровны начала XX в., не являвшиеся музейной ценностью. Помню, например, платье из белой глади машинной работы и др. Конечно мы, женщины, с интересом рассматривали “эти наряды”. Очень хотелось примерить, но оказалось, что императрица была очень высокого роста, и её платья могла надеть только Л.Ф. Виноградова, всегда страдавшая от своего роста. И как же хороша была Людмила Филипповна, к которой уже начала возвращаться её прежняя красота. Это обрадовало всех и на время даже отвлекло от прелести фарфоровых статуэток и сосудов»²³. Однако, просмотром экспонатов сотрудничество музейев не ограничивалось. В личном деле Людмилы Филипповны написано, что она 2 года была главным хранителем Смоленского областного краеведческого музея.

Истории ГМЭ и смоленского музея оказались связаны в конце 1941 г. Тогда вывезенные из Ленинграда коллекции находились в г. Горьком под присмотром рабочего музея – уже упоминавшийся А.Н. Вихорев, а сотрудницу смоленского музея Ефросинью Васильевну Буркину (1906–1978) назначили по совместительству «и.о. директора Ленинградского музея этнографии» [9, с 64], она готовила к переезду в глубь страны имущество краеведческого музея Смоленска и ГМЭ. В 1943 г. Ефросинья Васильевна была отозвана смоленским облоно из Новосибирска [9, с 65], после чего главным хранителем коллекций краеведческого музея Смоленска, видимо, и стала Людмила Филипповна.

В марте 1944 г. она была одной из трех оставшихся в Новосибирске сотрудниц ГМЭ (А.Н. Вихорев в начале 1943 г. был мобилизован на фронт, А.Я. Дуйсбург и М.В. Сазонова в марте 1944 г. были вызваны в Ленинград, директором филиала стала Е.Н. Студенецкая). В конце августа 1945 г. все трое получили пропуска на въезд в Ленинград – им надлежало организовать реэвакуацию экспонатов. Если эвакуация 1941 г. была организована «сверху» и не на музейные средства, то реэвакуация требовала согласований «снизу» и оплаты всех расходов музеем. Переводы денежных средств задерживались. Сотрудники филиала переживали, что не смогут присоединиться к эшелону Артиллерийского музея, и коллекции окажутся без охраны в пути. В итоге на оплату транспортировки грузов на железнодорожную станцию пошли сбережения Людмилы Филипповны. Студенецкая описала процесс перевозки предметов из театра на вокзал так: «Я не могла лично принять участие в отправке коллекций на станцию, так как почти все время была занята в банке и других учреждениях. Отправляла грузы из театра М.Я. Оржевская, в вагонах их принимала Л.Ф. Виноградова. Сопровождала машины и следила за тем, чтобы ничто не пропало в момент перевозки, моя дочь тринадцатилетняя Алла. Последним рейсом вместе с экспонатами увезли письменный стол, табуретки, личные вещи в узлах и чемоданах и... нашу кошку»²⁴.

Все вопросы с оплатой транспортировки музейных коллекций в трех вагонах удалось решить вовремя, но по пути в Ленинград оставались причины для

23 Филиал музея этнографии в Новосибирске (1942–1945) // АРЭМ. Ф. Студенецкой.

24 Там же.

беспокойства. Вагон, в котором они ехали, был неисправен²⁵, сотрудницы музея несколько раз слышали, что его хотят отцепить. Это означало, что надо будетделиться: «На всякий случай решили так, останемся для замены вагона я – директор и Людмила Филипповна со своей книжкой, а Марианна Яновна и Алла поедут дальше в одном из наших вагонов, сопровождать коллекции»²⁶. К счастью, 27 сентября 1945 г. эвакуированные предметы ГМЭ благополучно прибыли в Ленинград²⁷.

Вернувшись из Новосибирска, Виноградова продолжила работу в отделе Кавказа, но «в связи с недостатком сотрудников»²⁸ принимала участие и в других проектах музея. В 1947 г. её направили в экспедицию в Белоруссию, где она искала предметы для выставки «Народное искусство и национальная одежда славянских народов» (1948). В стенах сильно пострадавшего во время войны здания музея это была первая послевоенная выставка, которая, как и многие другие проекты конца 1940-х–1950-х гг., имела искусствоведческий уклон, экспонаты трактовались как произведения, имеющие художественную ценность [10, с. 414–416]. Такой фокус внимания сказался и на собирательской работе Людмилы Филипповны²⁹, в отчете музея 1947 г. было отмечено: «Поездка н.с. Л.Ф. Виноградовой пополнила коллекции Музея интересными образцами современного белорусского узорного тканья, отличающегося от старых белорусских изделий яркостью расцветки, богатым развитием орнамента. Это в основном предметы убранства жилища, в частности яркие “колдры” – покрывала и др. Резьба по дереву представлена двумя оригинальными скульптурами – “Дед” и “Колхозница”»³⁰. Из поездки в Белоруссию сохранились отчет и дневник³¹, а также письма к А.Я. Дуйсбург³², которые частично использовала Е.В. Аброськина для реконструкции советской экспедиционной повседневности и изучения писем как источника по «антропологии антропологии» [3, с. 113].

В конце 1940-х гг. готовились к открытию экспозиции «Осетины» (1949) и «Кабардинцы» (1950)³³, поэтому в 1948 г. Л.Ф. Виноградова отправилась в командировку в Северо-Осетинскую АССР, но без ассигнований на приобретение вещей³⁴. В 1949 г. она ездила на Северный Кавказ уже вместе с Евгенией

25 «Но вскоре опять была бурная ночь, вагон мотало из стороны в сторону. Мы молчали и притворялись, что спали. Думали о словах “может загореться” и вспоминали, что в случае пожара мы даже не сможем открыть дверь. А на утро я призналась, что спрятала на груди паспорт для опознания трупа. Оказалось, что то же самое сделали другие. На следующий день пригрело солнце, и мы уже смеялись над пережитым волнением» (Филиал музея этнографии в Новосибирске (1942–1945) // АРЭМ. Ф. Студенецкой).

26 Там же.

27 Там же.

28 Отчет о работе музея за 1947 г. // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 958. Л. 4.

29 Из Белоруссии были привезены коллекции РЭМ № 6542 (предметы) и РЭМ № 6543 (фотографии).

30 Отчет о работе музея за 1947 г. // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 958. Л. 11–12.

31 Отчет научного сотрудника музея этнографии Л.Ф. Виноградовой о научной командировке в Белоруссию и в Москву. 1947 г. // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 970. 19 л.; Дневник научного сотрудника музея этнографии Л.Ф. Виноградовой с заметками по этнографии населения Белоруссии. 1947 г. // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 971. 47 л.

32 Письма Л.Ф. Виноградовой к А.Я. Дуйсбург 1947 г. // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 383. Л.10–20.

33 Объяснительная записка к плану экспозиции «Народы Северного Кавказа», планы экспозиций: «Кабардинцы XIX–XX вв.», «Осетины XIX–XX вв.» и отзыв на планы этих экспозиций. 1948–1949 гг. // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1 Д. 998. Л. 2.

34 Фотографии, сделанные в поездке, составляют коллекцию РЭМ № 6560.

Николаевной и новым сотрудником – хранителем отдела Кавказа Эльгой Григорьевной Торчинской (1923–2006)³⁵. Сохранились отчеты и полевые дневники этих экспедиций³⁶. Видимо, тогда же была написана неопубликованная статья «Система овцеводства и некоторые обычаи в Северной Осетии конца XIX – начала XX в.»³⁷. В 1949 г. Виноградова закончила литературный факультет института им. Герцена по специальности преподаватель русского языка и литературы.

В 1950 г. Людмила Филипповна становится и.о. старшего научного сотрудника, к этому времени в отделе Кавказа работали Е.Н. Студенецкая, Э.Г. Торчинская и Нина Петровна Соболева (1921–1995), в середине 1950-х г. пришла Ариадна Людвиговна Натансон (1928 г.р.).

В начале 1950-х гг. Л.Ф. Виноградова участвовала в подготовке выставки «300-летие воссоединения Украины с Россией» и экспозиции «Художественные промыслы Дагестана» (1955)³⁸. В 1955 г. в рамках работы над проектом экспозиции «Грузины» Евгения Николаевна и Людмила Филипповна отправились в экспедицию в Грузию. Одной из важных целей поездки было знакомство с фондами и экспозициями местных музеев для уточнения сведений об уже имеющихся в собрании ГМЭ предметах³⁹. Они также постарались посетить разные историко-этнографические области Грузии: Картли, Кахетию, Рача, Имеретию, Аджарию⁴⁰.

Два года подряд в 1956 и 1957 гг. Виноградова ездила в Дагестан⁴¹. Целью экспедиций было: «...выявление возможностей приобретения и приобретение для зала Народное творчество Народов РСФСР предметов по народному искусству, а также выявление состояния различных ремесел; сбор сведений о народных мастерах и выявление, возможно, еще неизвестных очагов народного искусства»⁴². Дербент был посещен как центр ковроткачества, Кубачи – ювелирный, Унцукуль – насечки по дереву, Хунзах – производства паласов и т.п. Следует отметить, что сохранившиеся из дагестанских поездок отчеты

35 Из этой экспедиции была привезена коллекция РЭМ № 6577, в которую входили орудия труда, резные деревянные чаши, иконки, ювелирные изделия и формы для их отливки [1, с. 22], и приобретены или сняты фотографии из коллекций РЭМ № 6579 (кабардинцы) и РЭМ № 6578, РЭМ № 6601 (осетины).

36 Отчет о работе музея за 1948 г. // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 994. Л. 88–90; Отчет о работе музея за 1949 г. // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1023. Л. 62–66; Полевые дневники 1948 г., 1949 г. (2 тетради). // АРЭМ. Ф. Виноградовой.

37 АРЭМ. Ф. Виноградовой.

38 План выставки «Художественные промыслы Дагестанской АССР». 1951 г. // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1068. 23 л.; Тематические планы, объяснительные записки по временным выставкам и реэкспозициям. 1969 г. // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1619. Л. 59.

39 Отчет Е.Н. Студенецкой и Л.Ф. Виноградовой об экспедиции в Грузинскую ССР в 1955 г. // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1198; 117 л.; Полевые дневники (2 тетради) 1955 г. // АРЭМ. Ф. Виноградовой.

40 Были привезены коллекции РЭМ № 6866 – одежда и украшения грузин-рачинцев, РЭМ № 6867 – глиняная утварь и головные уборы грузин-кахетинцев, РЭМ № 6868 – изделия из серебра и рога, керамика, музыкальные инструменты, резьба по дереву [1, с. 139, 140, 142].

41 В музей поступили следующие коллекции: аварские РЭМ № 6914, РЭМ № 6992, лакские РЭМ № 6918, РЭМ № 6993, лезгинская РЭМ № 6915, кубачинская РЭМ № 6916, кайтагская РЭМ № 6917, даргинская РЭМ № 6994 [1, с. 72], фотоколлекции РЭМ № 8893, РЭМ № 8929, РЭМ № 8930, РЭМ № 8931. В 1957 г. Л.Ф. Виноградова ездила вместе с музейным художником Владимиром Алексеевичем Сорокиным (1924–?), в отчете о поездке упоминаются сделанные им зарисовки, но в иллюстративном фонде РЭМ обнаружить их пока не удалось.

42 Отчет Л.Ф. Виноградовой о научной командировке в Дагестанскую АССР. 1956 г. // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1218. Л. 1.

и дневники⁴³, ценны тем, что дают представление о состоянии тех или иных промыслов в конкретный период времени. Так, при ретроспективном взгляде из начала XXI в. на историю ремесел Дагестана, не всегда очевидно, что в с. Кумух – известном ювелирном центре после войны оставался всего один ювелир⁴⁴, а в селе златокузнецов Кубачи мастера артели были «...вынуждены изготавливать эти подстаканники со стандартными однообразным узором “ишак вик” (вик – голова), как они его называют, т.е. их квалификация не соответствует выполняемой работе...»⁴⁵. Безусловно, важны наблюдения Л.Ф. Виноградовой того, как бытовали те или иные элементы одежды⁴⁶, как проходила свадьба в с. Акуша⁴⁷, как распределялись мужские и женские роли⁴⁸, но особое значение имеют сведения о поступивших в ГМЭ вещах. Это открывает возможности более точной атрибуции предметов, понимания условий их приобретения⁴⁹.

Людмила Филипповна искала так же информацию об уже имеющихся в собрании ГМЭ вещах, в частности, о кайтагских вышивках, фотографии которых она показывала своим собеседникам: «Она помнит наши вышивк[и]. Употребляли на подушки. Ставили на ребро на стенные полки на другой стороне. Сама мастерица не помнит, но ее бабушка выш[ивала] в этом же селении (мать уже

43 Отчет Л.Ф. Виноградовой о научной командировке в Дагестанскую АССР. 1956 г. // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1218. 21 л.; Отчет Л.Ф. Виноградовой о научной командировке в Дагестанскую АССР. 1957 г. // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1261. Л. 1–19.; Полевые дневники 1956, 1957 гг. (4 тетради) // АРЭМ. Ф. Виноградовой.

44 «Сейчас работающий мастер в Кумухе один. Одни – уехали, другие декоммуницировались и работают в районных учреждениях. До войны (1941 г.) в Кумухе была артель, производившая разные мелочи, брошки, пряжки и др. После войны она не была восстановлена, и мастера разбрелись кто куда, и мастерство угасло» (Отчет Л.Ф. Виноградовой о научной командировке в Дагестанскую АССР. 1957 г. // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1261. Л. 6).

45 Отчет Л.Ф. Виноградовой о научной командировке в Дагестанскую АССР. 1956 г. // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1218. Л. 9–10.

46 «В настоящее время и в этом районе [Тляротинском – Е.Г.] старых традиционных массивных украшений не носят, и лишь у старух на груди рубахи-платья ещё можно встретить отдельные пришитые бляхи и монеты» (Отчет Л.Ф. Виноградовой о научной командировке в Дагестанскую АССР. 1957. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1261. Л. 4).

47 Там же. Л. 14–19.

48 «Когда первый раз приезжаешь в Дагестан поражает большая занятость женщин и частое безделье мужчин. На улицах, площадях селений часто и в будние дни в любое время можно видеть сидящих на камнях, бревнах или скамейках мужчин, часами занятых разговорами. В с. Урода Кахибского района такое место сбора мужчин, расположенное у сельсовета, получило оригинальное название на русский лад “брехаловка”. “Он на брехаловке” – “пойдешь через брехаловку” и т.п. Женщина же беспрестанно занята. На ней лежит все домашнее хозяйство, целый ряд полевых работ. Женщины, а не мужчины, заготавливают сено на самых крутых склонах гор. Они срезают траву крепким большим похожим на косу серпом (я его приобрела). Потом огромные вязанки сырой травы на спине приносят в селение и сушат ее на крыше. Когда женщина несет эту скромную вязанку, то сзади видны только ноги. Фигура навьюченной женщины преследовала меня во всех горных районах. Заготовку сена в Кахибском районе производили таким же способом. За 9 вязанок травы, сжатой и принесенной в селение, женщина получает 1 трудодень. Эта работа по обычаю исключительно женская, т.к. мужчина не должен ничего носить на плечах, это его унижает. Поэтому и в городе, например, при выходе из вагона, можно видеть, как женщина взваливает на плечо тяжелый чемодан, а муж рядом идет с маленькой ручной сумкой» (Отчет Л.Ф. Виноградовой о научной командировке в Дагестанскую АССР. 1956. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1218. Л. 17–18).

49 «Приобретенные нами нагрудные украшения делал местный мастер аварец, но мастер, который большую часть года проводит в Азербайджане в Закаталах, километров в 60-ти от Тляроты, где имел мастерскую, а в родном селении проводил лишь летние месяцы, также работая и принимая заказы. (...) По сообщению этого мастера аварца из с. Тляроты, он является потомственным оружейником и ювелиром, научился ремеслу от отца. Работал он на заказ, получал плату и деньгами, и натурой – зерном, скотом. В частности, за нагрудное свадебное украшение к переднику ему платили одну корову, за большое нагрудное украшение 2 коровы. За хорошее ружье он тоже брал одну корову. Делал он браслеты, пояса для передника, серебряные детали в виде пронизок для женского головного убора – думча и др.» (Отчет Л.Ф. Виноградовой о научной командировке в Дагестанскую АССР. 1957. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1261. Л. 3). Этот фрагмент отчета заставляет пересмотреть датировку нагрудного украшения РЭМ № 6992-6, поставить не конец XIX в., а как минимум начало XX в.

нет). С. Джавгат. Названий орнамент[а] не помнит; везде по нижнему Кайтагу вышивали. В других селения[х] они не наполн[ялись] сеном, а висели на полке, на стенах»⁵⁰. Эта выдержка из дневника особенно ценна сейчас, когда исследователь Г. Исмаилов ставит вопрос о том, производились ли знаменитые вышивки на территории Кайтага [11, с. 18].

В целом, собирательская работа и научная специализация Л.Ф. Виноградовой на осетинах и Дагестане (отчасти Грузии) были подчинены необходимости создания экспозиций и выставок. В 1962 г. открылась экспозиция «Грузины», созданная при участии Людмилы Филипповны. В 1963 г. был издан путеводитель по этой экспозиции, написанный совместно с Н.П. Соболевой [12]. В этом же году Виноградова вышла на пенсию, но поскольку она жила недалеко от ГМЭ (на Итальянской улице), то почти до самой своей смерти – 23 июня 1985 г.⁵¹, продолжала регулярно бывать в музее. Её неопубликованная работа «Женская одежда нагорного Дагестана» датирована 1969 г. и представляет большой интерес, так как основана как на полевом материале, так и на тщательном анализе коллекций ГМЭ⁵². В 1981 г. вышел каталог-указатель этнографических коллекций отдела Кавказа, Людмила Филипповна составила для него разделы «Народы Дагестана» (совместно с Е.Н. Студенецкой и Н.П. Соболевой), «Айсоры», «Курды» [1].

Л.Ф. Виноградова не очень известная фигура в отечественной этнографии, но благодаря таким людям как она этнографический музей не только выжил и сохранил свои коллекции в условиях военного времени, но и быстро восстановил и активно развивал в послевоенный период все направления своей деятельности: экспедиционное, выставочное, учетно-хранительское, исследовательское. За 25 лет работы в отделе Кавказа ГМЭ Виноградова была в семи этнографических экспедициях (в 1939, 1948 и 1949 гг. в Осетии, в 1947 г. в Белоруссии, в 1955 г. в Грузии, в 1956 и 1957 гг. в Дагестане), помимо отчетов и полевых дневников сохранились 16 вещевых коллекций (около 250 предметов), было зарегистрировано более 8000 вещей и фотографий.

Наследие Л.Ф. Виноградовой многогранно: это источники по этнографии осетин, белорусов, грузин и народов Дагестана, а также по истории страны, этнографической дисциплины в СССР и Российского этнографического музея. Большинство неопубликованные, они ждут еще своего вдумчивого исследователя, который бы ввел их в научный оборот и сделал доступными не только кавказоведам, но и всем тем, кто интересуется этнографией, историей науки и развитием научной мысли. Без знания биографии собирателя и исследователя невозможна полноценная научная критика источников – это в полной мере относится и к материалам Людмилы Филипповны. В то же время сами собранные ею коллекции вещей и фотографий, полевые отчеты и дневники являются частью истории её жизни.

50 Полевой дневник. 1956 г. // АРЭМ. Ф. Виноградовой.

51 Я признательна сотруднице РЭМ О.П. Игнатъевой, сообщившей мне дату смерти Людмилы Филипповны.

52 Виноградова Л.Ф. Женская одежда нагорного Дагестана. 1969 г. // АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 383. 58 л.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Народы Кавказа. Каталог-указатель этнографических коллекций Государственного музея этнографии народов СССР. Л., 1981. – 198 с.

2. Дмитриев В.А. Виноградова Л.Ф. 1904 – ? // Российский этнографический музей 1902 – 2002. СПб.: Славия, 2001. – С. 154.

3. Аброськина Е.В. «Вместо этнографии приходится заниматься исключительно этим...»: послевоенные экспедиции Государственного музея этнографии сквозь призму писем к А.Я. Дуйсбург // Музей – памятник – наследие. 2019. № 1 (5). – С. 102–114.

4. Шангина И.И. 1930-е годы // Российский этнографический музей 1902 – 2002. СПб.: Славия, 2001. – С. 40–47.

5. Крюкова Т.А., Студенецкая Е.Н. Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. VII. М: Издательство «Советская Россия», 1971. – С. 9–120.

6. Первак В.Э. Музей в блокадном Ленинграде // Музей и война: судьба людей, коллекций, зданий. Сборник докладов всероссийской научно-практической конференции 4–6 апреля 2016 года. Екатеринбург, 2016. – С. 183–185.

7. Копанева А.Н., Первак В.Э. Филиал Государственного музея этнографии (Российский этнографический музей) в Новосибирске в годы Великой Отечественной войны // Сохраняя наследие: История эвакуации музейных ценностей в г. Новосибирск, 1941–1945 гг. Сборник статей. Красноярск: Ситалл, 2020. – С. 80–101.

8. Гузанов А. Анатолий Кучумов // Адреса Петербурга. № 65/79. 27 июня 2018.: URL: <https://adresaspb.ru/category/citizens/istoricheskaya-lichnost/anatoliy-kuchumov/> (дата обращения: 07.06.2021).

9. Склеенова В. «Подвиг не совершается сам по себе». Жизнь и судьба Ефросиньи Буркиной // Альманах «Памятники Отечества» № 55. Наследие земли смоленской. М., 2002. – С. 62–65.

10. Баранов Д.А. Образ советского народа в репрезентативных практиках Государственного музея этнографии народов СССР во второй половине XX в. // Антропология

1. *Peoples of the Caucasus. Catalogue of ethnographic collections of the State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR [Narody Kavkaza. Katalog-ukazatel' etnograficheskikh kollektiy Gosudarstvennogo muzeya etnografii narodov SSSR]*. Leningrad, 1981.

2. Dmitriev VA. Vinogradova LF. 1904 - ? *Russian Ethnographic Museum 1902 – 2002*. Saint Petersburg: Slavia, 2001:154.

3. Abroskina EV. “Instead of ethnography, we have to deal exclusively with this ...”: post-war expeditions of the State Museum of Ethnography through the prism of letters to A.Ya. Duisburg [«Vместo etnografii prikhodit'sya zanimat'sya isklyuchitel'no etim...»: poslevoyennyye ekspeditsii Gosudarstvennogo muzeya etnografii skvoz' prizmu pisem k A.YA. Duysburg Museum - Monument - Heritage [Музей – памятник – наследие]. 2019, 1(5):102-114.

4. Shangina II. 1930s. [1930-ye gody] *Russian Ethnographic Museum 1902–2002 [Rossiyskiy etnograficheskiy muzey 1902–2002]*. Saint-Petersburg: Slavia, 2001:40-47.

5. Kryukova TA, Studenetskaya EN. State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR for Fifty Years of Soviet Power [Gosudarstvennyy muzey etnografii narodov SSSR za pyat'desyat let sovetskoy vlasti] *Studies on the History of Museum Affairs in the USSR. Issue VII [Ocherki istorii muzeynogo dela v SSSR]*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1971:9-120.

6. Pervak VE. Museum in besieged Leningrad [Музей в блокадном Ленинграде] *Museum and War: the fate of people, collections, buildings. Collection of reports of the All-Russian Scientific and Practical Conference on April 4-6, 2016 [Музей и война: судьба людей, коллекций, зданий. Сборник докладов всероссийской научно-практической конференции 4–6 апреля 2016 года]*. Ekaterinburg, 2016:183-185.

7. Kopaneva AN, Pervak VE. Branch of the State Museum of Ethnography (Russian Ethnographic Museum) in Novosibirsk during the Great Patriotic War [Filial Gosudarstvennogo muzeya etnografii (Rossiyskiy etnograficheskiy muzey) v Novosibirske v gody Velikoy Otechestvennoy voyny] *Preserving the Heritage: History of the evacuation of museum valuables in Novosibirsk, 1941-1945. Collected articles [Sokhranyaya naslediye: Istoriya evakuatsii*

социальных перемен: сборник ст. / отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2011. – С. 414–428.

11. Исмаилов Г. Магия даргинской вышивки. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2017. – 160 с.

12. Виноградова Л.Ф., Соболева Н.П. Грузины. II половина XIX–начало XX в. [Путеводитель по экспозиции]. Л. 1963. – 50 с.

muzeynykh tsennostey v g. Novosibirsk, 1941-1945 gg. Sbornik statey]. Krasnoyarsk: Sitall, 2020:80-101.

8. Guzanov A. Anatoly Kuchumov [Anatoliy Kuchumov]. *Addresses of Petersburg [Adresa Peterburga]*. № 65/79. June 27, 2018: Available from: <https://adresaspb.ru/category/citizens/istoricheskaya-lichnost/anatoliy-kuchumov/> (date of access: 07.06.2021).

9. Skleenova VA. Feat does not happen by itself. Life and fate of Efrosinya Burkina [«Podvig ne sovershayetsya sam po sebe». Zhizn' i sud'ba Yefrosin'i Burkinoy] *Almanac "Monuments of the Fatherland". The heritage of the Smolensk land*. Moscow, 2002:62-65.

10. Baranov DA. The image of the Soviet people in the representative practices of the State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR in the second half of the 20th century [Obraz sovetskogo naroda v reprezentativnykh praktikakh Gosudarstvennogo muzeya etnografii narodov SSSR vo vtoroy polovine XX v.] *Anthropology of Social Change: Collection of articles [Antropologiya sotsial'nykh peremen]*. E. Guchinova, G. Komarova (eds.). Moscow: Russian Political Encyclopedia, ROSPEN, 2011:414-428.

11. Ismailov G. *Magic of Dargin embroidery [Magiya darginской vyshivki]*. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House, 2017.

12. Vinogradova LF, Soboleva NP. *Georgians. Second half of the XIX – early XX century [Gruziny. II polovina XIX–nachalo XX v.]*. [Exposition guide]. Leningrad, 1963.

Статья поступила в редакцию 03.09.2021 г.

Статья принята в печать 25.09.2021 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173735-750>

Андреева Юлия Олеговна

к.и.н., научный сотрудник

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия,

Julia.o.andreeva@gmail.com

РЕЛИГИОЗНОЕ СООБЩЕСТВО МОЛОКАН В СОВРЕМЕННОЙ АРМЕНИИ

Аннотация. Религиозная группа русских молокан (вместе с духоборцами и субботниками) была выслана в Закавказье из центральных губерний России в XIX веке и сегодня составляет незначительное, но заметное меньшинство в моноэтничной Армении. «Сектанты» оказались в двойственном положении в Закавказье. С одной стороны, они находились в услужении Российской Империи, а с другой, считались еретиками и врагами российской государственности. Молоканство не является ни гомогенным, ни статичным явлением, это собирательное понятие, которое могут использовать разные сторонники течения, как идентифицирующие себя с группой, так и одиночки. Статья основана на полевых материалах автора, собранных в ходе экспедиций к молоканам в Армению в 2018-2019 годах. Цель исследования состоит в том, чтобы посмотреть, как религиозное сообщество, имеющее репутацию закрытого, статичного и негибкого, справляется с вызовами современного мира в демократическом государстве. Строгие нормы, обилие запретов и изоляция хорошо поддерживались в эпоху преследований и гонений, но насколько возможно сохранить их в сегодняшней Армении? Основная тема статьи — взаимодействие этнорелигиозного меньшинства со светским миром. Границы между светским и религиозным условны, и значимы, прежде всего, для самих верующих. Сегодня они достаточно легко поддерживают свою религиозность в обществе, где большинство соотносит себя с национальной религией — Армянской апостольской церковью. Нередко описывая себя, молокане обращаются к перечислению запретов, которые важны и сегодня, но соблюдаются уже не с таким тщанием, как раньше, особенно среди молодого поколения. Основные опасения старцев связаны с рисками «смешаться» и потерять свою религиозную идентичность. Проживание в иноэтничном окружении дает больше возможностей сохранять собственные обычаи и «не уходить в мир».

Ключевые слова: молокане; прыгуны; Закавказье; Армения; религиозное меньшинство; сектантство; государство.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173735-750>

Julia O. Andreeva,
Cand. Sci. (History), Researcher
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS,
St. Petersburg, Russia
Julia.o.andreeva@gmail.com

MOLOKAN RELIGIOUS COMMUNITY IN MODERN ARMENIA

Abstract. The religious group of the Russian Molokans (along with the Dukhobors and Subbotniks) was exiled from Russia to Transcaucasia in the 19th century and today constitutes an insignificant but noticeable minority in mono-ethnic Armenia. These “cultists” found themselves in an ambiguous position in Transcaucasia. On the one hand, they served the Russian Empire, on the other – they were considered heretics and enemies of the Russian statehood. The Molokan religion is neither homogenous, nor a static phenomenon; it is a collective term, which can be associated with both groups and single individuals. The article is based on the author’s field material, collected during the expedition to the Molokans in Armenia in 2018-2019. The study aims to reveal how such an isolated, static, inflexible religious community deals with the challenges of the modern world in a democratic state. Strict norms, an abundance of prohibitions and isolation were well maintained in the era of persecution, but how much is it possible to preserve them in today’s Armenia? The main subject of the paper is the interaction of ethno-religious minorities with the secular world. The boundaries between the secular and the religious are conditional, and are meaningful, first of all, for the believers themselves. Today they quite easily maintain their religiosity in a society where the majority follows the national religion – the Armenian Apostolic Church. When describing themselves, the Molokans turn to enumerating prohibitions that are important today, but are no longer observed with such care as before, especially among the younger generation. The main fears of the elders are related to the risks of “mixing” and losing their religious identity. Living in a foreign ethnic environment gives you more opportunities to preserve your own customs and not giving up on religion.

Keywords: Molokans; Pryguns; Transcaucasia; Armenia; religious minority; cultism; state.

Введение

Молокане, высланные из центральных губерний России в XIX в. в Закавказье, составляют количественно незначительное, но видимое меньшинство в современной моноэтнической Армении. Согласно статистическим данным, в 1886 г. в пределах современной Армении было 7,5 тысяч молокан [1, с. 8]. В переписи 2011 г. насчитывается 11 911 русских, из них 2 755 – это молокане.

Духовное христианство молоканство, вероятно, возникло во второй половине XVIII в. в Тамбовской губернии. Как и другие «сектанты» (духоборцы, субботники), молокане оказались на Кавказе после того, как при Николае I были отнесены к «особо вредным сектам» и их рекомендовали высылать из центральных губерний России, преследуя две цели – изолировать от православного населения и заселить новые окраины. Часть из них была отправлена туда насильно, некоторые позднее присоединялись к единоверцам добровольно. Николас Брейфогл относит молокан, вместе с духоборцами и субботниками, к невольным колонизаторам новых территорий, ставя их высылку на Кавказ в один ряд с общеевропейскими процессами колонизации [2, с. 5–6].

Высланные религиозные диссиденты оказались в двойственном положении в Закавказье. С одной стороны, они находились в услужении Империи, в частности, были носителями политики русификации и неофициальными агентами полиции. С другой стороны, считались еретиками и врагами российской государственности. При этом духовные христиане никогда не занимали официальных постов и не следовали бездумно государственному диктату, а, скорее, старались извлечь выгоду из вынужденного сотрудничества с властью [2, с. 131]. Например, они не брали в руки оружие, но оказывали значительную помощь в военных операциях Российской империи в Закавказье, в частности, строили больницы, доставляли продовольствие и другое снабжение, размещали войска в своих деревнях [2, с. 136–141].

В литературе молокане, как и последователи других старых религиозных «сект», описываются как жесткие ревнители благочестия. Исследователи отдавали предпочтение описанию религиозных обычаев, текстов, власти лидеров общины, истории их появления [1; 2; 3]. До сих пор влияние Библии, религиозных виртуозов и высказываний единоверцев на повседневную жизнь молокан невозможно недооценить. Эсхатологические ожидания и сегодня находятся в центре идеологии и упоминаются на каждом собрании. Мне хотелось бы сосредоточиться не на догматических особенностях, а на столкновениях молокан, до сих пор опирающихся на библейский авторитет, с вызовами светского государства. Миграция, глобализация и цифровизация, несомненно, отразились на жизни общины. Компьютер и смартфон вошли в жизнь большинства последователей духовного христианства, а кофе и лаваш стали частью ежедневного рациона. Как молокане приспособляются к меняющимся обстоятельствам,

какие видят плюсы и минусы в своей во многом маргинальной позиции? Что удерживает их от «ухода в мир»?

Конечно, я провожу границы между светским и религиозным условно, опираясь, прежде всего, на понятия самих верующих, предпочитающих следовать традиционной и во многом устаревшей дихотомии. Для представленного сообщества отделение от светского вовсе не переносит их автоматически к сакральному, но соотносит их с трудным путем следования божественной воле, а также с опытом сопротивления в дореволюционное и советское время, когда многие из их практик были вызовом сложившемуся православному или атеистическому порядку. Перестать поддерживать обычаи предков, вступить в брак с иноверцем означает для них «уход в мир» или отхождение от бога.

Как и другие религиозные сообщества, многие годы испытывавшие преследования со стороны государства (староверы, духоборцы, субботники) и бежавшие от контроля на окраины или в зарубежье, молокане настороженны в отношении светских властей. Каждая из групп по-своему взаимодействует со светскими институтами. В Закавказье количество религиозных диссидентов, приехавших туда в первой половине XIX века, сильно сократилось за последние десятилетия. Миграция в Россию, Израиль, США и другие страны стала общим местом. Молокане Армении, пожалуй, единственная живая группа с активной молодежью, которая продолжает веру отцов, не воспринимая ее только как наследие предков. Последнее во многом характеризует ситуацию с молоканами, духоборцами и субботниками в Азербайджане и Грузии, где их осталось очень мало, и они не образуют влиятельной религиозной общины. Тем интереснее рассмотреть пример, где этноконфессиональное меньшинство пока еще сохраняет свое обособление от русских. В то же время именно они являются эталонными русскими для многих жителей Армении, совсем не считаясь таковыми на родине.

Особенности вероучения духовных христиан молокан

Духовные христиане не признают поклонение иконам, мощам и крестам, церковную иерархию, таинства и роскошь. Библия служит главным источником авторитета, и никакая организация или пророк не могут конкурировать с ее влиянием [4, с. 48]. Любая религиозная дискуссия отталкивается от толкования Священного Писания, которое они трактуют иносказательно. Последователи одного из направлений молоканства — прыгунов («духовные», как они называют себя в Армении) — дополнительно используют книгу «Дух и жизнь»¹ и с особым почтением относятся к Максиму Гавриловичу Рудометкину, одному

¹ Основную часть книги составляют «Боговдохновенные изречения Максима Гавриловича Рудометкина, Царя Духов и Вождя Сионского народа Духовных Христиан Молокан Прыгунов». Она была написана в XIX веке и впервые издана в США в 1915 г. [3, с. 222].

из молоканских пророков XIX в. За свою историю молоканство не раз делилось на толки, на сегодня сохранились два самых крупных – постоянные и прыгуны. Постоянные молокане, как правило, используют на своих собраниях только Библию, отмечают основные православные праздники и среди них нет пророков.

Прыгунское течение выделилось в середине XIX века в Армении. В начале XX в. после пророчества о необходимости миграции многие из них уехали в США² в поисках лучшей доли. Они получили такое название за «хождение в духе», экстатичное служение, прыжки и притопывание во время службы. Прыгуны опираются главным образом на Ветхий Завет, отмечают всего пять праздников по еврейскому календарю – Пасху, Пятидесятницу, Память труб, Судный день и Кущи. Прыгуны-максимисты, считающие М.Г. Рудометкина воплощением Святого Духа на земле, признаются самыми строгими блюстителями религиозных обычаев и догм. При этом, в процессе полевой работы среди молокан Армении мне не удалось наблюдать строгого деления на прыгунов и максимистов: большинство просто не задумывается над вопросами теологии. Обычно они не могут ни себя, ни своих соседей-знакомых отнести к прыгунам или максимистам, хотя довольно четко делят прыгунов и постоянных. Маркирование происходит не в эссенциалистских терминах, а на уровне практик – в какое собрание ходит человек, получает ли он пенсию, отмечает ли день рождения и т.п. Самые строгие приверженцы отказываются от государственных выплат и не отмечают светские праздники. Исследователь русских иудействующих Александр Львов напоминает, что ранние иконоборческие движения долгое время не имели названий, и лишь в начале XIX в. из разнородной массы религиозных диссидентов стали выделять такие группы, как молокане, духоборцы, субботники [4, с. 21]. В данной среде интерпретировать тексты Священного Писания дозволяется любому верующему, «правильность» толкований удостоверяется не мнением образованной элиты, заинтересованной в формировании профессиональных границ, а согласием рядовых членов сообщества признать толкование соответствующему тексту «закона» и следовать ему на практике» [4, с. 48–49].

Сегодня определение той или иной общины в первую очередь внешняя характеристика, основанная на строгости соблюдения практик. Исследовательница армянских молокан И.В. Долженко отмечает, что существовавшие в прошлом идеологические отличия между прыгунами и максимистами исчезли, и сейчас можно говорить о едином течении – прыгунстве [5, с. 88]. Когда я спрашивала наиболее сведущих молокан о максимистах, то после раздумья они не раз мне отвечали, что, по сути, все прыгуны – максимисты, потому что используют в богослужении книгу «Дух и жизнь», хотя и по-разному к ней относятся.

2 В штатах Калифорния и Орегон и сейчас сохраняются общины молокан. В советское время они не имели почти никаких контактов со своими родственниками и единоверцами с исторической родины, однако в 1990-е многие американские молокане стали приезжать в Армению и спонсировать строительство молитвенных домов.

От рядовых членов общины обычно никакого ответа получить не удавалось, один раз мне объяснили, что «максимисты – самые духовные молокане» (муж., ок. 55 лет).

Хотя в разные годы молокане пробовали создавать объединяющие институты³, разрабатывали единые богослужебные обряды – эти попытки увенчались небольшим успехом. Каждая община устанавливает собственные правила и порядок службы, по-своему позволяет интерпретировать библейские тексты и, исходя из этого, следовать разным практикам питания, брачным, профессиональным и гражданским нормам. Опять же отсутствие контактов между сообществами, проживающими в разных странах, привело к значительным расхождениям в ритуальном и бытовом поведении, поэтому говорить о каком-то едином молоканстве не приходится. Например, молоканам в Армении мало что известно о грузинских единоверцах (и тем более об азербайджанских). Я описываю практики, с которыми сталкивалась среди молокан Армении, и этот материал не всегда можно экстраполировать на их общины в других регионах, в частности, в Азербайджане, Грузии, России, США⁴, куда молокане попадали в другие исторические периоды и в иной культурный контекст.

Особенности полевой работы

В основе статьи лежат материалы автора, собранные в ходе полевой работы среди молокан Армении в 2018–2019 годах, главным образом среди общин прыгунов. Выбор именно их сообществ связан с тем, что почти все постоянные молокане либо эмигрировали, либо «ушли в мир», либо перешли в прыгунские собрания или баптизм. Так, например, в Ереване осталось только одно небольшое собрание постоянных и пять общин прыгунов. Первоначально я планировала работать в молоканских селах Фиолетово и Лермонтово⁵, однако посетив собрание в Ереване, решила сосредоточиться на исследовании городского сообщества. Оказалось, что сельские собрания хотя и оживленные⁶, но значительная часть религиозной жизни сосредоточена в столице. Отсутствие рабочих мест, тяжелые условия сельскохозяйственного труда и низкие цены на сбыт выращенной продукции приводят к тому, что сельчане переезжают в город на временные заработки или насовсем⁷. Среди моих собеседников уже

3 Например, в начале XX в. молоканский проповедник Н.Ф. Кудинов пытался создать «прогрессивное молоканство», придав ему строго централизованный вид [6, с. 300]. Он же в 1923 г. организовал Всероссийский союз религиозных общин духовных христиан-молокан (просуществовал до 1929 г.), где был председателем совета [6, с. 309]. В 1991 году был создан Союз общин духовных христиан молокан, в который вошла только часть общин постоянных молокан [7, см. 88-89].

4 См. о молоканах в современной Армении [5], Азербайджане [8; 9], Грузии [10], США [11; 12], России [7].

5 Только они дожили до настоящего времени. Подробнее о молоканских селах, их обычаях и образе жизни см. [1].

6 В каждом из молоканских сел – Фиолетово и Лермонтово (Лорийская область) – существует по три собрания.

7 Также после распада Советского Союза началась большая миграция в Россию, США и Австралию, где есть молоканские общины.

есть не одно поколение тех, кто был рожден в городе, но есть и те, кто до сих пор проживает в селе, а в городе работает сезонами. Контакты между городом и селом очень тесные, у многих столичных жителей есть близкие родственники в Фиолетово и Лермонтово. Например, ереванцы приезжают туда в гости, за черемшей или на обряды перехода, привозят оттуда и распределяют в собраниях мясо правильно забитых животных или свежие овощи. Городские лучше владеют армянским языком, потому что хотя бы частично обучаются в школе на армянском. Сельские могут понимать армянский, но предпочитают говорить, как правило, на русском. Горожане больше ориентированы на получение образования и освоение профессий, чаще хотят получить среднее специальное или даже высшее образование.

Никакой публичной информации с адресами молитвенных домов мне найти не удалось, все эти сведения – устное знание, передающееся в кругу своих. Однако нельзя сказать, что молокане прячутся или скрывают что-то от чужаков, скорее, каждая община – это расширенная семья, где все знают друг друга и не готовы впускать любого прохожего в свой «дом». Меня не выгоняли из собраний, хотя мое присутствие и вызывало подчас пересуды и недоумение у верующих. В новом собрании мне требовалось представиться и просить разрешения присутствовать у пресвитера. Мне позволяли остаться, но всегда просили не делать фото-, видео- и аудиозаписи. В итоге, за все время моей полевой работы я смогла записать несколько интервью, все остальное – это заметки в полевом дневнике. Большая часть наблюдений проводилась в молитвенных собраниях молокан, также я была несколько раз в домах молокан Еревана, сел. Фиолетово и сел. Лермонтово. Я присутствовала как на самом богослужении, так и на праздниках, которые несколько раз выпадали на мой приезд; консультировалась со старцами в вопросах теологии и узнавала их мнение по поводу текущих событий; принимала участие в бытовых разговорах на «женской половине» до или после собрания.

Молоканское собрание

Посещение собраний вовсе не удел пожилых людей, на них регулярно приходят представители разных возрастных групп. Обычно мужчин и женщин примерно поровну, если перевес и бывает, то чаще в сторону мужчин – именно они ответственны за молитву. Наиболее значимы в общине слова пресвитера и старцев, они же ходят на все собрания, публично реагируют на текущие политические и экономические события. По сути, именно они влияют на повседневное поведение и общественную позицию молокан. Во время бесед обсуждаются библейские тексты, они комментируются в том числе с учетом сегодняшнего дня. В ходе обсуждения возможна полярность мнений, дискуссии и просьбы к старцам объяснить непонятное место в Священном Писании.

В собрании все обращаются друг к другу «братья и сестры», приветствуют поцелуями в щеку. И.В. Долженко указывает, что еще в XIX в. все члены религиозной группы были связаны между собой семейно-брачными и ритуальными отношениями, закрепленными вероучением [1, с. 13]. Как сказала мне одна информантка: «хоть какой, но свой» (жен., 55 лет), поясняя, что только в кругу единоверцев возможно взаимопонимание и душевный комфорт. Главным для них является даже не этнический ресурс, а религиозный. Армянский исследователь Сурен Золян отмечает, что «члены общины идентифицировали себя скорее с единоверцами, чем с соотечественниками» [13]. В случае беды или другого важного события община оказывается первой, кто делит радости и печали. Когда требуется молитвенная помощь, нуждающийся «выходит на круг» и обращается ко всем присутствующим помолиться о нем или о близком, могут звонить также и в другие собрания с просьбой «войти в помощь».

За время полевой работы в Ереване я посещала три разных собрания прыгунов и одно постоянных молокан, но большую часть времени провела в одном собрании, которое условно можно отнести к умеренным прыгунам. Контакты между общинами очень тесные, верующие посещают собрания друг друга, приглашают на праздники и другие коллективные события, однако в каждом собрании есть свои богослужбные или ритуальные особенности. Например, в одной общине много пророков и часто практикуются индивидуальные пророчества, в других – пророков нет совсем; где-то большое значение имеет проповедь, а в каких-то собраниях она хоть и есть, но довольно формальна. Опять же, тот или иной порядок в сообществе не является статичным, со сменой пресвитера, старцев и пророков меняется и контроль за коллективным поведением, и экстатичность богослужения. И в наши дни продолжают формироваться общины, а от существующих крупных собраний откалываются небольшие группы верующих, собирающиеся на дому. Молоканство не является ни гомогенным, ни статичным явлением, это собирательное понятие, которое могут использовать разные сторонники течения, как идентифицирующие себя с группой, так и одиночки.

Противник «группового» подхода к этническим, конфессиональным или профессиональным сообществам, Роджерс Брубейкер, говорит о том, что понимание групп как сущностей и акторов ограничивает видение социальной реальности, поскольку любая «групповость» – переменная, а не константа». В разные периоды ощущение группового единства может усиливаться и ослабляться, и только в редкие моменты кризиса – отражать настроения большинства [14, с. 18]. Также и в среде русскоязычных молокан наибольшая солидарность возникает при столкновении с «чужим», когда внутренние различия становятся не так значимы. Например, один из постоянных молокан говорил мне о том, что он тоже не выходит на работу в дни прыгунских праздников, потому что не хочет объяснять своим работодателям-армянам вероучительные

отличия и рассказывать о несовпадении праздников прыгунов и постоянных, предпочитая относить себя к молоканам вообще, а не к конкретной общине.

Молокане и государство

Несмотря на то, что течение духовных христиан выросло в оппозиции доминирующей религии, они редко вступали в открытую конфронтацию с государством. Армянские молокане не являются, да и в советское время не были религиозным подпольем, не призывают уходить из греховного мира, находящегося под властью Антихриста, полностью разорвав с ним связи. Они признают, что светский мир находится рядом с ними и с ним приходится соприкасаться, но принадлежность к своему кругу позволяет удержаться от многих его соблазнов. Поэтому считается, что браки, заключенные с немолоканами, уводят не только от сообщества, но и от бога. Сегодня они достаточно легко поддерживают свою религиозность в обществе, где большинство соотносит себя с национальной религией – Армянской апостольской церковью, при этом разделяют разный набор вернакулярных верований и практик [15, с. 330].

Не вступая в конкурентные отношения с доминирующей религией и занимая нишу этнического меньшинства, они спокойно принимаются в обществе. Молоканские домработницы и специалисты по отделке квартир высоко ценятся и считаются надежными и ответственными работниками. Поиск места, как правило, осуществляется через сети родственников и друзей, поскольку официальное трудоустройство в Армении нередко требует посредничества или финансовых затрат. Многие из моих собеседников работают без оформления и ощущают шаткость своего положения. Однако такое положение характерно в целом для армянского общества и не ограничивается какой-либо этнической группой. В данном случае молокане, как и многие армяне, прибегают к неформальным практикам.

Татьяна Никольская выделяет несколько вариантов позиций протестантов в советское время: патриотическая, оппозиционная, пацифистская и космополитическая [16, с. 93–94]. Для молокан, которые также относились к религиозным меньшинствам и во многих положениях сходились с протестантами, характерна в большей степени последняя. Однако даже не демонстрируя заинтересованность в политической жизни страны, считая себя гражданами «небесной отчизны», они не всегда готовы ее покинуть, объясняя свое желание остаться силой привычки, пророчествами старцев или близостью к горе Арарат.

Духовные христиане-молокане политически нейтральны, что выражается в избегании государственных структур, но при этом не в сопротивлении им. Они законопослушны, платят налоги. При этом большинство из них не ходит на выборы, не участвует в митингах, не посещает публичные мероприятия и праздники. Позиция молокан схожа с поведением многих религиозных групп,

подвергавшихся гонениям как в имперской России, так и в советский период. Стремление сохранить себя с минимальными потерями близко политике выживания, о которой писал Алексей Юрчак, говоря об иронической невовлеченности позднесоветских митьков и большинства советских граждан [17, с. 474–475]. Разумеется, духовные христиане во многом отличны как от столичных интеллигентов, так и от условий, в которых они существуют. Более того, они высоко ценят свою свободу в независимой Армении и отмечают, что сейчас никаких преследований в их адрес нет, однако считают, что такое положение временно и в любой момент можно ожидать новую волну гонений.

Апокалиптические настроения, советский опыт притеснений и скепсис в отношении политических лидеров и демократических перемен, характерный для постсоветских стран в целом, приводят к тому, что молокане дистанцируются от любого присутствия в государственной политике и провозглашенных целей. Так, они вынуждены участвовать в военном конфликте между Арменией и Азербайджаном осенью 2020 г., но не принимают милитаристскую и национальную риторику. Стремление не получать «даров» государства в виде социальных выплат, связано, по-видимому, с нежеланием быть должным ему. Отказываясь играть по правилам «противника», они не протестуют, а стараются нейтрализовать его влияние на частную и религиозную жизнь. В то же время групповость в отношении многих политических вопросов консолидируется в устах пресвитера и старцев, перечить которым, особенно во время собрания, не принято. В то же время в личных беседах многие молокане высказывали куда большую заинтересованность в текущих делах государств Армении и России и даже говорили о переменах, которые могут привести к экономическому благополучию.

Религиозная группа молокан в Армении официально не зарегистрирована⁸, такая стратегия является во многом наследием советского прошлого, когда регистрация вела к обязательствам «действовать в рамках действующего законодательства», вмешательству и контролю со стороны органов власти. Некоторые религиозные группы уходили в подполье, не имея возможности или желания зарегистрировать свою деятельность [18, с. 126–128]. Молокане нередко рассказывают о попытках вмешательства чиновников в жизнь общины в советское время, о вербовке агентов среди верующих. При этом признается, что в суровых условиях сообщество было сплоченнее, чем в наше время, когда никаких преследований нет. Молоканские «пророки» в советское время были сильнее, видели человека насквозь, а то, что они говорили во время молений, всегда сбывалось через 2–3 дня (муж., 24 года).

Обсуждая политику, молокане, как правило, ссылаются на общепринятое мнение – «да что от нас зависит?» или «они уже там выбрали» и характеризуют

⁸ Как и в остальных вопросах, здесь нет никакого единства, например, молоканские общины в Грузии регистрировались в советское время.

себя как пассивных субъектов, лишенных политической воли. Такая позиция не уникальна для постсоветского общества. Свою агентность они реализуют в просьбах богу, чтобы волнения в стране никак их не коснулись. Впрочем, любая власть и амбиции кажутся им иллюзорными и сиюминутными, а попытки религиозных лидеров участвовать в публичной политике лицемерными и уводящими от бога: «Быть у власти – все равно быть во греху, там неправда, фальшь, что-то... почему есть пословица, говорят, кто у власти, тот у сласти. Все равно жрет неправильные хлеба» (муж., ок. 55 лет). Один из старцев сам заговорил со мной на эту тему (вероятно, обращаясь ко мне как к представителю православия), выразив отношение следующим образом: «Представьте, Христос пошел бы в сенаторы!». Старцы относят ее не только к себе – «духовной элите» молоканства, но и к рядовым верующим. Отношение к руководству страны как к неизбежному злу совмещается с представлением о том, что любая власть от бога, поэтому не их дело лезть в политику. Конечно, фаталистические настроения подкрепляются частой сменой власти в Армении, экономическими проблемами после распада СССР и обретения независимости. Определенная привычка к переменам, а также апелляции к многострадальной истории изгнанничества и неприкаянности есть и в словах молодого молоканина, родившегося в Армении: «Если Бог так устроил, то он знает для чего это. Мы подчиняемся власти» (муж., 26 лет).

Принимая существующий порядок и считая его несовершенным, в том числе и осуждая коррупцию, последователи не отказываются от официальной медицины, светского образования, официального трудоустройства. В случае необходимости они обращаются за медицинской помощью. Разумеется, молитва (особенно коллективная) имеет куда более значимый целительный эффект, но не отменяет проведение операции. Так, перед родами или хирургической процедурой, верующие часто выходят на круг и просят помолиться о благополучном исходе. Считается, что именно совместная просьба и слова пророка оказываются решающими.

К получению образования относятся двойственно: с одной стороны, оно может уводить от бога, а с другой стороны, желательно, но финансово затратно, большие семьи редко могут позволить себе обучать детей в университетах. В молоканских селах позиции учителей, ветврачей и медработников занимают армяне, которые нередко ездят на работу из ближайших городов, молокане не всегда даже заканчивают среднюю школу. Нужно сказать, что многие из молокан, которые переселяются в Россию, ориентированы уже на совсем другую идеологию: оставаясь внутри общины, они заканчивают университеты и заняты высококвалифицированным трудом.

Работа на государственных позициях осуждается, но таких случаев очень мало. Один из молокан после Бархатной революции вошел в парламент как

представитель национального меньшинства⁹, что вызвало неоднозначную реакцию в сообществе и пассивное неприятие старцев. Житель сел. Лермонтово рассказывал о своей службе в милиции в советское время и о риске «уйти в мир», но дядя помог ему одуматься («тебя Бог накажет, ты отсюда уйди!»), вернуться в родное село и жениться на молоканке. Интересно, что родителям он не мог признаться в характере своей занятости, говорил, что работает на стройке. Такая деятельность вдали от дома была для них приемлемее, чем работа в органах (муж., ок. 55 лет).

Запреты как ограждение от светского мира

Молокане, нередко описывая себя, обращаются к перечислению запретов: нельзя разводиться, употреблять в пищу свинину и алкоголь, танцевать и играть на музыкальных инструментах, праздновать день рождения, смотреть телевизор, фотографироваться и многое другое. С.Е. Никитина указывает, что для подобных конфессиональных сообществ характерно обостренное самосознание, запреты же являются способом не только сохранения культуры, но и средством самоидентификации [19, с. 191]. Такой язык самописания подкрепляется и приезжими журналистами, как из России, так и из Армении, которые ищут в молоканских селах «заповедник русской культуры», аутентичность, и даже «Русь изначальную»¹⁰.

Экзотизация иноэтничного сообщества, чрезмерное акцентирование закрытости границ¹¹ представителями СМИ и соседями, в общем, разделяется, и молоканами, отмечающими, что им такое положение идет на пользу, в частности, помогает сохранять религиозные обычаи. Запреты на фотографирование, аудио- и видеосъемку объясняются желанием уберечься от опасностей глобального светского мира с его публичностью и ошибочными ценностями. Как не раз мне говорили старцы: «чем меньше про нас знают – тем лучше». Пока Лыковых не нашли, они жили хорошо, а когда их обнаружили, праведный образ жизни был нарушен (муж., ок. 40 лет). Страх того, что «мир» уведет молокан от бога совмещается с опасением неправильной репрезентации. Старейшины крайне болезненно воспринимают рассказы о том, что где-то молокане употребляют свинину или разводятся, подчеркивая, что это никакие не молокане и называться так не имеют права. Все равно про армянских молокан снято довольно много документальных фильмов и репортажей. Один из собеседников

9 Тот же молоканин получил депутатский мандат и в 2021 г. вместе с представителями курдской, езидской и ассирийской общин. См. Нацменьшинства Армении призвали справедливее распределять мандаты в парламенте. Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/365429/> © Кавказский Узел (дата обращения 13.09.2021).

10 Армянские молокане. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=9ERCY6l69KY> (дата обращения 13.09.2021).

11 Д. Рыговский показывает, что старообрядческая община – тоже является объектом экзотизации [20].

рассказывал, что длительное время подвергался осуждению общины за согласие сняться в одном из фильмов, но, разумеется, ни о каком изгнании из сообщества речь не идет.

Жители молоканских сел сегодня чаще открываются внешнему миру, больше выезжают в города и даже другие страны в поисках работы и лучшей жизни. Одна из семей в сел. Фиолетово уже несколько лет принимает туристов, но идя на такой непривычный шаг, она заботится о своей репутации в селе и следит за соблюдением религиозных устоев. В частности, они всячески подчеркивают, что не работают по воскресеньям, у них в доме нет ни запретной еды и напитков (в первую очередь свинины и алкоголя), ни танцев с песнями, только общение и чаепитие из самовара.

Четкое соблюдение предписаний в наибольшей степени характерна для пожилого возраста, молодежи разрешаются послабления, которые с каждым годом затрагивают все больше разных сфер. Как правило, после заключения брака ожидается большая строгость в исполнении обычаев, а если мужчина отпустил бороду, то он накладывает на себя ряд обязательств, в том числе запрет ее сбривать: «если бороду отпустил, значит, должен, ну, как бы... мирские дела, говорим, все оставить – не выпивать, не курить, еще что-то такое. Вот должен все исполнять заповеди» (муж., ок. 70 лет). Как видно на собраниях, многие мужчины даже после 40 лет гладко выбриты, их регулярно спрашивают о том, когда же они отпустят бороду, но принуждения со стороны старцев нет.

Заключение

Молокане в Армении представляют собой неоднородные общины с разными бытовыми и религиозными взглядами, но с внешней точки зрения они составляют этнорелигиозное меньшинство [21, с. 297-397] и не претендуют на властные или другие доминирующие позиции, принимая свое место во вторых рядах. Не все и не всегда соглашаются с таким положением вещей, но протестные голоса в сообществе слышны редко. Недовольство образованных молокан, вынужденных заниматься неквалифицированным трудом, совмещается с желанием отдельных семей ограничить детей от вреда знаний. Молоканское сообщество многослойно и неоднородно, мнение горожан не всегда совпадает с позицией сельчан, а пожилые молокане намного более консервативны, чем молодежь.

Не для всех моих собеседников принадлежность к религиозному сообществу является доминирующей, они нередко больше опираются на круг семьи и друзей. В то же время, разговаривая с исследователем-чужаком, они в большей степени подчеркивали свою отнесенность к группе [14]. Так происходит и во многих контактах с армянами, которые по определенным признакам – бороде, платкам, длинным платьям, светлым волосам и голубым глазам –

наделяют их определенными чертами, свойственными каждому из них в разной степени.

Недоверие любой светской власти и стремление молокан держаться от нее особняком объясняются не только догматическими особенностями, но и широкой распространенностью неформальных экономических практик, отсутствием твердых социальных гарантий в стране. При этом они видят и определенные плюсы от такого соседства, которые, несмотря на тяжелое экономическое положение, многих удерживают на месте. Среди них: отсутствие давления за убеждения и обвинений в сектантстве, возможность исповедовать обычаи, в том числе заключать ранние браки и иметь выходные в религиозные праздники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долженко И.В. Религиозный и культурно-бытовой уклад русских крестьян-сектантов Восточной Армении (XIX — начало XX в.) // *Духоборцы и молокане в Закавказье*. М.: ИЭА РАН, 1992. С. 7-25.
2. Breyfogle N.B. *Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus*. Cornell University Press, 2005.
3. Никитина С.Е. Сотворение мира и концепт исхода/похода в культуре молокан-прыгунов // *От бытия к исходу. Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре*. Сборник статей. Вып. 2. Москва: ГЕОС, 1998. С. 220-230.
4. Львов А.Л. *Соха и Пятикнижие: русские иудействующие как текстуальное сообщество*. СПб.: Издательство ЕУСПб, 2011.
5. Долженко И.В. Современное молоканство Армении: структура церковной организации // *Научные труды Центра арменоведческих исследований Ширака*. Вып. VII. Гюмри, 2004. С. 88–91.
6. Буянов Е.В. *Духовные христиане молокане в Амурской области во второй половине XIX – первой трети XX вв.* Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2013.
7. Иникова С.А. Проблемы этноконфессиональных групп духоборцев и молокан // *Фактор этноконфессиональной самобытности в постсоветском обществе / Отв. ред. Олкотт М.Б., Малашенко А.В.* М.: Изд. Московский центр Карнеги, 1998. С. 84-104.

REFERENCES

1. Dolzhenko IV. Religious, cultural and everyday life of the Russian sectarian peasants in Eastern Armenia (19th – early 20th century) [*Religiozni i kul'turno-bytovoi ukhad russkikh krest'ian-sektantov Vostochnoi Armenii (XIX - nachalo XX v.)*]. *Dukhobors and Molokans in Transcaucasia [Dukhobortsy i molokane v Zakavkaz'e]*. Moscow: IEA RAN, 1992: 7-25. (In Russ)
2. Breyfogle NB. *Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus*. Cornell University Press, 2005.
3. Nikitina SE. Creation of the world and the concept of exodus / march in the culture of Molokan-Pryguns [*Sotvorenie mira i kontsept iskhoda/pokhoda v kul'ture molokan-prygunov*] *From being to the end. Reflection on biblical stories in Slavic and Jewish folk culture. Collection of articles Ot bytiia k iskhodu. Otrazhenie bibleiskikh siuzhetov v slavianskoi i evreiskoi narodnoi kul'ture*]. Vol. 2. Moscow: GEOS, 1998:220-230. (In Russ)
4. Lvov AL. *The Plough and the Pentateuch: Russian Judaizers as a Textual Community [Sokha i Piatiknizhie: russkie iudeistvuiushchie kak tekstual'noe soobshchestvo]*. St. Petersburg: EUSPb, 2011. (In Russ)
5. Dolzhenko IV. Modern Molokans of Armenia: Structure of Church Organization. Scientific Works of the Shirak Center for Armenian Studies [*Sovremennoe molokanstvo Armenii: struktura*

8. Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. Некоторые аспекты современного состояния русских молоканских общин Азербайджана // Лавровский сборник. Материалы XXXIV и XXXV Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений: этнология, история, археология, культурология (2010-2011). Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2011.

9. Сулейманов А. Община Молокан в Азербайджане: От идентичности религиозной к идентичности локальной и этнической // Heinrich Boell Stiftung. South Caucasus Region. 09.09.2008. Режим доступа: <https://ge.boell.org/en/2008/09/10/obshchina-molokan-v-azerbaydzhane-ot-identichnosti-religioznoy-k-identichnosti-lokalnoy-i> (дата обращения 26.08.2021).

10. Андреева Ю.О. Последние из молокан в современной Грузии // Кунсткамера. 2019. №2. С. 16-26.

11. Dunn E., Dunn S.P. The Molokans in America // *Dialectical Anthropology*. 1978. Vol. 3. No. 4. P. 349-360.

12. Hardwick S.W. Religion and Migration: The Molokan Experience // *Yearbook of the Association of Pacific Coast Geographers*. 1993. Vol. 55. P. 127-141.

13. Золян С. Русский язык в Армении // Русский язык зарубежья. СПб.: Изд-во «Златоуст», 2013. С. 61-84.

14. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

15. Antonyan Y. Religiosity and Religious Identity in Armenia: Some Current Models and Developments // *Acta Ethnographica Hungarica*. 2011. No. 56 (2). P. 315-332. DOI: 10.1556/AEthn.56.2011.2.4

16. Никольская Т.К. Русские протестанты: отношение к политике (советский период) // Богословские размышления. Спецвыпуск «Реформация 500». 2015. С. 93-104.

17. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014.

18. Белякова Н.А. Власть и религиозные объединения в позднем СССР: проблема регистрации // Отечественная история. 2008. №4. С. 124-130.

19. Никитина С.Е. Что объединяет конфессиональные сообщества // Старообрядчество: история, культура, современность.

tserkovnoi organizatsii. Nauchnye trudy Tsentra armenovedcheskikh issledovaniy Shiraka]. Vol. VII; Giumri, 2004:88-91. (In Russ)

6. Buyanov EV. *Spiritual Christians Molokans in Amur Region in the second half of 19th-first third of the 20th century [Dukhovnye khristiane molokane v Amurskoi oblasti vo vtoroi polovine 19 – pervoi treti 20 vv.]*. Blagoveshchensk: Amur State University, 2013. (In Russ)

7. Inikova SA. *Problems of ethno-confessional groups of Dukhobors and Molokans. The factor of ethno-confessional identity in post-Soviet society [Problemy etnokonfessional'nykh grupp dukhobortsev i molokan. Faktor etnokonfessional'noi samobytnosti v postsovetskom obshchestve]*. Olkott M.B., Malashenko A.V. (eds.). Moscow: Moskovskii tsentr Karnegi, 1998:84-104. (In Russ)

8. Pchelintseva ND, Soloviyeva LT. Some aspects of the current state of the Russian Molokan communities in Azerbaijan [Nekotorye aspekty sovremennogo sostoianiia russkikh molokanskikh obshchin Azerbaidzhana] *Lavrovsky collection. Proceedings of the XXXIV and XXXV Lavrovsky (Central Asian-Caucasian) readings: ethnology, history, archeology, cultural studies (2010-2011)*. St. Petersburg: MAE RAN, 2011. (In Russ)

9. Suleimanov A. Molokan Community in Azerbaijan: From Religious Identity to Local and Ethnic Identity [Obshchina Molokan v Azerbaidzhane: Ot identichnosti religioznoi k identichnosti lokal'noi i etnicheskoi]. *Heinrich Boell Stiftung. South Caucasus Region*; 09.09.2008. Available from: <https://ge.boell.org/en/2008/09/10/obshchina-molokan-v-azerbaydzhane-ot-identichnosti-religioznoy-k-identichnosti-lokalnoy-i>

10. Andreeva J. The Last Molokans in Contemporary Georgia [Poslednie iz molokan v sovremennoi Gruzii]. *Kunstkamera*. 2019, 2: 16-26.

11. Dunn E, Dunn SP. The Molokans in America. *Dialectical Anthropology*. 1978, 3(4):349-360.

12. Hardwick SW. Religion and Migration: The Molokan Experience. *Yearbook of the Association of Pacific Coast Geographers*. 1993, 55: 127-141.

13. Zolyan S. *Russian language in Armenia. Russian language abroad [Russkii iazyk v Armenii. Russkii iazyk zarubezh'ia]*. St. Petersburg: Zlatoust, 2013: 61-84. (In Russ)

14. Brubaker R. *Ethnicity without Groups [Ethnicnost' bez grupp]*. Moscow: HSE Publ., 2012. (In Russ)

Материалы международной конференции, 11-13 ноября 2014 г. М.: Центр истории и культуры старообрядчества имени боярыни Морозовой, 2014. Т. 2. С. 185-197.

20. Рыговский Д.С. Экзотизация как познание: усинские старообрядцы и оптики до-революционных этнографических описаний религиозных сообществ // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 111-127. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.9>

21. Schulze I., Schulze W. *A Handbook of the Minorities of Armenia: A Sociocultural and Sociolinguistic Survey*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2016.

15. Antonyan Y. Religiosity and Religious Identity in Armenia: Some Current Models and Developments. *Acta Ethnographica Hungarica*. 2011, 56(2): 315–332. DOI: 10.1556/AEthn.56.2011.2.4

16. Nikolskaya TK. Russian Protestants: relations with politics (Soviet period) [Russkie protestanty: otnoshenie k politike (sovetskii period)]. *Bogoslovskie razmyshleniia. Spetsvypusk "Reformatsiia 500"*. 2015: 93-104.

17. Yurchak A. *Everything was Forever, Until It was no More: The Last Soviet Generation [Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie]*. Moscow: NLO, 2014. (In Russ)

18. Belyakova NA. State and religious organizations in late USSR [Vlast' i religioznye ob'edineniia v pozdnem SSSR: problema registratsii]. *Otechestvennaia istoriia*. 2008, 4: 124-130. (In Russ)

19. Nikitina SE. What unites the confessional communities? [Chto ob'ediniaet konfessional'nye soobshchestva]. *Old Belief: history, culture, modernity. Materials of International conference, 11-13 November, 2014 [Staroobriadchestvo: istoriia, kultura, sovremennost'. 11-13 noiabria 2014 g.]*. Moscow. 2014, 2: 185-197. (In Russ)

20. Rygovsky DS. Exotization as cognition: Usinsky Old Believers and Perspectives of Pre-Revolutionary Ethnographic Descriptions of Religious Communities [Ekzotizatsiia kak poznanie: usinsk- ie staroobriadtsy i optiki dorevoliutsionnykh etno- graficheskikh opisaniia religioznykh soobshchestv]. *New Research of Tuva*. 2021, 3: 111–127. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.9>

21. Schulze I, Schulze W. *A Handbook of the Minorities of Armenia: A Sociocultural and Sociolinguistic Survey*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2016.

Статья поступила в редакцию 04.09.2021 г.
Статья принята в печать 02.10.2021 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173751-759>

Мхитарян Гоар Жораевна
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт востоковедения НАН РА, Ереван, Армения
goharmkhitaryan7@gmail.com

РЕЦЕНЗИЯ

Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г., Ибрагим-хаджи из Урады (1701-1770) и его эпоха: очерки истории и жизни. Махачкала, 2021. ISBN 978-5-6045929-0-8

Аннотация. Данная рецензия посвящена коллективной монографии «Ибрагим-хаджи из Урады (1701-1770) и его эпоха: очерки истории и жизни» (Махачкала, 2021), которая является значимым вкладом в кавказоведение. Несмотря на, что в последние годы в исторической науке прослеживается повышенный интерес к личности Ибрагима-хаджи ал-Уради, предлагаемая вниманию читателей трудоёмкая монография проливает свет на многие аспекты жизни и деятельности выдающегося учёного, знатока исламского права и грамматики аварского языка, автора стихов на аварском, богослова, одного из идеологов борьбы дагестанцев с Надир-шахом, кадия Гидатля. В коллективной монографии авторы на богатой документальной базе проводят скрупулезную реконструкцию политических событий на Кавказе исследуемого периода и на этом фоне анализируют жизнь и деятельность Ибрагима-хаджи ал-Уради. Авторами впервые в современном кавказоведении введены в научный оборот разнообразные материалы. Так, впервые использованы ряд грузинских, турецких и иранских первоисточников, которые помогают увидеть более полную картину событий Восточного Кавказа и всего Кавказского региона в целом во второй половине XVIII в. Более того, авторами были привлечены арабоязычные источники из частных рукописных собраний из Гидатля и содержание коллекций Фонда восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. К проделанной работе нужно прибавить частные и мечетские рукописные коллекции Дагестана, в общей сложности авторами введены в научный оборот более 2000 единиц сочинений. С уверенностью можно констатировать, что настоящее исследование заняло достойное место наряду с другими трудами, посвященными жизни и деятельности Ибрагима-хаджи ал-Уради.

Ключевые слова: Восточный Кавказ; Дагестан; кавказоведение; исторические источники; Ибрагим-хаджи из Урады; рецензия

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH173751-759>

Goar Zh. Mhitarian,
PhD (History), Senior Researcher
Institute of Oriental Studies of NAS RA, Erevan, Armenia
goharmkhitarian7@gmail.com

REVIEW

Khapizov Sh.M., Shekhmagomedov M.G. Ibrahim-Haji from Urada (1701-1770) and his era: studies on history and life. Makhachkala, 2021. ISBN 978-5-6045929-0-8

Abstract. The present review discusses the collective monograph “Ibrahim-Haji from Urada (1701-1770) and his era: studies on history and life” (Makhachkala, 2021), which is a significant contribution to Caucasian studies. Given the fact that in recent years in historical science there has been an increased interest in the personality of Ibrahim-Haji al-Uradi, the comprehensive monograph sheds light on many aspects of the life and work of the outstanding scholar and expert in Islamic law and grammar of the Avar language, author of poems in Avar, theologian, one of the ideologists of the struggle between the Dagestanis and Nadir Shah, Qadi of Gidatl. The authors of the collective monograph, using a rich documentary base, carry out a scrupulous reconstruction of political events in the Caucasus of the period under study, and against this background analyze the life and work of Ibrahim-Haji al-Uradi. For the first time in modern Caucasian studies, the authors have introduced a number of Georgian, Turkish and Iranian primary sources, which help to reveal a more complete picture of the events in the Eastern Caucasus and the entire Caucasian region as a whole in the second half of the 18th century. Moreover, the authors attracted Arabic-language sources from private manuscript collections from Gidatl and the contents of the collections from the Collection of Oriental Manuscripts of the Institute of Archeology and Ethnography of the DFRC RAS. In addition to that, it is necessary to mention the private and mosque manuscript collections of Dagestan. In total, the authors have attracted more than 2000 works in their work. This study undoubtedly occupies a worthy place along with other works devoted to the life and work of Ibrahim-Hajji al-Uradi.

Keywords: East Caucasus; Dagestan; Caucasian studies; historical sources; Ibrahim-Hadzhi from Urada; review.

Многолетний и кропотливый труд авторов коллективной монографии посвящён знаменитому учёному, руководителю известного в Дагестане мадраса, блестящему знатоку исламского права и грамматики аварского языка, автору стихов на аварском, богослову, идеологу борьбы дагестанцев с Надир-шахом, кадию Гидатля Ибрагим-хаджи.

В последние годы в исторической науке прослеживается повышенный интерес к личности Ибрагима-хаджи ал-Уради. Его общественно-политической жизни, научному наследию посвящен ряд монографий и научных статей. В 2012 г. вышла в свет монография Т.М. Айтберова «Ибрагим-хаджи ал-Уради (XVIII в.): новые страницы биографии» [1], а в 2014 г. – «Каталог арабских рукописей. Коллекция Хаджи Ибрагима Урадинского», подготовленный А.Р. Шихсаидовым [2]. В 2015 г. была опубликована монография М. Гаджиева на аварском языке «Учёный Ибрагим-хаджи и его потомки» [3]. Рукописному наследию Ибрагима-хаджи ал-Уради посвящены статьи А.Р. Шихсаидова [4; 5]. И наконец, в 2017 г. Т.М. Айтберовым были опубликованы три письма, авторство которых приписывается Ибрагим-хаджи ал-Уради [6; 7]. Настоящее исследование по праву заняло достойное место на ряду с другими трудами посвященных жизни и деятельности Ибрагима-хаджи ал-Уради.

Авторы с благодарностью отмечают неоценимую помощь и поддержку М.Н. Гаджиева – прямого потомка родного брата Ибрагима-хаджи – Абдурахмана (Дарха) ал-Уради, при выявлении рукописных коллекций и уточнении различных деталей библиографии учёных этой династии.

Одна из сильных сторон монографии – богатая документальная база, которая, на первый взгляд, как бы усложнила работу. Однако изучение истории Восточного Кавказа XVIII в. имеет большое научное значение с точки зрения более глубокого и всестороннего исследования исторических, геополитических и экономических процессов во внешней политике России.

Новизна монографии состоит в том, что впервые в современном кавказоведении введены в научный оборот новые источники и архивные материалы. Они помогают увидеть более полную картину событий Восточного Кавказа и всего региона в целом второй половины XVIII в. Так, авторами впервые использованы грузинские источники, которые ранее были известны лишь на языке оригинала. Также впервые были привлечены иранские и турецкие источники XVIII в., которые помогли пролить свет на ряд военно-политических событий данного периода. Для полного освещения истории Восточного Кавказа в исследуемый период авторами были привлечены арабоязычные источники из частных рукописных собраний из Гидатля и содержание коллекций Фонда восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. К проделанной работе нужно прибавить частные и мечетские рукописные коллекции Дагестана и в общей сложности авторами введены в научный оборот более 1600 рукописей (более 2000 единиц сочинений).

В структурном отношении работа состоит из введения, двух глав, приложения, списка литературы, а также списка основных вех биографии Ибрагима-хаджи.

Во введении авторы коротко обрисовывают научный и политический образ Ибрагима-хаджи в научной литературе XIX–XXI вв., а также представлены и обоснованы хронологические рамки исследования. Временные рамки монографии охватывают период с начала XVIII в. до смерти Ибрагима-хаджи ал-Уради.

Авторы условно разделили его жизнь на несколько этапов, связанных с его деятельностью. Первый период биографии Ибрагима-хаджи ал-Уради, по сути, тот временной промежуток, когда с распадом Сефевидской державы развернулось противостояние дагестанских народов иранской экспансии на Восточном Кавказе. Одним из организаторов этой борьбы (с 1734 по 1747 гг.) стал Ибрагим-хаджи.

Второй период политической деятельности Ибрагима-хаджи охватывает менее двух десятилетий (с 1747 по 1761 гг.) и связан с историей борьбы аварской государственности (т.н. Джарской республики) против царя Ираклия II. Дело в том, что с распадом государства Надир-шаха в Закавказье появились несколько самостоятельных административно-политических единиц – ханств, султанств и т.д. Одним из ключевых центров в регионе стало Картли-Кахетинское царство, которое стремилось к гегемонии в Закавказье. С этой целью грузинскому царю Ираклию II удалось подчинить себе Ереванское, Гянджинское ханства и ряд других политических образований и устремиться к Алазанской долине, где свою государственную самобытность продолжали отстаивать аварцы. Именно с именем Ибрагима-хаджи ал-Уради связана борьба Джарской республики с грузинской агрессией, и во многом именно благодаря Ибрагиму-хаджи удалось сохранить независимость этого края.

После 1761 г. наступает третий этап деятельности Ибрагима-хаджи, когда он отходит от политических дел, сосредотачивая все свои силы и ресурсы на науке и богословии.

Первая глава монографии носит название «Ибрагим-хаджи ал-Уради: биография и творческое наследие» и состоит из одиннадцати тематических подразделов или параграфов. В первом из них представляется историко-географическая характеристика союза общин Гидатля и Урады [8, с. 13–15].

Несмотря на то, что ислам в Гидатль проник ещё в 70-х гг. XV в., в Ураде, как и в целом в Нагорном Дагестане, новая вера начинает укреплять свои позиции в XVII в., когда там складывается сеть мадраса для подготовки квалифицированных кадров. Это стало возможным благодаря деятельности кадиев, среди которых был отец Ибрагима-хаджи – Мухаммад-хаджи ал-Уради. Усиление позиций ислама привело к противостоянию между сторонниками адата и шариата. По мнению авторов, процесс внедрения законов шариата в Гидатле происходил ещё при отце Ибрагима-хаджи, но значимых результатов не было

достигнуто. Однако авторы книги, ссылаясь на ряд вводимых ими в научный оборот документов, показывают, что семья Ибрагима-хаджи ещё во второй половине XVII в. выделялась в Ураде своими знаниями и активной деятельностью по расширению влияния Гидатля [8, с. 19]. Однако процесс замены традиционного дагестанского права шариатом протекал не гладко. Именно этой теме посвящён следующий раздел книги: «Становление института кадиев в Гидатле (конец XVII–VIII вв.)» [8, с. 16–27].

«Генеология фамилии *Дархалал* – XVII–XX вв.» [8, с. 27–33], так называется четвёртый параграф коллективной монографии и, обращаясь к биографии Ибрагима-хаджи и его фамилии, названной Назиром из Дургели «Домом науки», авторы подробно исследуют её, а также приводят генеалогическое древо Ибрагима-хаджи из Урады и всего «Дома науки». В «Биографии алимов из урадинского «Дома науки»» [8, с. 34–51], авторы, опираясь на широкий круг рукописных источников, анализируют биографии всех алимов этой семьи, начиная с деда Ибрагима-хаджи – Али-хаджи – знатока исламского права, одного из авторитетных алимов Дагестана XVII в.

В разделе «К вопросу о родстве Ибрагима-хаджи и имама Газимухаммада» [8, с. 51–56], авторы пытаются ответить на один из спорных вопросов дагестанской историографии о том, был ли первый имам Дагестана и Чечни Газимухаммад из Гимры потомком Ибрагима-хаджи ал-Уради. К сожалению, изучив все имеющиеся под рукой письменные материалы, исследователи пришли к выводу, что однозначного ответа на вопрос о предках имама Газимухаммада нет. Однако с уверенностью можно утверждать, что его предки имели гидатлинские корни и были связаны родственными узами с Ибрагимом-хаджи [8, с. 56].

В шестом параграфе – «Али-паша Дагистани: к вопросу о судьбе Али – брата Ибрагима-хаджи» [8, с. 56–61] – авторы стремятся дать ответ на вопрос о судьбе второго сына Мухаммада-хаджи ал-Уради – Али, брате Ибрагима-хаджи. Оба брата в 1735 г. оказались в Крыму вместе с войсками крымского хана Каплан-Гирея, прибывшего в Дагестан для борьбы с Надир-шахом и вернувшегося обратно по приказу османского султана. Затем братья отправились в Стамбул и с помощью крымского хана добились аудиенции султана, где помощь в борьбе Дагестана с Надир-шахом. В 1736 г. Ибрагим-хаджи возвращается домой, а Али остаётся в Османской империи. Анализируя в основном османские источники, авторы констатируют появление в 60-х гг. XVIII в. в османской армии высокопоставленного паши, известного в источниках как «Дагистани Али-паша». В 1770-х гг. Али-паша в качестве губернатора управлял несколькими губерниями Османской империи, пока не впал в немилость султана и был казнён (1780 г.).

В разделе «Научная биография Ибрагима-хаджи» авторы подробно останавливаются над образами учителей, коллег и учеников кадия Гидатля [8, с. 61–76].

В разделе «Рукописная коллекция Ибрагима-хаджи» [с. 77–81] приводится краткое описание рукописной коллекции Ибрагима-хаджи ал-Уради – одной из самой старой рукописной коллекции Дагестана. Самой старой считается

рукопись XII в., а самая поздняя датируется XX в. По словам авторов, рукописи хронологически распределяются так: XV–XVI вв. – 8 рукописей, XVII в. – около 25, XVIII в. – около 60, XIX – несколько рукописей, которые дополнили его библиотеку уже после смерти. Некоторая часть рукописей не датирована, и авторы относят их к XVIII в. [8, с. 77–81].

Авторами проводится обширный анализ фетв Ибрагима-хаджи из Урады [8, с. 82–100].

В параграфе «О паломничестве Ибрагима-хаджи ал-Уради в Мекку» [8, с. 101–106] на основе полевых записок кадия из Гидатля и по данным письменных источников авторам удалось установить, что он четырежды совершил хадж: в 1731, 1743, 1761 и 1769 гг., и «можно утверждать, что Ибрагим-хаджи оказался первым не только по количеству совершённых паломничеств, но и по добросовестному исполнению всех предписаний данного обряда. Эти факты нагляднее всего характеризуют личность Ибрагима-хаджи» [8, с. 106].

«Последний путь Ибрагима-хаджи ал-Уради», так называется последняя часть первой главы коллективной монографии [8, с. 107–111]. Авторы, сопоставив ряд письменных источников и эпитафий, пришли к выводу, что Ибрагим-хаджи в 1768 г. отправился в хадж, чтобы остаться в Мекке и быть похороненным в священном для мусульман городе. Однако, получив известие от жены о смерти своих сыновей, он возвращается в Дагестан. Из-за распространившейся в Гидатле чумы Ибрагим-хаджи останавливается на хуторе недалеко от Урады. Вскоре он навещает своих знакомых в Гидатле, где заражается чумой и умирает (1770 г.), пережив трех своих сыновей [8, с. 110–111].

Основная идея второй главы монографии, которая состоит из девяти подразделов, отчасти раскрыта в самом её названии – «Военно-политическая история Восточного Кавказа в XVIII в.» [8, с. 112–299]. В данной главе авторы на базе источников реконструируют политическую историю Восточного Кавказа в 20–60-х гг. XVIII в. и раскрывают яркую политическую личность Ибрагима-хаджи – активного участника борьбы за освобождение Дагестана от иранского владычества и тонкого дипломата в непростых отношениях с грузинским царем Ираклием II.

В первом подразделе второй главы с названием «Политика Сефевидской империи на Кавказе в конце XVII – нач. XVIII в.» [8, с. 112–115] рассматриваются причины антииранских выступлений вследствие ослабления Сефевидской державы в указанный период. Авторы справедливо замечают, что конфронтация между суннитами Восточного Кавказа и шиитскими властями усугублялась в силу политического господства иранцев над суннитским населением. На защиту интересов суннитов Дагестана первыми встали аварцы Цора [8, с. 115]. Военно-политической и экономической роли Джарской республики (исторический Цор) в начале XVIII в. посвящён второй подраздел с одноименным названием [8, с. 112–115].

Следующий раздел называется «Военно-политическая активность дагестанцев в Ширване и Грузии». Здесь раскрывается военно-политическая роль

дагестанцев в судьбоносных для всего региона 20-х гг. XVIII в. – от антииранских выступлений до падения государства Сефевидов и персидского похода Петра I [8, с. 119–133].

«Противостояние экспансии Османской империи (1724–1733 гг.)», так называется очередной параграф второй главы монографии [8, с. 134–152]. С момента ввода османских войск в Грузию и вплоть до 1734 г. её территория была разделена на сферы влияния между османской империей и дагестанцами. Так, первые захватили Тбилиси (в Картли), а вторые взяли под контроль Джарской республики Кахетию. В первой половине 1730-х гг., когда Тахмаспули-хану (будущему Надир-шаху) удалось вернуть у русских провинцию Гилян мирным путем (Рештский договор 1732 г.), османы заручились поддержкой дагестанцев, в частности, Сурхай-хана Газикумукского и кадия Гидатля. Авторы дают логичное объяснение протурецкой политике Сурхай-хана и гидатлинцев. Дело в том, что если ханом двигали прежде всего «политические соображения», то кадию, как истинному представителю религиозной элиты, «представлялось закономерным, что все мусульмане-сунниты должны поддерживать султана Османской империи» [8, с. 149–150]. В 1733 г. по приказу османского султана Сурхай-хан совершил карательный поход против джарцев и в результате был втянут в противостояние с Умма-ханом Аварским и Джарской республикой. Авторы, ссылаясь на письмо Ибрагима-хаджи предполагают, что именно в это время произошёл крупный поход дагестанцев против чеченских обществ. Целью похода были горцы юго-западной Чечни, где жители на тот момент не являлись мусульманами. «Поскольку эти чеченские общества на границе с Ингушетией и Грузией приняли ислам в XVIII в., нельзя исключать того факта, что в этом процессе приняли участие и гидатлинцы во главе с Ибрагимом-хаджи», – резюмируют авторы [8, с. 152].

В истории Дагестана годы с 1734 г. по 1741 г. отличаются многолетним противостоянием с Надиром, который упорно старался покорить край, но в результате трёх военных походов не добился успеха. Именно этим историческим событиям посвящена значительная часть второй главы коллективной монографии [8, с. 153–231]. Ключевыми источниками исследования послужили дагестанские, грузинские, иранские (особенно труд Махди-хана Астарабади) и османские первоисточники, которые позволили реконструировать военно-политические события, более чётко представить борьбу дагестанцев с иноземными властителями и подчеркнуть особую роль Ибрагима-хаджи.

После разгрома в 1741 г. Надир-шах совершил карательный рейд в Аварию, но благодаря организаторскому таланту таких руководителей, как Ибрагим-хаджи из Урады, дагестанцы смогли противостоять иранским полчищам в 1742 г. Последний поход в Дагестан Надир-шах совершил в 1745 г. но и он оказался неудачным, после чего шаха постигла депрессия. Внутриполитическая нестабильность в Иране, а с другой стороны, длительная борьба дагестанских народов, поглотившая огромные людские и материальные ресурсы,

спровоцировали скорейший развал империи. После смерти Надир-шаха (1747 г.) грузинские цари начали военные действия против Джарской республики. По задумке Сурхай-хана и с поддержкой Шекинского и Шемахинского ханов намечалось построить военный городок в низовьях реки Алазани. Авторы монографии полагают, что эту мысль поддержал и Ибрагим-хаджи. Известно, что в силу ряда обстоятельств эта идея не была реализована.

Следующий раздел коллективной монографии – «Итоги кампании Надир-шаха в Дагестан или крах «Грозы Вселенной»» – посвящён 13-летнему противостоянию горцев с Надир-шахом [8, с. 232–252].

В параграфе «Эпоха свободного Кавказа» [8, с. 252–299] авторы раскрывают многолетнюю борьбу Дагестана с бывшим вассалом Надир-шаха грузинским царём Ираклием II. Именно Ибрагиму-хаджи к концу 1750-х гг. удалось нейтрализовать «грузинскую» угрозу и обеспечить относительный мир для Дагестана. После объединения Картлии и Кахетии (1762 г.) Ираклий переключается на экономическое развитие своей страны, а процесс нормализации отношений с Аварским нучальством затронул и Гидатль. Это позволило Ибрагиму-хаджи ал-Уради переключиться с военно-политических дел к научно-образовательной деятельности. В 1761 г. он совершает хадж, а после 1762 г. от общественно-политических дел. Относительно дружественные отношения между дагестанцами и Грузией сохраняются в 1768-1770 гг., в момент начала русско-турецкой войны. Страшная эпидемия чумы в 1770-1771 гг. унесла жизни 2/3 населения Гидатля, в том числе и Ибрагима-хаджи ал-Уради.

Монография снабжена приложениями, которые являются важной и неотъемлемой частью книги. Это выдержки из арабоязычных источников XVIII–XX вв. об Ибрагиме-хаджи, эпитафии его родственников, пассажи из многочисленных нарративных источников, колофоны, записки, завещания, карманный справочник Ибрагима-хаджи, стихотворные произведения на аварском и арабском языках. Коллективный труд оснащён многочисленными иллюстрациями и фотографиями (иногда авторскими) к приложениям и основному тексту.

В заключении необходимо сказать и о небольших недостатках. Отметим, что в оглавлении некоторых параграфов 2-ой главы монографии даты указаны неверно [8, с. 153, 173, 189]. Скрупулёзная работа, проделанная авторами, несомненно, оказалась бы в выигрыше, если бы в конце книги были помещены индексы – списки личных имён и географических названий, что позволило бы читателю быстрее ориентироваться в водовороте документального и информационного материала.

Отмеченные недочёты, однако, не снижают научного и практического значения коллективной монографии. Представленная на суд читателя книга – значимое событие для кавказоведения и будет полезна не только учёным-кавказоведам, востоковедам и студентам, изучающим историю Дагестана и Кавказа, но и самому широкому кругу читателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Айтберов Т.М., Ибрагим-хаджи Урадинский (XVIII в.). Новые страницы биографии. Махачкала: АЛЕФ (Овчинников М.А.), 2012, 240 С.
2. Шихсаидов А.Р., Каталог арабских рукописей. Коллекция Хаджи Ибрагима Урадинского. Отв. ред. А.Р. Наврузов; ИИАЭ ДНЦ РАН. – Махачкала: МавраевЪ, 2014, 384 С.
3. Хаджиев М., Гурадаса галим Ибрагим-хаджи ва гьесул насулал. Махачхъала, 2015, 248 гъ (на авар. яз.).
4. Шихсаидов А.Р., Ибрагим Урадинский и его рукописная коллекция // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2015. No. 4 (44). С. 9-13.
5. Шихсаидов А.Р., Рукописная коллекция Хаджи Ибрагима из Урады (предварительное сообщение) // Pax Islamica. 2011. No. 2 (7). – С. 196-207.
6. Aytberov T. On the Third Dagestani Campaign of Nadir Shah Afshar (1741): The Letters of Ibrahim of Urada // Iran and the Caucasus 21 (2017). Pp. 381-388.
7. Айтберов Т.М., О некоторых важных моментах третьего дагестанского похода Надир-шаха Афшара (1741 год) (По текстам посланий Ибрагима Урадинского) // Caucaso-Caspica Труды Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета Вып. II-III (2017-2018); Под ред. Г. Асатрян. Ереван: Издательство РАУ, 2018. С. 53-63.
8. Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г., Ибрагим-хаджи из Урады (1701-1770) и его эпоха: очерки истории и жизни. Махачкала: 2021. 552 с.
1. Aytberov T. *Ibrahim-Haji from Urada (18th century). New pages of biography. [Ibrahim-Khadzhi Uradinsky (XVIII v.). Novie stranitsi biografii]*. Makhachkala: ALEF (Ovchinnikov M.A.), 2012.
2. Shikhsaidov A. *Catalog of Arabic manuscripts. Collection of Hajji Ibrahim Uradinsky [Katalog arabskikh rukopisey. Kolleksiya Khadzhi Ibragima Uradinskogo]*. A.R. Navruzov (ed.). IHAЕ DSC RAS, Makhachkala: Mavraev Publ., 2014.
3. Gadzhiev M. *Scholar Ibrahim-haji from Urada and his descendants [GIuradasa gIalim Ibrahim-hIazhi wa gyesul nasulal]*. Makhachkala: Yupiter, 2015. [in Avar].
4. Shikhsaidov A. Ibrahim Uradinsky and his manuscript collection [Ibragim Uradinskiy i ego rukopisnaya kolleksiya]. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2015, 4(44): 9–13.
5. Shikhsaidov A. *Manuscript Collection of Haji Ibrahim of Urada (Preliminary Report) [Rukopisnaya kolleksiya Khadzhi Ibragima iz Urady (predvaritel'noe soobshchenie)]*. Pax Islamica. 2011, 2(7): 196–207.
6. Aytberov T. On the Third Dagestani Campaign of Nadir Shah Afshar (1741): The Letters of Ibrahim of Urada. *Iran and the Caucasus*. 2017, 21: 381–388. [in English].
7. Aytberov T. Some Important Moments of the Third Dagestan Campaign of Nadir Shah Afshar (1741) [O nekotorigh vazhnikh momentakh tret'ego dagestanskogo pokhoda Nadir Shakha Afshara (1741 god)]. *Caucaso-Caspica*, 2018. p. 53–63.
8. Khapizov ShM, Shekhmagomedov MG, Shekhmagomedov MG. *Ibrahim-Haji of Urada (1701-1770) and his era: studies on history and life [Ibragim-hadji iz Uradi (1701-1770) I ego epokha: ocherki istorii I zhizni]*. Makhachakala, 2021.

Рецензия поступила в редакцию 04.09.2021 г.

Рецензия принята в печать 02.10.2021 г.

Научное издание

Литературный редактор
Л.Ш. Капланова

Переводы на английский язык
М.Р. Сефербеков

Подписано в печать 10.10.2021. Формат 60x84 1/8
Гарнитура Georgia.